

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**«ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ»:
общество и власть в Среднем Поволжье
(вторая половина XVI – начало XX в.)**

Часть 1

Очерки истории

*Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве монографии*

Под редакцией П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой

Самара
Издательство «Самарский университет»
2013

УДК 947.072:083.72
ББК 63.3(2)45–52
О24

Р е ц е н з е н т ы :

д-р ист. наук, проф. В.В. Кондрашин,
д-р ист. наук, проф. В.Н. Данилов

Научный руководитель проекта д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов

А в т о р ы :

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева, Л.М. Артамонова,
Н.Н. Кабытова, З.М. Кобозева, М.И. Леонов,
Ю.Н. Смирнов, Н.Ф. Тагирова, В.А. Тюрин

О24 **«Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Очерки истории: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 360 с.**

ISBN 978-5-86465-

Данная книга продолжает цикл монографических исследований самарских ученых, посвященных развитию Средневожского региона в контексте формирования российской государственности во второй половине XVI – начале XX в. В монографии предпринята попытка определить ключевые особенности вхождения южных территорий Среднего Поволжья в состав Московского царства; рассмотреть основные вехи государственной политики, направленной на преобразование фронтального пограничного пространства во «внутреннюю окраину» Российской империи. Особое внимание уделено процессам административно-территориального строительства на территории региона, возникновению и эволюции здесь систем местного управления и самоуправления, их практической деятельности.

Предназначена для преподавателей высших и средних специальных заведений, студентов, краеведов и всех интересующихся историей отечества.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

УДК 947.072:083.72
ББК 63.3(2)45–52

ISBN 978-5-86465-

© Авторы, 2013
© Самарский государственный университет, 2013
© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2013

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**«ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ»:
общество и власть в Среднем Поволжье
(вторая половина XVI – начало XX в.)**

Часть 1

Очерки истории

*Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве монографии*

Под редакцией П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой

Самара
Издательство «Самарский университет»
2013

УДК 947.072:083.72
ББК 63.3(2)45–52
О24

Р е ц е н з е н т ы :

д-р ист. наук, проф. В.В. Кондрашин,
д-р ист. наук, проф. В.Н. Данилов

Научный руководитель проекта д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов

А в т о р ы :

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева, Л.М. Артамонова,
Н.Н. Кабытова, З.М. Кобозева, М.И. Леонов,
Ю.Н. Смирнов, Н.Ф. Тагирова, В.А. Тюрин

О24 **«Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.).** Часть 1. Очерки истории: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 360 с.

ISBN 978-5-86465-

Данная книга продолжает цикл монографических исследований самарских ученых, посвященных развитию Средневожского региона в контексте формирования российской государственности во второй половине XVI – начале XX в. В монографии предпринята попытка определить ключевые особенности вхождения южных территорий Среднего Поволжья в состав Московского царства; рассмотреть основные вехи государственной политики, направленной на преобразование фронтального пограничного пространства во «внутреннюю окраину» Российской империи. Особое внимание уделено процессам административно-территориального строительства на территории региона, возникновению и эволюции здесь систем местного управления и самоуправления, их практической деятельности.

Предназначена для преподавателей высших и средних специальных заведений, студентов, краеведов и всех интересующихся историей отечества.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

УДК 947.072:083.72
ББК 63.3(2)45–52

ISBN 978-5-86465-

© Авторы, 2013
© Самарский государственный университет, 2013
© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава I. Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности: пути изучения	7
1. «Обретение родины»: к постановке проблемы	7
2. История Юго-Востока Европейской России середины XVI – начала XX в. в отечественной и зарубежной историографии	24
3. Источниковедческие аспекты изучения региональной истории	49
4. Территориальные границы и природно-климатические условия Среднего Поволжья и Заволжья	78
Глава II. Государственное строительство в регионе во второй половине XVI – начале XX в.	112
1. Присоединение Среднего Поволжья и Заволжья и начальный этап государственного строительства в регионе (вторая половина XVI – начало XVIII в.)	112
2. Эволюция государственного управления и административных структур (от временных комиссий 1730-х годов до «внутренней» губернии империи середины XIX в.)	134
3. Основные направления государственной политики в регионе во второй половине XIX – начале XX в.	165
Глава III. Становление и деятельность системы местного управления на Средней Волге и в Заволжье во второй половине XVI–XIX вв.	209
1. Становление и функционирование системы местного управления от присоединения Среднего Поволжья и Заволжья к России до начала Петровских реформ	209
2. Местные власти и органы самоуправления в регионе с XVIII столетия до середины XIX века	225
3. Структура и деятельность органов местного управления в пореформенный период (вторая половина XIX в.)	258
Приложения к главе III	289
Глава IV. Губернская администрация и местное самоуправление в Среднем Поволжье и Заволжье в период революций и Первой мировой войны	306
1. Деятельность местного самоуправления и администрации в регионе накануне и в годы революции 1905–1907 гг.	306
2. Коронная администрация, земское и городское самоуправление в годы думской монархии (1907–1917 гг.)	325
3. Власть и местное самоуправление поволжских губерний в 1917 г.	339
Заключение	355

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается коллективная монография «“Обретение родины”: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX вв.)». Данная книга является первой частью двухтомного издания, разрабатываемого в рамках выполнения Федеральной целевой программы «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Территориальные рамки предлагаемого исследования охватывают обширные пространства южных лесостепных районов Среднего Поволжья и Заволжья как особой составной части Юго-Востока Европейской России. В границах современного административно-территориального деления сюда входят Самарская, Ульяновская области; северная часть Саратовской, восточная часть Пензенской, западная – Оренбургской областей; юго-восточная (закамская) – Республики Татарстан, юго-западная – Республики Башкортостан; западные (прилегающие к р. Урал) территории Казахстана.

Характерной особенностью изучаемого региона являлось то, что до середины XVI в., времени присоединения к Московскому государству, на его территории не сложилось сколько-нибудь устойчивых структур оседлого постоянного расселения. Исторически, в течение многих столетий, это было пространство летних кочевий степных народов и промысловой сезонной деятельности коренного автохтонного населения Среднего Поволжья. Только после осуществленного военно-государственными методами вхождения всего европейского Юго-Востока в состав России здесь складываются предпосылки для медленного поэтапного промыслово-земледельческого освоения «дикого поля», включения его в административно-территориальную систему страны.

Эволюция вновь присоединенного пространства от состояния пограничной фронтальной территории до «внутренней окраины» Российской империи шла в рамках постоянного взаимодействия власти и общества. Современные исследователи справедливо считают, что «в настоящее время противопоставлению правительственной и вольной колонизации все чаще приходит на смену мнение об их органической связи; в целом для практики освоения “украин”

в XVI – XVII вв. характерно тесное переплетение различных колониционных форм, их постоянное взаимодействие»¹.

В различные периоды государственное, экономическое и социокультурное вхождение новых территорий в состав России на юге и юго-востоке европейской части страны происходило по-разному, приобретая свои оригинальные черты. В частности, процесс освоения лесостепных южных районов Среднего Поволжья, формирования здесь постоянного разноэтнического и поликонфессионального населения для всех народов, его заселяющих, шел практически одновременно. В основном они приходили на пустынные, в их понимании «порозжие», земли. Для различных национальных и конфессиональных групп переселенцев происходил своеобразный процесс «обретения Родины». Все они оказались в примерно равных условиях переселенцев-новоселов, осваивающих плодородные земли своей новой Родины.

В процессе освоения всего этого огромного пространства одна из важнейших ролей принадлежала государству. Следует согласиться с мнением выдающегося российского историка, академика Л.В. Милова, констатировавшего «...необычайную активность Русского государства в области создания так называемых “всеобщих условий производства”»². На протяжении длительного периода разрабатывалась и воплощалась в реальную политику доктрина поглощения и освоения новых территорий, превращения их из пространства с военизированным населением, опирающимся на города-крепости и протяженные оборонительные линии, в регионы сначала промыслового, а затем земледельческого освоения с развитой инфраструктурой сельского и городского расселения. Формирование социальной структуры, административно-территориальной и управленческой систем, сходных с существовавшими в центральных районах Российской империи, оказалось длительным процессом, который шел вплоть до начала XX в. События 1917 г. подвели черту под предшествующим развитием российской государственности, создав в стране принципиально новую расстановку социальных и политических сил, иную систему взаимоотношений власти и общества.

¹ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. Т. 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 405.

² Миллов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561.

Именно поэтому первая часть данного издания посвящена концептуальному осмыслению проблем освоения пограничных территорий и превращения их во внутреннюю окраину страны, историографическим и источниковедческим аспектам изучения этого процесса, и прежде всего исследованию особенностей государственного строительства на Юго-Востоке Европейской России, создания и эволюции здесь систем местного управления и самоуправления, их повседневной практической деятельности.

В работе над настоящим изданием участвовал авторский коллектив преподавателей и научных сотрудников Самарского государственного университета. Предисловие: П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева. Глава 1: параграф 1 – П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева; параграф 2 – П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, Н.Н. Кабытова, З.М. Кобозева, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева, Ю.Н. Смирнов, В.А. Тюрин; параграф 3 – П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, Н.Н. Кабытова, З.М. Кобозева, М.И. Леонов, Ю.Н. Смирнов, В.А. Тюрин; параграф 4 – П.С. Кабытов. Глава 2: параграф 1 – Э.Л. Дубман; параграф 2 – Ю.Н. Смирнов; параграф 3 – П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева, Н.Ф. Тагирова. Глава 3: параграф 1 – Э.Л. Дубман; параграф 2 – Л.М. Артамонова, Ю.Н. Смирнов; параграф 3 – В.А. Тюрин; приложения – Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин. Глава 4: параграфы 1 и 2 – М.И. Леонов; параграф 3 – Н.Н. Кабытова. Заключение: П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева

ГЛАВА I.

СРЕДНЯЯ ВОЛГА И ЗАВОЛЖЬЕ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ

1. «ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Российская государственность и цивилизация исторически складывалась как общность регионов с различным уровнем социально-экономического развития, уникальным историческим опытом и традициями, гетерогенным этноконфессиональным и социокультурным составом населения. В силу этого особую важность традиционно имела проблема поиска оптимальных моделей интеграции регионов страны, соотношения общероссийских, региональных и этнокультурных ценностей, ментальностей, формирования чувства общности, причастности граждан к судьбе как «большой», так и «малой» Родины.

Решение этой задачи и в наши дни невозможно без обращения к историческому опыту. Современная наука пришла к осознанию необходимости построения многомерных моделей исторического развития, охватывающих обширные регионы на протяжении периодов «большой длительности» (до нескольких веков) и учитывающих взаимовлияние географических, социокультурных, социально-экономических, политических и этноконфессиональных факторов¹. Такое изучение направлено на выявление ресурсов стабильности и возможных «точек хрупкости» крупных геополитических образований.

Особую актуальность указанная проблематика приобретает в исследовательской работе отечественных историков, поскольку для российских государства и социума фактор освоения новых территорий являлся определяющим на протяжении едва ли не всего исторического прошлого, особенно в периоды интенсивной модернизации, перехода от традиционного общества к обществу современному. Этот тезис, впервые в обобщенной форме сформулированный С.М. Соловьевым², в чеканную, классическую форму перевел В.О. Ключевский, заявивший: «История России есть история страны, которая колонизируется». При этом, подчеркивал историк,

с каждым новым переселением под влиянием «физических особенностей новозанятого края» и «новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах», изменялись «формы общежития», а народная жизнь получала «особое направление, особый склад и характер»³.

Значимость процессов расселения, государственного и хозяйственного освоения огромного пространства Евразии, трансляции цивилизационных моделей и взаимодействия культур в меняющемся мире ни в коем случае нельзя преуменьшать. Процесс медленного, последовательного освоения огромного пространства от границ с Польшей до Урала, а затем Сибири включительно растянулся на несколько столетий, с середины XVI до начала XX века: со времени существования традиционного аграрного общества до эпохи интенсивной капиталистической модернизации. В осваиваемых, колонизирующихся регионах Российского государства складывался новый тип общества, где модели, транслируемые из центра, вступали в сложное и гибкое взаимодействие с местными особенностями и традициями, с потребностями и интересами населения «окраин»⁴.

Именно поэтому историческое становление цивилизационного пространства современной России необходимо исследовать на примере различных ее территорий с учетом исторических изменений их социокультурного облика и внутриимперского статуса. Исследовательская модель «вызов-ответ» предполагает изучение не только колонизирующего воздействия имперского центра на окраины, но и обратного влияния процессов, разворачивавшихся в провинции на ситуацию в российской метрополии. Стремление коронной администрации нивелировать процессы, происходившие на окраинах, привести их к единому знаменателю, характерному для «старых» районов страны, и реакция на такую политику населения фронта создавали самые различные модели взаимодействия и взаимовлияния. Они могли осуществляться в разных формах и в отдельных случаях набирать такую энергию «противодействия», что ее реализация способна была буквально разнести существующую в данный момент имперскую систему. Подобные кризисы наблюдались в XVII–XVIII в. (Смутное время, Разинщина, Пугачевщина)⁵. При этом важно учитывать множественность акторов исторического процесса на каждой имперской окраине: государство, его органы и институты, национальные движения (элитные и массовые), политические и общественные организации, локальные сообщества, исследуя процесс их взаимодействия, выявляя логику и мотивацию их поведения и реакций на обстоятельства и действия других акто-

ров⁶. Все это позволит определить важнейшие параметры исторического развития региона как *общей родины* его населения; выявить совокупность признаков, свидетельствующих о складывании на его территории целостной социокультурной общности; реконструировать механизм «врастания» региона в общероссийское социальное, экономическое, культурное пространство⁷.

В центре предлагаемого вниманию читателей коллективного исследования – характер и особенности социально-экономического, административно-политического и культурного развития Средней Волги и Заволжья в составе Российского государства; формирование своеобразного демографического, этноконфессионального, социокультурного облика населения региона в контексте развития российской цивилизации. Основная научная проблема, решаемая в рамках данного проекта, состоит в выявлении и изучении составляющих сложного и неоднозначного процесса «обретения Родины» на примере указанного региона. Под данным термином понимается комплекс взаимосвязанных процессов, изучение каждого из которых составляет самостоятельную исследовательскую задачу:

– влияние природно-географических условий региона на историческое развитие территории в эпохи позднего Средневековья и Нового времени и степень влияния антропогенного фактора на изменение этих условий;

– государственная политика по включению территории Средней Волги и Заволжья в политическую, экономическую и социокультурную систему отношений формирующейся империи;

– формирование системы местного управления регионом и его административно-территориального деления с учетом их исторической эволюции и меняющегося геополитического контекста; эволюция институтов управления и самоуправления, способов взаимодействия центральных и местных элит;

– колонизационные процессы и важнейшие миграционные потоки на изучаемой территории, специфика складывания полиэтничного и поликонфессионального населения региона, типология и локальные варианты системы сельского и городского расселения;

– развитие сословно-классовой структуры сельского и городского населения в контексте экономического развития колонизируемого региона во второй половине XVI – начале XX в.; правовое и социально-экономическое положение отдельных групп населения, их взаимоотношения друг с другом, а также с центральной и местной властью;

– формирование социальных практик, бытового и хозяйственного поведения, административно-управленческих механизмов и

практик самоуправления местного социума; стратегий повседневного поведения в условиях стабильного развития и социально-политических кризисов;

– становление социокультурного облика населения региона в исторической динамике; особенности ментальности, поведенческих стереотипов различных социальных и этноконфессиональных групп жителей Средней Волги и Заволжья; идеология и повседневные практики толерантности;

– формирование региональной идентичности, «мест памяти», осознание социально-психологической и исторической общности на внутрирегиональном и общероссийском уровне, многообразие форм его отражения в региональной культуре, в образовательной политике и научно-просветительской деятельности.

Изучение этих многомерных, неоднозначных, переплетающихся процессов применительно к истории одного из крупных регионов нашей страны способно дать исследователям ключ к пониманию более масштабных – «мир-системных» исторических перемен, разворачивавшихся на имперском или даже континентальном уровнях.

Территориальные рамки предлагаемого исследования охватывают обширные пространства Средней Волги и Заволжья как особого региона европейской России. В границах современного административно-территориального деления сюда входят Самарская, Ульяновская; северная часть Саратовской, восточная часть Пензенской, западная – Оренбургской областей; юго-восточная (закамская) – Республики Татарстан, юго-западная – Республики Башкортостан; западные (прилегающие к р. Урал) – территории Казахстана.

Поставленная проблема в рамках единого обширного региона, охватывающего Среднее Поволжье и Заволжье как составную часть Юго-Востока Европейской России, в отечественной и зарубежной историографии практически не изучалась. В то же время анализ вышедшей в последние годы литературы, где, в частности, рассматриваются и проблемы истории данных территорий в составе России, показал, что интерес к региональной тематике и попытки увязать ее с общероссийскими и мировыми проблемами получают новые импульсы. В значительной степени это связано с формированием новой методологии исторических исследований. Так, ключевые социально-экономические проблемы развития российского общества в условиях модернизационных процессов XIX – начала XX века получили освещение в исследованиях Б.Н. Миронова, представляющих несомненный интерес как с концептуальной, так и с методологической точки зрения⁸.

Одним из актуальных направлений исторической науки стало изучение истории Российского государства *как империи* – многонациональной и поликультурной целостности. Проблемы гетерогенной структуры Российского государства как континентальной империи, стратегии интеграции имперских окраин в единое политическое, экономическое и социокультурное пространство, неоднозначные взаимоотношения различных этнокультурных групп друг с другом и с властями изучаются в трудах целого ряда исследователей; такие исследования выполняются на примере различных регионов Российской империи – Западных окраин, Северного Кавказа, Центральной Азии, Сибири (С.Н. Абашин, Б.В. Ананьич, И.Л. Бабич, В.О. Бобровников, Л.Е. Горизонтов, М.Д. Долбилов, Г.К. Касьянов, А.И. Миллер, А.В. Ремнев, А.И. Филюшкин и др.)⁹. В числе перспективных методологических подходов к изучению империй, предлагаемых современной наукой, – системный подход к империи как к гетерогенной целостности, где событие в одном из регионов могло отозваться целой цепочкой политических последствий на всем имперском пространстве (пример тому – обобщающий труд А. Каппелера); компаративный подход, основанный на сопоставлении эффективности управленческих стратегий различных империй (пример – работы Д. Ливена, А. Рибера, ряд коллективных исследований); ситуационный подход (изучение политической ситуации в том или ином «спорном пограничье» с учетом сложного переплетения интересов всех взаимодействовавших акторов; преимущества этого подхода обосновываются в монографии А. Миллера)¹⁰.

В национальных образованиях региона (прежде всего, в Республике Татарстан) происходит пересмотр процессов их вхождения и последующего развития в составе России; особенностей государственной, национальной и конфессиональной политики метрополии по отношению к окраинам (С.Х. Алишев, Д.М. Усманова, А.Г. Бахтин, Д.М. Исхаков, Р.Ф. Галлямов, Г.Н. Айплатов, А.Б. Юнусова и др.)¹¹. В областных центрах, прежде всего, в Самаре, Саратове и Ульяновске в последние годы изданы обобщающие монографии, авторы которых вводят в научный оборот широкий круг архивных источников, используют новые концептуальные подходы в изучении Поволжского региона Европейской России, дают оригинальную трактовку взаимоотношений центра и провинции (А.Н. Зорин, П.И. Савельев, Ю.Н. Смирнов, Л.М. Артамонова, Э.Л. Дубман, Н.Ф. Тагирова, М.В. Булычев и др.)¹². В этом плане новейшие исследования российских историков смыкаются с работами зару-

бежных авторов, также ставящих вопрос о специфическом развитии регионов России и в частности ее европейского Юго-Востока в имперский период.

Изучение зарубежной историографии позволяет сделать вывод, что в обобщающих изданиях по истории России, а также в трудах по истории отдельных регионов Российской империи можно выявить оригинальные характеристики взаимоотношений центра и местных сообществ, асимметричности административно-политических структур империи, тенденций территориальной экспансии, опыта управления колонизируемыми пространствами (А. Каппелер, Дж. Хоскинг, А. Рибер, С. Беккер, М. фон Хаген, Р. Суни и др.)¹³. Появились также работы зарубежных исследователей, непосредственно посвященные различным аспектам истории Среднего Поволжья и Южного Приуралья – в основном межэтническим и межконфессиональным отношениям, а также религиозной политике имперских властей в регионе (Р. Джераси, А.С. Доннелли, П. Верт, К. Мацузато, А. Кефели-Клай и др.)¹⁴.

Важное методологическое значение для изучения рассматриваемой проблемы имеет также концепция фронта (пограничной, колонизируемой территории с подвижными границами и полиэтническим составом населения), предложенная еще в XIX в. американским исследователем Д.Тернером¹⁵ и успешно используемая в настоящее время как отечественными, так и зарубежными учеными при изучении колониционных процессов в истории Российской империи в целом (А. Рибер), а также на Северном Кавказе (Т. Барретт, Д.И. Олейников), в Сибири (А.В. Ремнев), в Северном Казахстане, Приуралье и Южной Сибири (М. Ходарковский) и др.¹⁶

Дополнительные методологические аспекты изучения рассматриваемой проблемы можно почерпнуть в появившихся за последние два десятилетия исследованиях по истории идентичности, репрезентаций и саморепрезентаций обитателей Российской империи (А.Л. Зорин, Л. Вульф, Е.А. Вишленкова и др.)¹⁷. Указанные исследования связаны общностью подхода. Коллективная идентичность (национальная, имперская, региональная и др.) понимается в них не как изначальная данность, а как нечто формируемое, как результат интенсивного и многопланового творчества многих акторов (власти, элит, интеллигенции). В центре этих исследований – процесс поиска инструментов коллективной мобилизации, воспитания в обществе чувства групповой солидарности: через дискурсы и политические практики, выстраивание «образа себя» и «образа Другого», формирование структур идентичности.

Существенный опыт изучения истории Среднего Поволжья накоплен к настоящему времени региональными историками. Особое внимание в исторических исследованиях уделялось развитию региона после вхождения его в состав России. Детально изучен процесс хозяйственной колонизации Поволжья, экономической деятельности на его территории государства, дворцового ведомства, церкви и купечества во второй половине XVI — начале XVIII в., специфика промыслового предпринимательства; деятельность государства и общества в освоении Заволжья в 1730-х гг. — середине XIX в., процесс создания новых укрепленных линий, формирования помещичьего землевладения и крестьянской колонизации. Исследован ход становления и развития государственно-административного аппарата, изменения характера его деятельности, переход от военно-административных методов управления к общегражданским. Выявлены направления и интенсивность миграционных процессов на территории региона, формирование ареала его постоянного земледельческого населения, исторические особенности складывания полиэтничного и поликонфессионального населения края¹⁸.

Монографическому изучению подвергнут процесс формирования в XVIII — середине XIX в. административно-территориальной системы в регионе; воссоздания здесь социально-экономических отношений, характерных для центральных районов страны, но со специфическими особенностями вновь осваиваемого края. Детально изучены причины, ход и последствия социальных конфликтов в регионе. Исследована правительственная политика в области развития народного образования в крае начиная с XVIII в., специфика взаимоотношений между властью и обществом в сфере просвещения местного населения, подготовки образованных кадров¹⁹.

Изучено становление на территории Заволжья крупнейшего в России центра товарного зернового производства во второй половине XIX — начале XX в.; выявлена типология капиталистических отношений, складывавшихся в сельском хозяйстве в этот период, специфика эволюции помещичьего и крестьянского хозяйства, особенности формирования рынка; важнейшие характеристики реформирования социально-экономических отношений в поволжской деревне в ходе Великих реформ середины XIX в. и столыпинских преобразований начала XX в. По материалам Среднего Поволжья исследована эволюция форм взаимодействия власти и общества в пореформенную эпоху, социальная структура пореформенного города и деревни, деятельность органов земского и городского самоуправления; практики социального поведения дворянства, мещан-

ства и других сословий провинциального общества, история городской повседневности XIX – первой половины XX в. Выявлен характер социальных и политических процессов в регионе в эпоху русских революций 1905 и 1917 гг., особенности хода гражданской войны в крае, массовых крестьянских восстаний²⁰. На основе изучения исторического развития Поволжья предложено ключевое концептуальное положение – «*внутренняя окраина*» России. Исследователи исходят из того факта, что в течение XVI – начала XX в. шел непрерывный процесс интеграции региона в общероссийское политическое и социально-экономическое и культурное пространство. Одновременно, с начала XVIII вв., регион становится важным плацдармом для территориальной экспансии России далее на восток и юго-восток, что придавало определенную двойственность экономическому, социальному, политическому и культурному развитию огромного края, его положению в составе России (П.С. Кабытов, В.Н. Данилов, Э.Л. Дубман и др.)²¹.

Изучение современной историографии проблемы позволяет сделать вывод, что именно в настоящее время у историков появилась возможность обобщить накопленные данные и подготовить масштабное исследование, посвященное процессам исторического складывания Средневожского региона в составе Российского государства, формирования уникального социокультурного облика его населения, специфике социально-психологических процессов «обретения Родины» и формирования региональной идентичности в Среднем Поволжье.

Сущностные особенности территорий, объединяемых под данным понятием, на наш взгляд, состоят в том, что этот регион можно охарактеризовать как пространство особого типа – «внутреннюю окраину» России. Этот термин, предложенный П.С. Кабытовым и Э.Л. Дубманом во время совещания в Институте «Открытое Общество», на котором было принято решение о подготовке учебных пособий по истории Российской империи, нуждается в некоторых методологических пояснениях.

Как известно, в историографии Российской империи довольно редко используются термины «колония» и «метрополия»; это объясняется несколькими причинами как научного, так и идеологического толка. Во-первых, в пределах континентальной империи, при отсутствии ярко выраженных географических барьеров, в отличие от империй морских, трудно провести четкую демаркационную линию между метрополией и колонией. Во-вторых, при существенной неравномерности экономического развития имперских терри-

торий зачастую довольно сложно определить, кто был объектом, а кто — субъектом колониальной эксплуатации. Как показывают, например, исследования Б.В. Ананьича и Е.А. Правилковой, «цена империи» (т. е. расходы на присоединение, освоение и удержание новых территорий) зачастую оказывалась выше, чем доходы от пресловутого «ограбления колоний»²². Наконец, сами термины «колония» и «метрополия» несут сильный идеологический отпечаток, вызывая представление о заведомо репрессивном характере отношений между ними, тогда как на практике эти отношения были гораздо более сложными и неоднозначными. Как правило, в современной литературе применительно к континентальным империям (в том числе и к Российской) предпочитают использовать термины «центр» и «окраины», «ядро» и «периферия», или же нейтральные понятия «регионы» и «области»²³.

Но чем же считать Среднее Поволжье: частью «имперского ядра» или одной из «имперских окраин»? Как представляется, однозначный ответ на этот вопрос дать трудно.

Своеобразие данного региона и особая актуальность его изучения для исторической науки состоит в том, что формирование его населения, социокультурного облика и региональной идентичности имело существенные особенности. Вся территория Среднего и Нижнего Поволжья, а также Южного Приуралья окончательно была закреплена под российской юрисдикцией в течение второй половины XVI — первой половины XVIII в. Однако социально-экономическое освоение края, формирование на его пространстве постоянного сельского и городского населения, складывание административной системы было гораздо более долгим делом.

С середины XVI в. расселение по всей территории «вмещающего ландшафта» для различных сословий российского общества происходило в условиях постоянного преодоления воздействия внешних сил и, прежде всего, кочевых образований; интенсивного взаимодействия различных этноконфессиональных групп в ходе совместной экономической и культурной деятельности. На том этапе истории Средневожский регион может быть охарактеризован как один из *фронтиров* Российского государства. Развивая подход классика американской историографии Д. Тернера, современные историки понимают под фронтиром постоянно расширяющуюся приграничную, порубежную зону, где происходит интенсивная внутренняя и внешняя миграция большого числа населения, образование новых сообществ и отказ от старых, активное изменение окружающей среды, а также «пограничный обмен» между этнокультурными группа-

ми, включающий, помимо торговли, разнообразные формы межкультурных взаимодействий²⁴.

В течение второй половины XVI – первой половины XVIII в. Среднее Поволжье было фронтиром Российского государства, обращенным на восток, к кочевому степному миру – ногайцам, башкирам, калмыкам. Государство, отражая набеги степняков, в то же время стремилось вовлечь их в орбиту своего влияния – через договорные отношения, клятвы подданства, признание прав кочевников на земли и принятие их на военную службу; наконец, через игру на сложных внутренних противоречиях между самими кочевыми соседями. Фронтир, пролежавший между оседлым и кочевым мирами, был отмечен вначале пунктиром крепостей (Уфа, Самара, Саратов, Царицын и др.), а затем, с середины XVII в., – тянувшимися на много верст засечными линиями, которые должны были обеспечить не только оборону, но и дальнейшее движение государства на юго-восточную окраину «Дикого Поля». Своеобразным «буфером» между «государевыми людьми» и кочевниками являлись сообщества казачьей вольницы – донское, яицкое и другие; однако их взаимоотношения с государством также были далеко не беспроблемными. Только в первой половине XVIII в. правительство установило контроль над всей территорией Среднего Поволжья и Заволжья, над казачеством и кочевниками; это означало, что край в политическом отношении стал внутренним районом Российского государства.

Следует особо отметить активную деятельность государства не только в военно-административном закреплении за Россией новоприсоединенных земель, но и в сфере хозяйственного освоения края. Вывод Л.В. Милова о том, что «характернейшей особенностью российской государственности являются ее хозяйственно-экономические функции»²⁵, представляется необычайно актуальным для изучения процессов, происходивших на юго-востоке страны. Все пространство региона к югу от Камы являлось крупнейшим в России центром добычи и поставок в центр ценнейших сортов рыбы, рыбобпродуктов и соли. Правительство не ограничивалось положением пассивного регистратора владельческих прав на промысловые угодья и пахотные земли; оно играло чрезвычайно высокую роль в регуляции экономических отношений. Нередко местные власти занимались созданием собственных государственных или руководством родственных им дворцовых предприятий. Дворцовое ведомство, патриаршая кафедра, привилегированные купеческие корпорации стали главными акторами постепенного превращения края

во внутренний российский регион; в то же время вотчинное землевладение крупных собственников здесь было развито слабо, и аграрное освоение региона заметно отставало от промыслового.

С середины 1730-х гг. началось интенсивное военное, государственно-административное и экономическое освоение левобережного Заволжья в рамках вновь образованной Оренбургской губернии. На ее территории получило преимущественное развитие аграрное производство. Однако энергичное наступление империи на территории и права казаков и кочевников вызвало отпор со стороны тех и других — конфликты легко вспыхивали, как только государство затрагивало дарованные ранее привилегии или требовало от казаков возврата беглых. Окраины, лишь в малой степени подконтрольные центральной власти, были притягательны не только для беглых, но и для религиозных диссидентов — старообрядцев; регион, аккумулировавший самые разные проявления социального недовольства, легко становился горючим материалом для всевозможных противоправительственных слухов и настроений, для самозванчества и восстаний. Эти сюжеты были предметом пристального изучения советской историографии.

Восстание под предводительством Емельяна Пугачева наглядно показало империи уязвимость ее фронта: громадная территория удерживалась незначительными силами (все мы помним колоритное пушкинское описание гарнизона Белогорской крепости в «Капитанской дочке»). Не случайно реформы Екатерины II были направлены на унификацию имперского управления на окраинах и на обеспечение лояльности пограничных сообществ (в том числе казаков и башкир) самыми разнообразными методами: от репрессий по отношению к непокорным до поворота к религиозной толерантности и сотрудничеству с местными элитами, к принятию их на военную службу. В то же время аграрная политика Екатерины II в регионе — Генеральное межевание, раздачи земель дворянам, создание крупного вотчинного землевладения в лесостепной полосе Поволжья — имела своим следствием трансляцию на имперскую окраину социальных отношений, типичных для центра страны.

К середине XIX в. имперская политика в Заволжье утратила военные и внешнеполитические функции. Средневолжский регион из фронта вдоль юго-восточной границы превращался в своеобразную «внутреннюю окраину» России, обладавшую чертами пограничья и одновременно внутренних территорий империи. С одной стороны, появились новые районы для интенсивной колонизации, что обусловило передвижение фронта империи дальше в

юго-восточном направлении; Поволжье становится важным плацдармом для дальнейшего активного продвижения Российской империи на юг и юго-восток: в степной регион, Сибирь, а затем – и в Среднюю Азию. С другой стороны, в Заволжье и Южном Приуралье длительное время сохранялся огромный массив свободных земель, чем объясняется постоянный приток мигрантов в данный регион. Вольная колонизация края разворачивалась параллельно с проведением правительственной политики, направленной на заселение свободного земельного фонда такими группами мигрантов, различными в этническом, конфессиональном и социальном отношении, в чьей лояльности власть была уверена (например, немецких колонистов). Это привело к кардинальному изменению места и роли Среднего Поволжья и Заволжья в составе империи: регион превращается в транзитный, промежуточный между центром и периферией.

Изменению статуса региона способствовало и само переселенческое движение, прямыми результатами которого стали развитие земледелия, укоренение на основной территории региона русского крестьянского хозяйства и помещичьего землевладения. Переселяясь на новые места, поселенцы воспроизводили привычные для них формы общежития, самоуправления, ведения хозяйства: например, сельскую общину. Порой на новые места переносились даже старые, привычные названия: среди топонимов Самарской губернии есть, к примеру, такие названия селений, как Украинка, Пензено, Новокуровка, Новотулка, Большая Рязань и некоторые другие²⁶. В результате всех этих процессов к концу XIX в. в крае сложилась социальная и хозяйственная структура, аналогичная структуре деревни центральной европейской части страны.

Однако регион сохранял свои особенности, определяемые не только географическим и природным факторами, но и специфической этнокультурной средой. Важной особенностью сельской колонизации Поволжья было то, что заселение русскими лесостепной полосы шло без вытеснения коренного населения края; достаточно типичным явлением стало появление смешанных поселений, когда одна половина деревни могла быть, например, мордовской или татарской, другая – русской и т. п. И наоборот: развитие земледелия в степном Поволжье и Приуралье шло за счет сокращения землевладения и кочевого хозяйства кочевых народов, прежде всего, башкир и калмыков. Когда необходимость в иррегулярной военной охране приграничных территорий отпала, земли кочевых народов из военного ведомства были переданы в распоряжение Министер-

ства государственных имуществ, которое стало активно передавать их переселенцам из центральных регионов страны. Массовая задача и распродажа переселенцам дешевых башкирских земель на Южном Урале, колоритно описанная в рассказе Льва Толстого «Много ли человеку земли нужно», и соответствующая политика Министерства государственных имуществ привели к полному изменению экологической и этнокультурной ситуации в регионе: к началу XX в. большинство башкир из-за недостатка земли для ведения кочевого хозяйства вынужденно перешли от скотоводства к земледелию.

И все же, когда мы смотрим на этот регион второй половины XIX и даже начала XX вв., то отчетливо осознаем: он и тогда продолжал оставаться внутренней окраиной империи. До эпохи Великих реформ Александра II здесь крайне слабо была развита инфраструктура: путями сообщения служили скотопробгонные тракты (впоследствии именно они послужили основой для строительства шоссе), речное судоходство обеспечивали баржи и суда исключительно на парусном ходу или на примитивной бурлацкой тяге. Местная администрация практически не оказывала влияния на развитие экономического потенциала региона: механизмы, которые позволили бы ускорить процесс освоения его ресурсов, были еще не найдены, и до поры до времени в сфере экономики преобладали стихийно складывавшиеся отношения. Лишь с возникновением гражданской администрации, удельного ведомства (в регионе действовали Казанская, Симбирская, Саратовская, Оренбургская удельные конторы) воздействие государства на общественно-экономическую жизнь становится более явным.

Процессы модернизации, развернувшиеся в регионе в эпоху Великих реформ, затронули прежде всего инфраструктуру. Поволжье покрылось сетью железных дорог, что приблизило его к промышленным центрам; появились телеграф, телефон, речное пароходство, финансовая и банковская системы. Железные дороги дали мощный импульс формированию пространства хлебного рынка Поволжья и интенсифицировали связи региона с другими частями империи: это открывало колоссальные перспективы для развития в крае товарного производства зерна. Стремительными темпами шло освоение земельных массивов; регион стал новой российской житницей, вбрасывавшей колоссальную массу пшеницы не только на внутренний, но и на внешний рынки. Строились элеваторы и холодильники, усилиями земской интеллигенции создавались агрономические и ветеринарные участки... Развитие инфраструктуры ре-

гиона привело и к изменению уровня жизни и запросов его жителей: в провинции возникали «культурные гнезда» самого разного уровня – от «народных университетов» до любительских сельских театров. Через постоянный обмен ресурсами, товарами, капиталами Среднее Поволжье и Заволжье включилось в многосторонний экономический механизм Российской империи, став его неотъемлемой составной частью.

Однако Поволжье все же продолжало оставаться окраинным регионом, и это было заметно по многим показателям: прежде всего, по темпам развития образования и культуры. Только в Казани, образовательном центре Поволжья, действовал университет, основанный еще при Александре I, ветеринарный институт, духовная академия; в Саратове первым высшим учебным заведением стал сельскохозяйственный институт, а университет в составе одного факультета (медицинского) был создан только в 1909 г. И это тоже было показателем провинциальности, того факта, что Поволжье очень слабо включалось в процесс социокультурного развития имперского «ядра».

Обращаясь к изучению аграрной и промышленной истории, мы так или иначе видим, что и аграрный сектор очень медленно включался в модернизационный процесс. С одной стороны, прогресс был налицо: с каждым годом росли посевы пшеницы и ячменя – «белых» хлебов, предпринимались попытки отказаться от трехполья. Внедрялись технические культуры: так, немцы-колонисты в Саратовской и Самарской губернии стали инициаторами разведения горчицы и табака, волжский городок Сарепта, где производилось горчичное масло, заслужил репутацию «горчичного края», а в 1840-е годы там же состоялась первая на Нижней Волге посадка картофеля (не только «второго хлеба», но и сырья для производства спирта). Но, с другой стороны, в основном развитие сельского хозяйства в регионе шло сугубо экстенсивным путем, через распашку плодородных степных земель.

И в промышленном отношении Поволжье до конца XIX в. числилось среди слаборазвитых регионов. Существовавшие здесь промышленные предприятия в основном специализировались на переработке сельскохозяйственной продукции: салотопенные заводы, мукомольни, маслобойни и т. д. Мощные заводы появляются вслед за Сормовским (основан в сер. XIX в.) только в начале XX в., в связи с подготовкой к Первой мировой войне: Трубочный завод в Самаре, Сергиевский завод взрывчатых веществ, сталелитейный завод в Царицыне... Но все эти предприятия создавались не благо-

даря частной инициативе, а за государственный счет, это было казенное производство. Развитие нефтеперерабатывающей и металлургической промышленности Поволжья было еще впереди — ее черед наступит после революции 1917 года, когда она будет обеспечивать потребности Советского государства с его вынужденно автаркической экономической политикой. Сам факт, что Поволжье в начале XX в. кормило всю страну своим хлебом, уже говорит о том, что это все еще был аграрный регион.

Особое значение в историческом развитии Поволжья на всех его этапах имело этническое разнообразие региона. Русские активно заселяли данную территорию со времени ее вхождения в состав Российского государства, но особенно интенсивным этот процесс стал в имперский период благодаря правительственной поддержке. На севере региона проживали оседлые коренные народы — татары, удмурты, марийцы, мордва, чувашаи и кочевники-башкиры. На юге находились кочевые сообщества калмыков и казахов, пришедших сюда в XVII — начале XIX в. Имперская политика заселения окраины привлекла в Поволжье украинский и немецкий компонент. Поволжье и Приуралье представляли уникальный для страны регион, где встретились три мировые религии — христианство, ислам и буддизм. Таким образом, наличие множества народов с разным этнокультурным обликом и цивилизационной ориентацией превращало регион в своеобразную модель всей России как неоднородного, сегментарного сообщества.

В силу этого Поволжье и Приуралье требовали выработки особой, взвешенной политики имперского центра: любая ошибка могла в конечном итоге дорого обойтись государству. Регион пережил времена жестоко подавлявшихся кровопролитных восстаний и сотрудничества имперского центра с местными элитами; религиозной дискриминации, насильственных крещений и толерантной политики «просвещенного абсолютизма». Апробированные здесь методы административного и экономического управления, религиозной политики, культурной интеграции впоследствии нередко применялись в других районах империи. Однако были и ситуации, когда особые политические стратегии вырабатывались специально для Поволжья (пример тому — знаменитая «система Ильминского», рассчитанная на приобщение коренных народов к православию через систему начального народного образования, которая применялась только на восточных окраинах империи, и никогда на западных).

Неоднозначным был и процесс формирования региональной идентичности как и образа Поволжья на ментальных картах импе-

рии. Как отмечают исследователи, еще в первой половине XIX в. в общественном сознании «ядром» (центром) империи представлялось внутреннее пространство, тяготевшее к Москве, которое географически ограничивали города Нижний Новгород, Воронеж, Смоленск, Вологда. Лежавшие восточнее этого «ядра» Поволжье, Заволжье, Урал и Сибирь воспринимались как далекая и часто непознанная периферия²⁷. Понадобилось время, чтобы в конце XIX в., в 1885 г., известный историк литературы А.Н. Пыпин назвал Волгу одним из «основных, наиболее характерных пунктов», где можно «составить себе живое представление о русской природе и народности»²⁸: длительный, многовековой процесс колонизации привел к тому, что Поволжье стало восприниматься как естественная и неотъемлемая часть русской национальной территории. В то же время, и это важно отметить, имперская политика в Поволжье предполагала не подавление, а упрочение идентичностей малых народов ради борьбы с их возможной исламизацией, которая воспринималась как угроза имперскому единству²⁹.

Таким образом, к концу XIX – началу XX столетия регион стал своеобразным «котлом», где происходило интенсивное складывание новой социокультурной общности с особым хозяйственным, бытовым и культурным укладом, со своей региональной идентичностью и сознанием общности исторических корней.

На основании обзора историографии и общей характеристики развития Среднего Поволжья мы вправе сформулировать предварительную гипотезу нашего исследования, заключающуюся в том, что изучаемый регион представлял собой пространство особого типа – «внутреннюю окраину» России, ставшую общей Родиной для различных социальных и этнических групп населения, мигрировавших и расселявшихся в регионе на разных исторических этапах.

В предлагаемом исследовании на уникальном историческом материале «внутренней окраины» в хронологических рамках, охватывающих несколько столетий, будет проверена и уточнена концепция фронта как зоны пограничного взаимодействия различных сообществ, в процессе которого изменяются сами участники взаимодействия. Будет прослежена историческая судьба фронта, причины, ход и последствия его вхождения в систему цивилизационных взаимосвязей, превращения во «внутреннюю окраину» России, сохраняющую специфический состав населения и своеобразную региональную идентичность. Таким образом, концепция «обретения Родины» как особого, целостного процесса, обладающего региональной и исторической спецификой, будет верифицирована на

методологическом уровне и наполнена конкретно-историческим содержанием.

Данное исследование предполагает использование совокупности таких методов исторического исследования, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, историко-картографический, а также методов герменевтического, статистического и клиометрического анализа, исторического моделирования и других. Вместе с тем, поскольку предлагаемая тема научного исследования имеет комплексный междисциплинарный характер, при проведении работы широко будут применяться методики и приемы, применяемые в других гуманитарных дисциплинах: социологии, психологии, этнологии, статистики, исторической антропологии и культурологии.

Для создания максимально репрезентативной источниковой базы исследования, выявления совокупности источников по данной проблематике и определения их информационного потенциала необходимо использование современных источниковедческих методов и методик архивных исследований, в частности *фронтального изучения* ряда фондов и коллекций отдельных центральных и местных архивохранилищ, что обусловлено крайней скудостью делопроизводственных материалов приказа Казанского дворца, учреждений Казанской и Астраханской губерний первых десятилетий XVIII в. Особую значимость приобретает использование *герменевтических приемов работы с текстом* исторического источника с учетом обстоятельств времени и места его появления, авторских характеристик, выявления степени объективности информации. Необходимо обращение к количественным методам исследования массовых документов: создание *баз данных* (при необходимости – формализация и унификация количественных данных), применение *контент-анализа*, корреляционного анализа и других методов *статистической группировки*.

При изучении хода заселения региона и взаимодействия миграционных потоков предполагается использование методов *исторической картографии, исторической демографии, этнологии, статистического анализа*.

Для изучения социальных и социокультурных процессов в регионе необходимо применение *статистических и клиометрических методов* исследования, в частности, составление *временных рядов, многомерных группировок* данных, а также использование методов современных экономических исследований для изучения *экономической конъюнктуры* на региональном уровне, особенностей формирования рыночных отношений.

Изучение социальной стратификации населения и ее эволюции предполагает не только применение традиционных исторических и статистических методов, но и введение в исследование *культурно-антропологического измерения: реконструкцию поведенческих практик, структур повседневности, «воображаемой географии», ментальных стереотипов, системных подходов «свой-чужой»*, свойственных людям изучаемого периода и региона.

Наконец, при исследовании кризисных, переломных моментов, «разрывов постепенности» в истории региона особое значение приобретают *методы социальной психологии*, в частности, исследование особенностей массового поведения, психологии катастроф, а также изучение практик выживания, *посттравматического поведения* и особенностей формирования исторической памяти о травмирующих событиях прошлого.

Совокупность этих методов позволит осуществить *историческое моделирование*, цель которого – создание многомерной в хронологическом, территориальном и социокультурном аспектах модели колонизации региона, обобщенных социокультурных портретов переселенцев и жителей края, характерных для той или иной эпохи структур региональной идентичности.

Методологические подходы, разработанные и апробированные в ходе планируемого исследования, можно будет использовать для изучения других российских регионов, которые выступали в качестве объекта колонизирующего воздействия и одновременно – сферы взаимодействия различных этноконфессиональных и социокультурных групп (Север Европейской части России, Урал, Сибирь и др.), а также для изучения процессов внутренней колонизации и становления региональной идентичности на материалах различных континентальных стран Нового времени (США, Канада и др.).

2. ИСТОРИЯ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI – НАЧАЛА XX В. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Историография Поволжско-Приуральского региона в составе России насчитывает несколько веков, она чрезвычайно сложна и многообразна, и, несомненно, требует серьезного монографического исследования³⁰. В данном же разделе содержится попытка показать в самом общем, весьма условном виде основные вехи в изучении истории региона, прежде всего, с точки зрения его развития в со-

ставе Российского государства и постепенного превращения этой приграничной территории во «внутреннюю окраину» империи.

В российской исторической науке изучение таких проблем, как присоединение Среднего Поволжья и Заволжья к Российскому государству, место коренного населения региона в составе российского социума, политика Москвы на вновь присоединенных территориях и процесс колонизации, имеет давнюю традицию. Они нашли отражение в русском летописании, в частности в Патриаршей, или Никоновской летописи, находились в центре повествования «Казанской летописи», не были обойдены вниманием в сочинениях С.М. Пересветова, А.М. Курбского, «Скифской истории» А.И. Лызлова³¹, русских публицистов и государственных деятелей XVI – начала XVIII в. Интересные сведения и наблюдения содержатся в записках и сочинениях западноевропейцев. Не менее необходимыми и важными эти проблемы являлись и для российских историков XVIII – первой половины XIX в.: В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина и других. Их работы послужили основой для развития целого спектра направлений последующей историографической традиции – в частности, по отношению к Поволжскому региону.

В качестве примера можно назвать П.И. Рычкова, чей труд «Известие о начале и о состоянии Оренбургской комиссии...» свыше 250 лет назад положил начало историографии освоения Заволжья. «Известие» П.И. Рычкова было опубликовано дважды (в 1759 и 1896 гг.) под названием «Истории Оренбургской»³². Под влиянием и впечатлением от работ Рычкова долго оставались многие исследователи. Вслед за ним они рассматривали историю освоения края сквозь призму государственного интереса и правительственной политики, отводили решающую роль в этом процессе мероприятиям верховной власти и деятельности местной администрации. Для них характерна опора на источниковую базу, представленную, прежде всего, документами государственных учреждений.

В XIX в. в числе продолжателей рычковской традиции изучения заволжских земель в составе Оренбургского края (И. Жуковский, И. Дебу, М. Свирелин и др.) выделяется В.Н. Витевский. Его многотомное исследование «И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.», изданное в 1889–1897 гг. в Казани, затрагивает как деятельность Оренбургской комиссии, так и первые десятилетия после ее окончания. Схожий с традицией, идущей от Рычкова, подход к подбору источников, методам исследования, оценке процессов присоединения и заселения (но уже тех уездов

Заволжья, что никогда не входили в Оренбургскую губернию) был использован в 1830–1870-е гг. А.Ф. Леопольдовым, саратовским и самарским чиновником, статистиком, историком. Ряд трудов в продолжение этой темы был написан местными историками на базе новых источников и с более широким спектром задач в более позднее время. Среди их авторов выделяются А.А. Гераклитов и его коллеги по Саратовской ученой архивной комиссии А.А. Голомбиевский и Н.Ф. Хованский, которые, несмотря на тогдашнее административное деление, считали левобережные земли соседней Самарской губернии от Иргиза до Еруслана сферой своих научных интересов.

Разработанная в середине XIX в. С.М. Соловьевым концепция изучения колонизации российских окраин, в том числе юго-восточных территорий европейской части страны, с позиций государственного начала, его положительной цивилизующей роли способствовала появлению ряда обобщающих работ по истории отдельных регионов. В этом отношении для изучения истории Поволжья и Приуралья в XVI – начале XVIII в. особую значимость имеют две монографии ученика С.М. Соловьева Г.И. Перетятковича. Используя весьма репрезентативную по тем временам источниковую базу, основу которой составляли неопубликованные материалы центральных архивов, Перетяткович реконструировал ход сельского и городского расселения, показал степень участия в этом процессе различных колонизационных потоков, но руководящую роль в нем отдал государству. Ход колонизации он сводил, прежде всего, к географическому фактору, а ее сущность – к борьбе между христианской Русью и мусульманским Востоком³³.

Вместе с тем уже в середине XIX в. был сформулирован другой подход к изучению процессов колонизации: С.В. Ешевский, А.П. Щапов и другие историки рассматривали ее как, прежде всего, народную инициативу, деятельность самого общества, результаты которой лишь фиксировались государством³⁴.

В некоторой степени соединить подходы, сложившиеся в российской историографии, смог в начале XX в. В.О. Ключевский. Свою периодизацию исторического развития России он основывал именно на этапах колонизации ее территории: «...Периоды нашей истории – этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны...»³⁵. Замечательно то, как далее развивает историк свою мысль: «...Область колонизации в ней [России – авт.] расширялась вместе с государственной ее территорией»³⁶. Говоря прежде всего о народе и его роли в процессе

колонизации, Ключевский, вместе с тем, четко обозначил особую значимость российской государственности, на протяжении веков соединявшей огромные осваиваемые пространства в единое целое. Последующее развитие идеи В.О. Ключевского получили в трудах его учеников П.Н. Милукова и, прежде всего, М.К. Любавского, создавшего единственный в российской историографии обширный труд по истории колонизации России³⁷.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали временем формирования региональной историографии. Во многих губернских центрах региона, как и в целом по России, активно работали исторические общества, губернские ученые архивные комиссии, собирались археологические съезды. Особо значимый вклад в изучение истории Казанского края внесли ученые, объединенные в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (Н.В. Никольский, В.Л. Борисов, И.Н. Смирнов, Н.Н. Фирсов и др.). Казанская школа историков создала ряд крупных исследований, связанных с решением проблемы колонизации края и русского влияния на жизнь местного населения, форм и методов колониальной политики, деятельности православной церкви в крае, христианизации местного населения (И.М. Покровский, Н.В. Никольский, Н.А. Фирсов³⁸), русского освоения Заволжья и Приуралья (В.Н. Витевский³⁹). В Симбирске, Саратове и других городах региона активно действовали ученые архивные комиссии, итогом работы которых являлся выход периодических изданий «Трудов...» и т.д., публикация документальных материалов, издание статей, очерков, посвященных отдельным проблемам истории края, его городов и сельских поселений⁴⁰. Именно в это время складывается плеяда провинциальных исследователей, среди которых были и профессиональные историки и увлеченные историей своего региона краеведы – любители⁴¹.

Для российской исторической науки этот период характеризовался поворотом к проблемному подходу, к специализации интересов историков на тех или иных факторах исторического процесса, к выделению его отдельных проблемно-хронологических звеньев: появляются глубокие труды по социально-экономической (М.М. Ковалевский, В.И. Семевский, А.Я. Ефименко, Н.А. Рожков, И.М. Кулишер, М.И. Туган-Барановский и др.), социально-политической (С.Ф. Платонов, П.Н. Милуков), административно-правовой (М.Ф. Владимирский-Буданов, А.Д. Градовский, А.С. Лаппо-Данилевский и др.) истории России. Эти тенденции в той или иной мере наложили свой отпечаток и на региональную историографию.

Проблематика социально-экономической, этнической истории Юго-Востока в конце XIX века рассматривалась местными общественными деятелями, краеведами. Так, П.В. Алабин, М.О. Волков, П. Мартынов собрали значительное количество сведений о положении отдельных групп населения, этносов на территории региона⁴², однако их работы имели преимущественно описательный характер. Уже в конце XIX в. появились первые труды по истории хлебного рынка Поволжья⁴³. В дореволюционный период вышло немало исследований, изучающих кустарную промышленность региона, например, работы К.Я. Воробьева и А.К. Костылева о кустарной промышленности Симбирска⁴⁴, было подготовлено глубокое исследование по мукомольной промышленности Саратова⁴⁵.

Определенным итогом накопления опыта изучения социальной проблематики в дореволюционной историографии стало много томное историко-географическое описание России под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского. В шестом томе этого издания, посвященном Среднему Поволжью и Южному Уралу, содержится подробное описание населенных мест региона, показаны промыслы и занятия представителей податных сословий⁴⁶.

В этот же период в исторической науке начинается исследование на монографическом уровне отдельных явлений жизни российского социума, города, деревни и т. д.; формируются концептуальные подходы к эволюции социального пространства. Так, городу и городским сословиям XVIII в. были посвящены два фундаментальных труда А.А. Кизеветтера: «Посадская община в России XVIII столетия» и «Городовое положение Екатерины II 1785 г.»⁴⁷. Одним из дореволюционных исследователей, занимающихся проблемами городоведения, был И.И. Дитятин; его работы основаны на материале, относящемся к дореформенному времени⁴⁸. И.И. Дитятин в оценке русского города исходил из концепции государственно-юридической школы, отводившей государству в появлении и развитии города первостепенную роль. Следует отметить и книгу В.П. Семёнова-Тян-Шанского, где автор строит типологию городов, выделяя понятия «официальный город» и фактическое городское поселение (так называемые фабричные сёла) на основе демографического критерия⁴⁹. Распространёнными были исторические очерки, посвящённые истории отдельных городов⁵⁰, а также исследования справочного характера о городах Юго-Востока Европейской России⁵¹.

Изучение местного управления и самоуправления впервые вызвало пристальный интерес исследователей на рубеже XIX–XX вв.

Во многом это было связано с явным «обветшанием» системы губернского управления к началу XX в. Наиболее ярко несовершенства российской системы местного управления были показаны в обобщающем историко-юридическом очерке И. Блинова «Губернаторы», в работах С.А. Корфа, И.И. Страховского⁵². Первые исследования опыта практической деятельности земских и городских учреждений появились в конце XIX – нач. XX в. Так, Б.Б. Веселовский одним из первых в стране попытался целостно исследовать хозяйственную деятельность земских органов России⁵³.

После революции 1917 г. и гражданской войны, с началом восстановления мирной жизни тем исследователям, которые сформировались как ученые до революции, чтобы оказаться нужными в новых общественных отношениях, пришлось существенно пересмотреть свои взгляды, изменить направленность и тематику научной работы. В крупнейших городах региона в это время работали такие видные историки как Н.Н. Фирсов, А.А. Гераклитов, П.Ф. Ищериков, В.И. Оплокова, П.Н. Луппов⁵⁴, многие другие. Большинство из них с трудом могли отказаться от прежних взглядов. В этом отношении крайне интересен первый период развития советской исторической науки: как попытка совместить все то позитивное, что было наработано ранее, с новой марксистской идеологией. Историческая наука 20–40-х гг. XX в., несмотря на свою марксистскую методологию, все же основывалась, прежде всего, на высочайшем уровне, достигнутом историками предшествующего дореволюционного периода: на их методах источниковедческой работы, на воссозданной ими исторической фактуре. В качестве примера такого типа исследователя можно назвать саратовского историка А.А. Гераклитова, вклад которого в развитие региональной исторической науки трудно переоценить. Помимо изучения местных архивных материалов, им были обследованы и подготовлены к печати записи пошлинных и беспошлинных книг Печатного приказа, содержащие сведения о городах Среднего (Симбирский и Самарский уезды) и Нижнего Поволжья; изданы и подготовлены к печати глубокие исследования по истории мордовского народа, русско-мордовских связей; истории Саратовского края, Самары и Самарского уезда в XVII в., истории Поволжья и т. д.⁵⁵

1920-е гг. современные ученые называют «золотым десятилетием» российского краеведения⁵⁶. Именно в этот период, в частности, были заложены основы отечественной исторической урбанистики. У ее основания стояли такие исследователи как И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, Н.К. Пиксанов, выработавшие взгляд на город

как многофункциональный организм⁵⁷. Не только деятели старой культуры, оказавшиеся не у дел в новой советской действительности, но и получившая образование молодежь с энтузиазмом занималась краеведением, в том числе и историческим. Практически во всех крупнейших республиканских, краевых и областных центрах возникали краеведческие общества. Среди их членов можно обнаружить немало крупных ученых историков, этнографов, археологов. Разгром этого движения в конце 1920-х – начале 1930-х гг. привел к невосполнимому урону для местных научных кадров, на десятилетия затормозил активную познавательную краеведческую деятельность. Последовавшее вслед за этим известное «академическое дело» нанесло серьезнейший ущерб столичной науке и не способствовало подъему науки региональной, хотя в города региона были сосланы крупнейшие историки того времени: С.Ф. Платонов и Ю.В. Готье (Самара), М.К. Любавский (Уфа) и многие другие, не принимавшие активного участия в местной научной жизни, которая после разгрома краеведческого движения практически замерла. В результате после «великого перелома» конца 1920-х – начала 1930-х гг. сохранилась лишь «официальная», развивавшаяся в тесных идеологических рамках историческая наука.

Но после революции появилось новое поколение исследователей, для которых марксистская теория в наиболее упрощенном ее виде являлась универсальной методологией для исторической и околоисторической деятельности. После «академического дела» именно это поколение одержало идеологическую и организационную победу, его установки стали задавать тон в научном сообществе.

Именно в 1920–1930-е гг. были сформированы основные постулаты советской исторической, в том числе и региональной, науки. В качестве априорных положений, которые историки должны были только аргументировать историческими фактами, архивными и опубликованными документами, в «научный» аппарат исследователя были введены такие категории, как всеобъемлющее воздействие на исторический процесс классовой борьбы, сведение всей совокупности общественных отношений к антагонистическому противостоянию классов эксплуататоров и эксплуатируемых.

Царская Россия рассматривалась как тюрьма народов, но вхождение этих народов в состав Российского государства считалось несомненным благом, так как способствовало их более быстрому прогрессивному развитию и одновременно освобождало из-под власти реакционных и отсталых государственных образований. Былработан набор основополагающих тезисов, в соответствии с которыми

ми было принято описывать процесс вхождения того или иного региона в состав России. Это вхождение следовало считать закономерным и неизбежным в силу геополитических и внутренних причин, необходимости защиты южных и юго-восточных окраин страны от нападений агрессивных соседей, интересов российского купечества и т. д.

Именно в эти годы были созданы основные концепции, положения и догматы, которые почти до конца XX столетия определили методологию советской исторической науки. Но нельзя забывать, что и в этот период историческая наука не стояла на месте, не занималась только защитой и обоснованием положений и догм, спущенных свыше. Шел постепенный процесс накопления исторических знаний, углубленная работа в архивах, поиск новых тем и разработка нетрадиционных для предшествующего поколения отечественных историков направлений. В национальных республиках велась подготовка обобщающих исторических трудов по истории татарского, башкирского, мордовского и других народов. Совместными усилиями местных и столичных историков готовились крупные своды документов, как, например, пятитомное издание по истории Башкирии⁵⁸, сборник материалов по истории Татарии и т. д.⁵⁹ Интенсивно развивался процесс создания местных научных и учебных заведений, формирования национальных кадров ученых. В столицах республик Поволжья и Приуралья открывались отделения Академии наук СССР, появлялись научно-исследовательские институты. Успешно разрабатывались отдельные темы из региональной истории: «Пугачевщина», «Разинщина», революционные события начала XX века и т. д.⁶⁰

Начало пристальному изучению Среднего Поволжья и Заволжья в советской науке было положено еще в 1920–1930-е гг., когда были подготовлены первые обобщающие издания по региональной промышленности, включающие в себя огромный статистический материал⁶¹. В работах П.М. Потетенькина и К.Я. Наякшина, где был освещен ряд аспектов аграрной истории Саратовской и Самарской губерний, в научный оборот был введен значительный массив губернской социально-экономической статистики, архивных источников⁶². Большой вклад в изучение заселения и хозяйственного развития поволжских губерний был сделан также П.Г. Любомировым, И. Катаевым, А.В. Клеянкиным и другими⁶³.

Наиболее явственно официальная марксистская доктрина сказывалась при освещении политических событий XIX–XX веков: массовых и общественных движений, политических партий, рево-

люций. Уже в 1921 г., как и по всей стране, в губернских центрах региона стали создаваться комиссии по истории Октябрьской революции и коммунистической партии; с 1922 г. начал свою активную деятельность Самарский истпарт под руководством Н.Н. Сперанского и И.И. Блюменталя. Основное внимание сотрудники Самарского (с 1929 г. – Средневолжского) истпарта уделяли изучению истории местных большевистских организаций, первой и второй русских революций, истории Гражданской войны в регионе; с 1931 г. стали собираться также материалы по истории фабрик и заводов. Результатом их деятельности стала подготовка сборника документов и материалов по истории революционных событий в Самарском крае, составление хроники революционных событий в Самарской губернии⁶⁴.

Эта работа была частью всесоюзной кампании по «идеологически правильному» изучению истории первой русской революции 1905–1907 гг.: к 20-летию начала революции были опубликованы сочинения о ситуации в Астрахани, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Сталинградской губерниях в 1905 г.⁶⁵ В 1920-е годы вышли публикации об аграрной революции, об участии в революции татар, железнодорожников, военных, профессиональных союзов⁶⁶. Источниковую базу таких работ составляли канонизированные документы РСДРП и ее местных организаций, воспоминания социал-демократов и в очень небольшом количестве материалы немарксистских периодических изданий и фондов жандармских управлений. Ход событий излагался весьма тенденциозно, с позиций социал-демократической партии.

Изучение хода первой русской революции в регионе было продолжено в 1930-1940-е гг. в рамках концепции «Краткого курса истории ВКП(б)»⁶⁷. Работы, написанные в этот период, как правило, отличались от трудов 1920-х гг. еще большим догматизмом и схематичностью изложения: к лагерю «врагов народа» теперь причисляли и либералов, и революционеров-немарксистов, а также социал-демократов – меньшевиков⁶⁸.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. заметно расширился спектр проблематики исследований: в частности, началось изучение реализации реформы 1861 г. в губерниях Поволжья. Эти исследования были инициированы профессором Московского государственного университета П.А. Зайончковским. Тогда же были защищены кандидатские диссертации, где ставилась цель проследить влияние столыпинской аграрной реформы на эволюцию социально-классовой структуры крестьянства⁶⁹. Основное внимание

в этих исследованиях уделялось анализу крестьянского движения. Исследователи были единодушны в том, что аграрная реформа Столыпина потерпела крах, чем и было обусловлено нарастание системного кризиса в России.

С наступлением политической «оттепели» в изучении аграрной истории понемногу стали пробивать себе дорогу новые тенденции. Так, в середине 1950-х гг. был опубликован доклад А.В. Фадеева, обсуждавшийся на заседании сектора периода капитализма Института истории АН СССР, в котором впервые в советской историографии рассматривалась проблема развития капитализма «вширь», а также специфики более быстрого развития капитализма в районах малонаселенных и неосвоенных таких, как степное Причерноморье, Предкавказье, Сибирь и Дальний Восток⁷⁰. Этот доклад положил начало дискуссии о наличии «американского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве Российской империи.

Безусловно, на темпы и содержание разработки проблем аграрной истории России не могли не оказать влияния дискуссии о характере аграрного строя России и о мелкотоварном производстве, состоявшиеся в 1960–1962 гг., а также материалы всесоюзной научной конференции в Свердловске (1969 г.) о многоукладности экономики России начала XX в.⁷¹ Особо отметим воздействие на историков региона концептуальных воззрений представителей нового направления в советской историографии: А.М. Анфимова, К.Н. Тарновского, М.Я. Гефтера, В.П. Данилова и др., чьи труды стимулировали научную разработку многих проблем региональной истории. Важную роль в координации научных исследований сыграл Аграрный симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, который многие годы проводился Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства.

Современный подъем исторической науки стал возможен благодаря потенциалу, накопленному столичными и местными историками во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. Именно в эти годы был заложен фундамент для глубокого всестороннего исследования важнейших особенностей исторического развития региона. Работы наиболее серьезных исследователей базировались на введении в научный оборот ранее неизвестных источников, использовании новых источниковедческих приемов, расширении тематики работ. Несмотря на недостатки, присущие советской исторической науке, господство в ней догматических установок, впоследствии в ней произошли новые позитивные изменения. В этот период появился ряд классических для рассматриваемого региона

исследований, оказавших значительное влияние на весь последующий процесс развития исторических знаний. Были опубликованы фундаментальные работы, позволившие существенно продвинуть вперед изучение ряда проблем⁷², впервые в научный оборот введен значительный массив новых документов из центральных архивохранилищ России, местных республиканских и областных архивов⁷³.

К поколению исследователей этого времени в Поволжско-Уральском регионе относятся такие историки, как И.Д. Кузнецов и В.Д. Димитриев (Чебоксары), А.С. Патрушев, Г.А. Архипов (Йошкар-Ола); В.И. Лебедев (Пенза), М.В. Дорожкин, А.В. Клеянкин, М.В. Жиганов, Н.В. Заварюхин (Саранск) И.М. Ионенко, М.К. Мухарямов, Ю.И. Смыков, С.Х. Алишев, И.П. Ермолаев, Е.П. Бусыгин, (Казань) Х.Ф. Усманов и Р.Г. Кузеев (Уфа), Е.И. Медведев, Н.Л. Клейн, П.С. Кабытов (Самара)⁷⁴ и ряд других. Благодаря их исследованиям были выявлены важнейшие особенности исторического развития всего региона и отдельных его территорий, касающиеся вхождения Поволжья и Приуралья в состав Российского государства, рассмотрены процессы взаимовлияния культур народов, населявших край; создана цельная картина истории края в эпоху становления и развития капиталистических отношений, развития помещичьего и крестьянского хозяйства, истории русских революций, гражданской войны и т. д.

Определяющими для формирования взглядов этого поколения историков, становления исторической науки в крупнейших республиканских и областных центрах региона явились коренные изменения в политической жизни страны, связанные с решениями XX съезда КПСС, что обусловило интерес к подлинно научному познанию исторической действительности.

В 1950–1960-е гг. фундаментальные труды Н.М. Дружинина, А.М. Анфимова открыли этап детального изучения крестьянского и помещичьего хозяйства⁷⁵. В начале 1970-х гг. И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов активно применяют количественные методы в изучении социальной истории и заявляют, что сложная структура хозяйства Средневолжского региона дает возможность более полно охарактеризовать процессы, протекавшие в рамках народного хозяйства всей России того времени⁷⁶. Работы этих историков, в трудах которых оказалось значимым не только глубочайшее проникновение в предмет исследования, но и, прежде всего, новизна методологических подходов и приемов сам методологический подход, широта и глубина поднимаемых проблем, сыграли важнейшую роль для становления региональных исследователей. Их исследования

стали классическими для целого поколения провинциальных историков, базовыми для рождения новых идей, развития оригинальных подходов, формирования новых источниковедческих методик и т. д. Стимулирующую роль в формировании научных школ и направлений сыграло Средневолжское объединение историков-аграрников: выполняя координирующую роль в организации научных исследований, оно провело 12 научных конференций, что оказало влияние на становление новой генерации исследователей региона.

В 1960–1980-е гг. историки начали активно исследовать отдельные отрасли экономического и социального развития Среднего Поволжья и Заволжья⁷⁷, общественное движение в регионе⁷⁸. В 1980-х годах наряду с работами, охватывающими одну отрасль или один регион, стали появляться труды обобщающего характера⁷⁹. Большое значение для советской региональной историографии имела монография Н.Л. Клейн «Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в.»⁸⁰, где была сформулирована цельная концепция экономического развития Поволжья, основанная на широчайшем спектре источников. Автор аргументированно и подробно охарактеризовал роль хозяйственного развития Среднего Поволжья в общеимперской экономике, показал влияние трансформации крестьянских хозяйств на иные сословия и экономику Поволжья в целом.

Значительный вклад в изучение сельского хозяйства региона внесла монография П.С. Кабытова «Аграрные отношения в Поволжье в период империализма»⁸¹. В монографии П.С. Кабытова введено в научный оборот огромное количество архивных документов, в ней показан крайне противоречивый и сложный процесс развития русской деревни, ее стремительное расслоение. Автор сумел отклонить догматические подходы марксистско-ленинской традиции изучения аграрной истории и предложил новое, оригинальное видение проблемы, сохраняющее актуальность до сегодняшнего дня. Например, была доказана гипотеза об ускоренном формировании на Юго-Востоке Европейской России предпринимательских (фермерских) слоев в деревне.

В то же время изучение аграрного строя Среднего Поволжья было продолжено в крупном исследовании Ю.И. Смыкова «Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма»⁸². Масштабы внутренней миграции и переселенческого движения в регионе были изучены в исследовании С.И. Даишева, Ю.И. Смыкова «Миграционное движение в Среднем Поволжье...»⁸³. В диссертации Ю.С. Зобова «Помещичье хозяйство и крепостные крестьяне Оренбургского края

в первой половине XIX в.» (1976) и в книге Ю.М. Тарасова «Русская крестьянская колонизация Южного Урала» (1984) был представлен ценный материал о заселении и освоении тех заволжских земель, что входили до 1851 г. в Оренбургскую губернию⁸⁴.

Среди историографии специальных вопросов истории края в эпоху его заселения следует упомянуть работы по истории социальных конфликтов, в частности, по восстанию Е.И. Пугачева. На научной конференции в Оренбурге, посвященной 200-летию этих событий (1973), был выдвинут тезис о наличии, кроме Яицкого, еще и Ставропольского (точнее было бы сказать, Заволжского) очага Крестьянской войны; этот тезис получил развитие позднее в работах Ю.Н. Смирнова.

В 1970–1980-е гг. сложилось историко-этнографическое направление в изучении русского города, которое можно рассматривать как предтечу «антропологически ориентированного» направления в современных исторических исследованиях о повседневности городской жизни. Основателем историко-этнографической школы в современной историографии был М.Г. Рабинович, уделявший основное внимание средневековому городу на ранних этапах его развития⁸⁵. Этнографическое направление в изучении русского города было продолжено в трудах Л.А. Анохиной, М.Н. Шмелевой и О.Р. Будиной⁸⁶. Социальные проблемы пореформенного города, противоречивость государственной политики по отношению к нему нашла отражение в работах П.Г. Рындзюнского, Н.В. и А.Н. Зориных, Е.П. Бусыгина⁸⁷.

С середины 1950-х гг. наблюдается интенсивная публикация работ по истории социал-демократии, инициированная в известной степени дискредитацией «Краткого курса истории ВКП (б)». Именно в этот период история КПСС была официально провозглашена самостоятельной исторической дисциплиной с собственным источниковедением, историографией, методами исследования и задачами. На всесоюзном уровне тон задавали регулярно издаваемые директивные «Истории КПСС» и многотомная «История Коммунистической партии Советского Союза»⁸⁸, в регионах же под контролем партийных инстанций были подготовлены «Очерки истории» областных партийных организаций Поволжья и Заволжья⁸⁹. Хотя к их составлению были привлечены профессиональные историки, библиографы, архивисты и т. д., и технологически эти издания были исполнены более квалифицированно, чем публикации предшествующих лет, все же о научных, аналитических качествах этих тенденциозных, идеологизированных сочинений говорить трудно.

Помимо официозных изданий в свет выходили монографии и коллективные труды о социал-демократических организациях начала XX в., о большевиках Поволжья в первой русской революции 1905–1907 гг.⁹⁰, об их борьбе «против царизма», кадетов, «за крестьянство»⁹¹, а также работы, написанные в специфическом жанре «ленинианы»⁹². Эти сочинения следовали устоявшимся и утвержденным сентенциям, но по фактографической насыщенности значительно уступали трудам 1920-х гг. В 1950–1960-е годы были опубликованы «большевицкие» листовки Саратовской, Самарской, Казанской и других организаций РСДРП⁹³. В связи с 50- и 60-летием начала революции 1905 г. издавались сборники документов о революционном движении в Астрахани, Татарии, Самаре и Самарской губернии⁹⁴, а также монографии по истории революции⁹⁵, сочинения о крестьянском движении и о деятельности советов рабочих депутатов⁹⁶.

История народнического движения в регионе рассматривалась в основном в обобщающих работах⁹⁷. Результаты углубленного изучения народнического движения в Поволжье в 70-е годы XIX века были опубликованы в 1966 г. В.Н. Гиневым⁹⁸, систематизировавшим большой источниковый материал и сделавшим ряд ценных наблюдений, а затем – А.Ф. Дергачевым, изучавшим народников Пензенского края⁹⁹.

В 1980-е годы интенсифицировалось исследование так называемых «непролетарских», то есть либеральных и народнических партий: в исследованиях В.В. Шелохаева, М.И. Леонова явственно выявился отход от официальной идеологии, давались количественные показатели и направления агитационной деятельности политических организаций Поволжья, Заволжья, Юго-Востока Европейской России в конце XIX – начале XX в.¹⁰⁰ Новые подходы проявились в историографических очерках о ходе изучения политических организаций России начала XX века¹⁰¹, а также в коллективном труде, выполненном М.И. Леоновым, С.А. Степановым, А.И. Уткиным, В.В. Шелохаевым, – «Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ»¹⁰².

К числу новых проблем, разрабатывавшихся историками в конце 1970-х и в 1980-е гг., следует отнести изучение экономического строя помещичьего хозяйства Среднего Поволжья, которое проводилось П.И. Савельевым и Н.Ф. Тагировой (Амировой) с использованием математических методов на материалах, отложившихся в фондах Государственного Дворянского банка¹⁰³. Изменение политического климата в СССР в годы горбачевской перестройки дало

возможность приступить к изучению роли дворянства в политической жизни страны, а затем и к постановке такой важнейшей проблемы, как взаимодействие власти и общества в XVI–XX вв.

Новая ситуация позволила исследователям региона приступить к созданию обобщающих коллективных монографий по истории отдельных республик и областей, этногенезу и развитию коренных народов Поволжья и Приуралья. Выходят «Истории...» отдельных республик и областей; хрестоматии, содержащие важнейшие документы, освещающие историю по различным этносам и территориям¹⁰⁴.

Все эти положительные моменты вместе с тем не исключали того, что историческая наука в этот период развивалась в крайне сложных условиях, была скована многочисленными догмами и запретами, находилась в жестких идеологических рамках. Например, все движение народов края от феодализма к капитализму рассматривалось, прежде всего, с позиций приготовления к «исторической необходимости» социалистического строя. Обязательным для исследователя считалось отражать в своей работе постоянно ухудшающееся положение эксплуатируемых слоев общества, рост феодальной ренты и капиталистической эксплуатации. Необходимым атрибутом исторических исследований, посвященных средневековой истории региона, являлся показ стремления местных народов к объединению с Россией. Особо подчеркивалась добровольность такого объединения и его прогрессивный характер для практически всех без исключения этносов огромного региона. Однолинейность и примитивизм исторической позиции наблюдался в рассмотрении национальных и конфессиональных вопросов, в изучении большинства других тем, методологической позиции и методическом аппарате. Непререкаемыми являлись тезисы о совместной борьбе всего многонационального эксплуатируемого населения Поволжско-Приуральского региона против сословно-представительного и абсолютистского государства, господствующих сословий, о прогрессивности классовой борьбы, о необходимости по преимуществу изучать массовые народные движения. В трудах местных историков, как правило, обосновывалась антифеодалная направленность выступлений населения края, затушевывались ее национальные аспекты и т. д. В модифицированном виде сохранялись основные постулаты «Краткого курса ВКП(б)». Разумеется, такой подход отражал общее состояние советской исторической науки, как в центре, так и на местах. Историки этого времени вынуждены были аргументированно, основываясь на местном историческом материале, доказы-

вать основные положения марксизма, на которых строилась отечественная историческая наука в предшествующий послереволюционный период.

Переходя к характеристике современного этапа изучения данной проблематики, необходимо отметить, что в последние десятилетия наблюдается значительный подъем исторической науки в Поволжско-Уральском регионе, его отдельных областях и республиках; идет формирование региональных исторических школ и направлений, возникают крупные научные институты. Характерно, что базовыми для исторических исследований в настоящее время становятся не только академические республиканские центры и крупнейшие, имеющие длительную историю университеты, такие, как Казанский и Саратовский, но и сравнительно недавно возникшие высшие учебные заведения, а также музеи, библиотеки и т. д. Активизируют свою работу давно сложившиеся научно-исследовательские институты в республиках Среднего Поволжья и Приуралья, и появляются новые, как, например, Поволжский филиал Института российской истории РАН в Самаре и другие. Крепнут связи между признанными научными учреждениями Москвы, Санкт-Петербурга и местными коллективами исследователей. Новым явлением стало формирование системы международных научных связей с ведущими научными и учебными заведениями США, Англии, Германии и других ведущих мировых держав. Значительная часть исследований выполняется по грантам научных сообществ.

Современная региональная наука вышла на качественно иной уровень: осваивая новые методологию и методику исследовательской работы, расширяя круг тем и включая в него все то, что ранее было под запретом, она перешла к созданию обобщающих монографий как по отдельным территориям, так и по всему Поволжско-Уральскому региону, к подготовке крупных энциклопедических изданий. Следует отметить, что эти новые тенденции проявляются не только в республиканских столицах, где издавна существовали академические институты и последовательно проводились серьезные региональные исследования, но и в областных центрах.

Проблематика исследований и набор тем, которыми сейчас занимаются исследователи новой генерации, чрезвычайно разноплановы. Они позволяют всесторонне подойти к изучаемому явлению, что дает возможность приступить к созданию коллективных многотомных монографий обобщающего характера. В отличие от предшествующих изданий такого же типа, в них, вполне очевидно, прослеживается освобождение от многих идеологических штампов,

концептуальной заданности, узости источниковой базы, ее ограниченности; предпринимаются попытки дать анализ событий, используя не только отечественный, но и мировой опыт развития исторической науки. Примером таких обобщающих работ может послужить недавно изданная в Саратове многотомная коллективная монография «Очерки истории Саратовского Поволжья»¹⁰⁵, в Самаре – трехтомная «Самарская летопись» (1993–1996 гг.), 8-томная «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» (2000 г.)¹⁰⁶ и др.

Накопление исторических знаний, комплексное изучение местной истории дало возможность приступить к изданию энциклопедий и энциклопедических словарей как по отдельным отраслям, так и в целом по истории данных административно-территориальных образований, коренных народов края. Одно из первых изданий такого рода появилось в Самаре в 1993–1995 гг. – «Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии» в 4-х томах. Подобные издания стали крупным событием в научно-культурной жизни Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Ульяновской области и других республик и областей региона. Сложившийся в настоящее время новый уровень обобщения исторического опыта развития отдельных территорий создает реальные предпосылки для создания многотомной коллективной работы по истории всего Поволжско-Уральского региона по примеру подобных же изданий по Уралу, Сибири и т. д. В 1998 г. была опубликована коллективная монография «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления», где эволюции политико-административного устройства Поволжья и Южного Урала в XVI – начале XX в. посвящена отдельная глава¹⁰⁷.

Появление крупномасштабных обобщающих трудов стало возможным только благодаря глубокой монографической разработке в последние десятилетия XX столетия отдельных значимых проблем практически по всем хронологическим горизонтам, начиная от древнейшей истории всего региона и кончая современным этапом его развития. Характерно, что исследователи, как правило, не замыкались на истории отдельных административно-территориальных единиц областей и республик, а пытались создать более широкие в территориальном плане работы, решая поставленные в них задачи на основе привлечения значительного комплекса новых, вводимых в научный оборот источников, на современном методологическом уровне.

В качестве примера можно привести исследования деятельности Оренбургской экспедиции и освоения Заволжья (Ю.Н. Смирнов),

взаимоотношений власти и общества на материалах Поволжья в годы революции 1917 г. (Н.Н. Кабытова), особенностей промышленного освоения Понизового Поволжья во второй половине XVI – начале XVIII в. (Э.Л. Дубман), взаимоотношений власти, общества и просвещения в поволжской провинции в XVIII – начале XIX в. (Л.М. Артамонова), западной историографии истории мордовского народа (В.А. Юрченков), социально-экономического развития городов Среднего и Нижнего Поволжья (Л.Н. Гончаренко), историко-культурных и экологических факторов становления и развития городских поселений Среднего Поволжья (А.Н. Зорин, А.Г. Иванов и др.); вхождения в состав России народов Среднего Поволжья (А.Г. Бахтин), революционных событий и национально-освободительного движения в Поволжье и Приуралье (И.Р. Тагиров), истории становления городов на территории Башкирии в XVII–XVIII вв. (Р.Г. Буканова), особенностей формирования русского населения на территории Башкирии в XVII–XVIII вв. (У.Х. Рахматуллин), формирования немецких колоний на Волге во второй половине XVIII в. (И.Р. Плеве), социокультурного взаимодействия этнических общностей Поволжья и Приуралья в XVIII–XIX вв. (О.Н. Коршунова) и многих других¹⁰⁸.

В 1990–2000-х гг. изучение экономики региона резко активизируется. Поволжские исследователи предприняли исследование новых сюжетов аграрной истории Поволжья, в том числе исследование ментальности поволжского крестьянства¹⁰⁹. Образ русского крестьянина был талантливо преподнесен и в монографии П.И. Савельева «Пути аграрного капитализма в России. XIX век»¹¹⁰. Особо стоит отметить исследование Н.Ф. Тагировой «Рынок Поволжья», посвященное истории хлебной торговли Поволжья второй половины XIX – начала XX в¹¹¹. Автор подробно рассматривает инфраструктуру рынка Поволжья, истоки рыночных отношений на данной территории и их развитие, а также институты торговли в крае, уделяя большое внимание ее формам.

С 1990-х годов, вследствие крушения официальной марксистско-ленинской идеологии, новый импульс получили исследования по истории политических партий и организаций в Поволжском регионе. Достаточно активно исследовались региональные партийные организации эсеров¹¹², консерваторов¹¹³, октябристов¹¹⁴, либералов¹¹⁵ в революции 1905–1907 гг. В ряде исследований были сделаны попытки раздвинуть хронологические рамки истории политических организаций за пределы революционных событий¹¹⁶. Началось рассмотрение следующих проблем политической истории:

история общественных организаций, общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века, взаимоотношения власти и общества¹¹⁷.

Принципиально новым историографическим явлением стали попытки написания обобщающих исследований, синтезирующих материал по совокупности областей, республик, территорий и др. Показательным в этом отношении стало исследование И.П. Ермолаева, в котором автор практически впервые в отечественной историографии реконструировал организацию и деятельность приказа Казанского Дворца, систему центрального и местного управления, сложившуюся в Среднем Поволжье в конце XVI–XVII в.¹¹⁸ В монографии самарских историков Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова и Н.Ф. Тагировой проанализировано промысловое хозяйство и предпринимательство в XVII в., развитие инфраструктуры и земледельческое производство Среднего и Нижнего Поволжья и прилегающих к ним территорий Приуралья в XIX – начале XX в.¹¹⁹ Эти идеи были развиты на более концептуальном уровне в коллективной монографии «Поволжье как “внутренняя окраина” России»¹²⁰.

Отказ от марксистско-ленинской идеологии дал возможность по-новому рассмотреть проблемы социальной истории как Российской империи в целом, так и ее отдельных регионов. Исследователи конца XX – начала XXI в., уточняя и развивая многие положения, господствовавшие ранее в исторической науке, одновременно подтверждают правоту многих постулатов, отвергнутых советскими историками. Например, авторы вышедшей в конце XX в. обобщающей работы по истории российского крестьянства совершенно правы, утверждая: «В настоящее время противопоставлению правительственной и вольной колонизации все чаще приходит на смену мнение об их органической связи; в целом для практики освоения “украин” в XVI–XVII в. характерно тесное переплетение различных колонизационных форм, их постоянное взаимодействие»¹²¹. И в тоже время один из крупнейших современных исследователей Л.В. Милов так охарактеризовал роль российского государства в освоении новых территорий: «...необычайная активность Русского государства в области создания так называемых “всеобщих условий производства”»¹²².

Особый интерес исследователей вызывает проблема социальной стратификации российского общества в позднеимперский период, соотношения в нем различных сословных, имущественных, социокультурных, этноконфессиональных, правовых групп. Крупнейшим научным вкладом в решение этой проблемы стала двухтомная ра-

бота Б.Н. Миронова, в которой был поднят широкий круг вопросов социальной эволюции различных общественных групп, институтов, практик поведения в условиях модернизации России. Б.Н. Мионов аргументированно доказывает, что в пореформенное время сословия российского общества начали постепенно утрачивать свои специфические права и в юридическом отношении сближаться друг с другом. Затрагиваются в этой фундаментальной работе и некоторые проблемы развития социального пространства Юго-Востока Европейской России: в частности, в ней тщательно характеризуются социальные группы, характерные для Поволжья, отмечена политика правительства по христианизации татар, чувашей, марийцев¹²³.

Следует также отметить фундаментальный обобщающий труд Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, посвященный социальной структуре России на рубеже XIX–XX вв.¹²⁴, а также монографии отечественных и зарубежных историков по положению отдельных сословных или межсословных групп¹²⁵.

Идеи новой социальной истории нашли отражение и в трудах региональных исследователей. Так, подробное исследование торгово-предпринимательского класса было осуществлено в монографии Н.Л. Клейн «Предпринимательство и предприниматели в России»¹²⁶. Обширное исследование по истории поволжского купечества представлено в ряде коллективных монографий (Е.П. Бариновой, В.И. и Н.Н. Семеновых и др.)¹²⁷. Серьезная основа для изучения социально-экономического положения дворянства на Юго-Востоке Европейской России создана работами Е.П. Бариновой, О.А. Курсеевой, З.М. Кобозевой¹²⁸. В монографии Е.П. Бариновой «Российское дворянство в начале XX века» восстанавливается облик дворянства, определяется место и роль сословия в социальной стратификации, ярко представлен процесс «оскудения» дворянства¹²⁹. Проблемы городских сословий на региональном уровне нашли также отражение в ряде диссертационных и монографических исследований¹³⁰. Особую группу исследований составляют работы по истории повседневности городов Поволжья, авторы которых анализируют социокультурную составляющую социального быта основных городских страт, поведенческие стереотипы, менталитет горожан зоны «фронта», а также особенности провинциальной психологии¹³¹.

Появился ряд монографических трудов, авторы которых детально изучили важнейшие военно-государственные мероприятия, направленные на дальнейшую колонизацию Среднего Поволжья и Заволжья: деятельности Закамской и Оренбургской экспедиций, строительство протяженных оборонительных линий, взаимодействие

власти и общества в этом процессе, формирование новых ареалов постоянного расселения. Этой проблематике посвятили свои исследования В.И. Лебедев, Ю.Н. Смирнов, Р.Г. Буканова, Э.Л. Дубман и ряд других историков¹³².

Серьезный вклад в изучение административного, социально-экономического, культурного развития Самарского края внесли работы Л.В. Храмова¹³³. Национальный фактор в социально-экономическом развитии регионов изучался А.В. Никоновым¹³⁴. Социально-классовый состав населения Поволжья был рассмотрен в диссертациях С.Д. Морозова, В.И. Петрова¹³⁵.

В 1990-х – начале 2000-х гг. значительно возрос интерес исследователей к проблематике функционирования органов государственного управления и самоуправления в России. В этот период вышли в свет работы региональных историков, посвященные всестороннему рассмотрению администраций губерний Юго-Востока Европейской России¹³⁶. Данные исследования интересны тем, что в них впервые стали изучаться персоналии, кроме того, внимание уделялось особенностям административной системы в тех или иных губерниях Юго-Востока. Изучение местного самоуправления на этом этапе было представлено в обобщающих работах Л.Г. Захаровой, В.А. Нардовой, Г.А. Герасименко¹³⁷. Монографии этих авторов до сих пор сохраняют актуальность, являются немногими обобщающими работами по истории подготовки и проведения земских и городских реформ во второй половины в XIX в., содержат обширный материал о деятельности учреждений самоуправления в губерниях Юго-Востока Европейской России.

В новейшей региональной историографии появились диссертации, посвященные структуре местных органов власти, характеру и направлениям их деятельности, правовым основам функционирования¹³⁸. Большой вклад в изучение вопросов региональных структур МВД внесли монографии оренбургского исследователя С.В. Любичанковского. В исследовании «Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.)» на основе материалов Вятской, Уфимской, Пермской и Оренбургской губерний изучению и статистическому анализу были подвергнуты функции и обязанности губернаторов России, изучен состав регионального чиновничества, показана деятельность губернского аппарата МВД. В монографии «Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России»¹³⁹ представлена вполне доказательная, точно построенная модель «кризиса власти» на примере губерний Урала, тщательно воссоздано много-

уровневое взаимодействие таких элементов системы, как губернатор, вице-губернатор, губернское правление и остальные учреждения губернской администрации.

Значительно возрос интерес исследователей и к истории местного самоуправления. В 1990-е гг. появилось множество исследований, в том числе диссертации молодых историков, посвященных городскому управлению в отдельных регионах и городах Юго-Востока Европейской России¹⁴⁰. Важным вкладом в историографию темы стали монографии Л.Н. Гончаренко, посвященные истории Поволжских городов в XIX веке¹⁴¹. В данном исследовании комплексно изучаются вопросы, связанные с эволюцией городского пространства в XIX в., тщательно воссоздана социальная структура городов в условиях урбанизации.

В 2000-е гг. предметом внимания исследователей местного самоуправления стали ранее неизученные сюжеты: так, взаимодействие губернской администрации и структур общественного управления анализируется в работах В.А. Тюрина, А.В. Борисова, А.В. Коновалова¹⁴². Итогом изучения местного самоуправления Саратова явилась коллективная монография «Местное самоуправление Саратова: история и современность»¹⁴³, где на основе обширной источниковой базы показана организация и эволюция местных общественных учреждений в XVII–XX в., прослеживается их обширная практическая деятельность, приводятся сведения о видных деятелях саратовского городского самоуправления.

Земское самоуправление Юго-Востока Европейской России стало глубоко изучаться только во второй половине XX в. Первым региональным исследованием по этой проблематике еще в начале 1960-х гг. явилась диссертация Н.Л. Хайкиной (Клейн) об истории становления земских учреждений Поволжья¹⁴⁴. Новый этап в изучении Самарского земства начался в 90-е гг. XX в. в связи с возрастанием интереса историков к роли земства в истории России. Деятельность земств Поволжья конца XIX – начала XX в. всесторонне рассматривалась в диссертациях Н.А. Арнольдова, А.В. Костюкова, Т.В. Коротаевой¹⁴⁵. Культурно-просветительская и медицинская деятельность земства нашла отражение в работах М.Д. Горячева, О.А. Тургановой, В.Ю. Кузьмина¹⁴⁶. Анализ взаимоотношения земских учреждений и власти рассматривался в исследованиях М.С. Чиркова¹⁴⁷. Итогом изучения самарского земского самоуправления выступила коллективная монография «Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.)», в которой на основе широкого круга источников была тщательно воссоздана система земско-

го управления Самарского губернии и показана роль земских учреждений в развитии экономического потенциала, прежде всего, аграрного сектора экономики региона и его социокультурной сферы, в формировании новой инфраструктуры на пространстве Юго-Востока. Речь идет о развитии системы образования, сети медицинских, агрономических и ветеринарных учреждений, строительстве дорог, элеваторов, проведении сельскохозяйственных выставок и реализации других мероприятий, которые стимулировали ход модернизационных процессов в регионе в начале XX в.¹⁴⁸

Выход таких исследований стал возможным благодаря формированию генерации историков, сумевших совместить наработанные предшествующими поколениями традиции с новым методологическим уровнем.

В последние десятилетия XX в. значительно расширился круг исследователей, выросло количество вузов, других научных учреждений, где изучается историческое прошлое региона. Большое число кандидатских диссертаций, подготовленных в этот период, показало возросший интерес к темам, многие из которых ранее считались лежащими вне поля традиционного исторического исследования. Наряду с традиционной социально-экономической (преимущественно аграрно-крестьянской) тематикой в последние десятилетия в кандидатских диссертациях Т.И. Ведерниковой, И.Ф. Мальцевой, А.С. Ряжева, Э.Ю. Шиляева, И.М. Васильева, А.А. Ларичева и др., в сделанных на их основе статьях и прочих публикациях разрабатывались и вопросы этнической, демографической, конфессиональной, политической сторон процесса освоения заволжских и сопредельных территорий. Появилось значительное количество работ по истории православной церкви, исламского общества и христианизации (С.М. Васина, Е.И. Воробьева, А.В. Мендюков, С.Х. Мухаметгалиева, И.А. Пегенева, А.В. Рошкетаяв, К.С. Степанов, С.А. Филиппов, О.В. Чикурова, А.А. Наумлюк и др.¹⁴⁹), русского и национального крестьянства (М.Д. Журавлева, Д.И. Люкшин, О.И. Марискин, С.В. Орлов, А.В. Ральников и др.¹⁵⁰), формированию политической мысли (И.Т. Сабиров, И.Г. Нурутдинов и др.¹⁵¹), национально-культурному строительству и этносоциальной истории (Р.Ф. Галлямов, Б.Л. Хамидуллин, О.В. Шрамкова и др.¹⁵²), служивому городу (Е.В. Липаков¹⁵³), государственной политики в отношении народов Поволжья (Д.А. Котляров, И.Н. Кириллов и др.¹⁵⁴), появлению и истории новых этнических групп на территории региона (Е.Ф. Тюлюлькин и др.¹⁵⁵) и т. д. В национальных образованиях региона (прежде всего, в Республике Татарстан) происходит пере-

смотр процессов их вхождения и последующего развития в составе России; особенностей государственной, национальной и конфессиональной политики метрополии по отношению к окраинам (С.Х. Алишев, Г.Н. Айплатов, А.Г. Бахтин, Д.М. Исхаков, Р.Ф. Галлямов, И.А. Гилязов, А.Б. Юнусова и др.¹⁵⁶). Попыткой обобщить ход заселения Заволжья и Южного Приуралья, политики властей по данному вопросу на протяжении значительного отрезка времени стала докторская диссертация Ю.Н. Смирнова «Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII – середина XIX вв.)» (М., 1999).

Укажем также на важную историографическую роль, которую сыграли и играют сборники материалов поволжских конференций историков-аграрников¹⁵⁷ (четыре таких конференции были проведены в Йошкар-Оле – в 1976, 1988, 2001 и 2008 гг.; две в Саранске – в 1978 и 2003 гг.; две в Чебоксарах – в 1981 и 2005 гг.; две в Казани – в 1984 и 2012 гг.; одна в Самаре – в 2006 г.; и одна в Ижевске – в 2010 г.), или всероссийских и международных научных форумов с более широкой тематикой, подобно состоявшимся в 2004 г. в Самаре конференциям «Славянский мир: общность и многообразие» (см.: «Славянский альманах 2004». М., 2005) и «Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье» (сборник с тем же названием вышел в Самаре в 2008 г.). Во всех этих изданиях нашли отражение самые различные аспекты истории заселения и освоения рассматриваемого края. В качестве еще одного центра по изучению аграрной истории Юго-Востока Европейской России отметим город Оренбург, где по инициативе профессора А.В. Лабузова ежегодно стали проводиться научные конференции, в которых принимают участие историки России и Казахстана¹⁵⁸.

В зарубежной историографии последних двух десятилетий также наблюдается всплеск интереса к истории Российской империи как сложного политического образования, во всем многообразии ее регионов и населявших ее народов. В современных трудах зарубежных историков затрагиваются прежде всего проблемы имперской политики на национальных окраинах: методы взаимодействия центральной власти с местными элитами, конфессиональная политика, способы обеспечения лояльности подданных, а также ответ империи на «вызов» национальных движений, с которым она столкнулась в конце XIX – начале XX в.¹⁵⁹

Ряд этих исследований – в том числе обобщающие труды по истории империи в целом – затрагивают вопросы истории Поволжско-Приуральского региона, его вхождения в состав Российского государства, направлений и логики колониационного движения,

политики центрального правительства в отношении местного населения и его элит¹⁶⁰. Так, история степного фронта Российского государства с XVI по XVIII вв., взаимоотношений власти с кочевниками, установления политического контроля над Юго-Востоком Европейской России рассматривается в трудах М. Ходарковского и А. Доннелли¹⁶¹. Политика Российской империи в отношении мусульман и языческих народов Поволжья подробно анализируется в работах У. Доулера, П. Верта, А. Кефели-Клай¹⁶². В работе Р. Джераси «Окна на Восток» Среднее Поволжье охарактеризовано как регион, где шла разработка подходов и проводилась апробация методов конфессиональной, национальной и образовательной политики, предназначенной для восточных регионов империи¹⁶³. В международном сборнике научных трудов, опубликованном под редакцией К. Мацузато, история Волго-Уральского региона XVI – начала XX в. показана как система макрорегиональных взаимоотношений как различных народов, так и местного населения и государственной власти; становление современных национальных идентичностей прослежено как сложный, творческий и неоднозначный процесс¹⁶⁴.

Позитивной чертой современного историографического процесса является появление ряда трудов по имперской проблематике, написанных в соавторстве авторами из различных регионов России и стран ближнего зарубежья: иностранная литература по интересующей нас теме примечательна тем, что не обособлена от российской исторической науки. Выпущенный в 1989 г. университетом штата Огайо (г. Колумбус) сборник «Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590–1917» под редакцией С.Д. Сереньи и Р.А. Уэйда интересен как пример стремления зарубежных коллег раскрыть облик России не только через столичные, но и провинциальные сюжеты. Для нас особо примечательно обращение именно к истории города – центра губернии, включавшей в 1781–1850 гг. значительную часть Заволжья. Весьма продуктивным оказался опыт междисциплинарного проекта Московского общественного научного фонда «Власть и общество в политическом и этноконфессиональном пространстве России: история и современность» (при поддержке Фонда Форда)¹⁶⁵, а впоследствии – российскими и зарубежными авторами¹⁶⁶.

Площадкой для продуктивного сотрудничества отечественных и зарубежных историков стал журнал «Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве», выходящий в Казани с 2001 г. под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова и других. В издательстве «Новое литературное обозрение» в рамках серии «Historia Rossica» с 2007 г. выходит серия

трудов, посвященных истории различных регионов в составе Российской империи¹⁶⁷. Сильной стороной этих проектов является стремление воссоздать «сложную ткань взаимодействия имперских властей и местных сообществ» во всей ее полноте, дать ответ на вопрос «о ресурсах устойчивости империи, о ее способности стабилизировать гетерогенное в этноконфессиональном и социокультурном отношении общество»¹⁶⁸. Безусловно, методологические подходы, выработанные современной историографией в ходе интенсивного общения ученых разных стран и регионов, могут быть успешно применены для изучения истории Поволжско-Приуральского региона.

Современное состояние исторической науки заставляет нас вновь и вновь обращаться к истокам, научному наследию всего предшествующего периода. Только в этом случае можно ответить на вопросы, которые встают перед исследователями XXI столетия. Анализ вышедшей в последние годы литературы, в которой, в частности, рассматриваются и проблемы истории Поволжья в составе России, показал, что интерес к региональной тематике и попытки увязать ее с общероссийскими и мировыми проблемами получили новые импульсы. В значительной степени это связано с новыми геополитическими вызовами, с формированием современной методологии, уточнением тех положений, которые в настоящее время выглядят устаревшими.

Разумеется, итоги изучения освоения региона не являются окончательными. Они отмечают промежуточный рубеж, достигнутый в историографии темы на начало XXI века, и их анализ поможет наметить пути дальнейшей разработки проблематики и создания и продвижения новых исследований.

3. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Источниковая база изучения Среднего Поволжья и Заволжья во второй половине XVI – середине XIX в.

Основа выявленной исследователями источниковой базы для изучения Среднего Поволжья и прежде всего его южных территорий, лежащих ниже устья Камы в Заволжье и линии Тетюши – Алатырь в Предволжье, с начала их присоединения к Московскому государству и до первых десятилетий XVIII в. сложилась во второй поло-

вине XIX – начале XX в. Наиболее плодотворными для ее формирования были изыскания членов местных губернских ученых архивных комиссий и их организационных преемников – краеведческих обществ, а также отдельных краеведов. Особо значимые результаты были достигнуты подобными комиссиями и обществами по Симбирской и Саратовской губерниям. Такие исследователи, как П.Л. Мартынов, А.Н. Зерцалов, В.Н. Поливанов, К.И. Невоструев, А.А. Гераклитов, П.В. Алабин и многие другие широко использовали для изучения процессов, происходивших на территории региона, как опубликованные законодательные, актовые, делопроизводственные и статистические материалы, так и впервые выявленные ими архивные источники. В итоге уже в то время был изучен и опубликован значительный комплекс новых материалов из государственных и частных архивов, коллекций документов из собраний местного дворянства. Среди них были такие репрезентативные источники, как «Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы» (1665–1667 гг.), «Книга строельная города Симбирска» (1653–1654 гг.), «Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы» (1665–1667 гг.) и многие другие¹⁶⁹.

Уникальный пласт новых материалов, прежде всего архивных, использовал для изучения ранней истории региона П.И. Перетяткович. Исследователь ввел в научный оборот многочисленные источники из фондов Московского архива министерства юстиции и ряда других центральных архивохранилищ¹⁷⁰. В 1920-х гг. М.К. Любавский, характеризуя колонизационные процессы на юго-востоке европейской России, вынужден был опираться исключительно на труды этого исследователя¹⁷¹. И в настоящее время, обращаясь к целостной характеристике Южного Средневожья и Заволжья, мы вынуждены использовать, прежде всего, научные труды Перетятковича. Но говорить о репрезентативности источниковой базы, использованной этим автором, можно только по сравнению с работами других исследователей данного региона. В действительности, Г.И. Перетяткович, используя весьма ограниченную совокупность источников, дал только предварительный со значительными лакунами, анализ колонизации Симбирско-Самарского Правобережья и Казанского Закамья в середине XVII – начале XVIII в.

Причины сложившейся ситуации с источниками и «невнимания» исследователей к ранней истории Южного Средневожья лежат на поверхности. Территория, охватывающая весь Юго-Восток Европейской России в конце XVI – начале XVIII вв., состояла под юрисдикцией приказа Казанского Дворца. Многие историки не раз

отмечали трудности изучения истории районов, находившихся под руководством этого центрального учреждения. Приказ, по справедливому утверждению И.П. Ермолаева, представлял собой «совершенно особое, в значительной степени автономное (в пределах самодержавной власти русского царя), государственное учреждение»¹⁷². В его ведении были сосредоточены практически все вопросы управления «понизовыми городами». К сожалению, здание приказа со всеми хранящимися в его архиве документами сгорело во время московского пожара 1701 г. Об этом свидетельствует ряд источников начала XVIII в. В одном из таких дел, например, говорилось: «...ведомости и чертежи в вышеписанной пожар в приказе Казанского Дворца згорели...»¹⁷³. Уцелела лишь крайне незначительная часть приказного делопроизводства, находящаяся ныне в виде включений в отдельных фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 77, 119, 210, 396, 1209 и др.).

Также весьма узкой является источниковая база, характеризующая деятельность местных уездных и городских учреждений. Архивные коллекции, содержащие делопроизводство съезжих и приказных изб большинства «понизовых городов», таких, как Казань, Саратов, Симбирск, Самара, Алатырь, Чебоксары и другие, крайне небогаты¹⁷⁴. Исключение составляет только богатейший фонд Астраханской приказной избы, хранящийся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН¹⁷⁵. Однако подавляющее большинство дел этого фонда отражают ситуацию, сложившуюся в Нижнем Поволжье, центром которого была Астрахань. Только отдельные материалы касаются Средневолжского региона.

Таким образом, документальная база начального освоения и развития Юго-Востока Европейской России не представляет собой сколько-нибудь целостной совокупности источников, что существенно затрудняет изучение процесса заселения и освоения этой обширной территории Европейской России. В более комфортной ситуации по сравнению с историками Поволжья оказались исследователи, изучавшие историю Юга России, где в середине XVI – XVII в. происходили аналогичные процессы строительства укрепленных линий и заселения, и по которым сохранился обширный массив документации, осевший в фондах Разрядного, Поместного, Стрелецкого и других приказов.

Утвердившийся в отечественной историографии постулат о крайней скудности источников по области приказа Казанского Дворца можно преодолеть только за счет систематической источниковед-

ческой работы, предусматривающей фронтальное изучение материалов всех фондов, которые имеют хоть какое-то отношение к данной территории. Важное значение приобретает также привлечение ряда недостаточно используемых архивных коллекций.

В свое время казанский историк И.П. Ермолаев, занимаясь реконструкцией структуры и основных направлений деятельности приказа Казанского дворца¹⁷⁶, одновременно стремился решить еще одну важную задачу. Он и его ученики предприняли попытку выявить практически утраченный корпус документов делопроизводства Казанского дворца, т. е. его архива, а также актового материала, сопряженного с территориями, подведомственными этому учреждению. В результате систематического фронтального просмотра уже опубликованных материалов, а также фондов ряда центральных и местных архивохранилищ, Ермолаеву удалось собрать обширный свод данных о сохранившемся приказном делопроизводстве. В итоге был составлен хронологический перечень выявленных материалов, начато их введение в научный оборот¹⁷⁷. К сожалению, внимание исследователя ограничивалось рамками преимущественно так называемого «Казанского» Поволжья.

Об успешности подобных фронтальных поисков свидетельствует архивная и археографическая деятельность историков ряда республик Среднего Поволжья и Приуралья – Мордовии, Чувашии, Башкирии, Марий Эл и др.¹⁷⁸ Успех таких систематических изысканий был обеспечен благодаря созданию специализированных научно-исследовательских центров и институтов в этих республиках. Именно они смогли организовать планомерную работу по выявлению и изучению комплексов материалов по истории субъектов Российской Федерации XVI–XVIII вв. Так, В.Д. Димитриевым были опубликованы и изучены уникальные царские указы казанским воеводам в XVII в.¹⁷⁹ К сожалению, по территориям, входящим в состав современных областных административно-территориальных образований – Ульяновской, Самарской, Саратовской и других областей, такая работа систематически не проводилась.

В условиях сложившегося «дефицита» источников особую важность приобретает проведение крупномасштабных работ, направленных на выявление и публикацию сводов документов, посвященных отдельным событиям («Разинщине»¹⁸⁰) в истории региона, определенным сторонам его развития. Например, комплексный подход к изучению опубликованных разрядных книг XVII в. и выписок из них, окладных росписей, сметных списков и других делопроизводственных материалов Разрядного приказа, содержащих сводную

систематизированную информацию, позволяет представить систему вооруженных сил, размещенных на территории «понизовых городов» в ее эволюции¹⁸¹.

Исследования, позволяющие провести реконструкцию собственно делопроизводства приказа Казанского Дворца, имеют исключительно важное значение для изучения как данного центрального учреждения, так и всей приказной системы Московского государства. Для решения этой проблемы необходимо выявить копии приказных документов, отписок, судебных дел, сохранившихся в фондах других учреждений. Но, вероятно, и эта работа вряд ли позволит сформировать сколько-нибудь обширную источниковую базу для изучения истории территорий, находившихся в его ведении.

Более результативным становится поиск материалов других учреждений, корпоративных и частных владельцев, действовавших на территории Юго-Востока. Как известно, они вели свое, независимое от властей приказа Казанского Дворца, делопроизводство. Например, к таковым корпоративным предпринимателям-собственникам, фонды которых в определенной степени сохранились, относились крупнейшие монастыри страны (московские – Чудов, Новоспасский, Новодевичий, Вознесенский; подмосковные – Савво-Сторожевский и Воскресенский Новоиерусалимский; нижегородские – Печерский и Благовещенский; костромской – Ипатьев и другие), Патриарший и епархиальные дома¹⁸². Разумеется, в процессе архивных изысканий эти два направления могут взаимно пересекаться, соседствовать и взаимно дополнять друг друга. Но более плодотворным все же является, на наш взгляд, второй подход.

Таким образом, единственная возможность компенсировать источниковые лакуны состоит в планомерной, фронтальной, длительной работе по «прочесыванию» центральных и местных архивохранилищ. Пример такой деятельности, как уже говорилось выше, показали изыскания членов губернских ученых архивных комиссий. Отметим, что после революции вплоть до 1980-х гг. попытки продолжить подобную кропотливую работу предпринимались лишь эпизодически. Только в последние десятилетия в областных центрах Южного Средневолжья стали выходить сборники документов, содержащие новые оригинальные материалы по истории региона¹⁸³. Но, к сожалению, накопленная к настоящему времени источниковая база до сих пор используется слабо и непродуктивно.

Поиск новых источников по ранней «русской» истории Южного Средневолжья в местных архивохранилищах (Ульяновска, Самары, Сызрани и т. д.) свидетельствует о том, что ряд сведений можно

обнаружить в более поздних материалах межевания, например, в судебных делах XVIII – начала XIX в. Однако такой поиск является весьма трудоемким.

Более продуктивной может быть работа в центральных архивохранилищах и, прежде всего, в Российском государственном архиве древних актов. Позитивные результаты может дать изучение делопроизводства учреждений, привилегированных землевладельцев и предпринимателей; коллекций документов, которые ранее практически не вводились в научный оборот при изучении средневековой истории региона. К таковым, например, относятся пошленные и беспошленные книги Печатного приказа (РГАДА. Ф. 233), книги переписи оброчных статей по уездам Ингерманландской (Семеновской, Ижорской) канцелярии (РГАДА. Ф. 26)¹⁸⁴; дела патриарших приказов (РГАДА. Ф. 235 и 236), переписные и другие книги, отдельные акты Генерального двора в с. Преображенском (РГАДА. Ф. 1209, коллекция дел этого учреждения сохранилась в фондах Поместного приказа)¹⁸⁵, внутривотчинное делопроизводство крупных корпоративных церковных (РГАДА. Ф. 1199, 1207, 235, 236, 237, 281 и др.) и светских привилегированных собственников и т. д. Помимо фондов корпоративных собственников, уникальный свод материалов по их владениям содержит фонд Грамот Коллегии Экономии¹⁸⁶. В нем, как и ряде других коллекций материалов, собранных во второй половине XVIII в., отложились выписки из переписных, писцовых, межевых и других книг, грамоты и т. д. на владения церкви в изучаемом регионе.

При практически несохранившемся приказном делопроизводстве особую ценность приобретают документы центральных учреждений страны, занимавшихся регистрационной – «нотариальной» – деятельностью, в частности Печатного приказа (РГАДА. Ф. 233)¹⁸⁷. Исследователи неоднократно отмечали особую значимость сведений, содержащихся в записных книгах приказа, но обращались к ним крайне редко. Лишь небольшая часть приказного делопроизводства опубликована¹⁸⁸. Для исследования истории Понизового Поволжья особую важность имеет скрупулезная работа по изучению делопроизводства данного приказа, проделанная в 1920-х гг. А.А. Гераклитовым¹⁸⁹. Рукописи А.А. Гераклитова практически не были опубликованы и хранятся в личном фонде исследователя в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Выборочная сверка этих выписок с записями в книгах Печатного приказа показала высокую профессиональную точность исследователя и возможность применения собранных им материа-

лов в качестве достоверного источника¹⁹⁰. Направления, обозначенные авторами этих и других работ, показывают новые возможности для дальнейшего изучения понизового города, его роли в хозяйственном освоении окружающей территории.

Предстоит скрупулезная работа и с материалами тех центральных учреждений, которые, казалось бы, в силу широкой компетенции приказа Казанского Дворца, не контролировали изучаемый регион. Среди них, в первую очередь, следует назвать Поместный и Разрядный приказы, среди огромного массива делопроизводства которых встречаются как бы «переотложенные» отдельные дела (как правило, копии или выписки из несохранившейся документации Казанского дворца). Так, в последние годы были обнаружены весьма значительные по объему писцовая книга Симбирска и Карсуна 1685–1686 гг.¹⁹¹, роспись дел Симбирской приказной избы за 1662–1700 гг.¹⁹², росписной список Симбирска 1670 г.¹⁹³ и т. д.

Такой подход к архивным изысканиям в целом позволяет получить весьма положительные результаты. Он дает возможность выявить новые достаточно информативные источники. Прежде всего, «переступают» такие межведомственные рубежи Разрядный приказ и учреждения, появившиеся в конце XVII – начале XVIII в. в ходе ликвидации старой и строительства новой петровской армии.

Так, например, 28 марта 1701 г. появился указ Петра I о сборе по всей территории Московского государства информации «...из городов и с пригородов и с уездов». В частности, необходимо было получить сведения о том «...сколько по спискам начальных и иных всякого чину ратных конного и пешего строю людей... и сверх генеральных полков в Розряде и в иных приказах сколько каких служилых людей по спискам»¹⁹⁴. Городовые воеводы должны были срочно отписать, в том числе и в отношении «... низовых городов строения и военных припасов»¹⁹⁵.

К ним относятся, в первую очередь, «Смета ратных сил понизовых городов» 1704 г., составленная, по всей видимости, в Казани¹⁹⁶; «Опись «понизовых» городов 1701–1704 гг.»¹⁹⁷, книги переписи оброчных статей по Симбирскому и другим уездам уже упоминавшейся выше Ингерманландской (Семеновской, Ижорской) канцелярии¹⁹⁸; ряд других репрезентативных источников, позволяющих определить ситуацию с вооруженными силами изучаемого региона на рубеже XVII–XVIII вв.

С начала 1730-х гг. начинается превращение обширных и практически безлюдных пространств кочевой степи и лесостепи Самарского Заволжья в важнейший земледельческо-промысловый реги-

он страны с многочисленным оседлым населением. В исторически короткий срок (почти через 120 лет) этот процесс в основном завершился, что отразилось в факте создания заволжской Самарской губернии (1851 г.), получившей такой же статус «внутренней губернии Империи», как и издревле обжитые территории центра России. В ходе освоения Заволжья в его географических границах и указанных хронологических рамках происходило включение новых земель в состав нашего государства и превращение их в неотъемлемую составную часть страны. Изучение этого процесса стало вполне реальным благодаря выявлению значительного массива источников. Более 120 фондов, содержащих документальные источники по данной теме, имеются в столичных и региональных архивах. Эти фонды включают документы самого разного содержания: законодательство и акты, деловую переписку и судопроизводство, анкеты и переписи, и т. д.

Разнородность административной принадлежности рассматриваемой территории до момента образования Самарской губернии не способствовала скоплению документальных материалов, относящихся до середины XIX в., в архиве какой-нибудь одной области. Более того, ранний период этой истории (XVIII – начало XIX вв.) вообще плохо представлен в архивохранилищах поволжских городов, часто страдавших от многочисленных пожаров. Данное обстоятельство является общей трудностью для всех историков Среднего Поволжья и вынуждает исследователя постоянно обращаться к источникам, отложившимся в фондах центральных архивов страны – РГАДА, РГВИА и ГАРФ в Москве; РГИА и Научного архива РГО в Санкт-Петербурге. Перечисленные архивохранилища, а также рукописные отделы Российской государственной библиотеки (РГБ), Российской национальной библиотеки (РНБ), библиотеки Академии наук (БАН) сохраняют важное значение для изучения и более позднего времени, хотя к середине XIX в. все более дополняются и обогащаются материалами областных архивов Самары (ЦГАСО), Оренбурга (ГАОО), Ульяновска (ГАУО).

Архивные источники по истории освоения края в XVIII в. сохранились, прежде всего, в РГАДА в фонде 248 «Сенат и его учреждения», в состав которого вошли, кроме дел собственно канцелярии Сената, материалы других ведомств. Особый интерес вызывают включения в данный фонд материалов Оренбургской экспедиции, Башкирской комиссии, Следственной комиссии по делу В.Н. Татищева. Дела Оренбургской экспедиции, комиссии, вновь учрежденной Оренбургской губернии имеются и в ГАОО (Ф. 1, 2, 3).

Дополнительные сведения по этому периоду содержатся также в коллекции РГВИА (Ф. 490), где среди списков прочих полков есть и относящиеся к пограничным войскам тогдашнего Юго-Востока Европейской России, а также в редких, но весьма содержательных уцелевших делах ряда местных и временных учреждений, которые действовали на заволжских территориях Казанской и Оренбургской губерний в период их первоначального заселения. В РГАДА это фонды 625 «Самарская воеводская канцелярия», 767 «Самарская ратуша», 819 «Ставропольская канцелярия калмыцких дел», 822 «Оренбургская войсковая канцелярия», 829 «Таможни и кружечные дворы», 411 «Оренбургская губернская канцелярия», 583 «Сызранская воеводская канцелярия» и др. Деятельность верховной власти и близких ей учреждений того времени отражена также в РГАДА в фондах разрядов Госархива и в РГИА в фонде 1329 «Именные указы и высочайшие повеления Сенату». Материалы первых трех ревизий собраны в РГАДА в фонде 350 «Ландратские книги и ревизские сказки».

Церковь, дворец и казна долгое время оставались в числе основных землевладельцев в Заволжье, документы по истории их имений позволяют представить важные страницы начального продвижения оседлого населения в регион. Эти документы представлены в РГАДА в фондах 281 «Грамоты Коллегии Экономии», 280 «Коллегия Экономии», 1239 «Дворцовый отдел», 396 «Оружейная палата».

Архивные источники, начиная со второй половины XVIII в., представлены более широко. Наряду с делами губернских, уездных и прочих государственных учреждений выдающееся значение среди них имеют фонды крупнейших землевладельцев края: Орловых и Орловых-Давыдовых (РГАДА. Ф. 1273, 1454; ГАУО. Ф. 147; ОР РГБ. Ф. 219), их родственников Паниных и Салтыковых (РГАДА. Ф. 1274, 1386). Хранящиеся там документы позволяют реконструировать процесс формирования хозяйства, рисуют интересную картину формирования и жизни громадной Усольской вотчины, объединявшей значительные территории как Заволжья, так и сопредельного Правобережья. Исключительную ценность имеют межевые фонды и собрание Экономических примечаний к Генеральному и другим межеваниям (РГАДА. Ф. 1336, 1354 1355, 1357; ГАУО. Ф. 17; ЦГАСО. Ф. 388).

Для первой половины XIX в. практически уже невозможно работать и даже затруднительно перечислить все материалы, относящиеся к Заволжью. Различные материалы по истории дореформенного времени разбросаны в фондах многочисленных централь-

ных и местных учреждений столичных и областных архивов. Например, в отличие от погибших в большинстве своем в пожарах архивов государственных учреждений Симбирска, сравнительно полно сохранились там же дела удельного ведомства (ГАУО. Ф. 318, 322, 323).

Наиболее полно представлено переселенческое движение этого времени в делах тех центральных ведомств, которые непосредственно несли ответственность за это дело, Министерства финансов и Министерства государственных имуществ, в РГИА в фондах 379 «Департамент государственных имуществ Министерства финансов», 381 «Канцелярия министра земледелия», 383 «Первый департамент Министерства государственных имуществ». Немало материалов административного и прочего назначения отложилось и в разных фондах различных подразделений Сената, Министерства внутренних дел, Комитета министров в РГИА. Своеобразный и весьма живой источник – дела различных сенатских ревизий Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерний (РГИА. Ф. 1378, 1380, 1537, 1555, 1557).

Кроме архивов органов государственного управления, сохранились фонды научных обществ и учреждений (Вольного экономического и Русского географического общества, Военно-Ученого архива, губернских ученых архивных комиссий), где наряду с материалами официального происхождения отложилась и ученая переписка, целые труды (в рукописях) ученых, статистические сведения. Не менее интересны личные архивы. Некоторые из них, принадлежавшие ученым и любителям старины, напоминают по составу архивы научных обществ (ОР РГБ. Ф. 231. Погодин М.П.; НА РГО. Ф. 2. Кеппен П.И.; ОР РНБ. 595 Поленовы В.А. и Д.В.; Ф. 608. Помяловский И.В; Ф. 166. Вяземский). В других можно встретить и казенные бумаги, и личную переписку, и хозяйственные дела, и рукописи художественных сочинений. Наиболее интересными для Заволжья можно считать фонды, связанные с именами литераторов и одновременно заволжских помещиков Г.Р. Державина (ОР РНБ. Ф. 247), К.Д. Кавелина (ОР РГБ. Ф. 548), Н.И. Второва (ОР РНБ. Ф. 37), а также в разное время стоявших во главе управления этим краем государственных деятелей П.И. Панина (ОР РГБ. Ф. 222), В.А. Обручева (ОР РНБ Ф. 120), В.А. Перовского (ОР РНБ Ф. 571; РГИА. Ф. 1021).

Весьма пестрыми представляются собственно библиотечные собрания рукописных книг, сборников, отдельных документов, не связанные происхождением с конкретными лицами и учреждениями. В составе Эрмитажного, Основного и Нового собраний рукописных книг, а также Собрания единичных поступлений РНБ, как

и в аналогичных собраниях РГБ, РГАДА, БАН, Ульяновской научной библиотеки – Дворца книги и Самарской универсальной научной библиотеки, находятся рукописи сочинений по истории и статистике П.И. Рычкова, Я. Гавердовского, А. Гильдебранта и другие источники XVIII – первой половины XIX в. В различных библиотечных собраниях и архивных фондах имеется ценный графический материал, редкие рукописные карты и схемы.

В особую группу следует выделить источники по событиям в Заволжье в 1773–1775 гг. Основная их масса при всем разбросе по различным архивам все же скомпонована в РГАДА в фондах б «Госархив. Разряд VI – Уголовные дела по государственным преступлениям», 349 «Московская контора тайных розыскных дел и Тайная экспедиция Сената», 1100 «Канцелярия оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа». Организация деятельности политической полиции и надзора за ссыльными в Заволжском крае, оценка жандармскими офицерами состояния подведомственных территорий в первой половине XIX в. представлены в ГАРФ в фондах 109 «III Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии», 110 «Штаб отдельного корпуса жандармов», 1165 «Особенная канцелярия Министерства Внутренних дел», 1174 «7–й округ Штаба Отдельного корпуса жандармов (г. Казань)».

Архивные материалы по теме дополняются изданиями документальных источников, в т. ч. опубликованных недавно¹⁹⁹. Опыт использования перечисленного архивного материала представлен в ряде публикаций²⁰⁰.

Среди путей поиска еще не введенных в регионоведческий оборот историко-культурных материалов предлагаются следующие: рассмотрение публикаций прессы, обращение к деятельности местных статистических комитетов, изучение работы научных обществ и состава их провинциальных корреспондентов²⁰¹. Каждый из перечисленных путей требует особых методов изучения. В ходе такого изучения появляются новые публикации²⁰². Однако их число по-прежнему невелико, а потому необходимы дополнительные изыскания непосредственно в Научном архиве Русского Географического общества в Санкт-Петербурге (НА РГО). Присланные с мест «Рукописи трудов членов РГО и отдельные документы» скомпонованы здесь по разрядам, соответствующим административным единицам, хотя деление это условно, поскольку состав губерний претерпевал изменения, а рукописи могли содержать сведения по разным территориям. Ориентировке в делах помогает опубликованная опись²⁰³.

Постепенное включение жителей края в деятельность РГО началось еще до образования Самарской губернии в 1851 г., т. е. до

появления здесь средств активизации интеллектуальной жизни, при- сущих административному центру высокого ранга. Сами эти сред- ства появились не одновременно с губернией. Первый номер «Са- марских губернских ведомостей» вышел в январе 1852 г., а губер- нский статистический комитет был открыт в июле 1854 г. К тому же должно было пройти время, прежде чем газета или комитет обнаружили и привлекли имевшийся на месте исследовательский потенциал.

Корреспонденты РГО не были ограничены небольшим объемом газетной публикации или заданностью тематики официальной ста- тистики. Их материалы выглядят более соответствующими обще- ственным и личным интересам, нежели заметки в прессе и справки для администрации. Однако опубликовать большинство получен- ных материалов силами самого общества оказалось непосильной задачей. Из полученного в РГО 1840–1850-е гг. не напечатано ни- чего, относящегося к нашему региону, кроме «Описания Закамских линий» М.И. Иванина²⁰⁴. Его автор, капитан Генерального штаба, про- явил интерес к фортификационным сооружениям XVII–XVIII вв. в Самарском Заволжье и собрал о них ценные свидетельства, вклю- чая архивные источники.

Некоторые из поступивших в РГО рукописей схожи с офици- альными или полуофициальными отчетами, документами, которые можно найти в государственных архивах и в статистических изда- ниях. Примечательны случаи оформления их в виде сборников, что облегчает сопоставление и сравнение разновременных данных. На- пример, в «Сборнике описаний Оренбургской губернии» сведены 4 статистических обзора первой трети XIX в., в т. ч. по заволжским Бугульминскому, Бугурусланскому и Бузулукскому уездам, разных составителей (П. Чичагов, А. Тимофеев, Оренбургская казенная палата, канцелярия военного губернатора). Среди присланных ру- кописей есть и просто копии распоряжений правительственных органов, выбранные в силу значимости поднятых проблем для хо- зяйства и населения в целом.

Ряд рукописей был получен от должностных лиц, стремившихся заниматься изучением края и делиться своими знаниями и опытом. Бывший губернатор А.М. Фадеев представил «Очерки статистичес- кого описания Саратовской губернии», в т. ч. ее заволжской части, впоследствии переданной в Самарскую губернию, пополнив дан- ные официальных отчетов собственными наблюдениями.

Среди рукописей, полученных из Саратова, есть подготовлен- ные чиновником и краеведом А.Ф. Леопольдовым, который по-

зднее в Самаре редактировал «Самарские губернские ведомости» и представлял в эту газету ряд краеведческих публикаций²⁰⁵. В том же архиве в фонде П.И. Кеппена хранятся неопубликованные материалы для этнографической карты России. Среди лиц, представивших эти материалы, вновь встречается имя А.Ф. Леопольдова²⁰⁶.

Обширное «Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» было составлено Н.В. Вороновым, служившим чиновником по особым поручениям при губернаторе К.К. Гроде, по просьбе вице-президента РГО М.Н. Муравьева. К числу чиновников, обогативших трудами о Заволжье собрание РГО, относится и землемер В. Лосиевский.

Епископ Иаков прислал очерки и записки, которые входят в круг работ этого церковного деятеля о заволжском старообрядчестве и его иргизском центре²⁰⁷. Интересны рукописи профессора Симбирской семинарии Д.Н. Орлова о селе Усолье. Отдельным селениям в Заволжье посвящены «Ответы на вопросы по разным частям сельского хозяйства», присланные в 1852 г. священниками М. Спиридоновым, Ф. Соколовым, М. Раковским. Бытовые, фольклорные и этнографические заметки присылали и другие священники.

Активно откликнулось на запросы РГО удельное ведомство, заведовавшее обширными владениями императорской фамилии. Чиновник этого ведомства А. Каминский составил в 1854 г. «Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарской удельного имения». Этот очерк дополняется «Этнографическим описанием удельных крестьян Ставропольского уезда». А в 1847 г. корреспондентами РГО стали сами удельные крестьяне. В Государственном архиве Ульяновской области сохранилось дело Сызранской удельной конторы «О собирании сведений для Географического общества»²⁰⁸. Здесь представлены записи народных песен, других фольклорных и этнографических материалов, собранных среди крестьян должностными лицами местного самоуправления²⁰⁹.

Фонд РГО есть в другом архивохранилище – Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Обращает на себя внимание отношение в РГО директора народных училищ Самарской губернии А.П. Пономарева от 12 ноября 1853 г.²¹⁰ По его поручению работу по сбору мордовских слов и замечаний об этом народе проделал учитель Самарского уездного училища Г.Н. Потанин. Задание директора по сбору мордовских слов познакомило Потанина с деятельностью РГО и в свою очередь стимулировало появление новых работ самарского учителя о быте и фольклоре горожан. Статьи этнографического содержания были присланы в РГО еще двумя учителями: Н. Юнгом и К.Г. Евлентьевым.

Источники по теме заселения и освоения Заволжья представлены также законодательными актами и другими материалами, опубликованными в Полном собрании законов Российской Империи (ПСЗ), справочных и статистических изданиях, различных сборниках²¹¹, введенными в научный оборот в периодике, в исторических и краеведческих исследованиях.

С середины XVIII в. входит в практику издание географических и топографических описаний. К важнейшим из них относятся труды П.И. Рычкова²¹², отчеты академических экспедиций П.С. Палласа, И.И. Лепехина, И.Г. Фалька, Н.П. Рычкова, работы исследователей более позднего времени, например, знаменитого географа и статистика, видного государственного деятеля К.И. Арсеньева.

Высокую ценность представляют переписка, воспоминания и сочинения современников. Среди самых ранних следует назвать инициатора Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова, других ее сотрудников и руководителей (А.В. Тевкелева, В.Н. Татищева, И.И. Неплюева)²¹³, а также менее известных авторов и свидетелей тех событий, в том числе иностранцев-англичан²¹⁴. История Заволжья конца XVIII – первой половины XIX в. также представлена рядом эпистолярных, дневниковых и мемуарных памятников²¹⁵.

Интересные результаты дает использование также произведений литературы. В качестве исторических источников можно рассматривать ранние творения молодого Державина, созданные в Заволжье под непосредственным впечатлением событий 1773–1775 гг. Рассматриваемому региону посвящены уникальные по сочетанию литературных достоинств и фактической точности отображения действительности произведения С.Т. Аксакова «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники», «Наташа» и др. С точки зрения историка, это – высокохудожественная обработка семейных преданий и личных впечатлений, сближающаяся с «устной историей» и мемуаристикой, но не сливающаяся с ними.

Анализ совокупности имеющихся в нашем распоряжении документальных материалов позволил сделать вывод о том, что источниковая база в целом достаточна для исследования исторических процессов, протекавших в Заволжье. Относительно короткий в исторических мерках срок освоения региона и многочисленные источники дают возможность реконструировать рассматриваемую страницу прошлого нашей страны с редкой степенью полноты, проанализировать указанные процессы практически от самого начала и до их завершения.

Можно сделать вывод, что к настоящему времени выявлен ряд источников как частного, так и обобщающего статистического характера, совокупность которых позволяет изучить важные стороны его заселения; показать географическое размещение населенных пунктов на территории региона (провести их картирование), выявить особенности хозяйственной и административной деятельности. Следует пересмотреть традиционный вывод о скудости источниковой базы. Это суждение остается справедливым лишь для самых ранних этапов освоения региона. Однако совершенно очевидно, что существуют вполне реальные возможности компенсировать многие имеющиеся в ней лакуны.

Источники по истории Среднего Поволжья и Заволжья второй половины XIX – начала XX в.

По контрасту с рассмотренным выше периодом источниковая база для изучения второй половины XIX – начала XX вв. в истории Среднего Поволжья и Заволжья весьма обширна и многообразна. В региональных государственных областных архивах имеется богатейший источниковый материал по всем направлениям изучаемой проблемы, что позволяет вести исследование как на макро-, так и на микроуровне. Кроме того, имеется возможность использовать также и материалы центральных архивохранилищ, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге, а также обширный корпус документальных публикаций. Комплекс источников включает в себя законодательные и нормативные акты, делопроизводственные материалы центральных и местных учреждений, материалы периодической печати, статистическую информацию, источники личного происхождения.

Законодательные и нормативные источники в основном представляют собой статьи законов, определявших функционирование губернской администрации и городских учреждений. Большая часть нормативных актов, использованных в исследовании, была взята из «Свода законов Российской империи». Изучение законодательных материалов, манифестов, положений, законов, высочайших рескриптов, повелений и других законодательных материалов позволяет проследить важнейшие перемены в имперской политике как в целом в стране, так и в отношении населения регионов России. В связи с этим особое значение имеет анализ особенностей реализации Великих реформ и преобразований П.А. Столыпина, что позволяет рассмотреть вопрос о темпах модернизационных про-

цессов в губерниях, входивших во «внутреннюю окраину» России. В то же время законодательные материалы содержат ценнейшую информацию о функциях и компетенциях корпоративных организаций дворян, купцов и мещан, а также о правовом положении разных сословий и социальных слоев населения. Особое значение приобретает изучение правовой регламентации губернской и уездной администрации, которая зафиксирована в «Общем учреждении губернского», «Уставе о службе гражданской»²¹⁶. Важнейшими нормативными актами являются «Городовые положения» 1870 и 1892 гг., регламентирующие деятельность городского самоуправления, «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. и 1890 г., регламентирующие деятельность земского самоуправления. К числу важнейших нормативных документов следует также отнести такие акты, как «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (1785), «Законы о состояниях (1857 и 1876 гг.)», «Устав о паспортах и беглых», «Устав о промышленности» и др.

Наиболее важной группой источников являются делопроизводственные материалы центральных и местных учреждений. Они отложились в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Наиболее ценны документы Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел²¹⁷, который контролировал функционирование всей системы местного управления. В фонде Канцелярии министра внутренних дел²¹⁸ были обнаружены формулярные списки некоторых губернаторов и городских голов, еженедельные донесения губернаторов о происшествиях в губернии. Не менее важен для достижения цели исследования фонд Департамента общих дел Министерства внутренних дел²¹⁹, в котором отложились ежегодные всеподданнейшие отчеты губернаторов о состоянии губерний. Они с 1897 г. подразделялись на собственно отчет, содержащий сведения, достойные внимания императора, и обзор, в котором была дана полная характеристика состояния губернии с приложением из восьми ведомостей. Ценная информация содержится и во «Всеподданнейших докладах» императору, а также в министерства и в другие центральные органы коронной администрации. В отличие от отчета доклад содержал сведения по конкретному вопросу, проблеме или событию.

В фондах РГИА были выявлены важнейшие архивные документы, среди них циркуляры, распоряжения, постановления, разъяснения и рекомендации высших и центральных органов государственной власти, отражающие их отношение к деятельности коронной администрации и местного управления в целом и в Сред-

нем Поволжье, в частности. Всеподданнейшие отчеты и циркуляры губернаторов, журнальные постановления и служебная переписка различных местных учреждений позволяют выявить основные направления деятельности местного управления. В них можно также почерпнуть много сведений о социально-экономическом развитии на нескольких уровнях — региональном, губернском, уездном и даже волостном, а также проследить их зависимость от других факторов: этнического, почвенно-климатического и др.

Основная масса архивных источников выявлена в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО), Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО) и Государственном архиве Саратовской области (ГАСО). Структура фондов перечисленных архивохранилищ принципиально не различается, это позволяет в целом охарактеризовать наиболее важные для исследования материалы. В каждом из областных архивов были изучены материалы фондов Канцелярий губернаторов²²⁰, содержащие документы по личному составу чиновников, организации работы губернатора, по основным направлениям деятельности губернских властей. Наиболее важны материалы, позволяющие выявить механизм взаимодействия власти и общества на уровне их непосредственного столкновения, т. е. на местах. Речь идет о документах органов общественного сословного управления. В эту группу вошли протоколы заседаний очередных и чрезвычайных губернских и уездных дворянских собраний, переписка губернских предводителей дворянства с администрацией, Постоянным Советом объединенных дворянских обществ и между собой по разным вопросам деятельности корпоративных организаций. Программные установки, тактика и основные направления деятельности дворянских организаций нашли отражение в журналах и материалах Съездов уполномоченных губернских дворянских обществ, а также в стенографических отчетах заседаний I—VIII съездов этих организаций (1909—1912 гг.)²²¹. В пореформенный период существенно возрастает роль торгово-промышленного сословия в экономической и культурной жизни Среднего Поволжья и Заволжья. В этой связи реконструировать воздействие купцов на развитие экономического потенциала региона возможно на основе изучения документов и материалов, отложившихся в фондах купеческого старосты, городской управы и губернского по городским делам присутствия, а также материалов городских дум. Фонды канцелярий губернаторов, губернских правлений, хранящихся в государственных областных архивах, содержат данные о финансовом положении и состоянии движимого и недвижимого иму-

щества представителей, входящих в купеческое общество. Материалы фондов купеческого старосты позволяют реконструировать социальное поведение купцов, выявить их социально-психологическую мотивацию при принятии решений, проследить мобильность данного сословия, выявить источники формирования. Важное значение имеет анализ взаимоотношений купечества с властными структурами, участие их в общественной жизни и торгово-промышленной деятельности²²². Послужные списки купцов, сведения о наградах и почетных званиях, хранящиеся в фондах казенных палат, позволяют судить об общественной активности купцов, их участии в создании очагов культуры и образования, а также благотворительной деятельности.

Повседневную жизнь основного городского сословия – мещанства – характеризуют материалы, отложившиеся в фондах городских дум и мещанских управ²²³. Документы фонда духовной консистории помогают изучить уровень религиозности городского общества, а также определить уровень восприятия официальной доктрины представителями разных социальных слоев. Кроме того, значительное количество материалов этого фонда отражают политику государства и православной церкви по отношению к старообрядцам и различным сектам. Религиозную жизнь горожан иллюстрируют исповедальные ведомости, отчеты благочинных, постановления духовных консисторий.

Следует отметить, что материалы, хранящиеся в государственных архивах Среднего Поволжья и Заволжья, весьма значимы и достаточно репрезентативны для воссоздания городского социокультурного пространства второй половины XIX – начала XX в. Они отражают многие стороны повседневной жизни горожан и позволяют вести исследование на микроуровне. Вместе с тем материалы о повседневной жизни городского общества хранятся также в фондах центральных архивов, например, в фонде Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел²²⁴, а также в фонде Постоянного совета объединенных дворянских обществ²²⁵. Нельзя при изучении этой проблемы пройти также мимо всеподданнейших отчетов губернаторов, журналов заседаний городских дум, делопроизводственных материалов других властных структур и органов местного самоуправления. Значительный объем материалов по истории Среднего Поволжья и Заволжья находится в фондах ученых архивных комиссий. Важное значение приобретает изучение личных фондов ученых и общественных деятелей, которые хранятся в региональных архивохранилищах и архивах областных краеведчес-

ких музеях. Материалы фондов врачебных управ также необходимо использовать при изучении повседневной жизни городского сообщества²²⁶.

Документы, отложившиеся в фондах канцелярий губернаторов Среднего Поволжья, позволяют не только анализировать общие тенденции в социальной жизни «внутренней окраины», но и изучить различные поведенческие казусы, попавшие в поле зрения властных органов.

Важнейшее значение имеют фонды губернского правления²²⁷ и губернской полицейской управы²²⁸. Фонды губернских правлений содержат данные по делам о дворянских, городских и сельских выборах, о народонаселении, торговле, промышленности и ремеслах; здесь отложились документы о земских повинностях, о назначении торгов, документы по строительным вопросам, рассмотрение смет и отчетности городов, статистические данные по различным сферам провинциальной жизни, информация о деятельности полиции.

Фонды губернских жандармских управлений²²⁹ содержат информацию о нарастании поведенческих девиаций в городской среде и росте социальных антагонизмов в деревне как в пореформенный период, так и в начале XX века. В то же время сохранившиеся источники позволяют детально рассмотреть деятельность чиновников губернского аппарата. Ценная информация содержится в фондах земских начальников²³⁰, что позволяет внести коррективы в традиционные представления о характере и направлениях деятельности участковых начальников на местах. Укажем также, что основной массив материалов, характеризующий деятельность революционных организаций и противоправительственных выступлений рабочих и крестьян, хранится в фондах канцелярии губернатора судебных палат, окружных судов, прокуратуры, а также в фондах органов политического розыска.

Материалы органов политического розыска (губернские жандармские управления, губернские охранные отделения, жандармские полицейские управления железных дорог, Поволжское районное охранные отделение, городские полицейские управления) содержат разнообразную информацию об общественной жизни, настроениях населения, о политических организациях, особенно партийных. Эта информация имеется в донесениях агентов внутреннего и наружного наблюдения, документах партийных и общественных организации, собранных неправительственных легально и нелегально изданных брошюрах, листовках, газетах и других печатных материалах. Чрезвычайную важность для изучения общественных и анти-

правительственных настроений и истории организаций имеют материалы созданного в 1906 г. Поволжского охранного отделения, в сферу наблюдения которого входили все губернии Юго-Востока Европейской России. Документы органов политического дознания опубликованы в ничтожной части, фрагментарно и выборочно.

Одним из важнейших источников исследования системы управления губерниями исследуемого региона являются фонды губернских по городским делам присутствий²³¹ (с 1892 года – по городским и земским делам присутствий). Данное учреждение было создано для решения спорных ситуаций между городским общественным управлением и различными инстанциями, в том числе и губернской администрацией.

Фонды городских дум губернских городов не столь обширны, но не менее ценны²³². Как правило, в них отложились журналы заседаний городских дум с 1870 по 1917 годы. К сожалению, не все журналы заседаний сохранились, в некоторых материалах встречаются лакуны. Тем не менее, журналы весьма информативны, что позволяет максимально полно и подробно восстановить повседневную хозяйственную деятельность данных учреждений, в том числе проследить их взаимоотношения с губернской властью, показать механизм принятия решений, а также ход дискуссий во время обсуждения актуальных вопросов в городских думах. Материалы фондов городских управ Самары, Симбирска и Саратова более разнообразны и обширны, так как отражают основные направления непосредственной хозяйственной деятельности городского самоуправления, его финансовые операции²³³. Огромный материал содержат фонды земских учреждений: губернских земских управ²³⁴, уездных земских управ и земских собраний²³⁵.

В корпусе источников, привлекаемом для решения поставленных в настоящем исследовании задач, важнейшее значение приобретают массовые источники и, в том числе, первичные материалы кредитных учреждений. Речь идет о материалах, отложившихся в фондах отделений Государственного Крестьянского поземельного банка, материалы которых позволяют не только установить масштабы кредитования крестьянских хозяйств, но и представить реальную ситуацию в деревне в период реализации столыпинской земельной реформы. Весьма велика ценность материалов, отложившихся в фондах отделений Государственного Дворянского банка и других частных кредитных учреждений. Исключительно высока информативная емкость описей закладываемых в банках имений для получения их владельцами соловексельного и долгосрочного

кредитов. Как известно, в 90-е г.ХХ в. по материалам кредитных учреждений самарским историком П.И. Савельевым был написан ряд исследований²³⁶, в которых, наряду с традиционными, использовались математические методы анализа массовых источников.

Особое значение для изучения истории Среднего Поволжья и Заволжья имеют документальные публикации, в которых содержится обширный материал по всем направлениям исследуемой проблемы.

Справочные издания составляют самостоятельный вид исторических источников. Среди официальных материалов следует выделить статистику городов Российской империи²³⁷. Большой информационный массив сведений содержится в изданиях об экономическом состоянии городов, опубликованных в начале 1860-х гг.²³⁸ Материалы для таких изданий губернские статистические комитеты представляли по следующей программе: число жителей в городах, общее и по сословиям, сведения о предприятиях и городской инфраструктуре, о сельскохозяйственных занятиях горожан и др. Вышедший в 1906 г. статистический справочник содержит данные о развитии русских городов на протяжении XIX в.²³⁹ Важным источником по истории городов являются также «Материалы для географии и статистики России»²⁴⁰. Кроме того, ценные сведения о динамике развития промышленного потенциала России и ее регионов можно почерпнуть из «указателя фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1881, 1894).

Информацию о развитии экономики губерний исследуемого региона существенно дополняют издания губернских статистических комитетов и земств. Например, «Сельскохозяйственные обзоры», издававшиеся губернскими земствами, содержат сведения о географическом положении, погодных (климатических) условиях, арендных отношениях и найме годовых и поденных работников, урожайности зерновых, численности скота и базарных ценах на сельскохозяйственные продукты. В «Памятных книжках» и «Адрес-календарях» Юго-Востока Европейской России помещались сведения о государственных и негосударственных учреждениях, учебных заведениях, промышленных и торговых учреждениях, о населении и т. д. Процессы заселения территории региона и хозяйственного освоения нашли отражение в таких изданиях губернских статистических комитетов, как «Списки населенных мест губерний».

Чрезвычайно ценная и разнообразная информация о различных проявлениях общественной, политической, социально-экономической повседневности имеется в судебно-следственных материалах.

Как правило, в издаваемых в советское время документальных публикациях, посвященных юбилеям первой российской и второй российской революций, эта ценнейшая информация носила дозированный, выборочный характер и была связана, как правило, с общественными и антиправительственными выступлениями, событиями 1905–1907 гг. («Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии», «Революция 1905–1907 гг. в Саратовской губернии», «Революция 1905–1907 гг. в Астраханской губернии и т. д., а также «Летописи революционных событий»). Другой подход был избран составителями трехтомной хроники событий по Самарскому краю²⁴¹: данное издание содержит богатейший материал как по развитию экономического потенциала и социокультурной сферы, так и по повседневной жизни населения Самарской губернии конца XIX – начала XX в. Особо отметим значимость материалов, опубликованных в сборнике документов о ходе реализации столыпинской аграрной реформы в Самарской губернии²⁴².

Сбор сведений для обеспечения обратной связи в системах управления и выработки управленческих решений обеспечивали органы статистики. Государственную статистику вели Центральный и губернские статистические комитеты. В ежегодные губернские статистические отчеты включались сведения о посевах и урожае хлебов, о количестве промышленных заведений, сумме производства и числе рабочих; естественном движении населения; о количестве учебных заведений, а также статистика преступности. Раз в пять лет в них включались сведения о численности населения в городах и уездах с делением по полу, сословию и вероисповеданию; о количестве скота; о землевладении; о количестве зданий и др.

Чрезвычайно большую роль играла демографическая статистика. Особо следует сказать о Первой Всероссийской переписи населения 28 января 1897 г., обобщенные материалы которой были опубликованы в начале XX в. в многотомном издании. В переписи учитывалось наличное, постоянное и приписное население. Использовались три формы переписных листов: для крестьянских хозяйств, для владельческих хозяйств и городского населения. Программа переписи включала пол и возраст, семейное положение, сословие, состояние или звание, место рождения и приписки, место жительства, вероисповедание; родной язык, грамотность и образование; род занятий²⁴³. При изучении динамики численности населения региона необходимо также учитывать данные многотомного издания «Движения населения Европейской России...» за разные годы.

Информативны сведения аграрной статистики. О процессе формирования земельного рынка в изучаемом регионе можно су-

дить по данным, опубликованным в многотомном издании «Материалы по статистике движения землевладения в России»²⁴⁴. Для характеристики аграрного строя и таких важнейших его составляющих, как землевладение и землепользование, арендных отношений, как правило, используются издания Центрального статистического комитета и, в первую очередь, «Статистика землевладения 1905 года»²⁴⁵. О количественных и качественных изменениях в землевладении и землепользовании помещиков и крестьян можно судить на основе материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года и Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., первичные материалы которой частично сохранились в фондах Государственных областных архивов, что позволяет показать реальную картину состояния крестьянских хозяйств накануне второй русской революции. Укажем также масштабы проведения этих переписей. В частности, Первая всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. охватывала 77 губерний – почти всю территорию Российской империи, не занятую противником. Выявлялись такие показатели: размер пашни, население, количество скота, размеры посевов по культурам²⁴⁶. Активное участие в проведении Всероссийских переписей 1916 и 1917 гг. принимали также земские статистики, и в том числе Г.И. Баскин.

Сведения о количестве посевных площадей, урожайности зерновых и технических культур содержатся в изданиях Центрального статистического комитета «Урожай хлебов в Европейской России 1900–1915 гг.» (СПб.-Пг. 1900–1916). Помимо динамики, структуры и географического размещения сельскохозяйственных культур, их урожайности, представляется возможность проследить не только этапы формирования новой российской житницы, но и показать удельный вес товарности крестьянских хозяйств, поставлявших громадные партии пшеницы и муки на внутренний и внешний рынки.

Важным источником, позволяющим выявить темпы модернизационных процессов в разных районах Среднего Поволжья и Заволжья, является земская статистика, в которой можно выделить издания текущей статистики (сельскохозяйственные обзоры, статистические ежегодники и статистические сведения), а также монографические исследования: подворные переписи крестьянских хозяйств, материалы оценки земель, земско-статистические своды и выборочные бюджетные исследования. Главным объектом интереса земской статистики было крестьянское хозяйство. Надо особо отметить скрупулезность земских статистиков при разработке программ

проведения подворных переписей крестьянских хозяйств, при обработке массовых данных и составлении комбинационных таблиц, характеризующих различные стороны эволюции крестьянских хозяйств.

Земские статистики особое внимание при проведении подворных переписей крестьянских хозяйств уделяли изучению сведений о размерах и составе семьи, о числе мужчин-работников, о торгово-промышленных заведениях, о поголовье рабочего и продуктивного скота, о размерах земельных угодий и посевных площадей, аренде надельных и вненадельных земель, о собранном урожае и т. д. Особое значение при изучении аграрного строя региона имеют подворные переписи крестьянских хозяйств Пензенской губернии, которые проводились под руководством В. Громана, Симбирской губернии – К. Воробьева и подворных переписей крестьянских хозяйств Ставропольского и Самарского уездов – Г. Баскина. При бюджетных обследованиях фиксировалась динамика прихода и расхода крестьянского хозяйства. Также земские статистики обследовали промышленные предприятия и ремесленные заведения, состояние дорог, школ и больниц. Сохранившиеся в Государственных областных архивах первичные материалы также могут подлежать вторичной обработке, что позволит внести коррективы в традиционные представления о темпах аграрной эволюции.

Периодическая печать – это долговременные издания периодического характера, функциями которых являются организация общественного мнения, идеологическое воздействие, обслуживание частнопредпринимательской деятельности, установление обратной связи в системе управления. К рубежу XIX–XX вв. периодические издания осуществляло государство, земства, общественные организации и частные лица. Из центральной периодики отметим официальный журнал Министерства внутренних дел «Правительственный вестник», в котором публиковались законы, высочайшие указы и их разъяснения, распоряжения Сената и министерств. Официальный характер носили «Губернские ведомости», в которых имелся раздел, содержащий распоряжения верховной и губернской власти.

В эти же годы формируется легальная печать. Богатейший материал по социокультурному развитию городов и населенных мест исследуемого региона содержится в периодических изданиях «Новое время», «Самарский вестник», «Самарская газета», «Саратовский дневник», «Волжский вестник» и др. На страницах газет нашла отражения хроника событий местной жизни. Критические статьи и фельетоны позволяют судить о формировании общественного мнe-

ния и его воздействию на коронную администрацию. Особо выделим публицистические материалы Н.В. Шелгунова, Л.П. Шелгуновой, М. Горького, А.А. Гераклитова, К. Федина и др., в которых содержатся яркие характеристики повседневной жизни населения региона.

Общественное движение в регионе нашло отражение в нелегальной печати общественных и партийных организаций. В газетах всех направлений и политических партий имеется богатейший фактический материал по всем проблемам повседневной жизни населения губерний, входивших во «внутреннюю окраину» Российской империи.

Местная периодика появилась позднее столичных газет. Как отмечалось выше, первыми местными официальными периодическими изданиями стали «Губернские ведомости». Курировал издание «Губернских ведомостей» губернатор, а редактировал чиновник для особых поручений. В Астрахани, Казани, Оренбурге, Пензе, Саратове, Симбирске «Губернские ведомости» выходили с 1838 г., в Самаре – с 1852 г., в Уфе – с 1865 г. В этих газетах отражалась официальная точка зрения и оценка тех или иных событий. Но вместе с тем в периодических изданиях публиковались информационные материалы о событиях повседневной жизни населения, а в период войн и революций – о социальных конфликтах в городах и сельской местности.

Многообразны и информативны источники личного происхождения: дневники, воспоминания (мемуары), частная (личная) переписка. Этот массив источников содержит богатейшую информацию об отношении представителей различных слоев населения к верховной власти, происходящим в стране и за рубежом событиям, позволяет выявить социально-психологические мотивы поведения людей в условиях обычной повседневной жизни и в экстремальных ситуациях. Основной массив источников личного происхождения хранится в архивохранилищах, но немалая часть опубликована.

Источники личного происхождения представлены воспоминаниями видных государственных деятелей, местных чиновников, гласных городских дум. Из воспоминаний местных чиновников и общественных деятелей отметим записки самарских губернаторов А.Д. Свербеева, И.Ф. Кошко, П.В. Алабина, А.Н. Наумова²⁴⁷. Эти источники важны тем, что представляют деятельность общественных и государственных учреждений через призму личного восприятия, восстанавливают обстоятельства принятия тех или иных решений. Для изучения уездной системы местного управления не менее

ценны воспоминания земских участковых начальников А.И. Новикова и В. Поливанова²⁴⁸.

Корпус исторических источников, характеризующих процесс ликвидации органов власти коронной администрации в 1917 г. и создание новых структур Временного правительства на местах, представляет собой разнообразные документы: от глобальных проектов переустройства общества до бесчисленного множества нормативных материалов.

Деятельность местной администрации Временного правительства отражена в фондах губернских комиссаров²⁴⁹, документы которых были частично, с купюрами, опубликованы в сборниках, «летописях» и «хрониках» по революционному движению. В то же время к большинству из них в годы советской власти доступ исследователей был ограничен, а часть таких документов – и вовсе уничтожена. Делопроизводственная документация губернской исполнительной власти представляет собой входящие и исходящие бумаги, характеризующие ее безуспешные попытки решить рабочий, аграрный вопросы, найти способы взаимодействия с органами местного самоуправления и общественно-политическими объединениями. Названные материалы неизменно демонстрируют безынициативность, робость и непоследовательность местных властей, неспособных противостоять натиску экстремистских сил в революции.

Временный характер правительственной власти в 1917 году обусловил разнообразное правотворчество на местах, которым занимались как массовые общественно-политические объединения, так и отдельные социальные группы, обособленные к тому же территориально. Взаимоотношения власти и общества в Поволжье во многом определялись постановлениями и инструкциями, разработанными всероссийскими, губернскими, уездными съездами советов, комитетов, крестьянскими съездами. Такую форму выработки общей тактики в революции использовали даже административные структуры власти: созывались съезды комиссаров Временного правительства. Стенограммы заседаний различных съездов сохранились неодинаково²⁵⁰.

Большинство других подобных документов представляют собой разрозненные отчеты, выступления, комментарии и резолюции. Они отложились в центральных и местных архивах как в систематизированном виде фондообразующих структур, так и отдельными выписками, рассылавшимися подотчетным или заинтересованным организациям. Источники, характеризующие подготовку и результаты работы различных съездов, расширенных заседаний и собра-

ний, пленумов и конференций общественно-политических объединений, советов, комитетов, дают возможность определить их роль и значение в революционных преобразованиях на местах.

Значительно беднее документальными материалами за 1917 год фонды губернских советов рабочих и солдатских, крестьянских депутатов. Перипетии гражданской войны, начавшейся на территории края сразу после захвата власти большевиками, превратившие идейно-политическую борьбу в вооруженное социальное противостояние, не способствовали сохранности документов враждующих сторон. К тому же призванные революцией депутаты советов и комитетов чаще всего не обладали необходимыми навыками делопроизводства. Сказалась и привычка, выработанная социалистами за годы подпольной борьбы, к уничтожению избыточных документов. Они ею воспользовались при изменении политической конъюнктуры.

Своеобразны по форме, стилю изложения документы низовых общественных объединений, возникших в ходе революции 1917 года²⁵¹. Резолюции рабочих собраний и солдатских митингов, наказания и приговоры сельских сходов, постановления фабрично-заводских, полковых, волостных крестьянских комитетов являются великолепными образчиками революционного творчества масс. Источники, характеризующие народные представления о «справедливом» социально-политическом устройстве, важны с точки зрения выяснения механизма взаимодействия власти и общества. Несмотря на легкий флер революционного фразерства, привнесенного влиянием политических партий, документы праявления масс просты и безыскусны, подчинены житейско-обывательской логике. В них легко просматриваются одновременно заботы об общенародном достоинстве и элементы коллективного эгоизма. Названные источники излагают требования основных «революционных потоков» в 1917 году. Они сводились к тому, что необходимо «все брать с боя», а не слушать увещаний «подождать до Учредительного собрания». Таким образом, содержание этих документов выявляет причины победы радикальных политических сил в революции.

Материалы, отражающие формы революционного насилия, имеются в фондах волостных исполнительных, земельных, продовольственных комитетов, некоторые из которых сохранились в областных архивах²⁵². Социально-экономические и политические требования крестьян в революции нашли отражение в различного рода анкетах и вопросниках, составившихся Министерством внутренних дел Временного правительства, Главным и губернскими земель-

ными комитетами. Они содержат безоговорочные требования крестьян-общинников уничтожить частную собственность на землю. Приемлемый для крестьян порядок землепользования, негативное в большинстве случаев отношение к хуторскому и отрубному хозяйствованию содержатся также в их наказах делегатам съездов.

В документах массовых рабочих и солдатских организаций, в отличие от крестьянских, чаще прослеживается влияние партийно-политической риторики²⁵³. В них почти нет конкретных предложений по конструктивному выходу из кризиса. Различные общественные, исполнительные, профессиональные, корпоративные, продовольственные, земельные комитеты, союзы, управы оставили разрозненные сведения о своей деятельности в 1917 году, но их «постановления» и «резолуции» ярко свидетельствуют о самостоятельных поисках новых форм организации власти и самоуправления на местах. Фронтальное изучение и сопоставление всех источников массового правотворчества позволит смоделировать основные контуры идеального общественного устройства в представлениях движущих сил социальной революции в России 1917 года.

Перипетии борьбы за власть и влияние в органах местного самоуправления нашли отражение в материалах дум и земств, которые никогда не засекречивались, но очень редко привлекались исследователями для характеристики революционных событий²⁵⁴. Между тем, Временное правительство использовало земские структуры для формирования местной администрации, а городские думы сами проявили инициативу по созданию представительных органов власти в провинции. В фондах губернских земских управ имеются материалы об организации власти, представительстве земств в исполнительных комитетах и советах, на крестьянских съездах. Земские гласные на очередных и чрезвычайных собраниях, как правило, осуждали аграрное движение, земельные захваты, а постановления крестьянских организаций объявляли не имеющими законной силы. Одновременно земцы сетовали на неуплату населением обязательных сборов, что подрывало работу органов самоуправления. В названных документах прослеживается организующая роль губернских и уездных земств в проведении избирательных кампаний 1917 года, создании волостных земств. Земские управы занимались также распространением среди населения «Займа свободы», пытались осуществить указ Временного правительства о введении «хлебной монополии». Жалобы и заявления земельных собственников и юридических лиц на «погромы и аграрные беспорядки» наиболее полно представлены в документах земств, т. к. губернские

и уездные комиссары уже летом 1917 года показали свою неспособность противостоять организованному крестьянскому движению.

Материалы фондов губернских земельных комитетов имеют свою специфику. Учрежденные на основании «Положения о земельных комитетах» от 21 апреля 1917 г. для организованной подготовки населения к аграрной реформе, они координировали действия уездных земельных комитетов по передаче излишков пахотной земли, лугов, лесных угодий частных владельцев сельским обществам. Однако губернские комитеты и их исполнительные органы — земельные управы — оказались бессильны против экспансии волостных комитетов, направленной на ликвидацию некрестьянского землевладения. Позиции губернских и уездных комитетов были схожи с действиями земств.

В фондах городских дум Поволжья документов за 1917 год почти не сохранилось, а имеющиеся материалы в большей степени характеризуют традиционную организационно-хозяйственную деятельность органов городского самоуправления. Сведения о характере политических позиций общественных управлений имеются в делопроизводстве городских управ губернских центров Поволжья. Источники, свидетельствующие о характере деятельности дум и управ уездных городов, крайне скудны и далеко не все представлены архивными фондами, а в имеющихся революционные события не нашли отражения. Участие органов городского самоуправления в формировании губернских и уездных общественных исполнительных комитетов, создании «народной милиции», организации муниципальных избирательных кампаний 1917 года достаточно полно отражены в периодических изданиях²⁵⁵.

Архивные фонды окружных комиссий по организации выборов в Учредительное собрание долгое время были засекречены²⁵⁶. Имеющиеся в них документы представлены списками избирателей, агитационными материалами политических партий, отчетами о расходовании денежных средств, выделенных на проведение избирательной кампании. Итоги голосования они не всегда отражают, но списки депутатов были представлены в местной прессе и материалах «Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии».

Комплекс названных источников позволяет выявить способы организации и функционирования различных форм государственного устройства и местного самоуправления, влияние на этот процесс общественно-политических сил.

4. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЗАВОЛЖЬЯ

В настоящем параграфе предпринята попытка рассмотреть наиболее известные опыты районирования Среднего Поволжья и Заволжья историками и географами и определить границы региона применительно к XVI – началу XX в. Безусловно, во второй половине XIX в. да и в XX вв. историки и географы выделяли в качестве крупнейшего региона России Поволжье. При этом в их трудах отмечалось, что социально-экономические особенности развитых регионов Поволжья, как и любого края, складывались вследствие природно-климатических и почвенных условий, а развитие экономического потенциала обуславливалось особенностями заселения, хозяйственного освоения и организации административного устройства и власти на вновь осваиваемой территории России. Таким образом, при определении границ региона необходимо использовать многофакторный анализ и изучить весь комплекс аспектов, связанных с формированием и развитием региона.

Вопрос о составе и границах региона относится к числу дискуссионных и имеет самостоятельное значение. В этой дискуссии уже во второй половине XIX в. принимали участие экономисты, статистики, географы и историки. Во всех системах районирования Поволжья, разработанных географами, Волга выступает в качестве единственного фактора, ибо в зависимости от цели и главного критерия районирования в значительной мере меняются состав и границы региона.

В советское время была предпринята попытка определить границы и состав поволжского региона. В 1977 г. итоги дискуссии о границах региона были подведены в статье П.С. Кабытова и В.А. Шестакова²⁵⁷. Авторы отметили так же, что часть исследователей делят Поволжье на два региона: Средневолжский (Казанская, Симбирская, Пензенская губернии), Юго-восточный (Самарская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская губернии).

Вольно или невольно на современных исследователей оказывают влияние идеи, высказанные статистиками и экономистами второй половины XIX в. Так, составители «Историко-статистического обзора промышленности России», изданного в 1883 г. в Поволжском регионе, выделяли два района: Казанскую, Пензенскую и Симбирскую губернии они относили к Средневолжскому району, а Самарскую, Саратовскую, Астраханскую и Оренбургскую – к Юго-Восточному степному²⁵⁸.

Вновь подчеркнем, что русские статистики и экономисты разработали принципы районирования и определили факторы, которые необходимо учитывать при определении границ регионов. Об их вкладе в разработку этой актуальной проблемы достаточно подробно рассказал самарский историк П.И. Савельев²⁵⁹. Правомерно звучит его вывод о том, что при районировании необходимо учитывать комплекс факторов. Укажем в этой связи, что уже в конце XIX в. Д.И. Рихтер к числу таких факторов относил природно-географические, демографические, этнографические и экономические²⁶⁰. И действительно, при рассмотрении границ регионов мы видим, как сбрасывание со счетов того или иного фактора приводит к искажению районирования.

Еще большую осторожность нужно проявлять при районировании на уровне уездов, так как при этом необходимо учитывать их неоднородность. Вслед за Д.И. Рихтером А.И. Скворцов также пришел к выводу о внутренней неоднородности поволжских губерний²⁶¹. Так, если северные уезды Казанской губернии можно отнести к лесной зоне, то южные — к лесостепной. Симбирская и Пензенская губернии органично входят в зону лесостепей. Как известно, в Самарской и Саратовской представлены как лесостепные, так и степные уезды. Да и почвенные условия в каждом уезде представляли своеобразную мозаику.

Впервые попытки определить границы Поволжского региона были предприняты во второй половине XIX — начале XX в. видными экономистами и статистиками Ю.Я. Янсоном, который солидаризовался с П.И. Семеновым, относя Пензенскую губернию в Центрально-земледельческий район, а в Нижневолжский район он включал Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую и Астраханскую губернии. По мнению Д.И. Рихтера, Казанская и Вятская губернии должны были войти в Северо-Восточный земледельческий район, а Симбирская, Самарская, Пензенская, Саратовская — в Волжско-Сурский. Астраханскую губернию ученый включал в состав Прикаспийского района. Саратовский экономист А.И. Скворцов также считал, что уезды Пензенской губернии могут быть включены в Поволжский регион.

Несколько иначе районирование представлено в трудах В.И. Ленина. Он отмечал в своих трудах своеобразие развития аграрного капитализма в степных уездах Самарской и Саратовской губернии, которые почти не знали крепостного права, были заселены в пореформенный период²⁶², а социальное расслоение крестьянства здесь шло быстрее, чем в центральных уездах Европейской России. В его

работах речь идет о Новоузенском уезде Самарской и Камышинском уезде Саратовской губерний. В новейших исследованиях (см. работы П.С. Кабытова²⁶³, Н.Ф. Тагировой²⁶⁴, М.И. Роднова²⁶⁵) отмечается быстрый рост фермерских хозяйств и формирование новой российской житницы в границах степных уездов Самарской, Оренбургской, Уфимской и Саратовской губерний. П.И. Савельев в район торгового зернового земледелия включает Бузулукский, Николаевский, Новоузенский, Хвалынский и Царицынский уезды²⁶⁶. К этому району примыкают южные части Самарского, Бугурусланского уездов, а также Мензелинский и Белебеевский уезды Уфимской губернии. Казанскую, Симбирскую, Пензенскую и Саратовскую губернии В.И. Ленин относил ко второму району (наличие большого числа остатков крепостничества). Самарская губерния, по мнению В.И. Ленина, входила в третий район, в котором преобладала капиталистическая система ведения хозяйства, и так же как и в Мензелинском и Белебеевском уездах Уфимской губернии²⁶⁷. Как видим, при определении границ того или иного региона как экономисты, так и профессиональные революционеры (В.И. Ленин) учитывали прежде всего экономические факторы.

Теми же принципами руководствовались академик И.Д. Ковальченко и Л.М. Бородкин, которые на основе кластерного анализа попытались определить аграрную типологию губерний Европейской России. По их данным, в Средневолжский район вошли Нижегородская, Казанская, Симбирская губернии, в Юго-Восточный степной – Самарская, Оренбургская, Астраханская губернии. Пензенская губерния была ими отнесена в Центрально-Черноземный район, а Саратовская – в Центрально-Южно-Черноземный район²⁶⁸.

Конечно, сам по себе принцип определения границ регионов по сугубо формальным признакам интересен, но при этом математический анализ не учитывает других факторов – демографических, воздействия на развитие экономики миграционных потоков, этнографических и культурных традиций, а также того, что во второй половине XIX в. шло активное развитие водного и железнодорожного транспорта, формирование банковской системы, земельного и хлебного районов и другой инфраструктуры. Эти и другие факторы создавали условия для ускоренного развития уже к началу XX в. единой, «внутренне спаянной территории»²⁶⁹, в которую органично входили Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Оренбургская и часть уездов Уфимской губернии.

Юго-Восток Европейской России органично объединяет Среднее Поволжье и Приуралье, которое вбирает в себя многие харак-

терные черты, присущие для данного региона. Вне всякого сомнения в качестве своеобразного станового хребта, интегратора этого громадного региона, выступает река Волга и ее притоки, которые как магнит притягивали к себе различные этносы. Исследуемый регион являлся важнейшим плацдармом для продвижения России в Сибирь и Центральную Азию, выступая в качестве специфического пограничья, глубокой периферии и Европы и Азии со своим неповторимым миром и своеобразием²⁷⁰.

Юго-Восток Европейской России, как мы отмечали выше, включает в себя Симбирскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии. Он располагается в восточной части Русской равнины. В регионе выделяются главные ландшафтные рубежи, которые охватывают лесную, лесостепную и степную зоны и подразделяются на две группы: северную и южную, которые характеризуются сменой положительного баланса влаги на севере (преобладание осадков над испаряемостью), потенциально-отрицательным (преобладание испаряемости над суммой осадков) на юге²⁷¹.

На развитие аграрного сектора региона, размещение его отраслей в тех или иных местностях существенное влияние оказывали рельеф, почвенная структура и климатические условия. Рельеф региона представлял собой большое разнообразие. В основном здесь преобладают низменности и небольшие возвышенности. Приволжская возвышенность легко подразделяется на 5 частей: 1. Лесное Засурье. 2. Южно-Симбирская возвышенность. 3. Жигули (Самарская Лука). 4. Саратовская Приволжско-Донская возвышенность. 5. Ергени²⁷².

В северной части региона выделяется значительное поднятие – высокое Заволжье, в которое включается Бугульминско-Белебеевская возвышенность и северные склоны Общего Сырта (наибольшая высота 370 м). Эта местность имеет характер плато в водоразделах рек Волги, Камы и Белой²⁷³. Наиболее крупное поднятие Приволжской возвышенности – Жигулевские горы. Северная окраина Самарской Луки – Жигули достигает 950–1200 метров. Средняя и южная полосы Самарской Луки имеют довольно ровную поверхность.

Саратовский и Волго-Донской водоразделы представляют собой возвышенное на востоке плоскогорье, склоняющиеся на юге и западе к низине, занятой течением Дона и южных притоков Оки. Возвышенность эта около Аткарска достигает 1300 метров, а в Хвалынском уезде свыше – 1200 м. Наибольшей ширины рассматрива-

емый водораздел достигает в междуречье Хопра, Медведицы и Волги на средней параллели между Саратовом и Камышином, где он разделяется на две характерные части: западную, покрытую валунным наносом (вдоль Волги), и восточную – лишенную валунов. Пензенскую губернию часто относят к Центрально-Черноземному району, однако она лежит на Приволжской возвышенности. Геологически эта область принадлежит в гораздо большей степени к Приволжскому, чем к Центрально-Черноземному району.

Сошлемся также на авторитетное мнение казанского этнографа Е.П. Бусыгина, который отмечал: «Присурские районы стали заселяться еще до присоединения края к Руси и заселение их шло преимущественно по Волге и Суре из Нижегородского княжества. Верхневолжский облик материальной культуры сохранял здесь до настоящего времени. После присоединения Среднего Поволжья к Москве русские переселенцы, минуя этот уже заселенный рубеж, распространялись дальше к Востоку, по Волго-Сурскому водоразделу и его волжскому склону»²⁷⁴. В конце XIX – начале XX в. из аграрно-перенаселенной Пензенской губернии в степные уезды Самарской и Саратовской губернии на заработки уходило более 130 тыс. крестьян. Возвышенности Пензенской губернии совершенно отделены от возвышенностей Центрального района так называемой Тамбовско-Моршанской низиной²⁷⁵.

Характерной чертой рельефа Поволжья было наличие оврагов и балок, на склонах которых часто располагались населенные пункты. Рельеф описываемой местности определяющим образом сказался на почвенной структуре края. Изучение почвенно-климатических условий в Поволжье началось в конце XIX в.; его результаты публиковались в виде оценочно-статистических сборников и сельскохозяйственных обзоров²⁷⁶.

Область Среднего и Нижнего Поволжья и Заволжья вытянулась с севера на юг более чем на 11 широт. В связи с этим на данной территории мы наблюдаем такую массу разнообразных почв, какую другие регионы Европейской России не представляют. На территории края расположены в основном три природных зоны: лесная (северная часть Казанской, Симбирской и Пензенской губерний); лесостепь (южная часть Казанской, Симбирской, Пензенской губерний, северная часть Самарской и Саратовской губерний). Общая картина размещения в крае почвенных зон такова: дерновые и подзолистые почвы преобладали в северной части Казанской, на западе Симбирской, северной окраине Саратовской и востоке Пензенской губерний. Черноземные почвы охватывали большую часть

Симбирской, Саратовской и Пензенской губерний. Почвы сухих степей занимали южную часть Самарской, большую площадь Астраханской губернии, причем в Астраханской губернии и Новоузенском уезде Самарской губернии имелись солончаковые почвы.

Пограничные районы Самарской, Саратовской, Оренбургской областей, юго-запад Башкирии занимает Общий Сырт, южные отроги которого обозначают границу между Саратовским Поволжьем и Прикаспийской низменностью²⁷⁷.

Основной своей частью Русская равнина располагается в умеренном поясе. Она характеризуется наиболее полным спектром широтных зон. Эти характеристики относятся и к району Поволжья и Приуралья, растянувшемуся в меридиональном направлении на значительное расстояние и включающему в себя зоны лесостепи, степи, полупустыни и пустыни. В лесостепи Поволжья и Приуралья происходит значительное изменение всех элементов ландшафта с севера на юг и с запада на восток.

Степная зона включает в себя южные территории Среднего и северные территории Нижнего Поволжья, а также южного Приуралья²⁷⁸.

Почвенные зоны вполне естественно представляли собой мозаику. Очень часто черноземные почвы соседствовали с песчаными и глинистыми дерново-подзолистого типа. Такая пестрота наблюдалась не только в пределах губернии, но и уезде, а иногда и волости.

В Симбирской губернии значительная часть Корсунского уезда покрыта суглинистым черноземом. Легкие почвы чисто песчаные и дерново-подзолистые супеси находились в Сенгилеевском уезде, северной части Сызранского, юго-западной Симбирского, западе Буинского, востоке Алатырского и Курмышского уездов. Более тяжелые почвы – средний суглинистый чернозем – преобладал на северо-западе Ардатовского, в засурских частях Курмышского и Алатырского, на северо-востоке Буинского и Симбирского и юго-востоке Сызранского и Сенгилеевского уездов.

Самарскую губернию в почвенном отношении можно разделить на две зоны. В первой из них – Бугульминский, Бугурусланский, Самарский уезды – преобладал средний суглинистый чернозем, который переходил в тучный суглинистый и глинистый чернозем; в Самарском уезде суглинистый чернозем сменялся черноземной супесью, а местами даже супесью дерново-подзолистого типа и глинистыми песками. В значительной части Ставропольского уезда преобладала черноземная супесь, которая по течению р. Волга и ее притока р. Черемшана переходит в дерново-подзолистую супесь,

глинистый песок, чисто песчаную почву. В Бузулукском и северной части Николаевского уездов средней суглинистый чернозем переходил в тучный чернозем.

Вторая зона включала южную часть Николаевского, Новоузенский и юго-восток Бузулукского уездов. Здесь находились буроватые почвы, которые на юге Новоузенского уезда сменялись светло-бурными суглинками.

Черноземные почвы преобладали в Пензенском, Чембарском, Макшанском, Нижне-Ломовском и Саранском уездах; в трех последних встречались лесные суглинистые почвы. Около половины площади Наровчатского и Инсарского уездов были заняты серыми лесными суглинками. Этот вид почв преобладал в Керенском уезде, в Краснослободском наблюдалась пестрота, в Городищенском – песчаные почвы.

На юге Саратовской губернии в Царицынском уезде преобладали легкие почвы, здесь же встречались солончаки. В Балашовском и Сердобском, в западной части Петровского и Аткарского уездов тяжелые суглинистые и глинистые почвы преимущественно среднего суглинистого чернозема нередко переходили в тучный суглинистый и глинистый чернозем; в Кузнецком, Хвалынском уездах и на севере Петровского уезда в почвенном слое преобладали супеси и глинистые пески – дерново-подзолистого типа, а в Вольском и Хвалынском – средний суглинистый чернозем. Таким образом, в регионе представлены все типы почв, характерные для Европейской России.

В целом территория Среднего Поволжья и Заволжья входит в зону умеренно континентального климата, формирующегося под влиянием воздушных масс со всех четырех сторон света: холодных и влажных – с севера и с запада, теплых и сухих – с юга и востока. Они оказывают неодинаковое действие на всей территории. Влажный прохладный воздух более влияет на погодные условия северо-западной части региона (правобережье Казанской, северная часть Симбирской и Пензенской губерний), а сухие воздушные массы чаще господствуют в его юго-восточной части (левобережье Волги, южная часть Пензенской и Саратовской губерний в правобережье). Осадки здесь выпадают крайне неравномерно. Летом нередко засухи. Часто из Центральной Азии дуют суховеи, губительные для растительности и особенно культурных посевов.

Почвенно-климатические условия региона во многом обусловили размещение населения и сельскохозяйственного производства, сыграв определенную роль в складывании социально-классовой

структуры на его территории. Наличие богатых черноземными почвами мест привлекало сюда в XVII – первой половине XIX в. помещиков, получавших крупные земельные пожалования на территории Среднего Поволжья.

Огромные помещичьи латифундии, своеобразные графства и небольшие княжества были расположены в Казанской, Симбирской и Пензенской губерниях, на Самарской Луке, в северо-западных уездах Саратовской губернии. Напротив, юго-восточные районы края, зона так называемого рискованного земледелия, были меньше заселены; здесь развивались хозяйства фермерского типа, хотя и они испытывали на себе тормозящее влияние феодально-крепостнических пережитков.

Подведем предварительные итоги. Учитывая природно-климатические почвенные условия, особенности заселения и хозяйственного освоения этих районов, взаимосвязь и взаимодействие культуры различных этносов, обусловивших складывание экономического потенциала, к региону Среднего Поволжья и Заволжья следует отнести Симбирскую, Самарскую, Пензенскую и Саратовскую губернии, а также часть уездов Уфимской и Оренбургской губерний. Все перечисленные территории организационно входили в состав внутренней окраины Российской империи; на их территории уже в 30-е гг. XIX в. стала формироваться новая российская житница, поставлявшая зерно и муку на внутренний и внешний рынки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. / пер. с фр. М., 2002–2004; Его же. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. / пер. с фр. М., 2006 и др.

² Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 631.

³ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: в 3 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 19–20.

⁴ Среди современных отечественных исследователей наиболее глубоко этот процесс охарактеризовал Б.Н. Миронов. См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 19–75.

⁵ Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 188; Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 36–37 и др.

⁶ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010. С. 31–32.

⁷ Кабытов П. С., Дубман Э. Л. Среднее Поволжье и проблемы национальных отношений // Регионология. 1993. № 2. С. 84–86; Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII – середина XIX вв.: дис. ...д-ра ист. наук. М., 1999. 539 с.

⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2.

⁹ Западные окраины Российской империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер, М., 2006; Кушко А., Таки В. (при участии О. Грома). Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012; Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности / ред. Б.В. Ананьич, С.И. Барзилов. М., 2001; Северный Кавказ в составе Российской империи / ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. Окраины Российской империи. М., 2007; Сибирь в составе Российской империи / ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007; Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М., 2008 и др.

¹⁰ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад / пер. с нем. М., 1997; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / пер. с англ. М., 2007; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2008; Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. 2003. Т. 6 (124). С. 86–131; Российская импе-

рия в сравнительной перспективе: сб. статей / ред. А.И. Миллер. М., 2004; *Imperial Rule* / eds. A. Miller, A.J. Rieber, Budapest; New York: Central European University Press, 2004.

¹¹ Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII – XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988; Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – начала XIX в. М., 1990; Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995; Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999; Исхаков Д.М. Турко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009 и др.

¹² Зорин А. Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX вв. Казань, 2001; Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997; Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв. М., 1999; Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Низового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999; Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII–XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001; Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004 и др.

¹³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000; Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. (Библиотека журнала “*Ab Imperio*”) / под ред. И. В. Герасимова [и др.]. Казань, 2004; Суни Р. Империя как она есть: Имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 9–18; Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. 2003. Т. 6 (124). С. 86–131; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005; Хаген Марк фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер, сост. М., 2005. С. 18–47; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000; Becker Seymour. Russia and the concept of empire // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. Р. 329–342 и др.

¹⁴ Доннелли А. С. Завоевание Башкирии Россией. 1552 – 1740. Уфа, 1995; Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. ст. / под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2003; Кефели-Клай А. Народный ислам у крещеных православных татар в XIX в. // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних

лет: антология / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М., 2005; Geraci R.P. Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. На русском языке: Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013; Werth P.W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volgo-Kama Region, 1827–1905. Ithaca; London, 2001 и др.

¹⁵ Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории. М., 2009.

¹⁶ Рибер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Антология. Советский период. Самара, 2000. С. 94–145; Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика. С. 163–194; Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия: сб. ст. / ред. Г.Г. Лисицына и Я.А. Гордин. СПб., 2001. С. 69–88; Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь: Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань, 2004. С. 223–242; Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington–Indianapolis, Indiana University Press, 2002.

¹⁷ Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; Зорин А.Г. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001 и др.

¹⁸ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Поволжья в XVII в. Куйбышев, 1991; Его же. Промышленное предпринимательство и освоение Нижнего Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999; Его же. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара, 2005 и др.

¹⁹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России. Самара, 1997; Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. Самара, 2001 и др.

²⁰ Баринова Е.П. Поместное дворянство и власть в России в начале XX века. Самара, 2002; Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1990; Кабытов П.С., Арнольдов Н.А., Кабытова Н.Н. и др. Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.). Самара, 2009; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2004; Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции: 1917 год в Поволжье. 2-е изд. Самара, 2002; Очерки истории Поволжья и Приуралья в им-

перский период / ред. В.Н. Данилов и П.С. Кабытов. Саратов, 2010; Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков. Самара, 2007 и др.

²¹ Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2004; Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2007; Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В.Н. Данилова и П.С. Кабытова. Саратов, 2010.

²² Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. М., 2004.

²³ См. : Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 18, 48–49; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 12; Российская империя в сравнительной перспективе. сб. статей. М., 2004. С. 26–27.

²⁴ См. : Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 163–194.

²⁵ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 561.

²⁶ Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара, 1996. С. 55.

²⁷ Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 129; Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2007. С. 241.

²⁸ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010. С. 217.

²⁹ Там же. С. 238–240.

³⁰ В середине 1960–х гг. изучению колонизации Среднего Поволжья в отечественной историографии посвятил свою кандидатскую диссертацию И. П. Ермолаев. См. : Ермолаев И. П. Проблема колонизации Среднего Поволжья в русской историографии (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ...канд. ист. наук. Куйбышев, 1966.

³¹ Полное собрание русских летописей. Т. IX–XIV. СПб, 1863; Пг., 1918. Переиздание: М., 2000; Сочинения И. Пересветова / подгот. текст А.А. Зимин. М.; Л., 1956; Казанская история. М. ; Л., 1954; Курбский А.М. История о великом князе Московском. М., 2001; Лызлов А. Скифская история. М., 1990 и др. работы.

³² В 2001 г. последовало новое издание «Истории Оренбургской» в Уфе. См. : Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001.

³³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; Его же. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

³⁴ Ешевский С.В. Русская колонизация Северо-Восточного края // Ешевский С.В. Сочинения по русской истории. М., 1900; Шапов А.П. Сочинения: в 3 т. СПб., 1906.

³⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1987. Т. 1. Ч. 1 С. 50–51.

³⁶ Там же. С. 50.

³⁷ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

³⁸ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Казань, 1906; Его же. История казанских монастырей до 1764 года // ИОАИЭ. Казань, 1902. Т. 18. Вып. I–3; Фирсов Н.А. Иностранческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869.

³⁹ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1958 г. Казань, 1889–1895. Вып. 1–4.

⁴⁰ См., например: Труды Саратовской ученой архивной комиссии (далее – труды СУАК). Саратов, 1888–1916. Вып. 1–33; Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Казань – Симбирск, 1882–1912. Т. 1–6; Зерцалов А. Материалы для истории Симбирска и его уезда. Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы (1665–1667 гг.). Симбирск, 1896 и другие издания.

⁴¹ Можно назвать целый ряд имен, например, К.И. Невоструев, П.Л. Мартынов, В.Н. Поливанов, А.Ф. Леопольдов, П.В. Алабин и многие другие.

⁴² Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877; Алабин П.В. Трехвековая годовщина Самары. Самара, 1887; Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898; Волков М.О. Доклад Симбирскому купеческому собранию по вопросу об учреждении торговых школ. Симбирск, 1903.

⁴³ Гагемейстер Ю. О торговом и промышленном движении на Волге и в ее бассейне. СПб., 1859; Клопов А.А. Очерк мукомольного (крупчатого) производства в Приволжье. СПб., 1888.

⁴⁴ Воробьев К. Я. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. Симбирск, 1916; Костылев А.К. К вопросу об исследовании в Симбирской губернии сельской промышленности вообще и кустарной в частности // Вестник Симбирского губернского земства. 1898. № 4.

⁴⁵ История развития мукомольной промышленности в Саратове и округе. Саратов, 1909.

⁴⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901.

⁴⁷ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М. 1909; Его же. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.

⁴⁸ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 1. Города в России в XVIII столетии. СПб., 1875; Т. 2. Городское самоуправление до 1870 г. Ярославль, 1877.

⁴⁹ Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России. Очерк по экономической географии. СПб., 1910.

⁵⁰ Веселовский Г.М. Исторический очерк города Воронежа. Воронеж, 1886; Веселовский Г.М., Воскресенский Н.В. Города Воронежской губернии. Их история и современное состояние. Воронеж, 1876; Токмаков И.Ф. Город Ковров Владимирской губернии. Владимир, 1886; Головщиков К.Д. Город Рыбинск, его прошлое и настоящее. Ярославль, 1890; Яхонтов А.Н. Город Псков и его окрестности. СПб., 1886; Мартынов П.А. Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898; Спутник по городу Саратову. Саратов, 1896.

⁵¹ Арапов П.А. Записка о современном положении некоторых отраслей хозяйства г. Самара. Самара, 1899; Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877; Его же. Трехвековая годовщина Самары. Самара, 1887; Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898.

⁵² Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905; Корф С.А. Очерк истории развития губернской должности в России // Вестник права. 1901. № 9. С. 19–27; Страховский И.И. Губернское устройство // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 7, 8.

⁵³ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1910; Десять лет Санкт-Петербургскому городскому общественному управлению. 1873–1883. СПб., 1883.

⁵⁴ Фирсов Н. Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1919.

⁵⁵ Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН). Ф. 38; Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923; Его же. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2 / под ред. П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара, 2006; Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1 и другие издания.

⁵⁶ Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990. С. 11; Классика самарского краеведения: антология. Вып. 5; «Золотое десятилетие» самарского краеведения / сост.: Э.Л. Дубман, В. Н. Зудина. Самара, 2008.

⁵⁷ Гревс И.М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. 1921. № 1; Его же. Развитие культуры в краеведческом исследовании (глава из неопубликованной книги) // Анцифе-

ровские чтения. Л., 1989; Экскурсия в культуру: сб. / под ред. И.М. Гревса. М., 1925; Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Л., 1926; Анциферовы Н. и Т. Книга о городе. Т. 1. Город как выразитель сменяющихся культур. Т. 3. Жизнь города. Л., 1926; Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.Л., 1928.

⁵⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., М., 1936–1960.

⁵⁹ История Татарии в материалах и документах. М., 1937.

⁶⁰ Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина. М.; Л., 1931; Пугачевщина: сборник документов. М., 1926–1931 и другие издания.

⁶¹ Новинский В.К. Мелкая кустарная промышленность Саратовской губернии. Саратов, 1927; Шлифштейн Е. И. Мелкая индустриальная сельская промышленность юго-востока России. Саратов, 1932; Шеффер А. Город Куйбышев (очерки истории Самары – Куйбышева). Куйбышев, 1940.

⁶² Потетенькин П.М. Реформа 1861 г. и крестьянское движение в связи с ней в Саратовской губернии. М., 1946; Наякшин К.Я. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Самарской губернии. М., 1951.

⁶³ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в., М., 1947; Катаев И.М. Усольская вотчина накануне крестьянской реформы 1861 г. // Ученые зап. МГПИ. Магнитогорск, 1949. Вып. 2. С. 5–59; В Крепостную эпоху на Средней Волге: сб. ст. / под общ. ред. проф. И. Катаева. М.; Самара, 1934; Клеянкин А.В. Родное Присурье: Историч. очерк. Ульяновск, 1974; Его же. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии 1-й половины XIX в.: соц.-экономич. очерк. Саранск, 1974.

⁶⁴ 1905 год в Самарском крае. Материалы по истории РКП (б) и революционного движения. Самара, 1925; Блюменталь И. И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара, 1927.

⁶⁵ Аросев А. Казанские очерки о революции 1905 г. Казань, 1925; 1905 г. в Астрахани: сб. ст. Астрахань, 1925; Гришин М. и др. 1905 год в Оренбургской губернии. Оренбург, 1925; Никишин П.О. 1905 год (очерки по рабоче-крестьянскому движению в Пензенской губ.). Пенза, 1925; 1905 год в Саратовской губернии (по материалам жандармского управления): сб. ст. Саратов, 1925; 1905 год в Симбирске: сборник по истории революционного движения в 1905–1906 гг. Ульяновск, 1925; 1905 год в Сталинградской губернии. Сталинград, 1925; Кийков А. Из былого Урала: материалы к истории революционного движения на Южном Урале и Приуралье (1905–1916 гг.). Уфа, 1923.

⁶⁶ Голынский Т. Очерки по истории аграрной революции Сердобского уезда Саратовской губернии. Сердобск, 1924; Белокуров И. Из записок аграрника. М., 1926; Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 г. Казань, 1926; Соколов И.С. 1905 год на Рязанско-Уральской железной

дороге. Саратов, 1925; Знаменский Н. Военная организация при Казанском комитете РСДРП и революционное движение в войсках Казанского военного округа в 1905–1907 гг. Казань, 1926; Зубцова Н. Профессиональное движение в Самаре в 1905–1907 гг. Самара, 1925; Василевский М.Н. Профессиональное движение в Симбирской (Ульяновской) губернии. До 1917 г. Ульяновск, 1925. Ч. 1.

⁶⁷ Лившиц С. Казань в годы первой революции (1905–1907). Казань, 1930; Его же. Татарстан в годы первой революции. Казань, 1931; Фирсов И.Н. 1905 год в Казани. Изд. 2-е. Казань, 1948; Филиппов Н. 1905 год в Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1941; Рожков Н.О. Сызранское подполье (материалы по истории революционного движения в г. Сызрани и Сызранского уезда до 1917 г.) Сызрань, 1930; Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии (революционное движение в 1905–1907). М.; Л., 1941; Троицкий В.В. Крестьянство Среднего Поволжья в революции 1905 г. М.; Самара, 1930.

⁶⁸ Троицкий В. Революционное движение в Средне-Волжском крае. Краткий исторический очерк. Самара, 1930; Революция 1905–1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье // Революция 1905–1907 годов в национальных районах России: сб. ст. М., 1949.

⁶⁹ Климина Г. И. Крестьянское движение в Поволжье в 1907–1914 гг. Л., 1952; Кострюкова В. В. Крестьяне Поволжья в 1906–1916 гг. Л., 1953; Косенко М.Я. Аграрная реформа Столыпина в Саратовской губернии. Саратов, 1950; Левачева К.В. Аграрная реформа Столыпина в Самарской губернии. М.; Куйбышев, 1949.

⁷⁰ Фадеев А. В. Развитие капитализма вширь в пореформенной России // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1956. Вып. 10.

⁷¹ Особенности аграрного строя России в период империализма: Материалы сессии Научного Совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», май 1960 г. М., 1962; Анфимов А.М. О мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2 и др.; Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.

⁷² Например, только по Разинщине были опубликованы такие фундаментальные работы, как: Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670–1672 гг. Восстание Степана Разина. Л., 1966. Т. 1; Его же. Крестьянская война в России в 1670–1672 гг. Начальный период крестьянской войны. Л., 1972. Т. 2. Ч. 1; Его же. Крестьянская война под предводительством Степана Разина в Среднем Поволжье // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Л., 1956. № 205.

⁷³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов. М., 1954–1976. Т. 1–4; Ермолаев И.П. Казанский край

во второй половине XVI – XVII вв. (хронологический перечень документов). Казань, 1980 и др.

⁷⁴ Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963; Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII в. Чебоксары, 1959; Его же. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986; Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974; Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. 1881–1900 гг. (социально-экономическое исследование). М., 1984; Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – нач. XIX вв. М., 1990; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982; Бусыгин Е.Л. Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966; Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981; Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992; Медведев Е.И. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970; Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. Саратов, 1981; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.

⁷⁵ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. М., 1978; Его же. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. По данным Валуевской комиссии 1872–1873 гг. // Исторические записки. 1972. Т. 89; Анфилов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России конца XIX – начала XX в. М., 1969.

⁷⁶ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начало XX вв.: опыт количественного анализа. М., 1974. С. 212.

⁷⁷ Ромашин И.С. Возникновение и развитие суконной промышленности Симбирской губернии 1754–1880 гг: дис. ...канд. ист. наук. Казань, 1958; Кругликов А.Л. Рабочий класс текстильной промышленности Поволжья в период империализма (40-е гг. XIX в. 1917 г.). Куйбышев, 1982; Сергеев А.П. Промышленность Нижнего Поволжья в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1972; Юсупов А. Господа Акчурины. Казань, 1974.

⁷⁸ Трофимов Ж. Классовая борьба и общественное движение в Симбирской губернии в 70–80-х гг. XIX века. Казань, 1967; Широкова В.В. Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии в пореформенный период. Саратов, 1976.

⁷⁹ Хамитбаева Н.С. Социально-экономическая характеристика Среднего Поволжья в 60–90-х гг. XIX в. (население и хозяйственная конъюнктура). Куйбышев, 1985.

⁸⁰ Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в. Саратов, 1981.

⁸¹ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.

⁸² Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование). М., 1984.

⁸³ Даишев С.И., Смыков Ю.И. Миграционное движение в Среднем Поволжье в период капитализма (60–90-е годы XIX в.). Саранск, 1989.

⁸⁴ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала, вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.

⁸⁵ Рабинович М.Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983. № 3; Его же. Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Его же. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988; Его же. Город и городская образ жизни // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1990. Ч. 4.

⁸⁶ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и городские праздники русских. М., 1989.

⁸⁷ Рынзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; Его же. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России. М., 1983; Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Шабалин Л.П. Хозяйство и материальная культура русского населения Ульяновского Поволжья (в конце XIX–XX вв.). Казань, 1982; Зорин А.Н. Уездные города Казанского Поволжья. Опыт историко-этнографического изучения планировки. Казань, 1989; Его же. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. Историко-этнографический очерк. Казань, 1992.

⁸⁸ История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. М., 1964–1971. Из заявленных шести томов вышло пять.

⁸⁹ Очерки истории партийной организации Татарии. Казань, 1965; Очерки истории Саратовской организации КПСС: в 2 т. Саратов, 1968; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов, 1967; Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1979; Очерки истории Пензенской организации КПСС. Пенза, 1979; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1971; Очерки истории Астраханской организации КПСС. Астрахань, 1971; Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967; Ходаков Г. Очерки истории Саратовской организации КПСС. Саратов, 1957.

⁹⁰ Наякшин К.Я., Рутберг Г.Н. Большевики Поволжья в первой русской революции 1905–1907 гг. Саратов, 1977.

⁹¹ Томаров В.И. Большевики Поволжья во главе борьбы пролетариев против царизма. Волгоград, 1974; Седугин В.И. Большевики Поволжья в борьбе против кадетов (1905–1990). Саратов, 1990; Шмыгин И.П. Большевицкие организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905–1907 гг. М., 1962; Большевицкие организации Среднего Поволжья в революции 1905–1907 годов. Куйбышев, 1977.

⁹² Рутберг Г.Н., Наякшин К.Я. Восточное бюро ЦК РСДРП. Куйбышев, 1965; Наякшин Г., Рутберг Г. В.И. Ленин и самарская большевистская организация. Самара, 1969; Владимир Ильич Ленин в Самаре. Воспоминания современников. Куйбышев, 1960; Ленин и Самара: сборник документов. Куйбышев, 1966.

⁹³ Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905–1907 гг. Казань, 1955; Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП (6), 1902–1917. Куйбышев, 1959; Листовки саратовских большевиков. 1902–1917 гг.: сборник. Саратов, 1979.

⁹⁴ Революционное движение в Астрахани в 1905–1907 гг.: сборник документов. Астрахань, 1957. Т. 1; Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. Документы и материалы. Казань, 1957; Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышев, 1956; Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917. Куйбышев, 1969.

⁹⁵ Наякшин К. Революция 1905–1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955; Хасанов Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. М., 1965. См. также: Захаркина А.Е., Фирстов И.И. Мордовия в годы трех народных революций. Саранск, 1957.

⁹⁶ Водоватов Ф. Крестьянское движение в Самарской губернии в 1905–1907 гг. Куйбышев, 1957; Кухаревич М.И. Самарский совет рабочих депутатов в 1905 г. Куйбышев, 1955.

⁹⁷ Отметим работу В.В. Широковой «Партия «Народного права»» (Саратов, 1972), в которой приводится значительный материал о деятельности этой организации в поволжских городах.

⁹⁸ Гинев В.Н. Народническое движение в Поволжье: 70-е годы XIX в. Л., 1966.

⁹⁹ Дергачев А.Ф. Народники Пензенского края. Саратов; Пенза, 1979.

¹⁰⁰ Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; Его же. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987; Его же. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в революции 1905–1907 гг. Куйбышев, 1985.

¹⁰¹ Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И. [и др.]. История политических партий периода первой русской революции в новейшей советской литературе // Вопросы истории. 1985. № 5; Их же. Политические партии России в период третьей монархии в советской исторической литературе // Вопросы истории. М., 1989. № 3; Канишева Н.И., Леонов М.И., Павлов Д.Б. [и др.]. Политические партии России в 1905–1907 гг. (обзор немарксистской литературы) // История СССР. 1989. № 6.

¹⁰² Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987.

¹⁰³ Савельев П.И. Экономический потенциал помещичьих хозяйств Самарской губернии в пореформенный период 1861–1905 гг. // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период капитализма. Казань, 1987; Амирова Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1989; Тагирова Н.Ф. Географическое размещение и структура поместного землевладения Юго-Востока Европейской России // Социально-экономическое положение и классовая борьба в Поволжской деревне в период капитализма: межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1988.

¹⁰⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956–1966. Т. 1–2.; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967; История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Т. 1–2.; Очерки по истории Волгоградского края. Волгоград, 1974; История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1986; История Марийского края в документах и материалах. Вып. 1. Эпоха феодализма. Йошкар-Ола, 1992 и др.

¹⁰⁵ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1995; Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Т. 2. Ч. 1. Саратов, 1995; Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2. Ч. 2. Саратов, 1999; Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006.

¹⁰⁶ Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века: в 2 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Самара, 1993; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Кн. 1–6. М.; Самара, 2000; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сборник документов и материалов. Самара, 2000; Самарское Поволжье в XX веке: сборник документов и материалов. Самара, 2000.

¹⁰⁷ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.

¹⁰⁸ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994; Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002; Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1999; Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI–XVII вв. Самара, 1999; Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. Самара, 2001; Тагиров Н. Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1977; Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997; Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв.

М., 1988; Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001; Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века (социально-экономическое исследование). Чебоксары, 1994; Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории марийского народа. Йошкар-Ола, 1998; Юрченков В.А. Взгляд со стороны. Мордовский народ и край в сочинениях западноевропейских авторов VI – XVIII столетий. Саранск, 1995; Его же. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918 – 1920 гг. Саранск, 2010; Плеве Н.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998; Коршунова О.Н. Взаимодействие культур народов Поволжья и Приуралья в новое время: исторический аспект. Чебоксары, 2000; Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005; Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков. Йошкар-Ола, 2011 и др.

¹⁰⁹ Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988; Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990.

¹¹⁰ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.

¹¹¹ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.

¹¹² Леонов М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992; Его же. Партия эсеров в 1905–1907 гг. М., 1997.

¹¹³ Михайлова Е.М. Черносотенные союзы Среднего Поволжья в 1905–1907 гг.; Ее же. Правые партии и организации Поволжья: идеологические концепции, организационное устройство; Стеценко А.И. Черносотенцы Поволжья в 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002.

¹¹⁴ Смыслов В.В. Организации октябристов в Поволжье в годы первой русской революции: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.

¹¹⁵ Люсев В.Н. Либеральное движение в Поволжье в 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998.

¹¹⁶ Кузнецов В.Н. Организации политических партий в Поволжье в 1907–1910 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1998; Попов В.Б. Местные отделы либеральных партий Оренбургской губернии (1905–1913 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009.

¹¹⁷ Кузнецов В.Н. Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907–1917 гг. Ульяновск, 2009.

¹¹⁸ Хоченьян А.Л. Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 1998; Карнишин В.Ю. Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза, 1996; Власть, либеральное общество и революционное движение в 1905–1907 гг. на примере губернского города Уфы. Уфа,

2009; Леонов М.И. Власть и общество Самары в начале XX века // Известия академии управления. Самара, 2011.

¹¹⁹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982.

¹²⁰ Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004.

¹²¹ Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007.

¹²² История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990. Т. 2. С. 405.

¹²³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561.

¹²⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства Т. 1–2. СПб., 2003. С. 37.

¹²⁵ Иванова Н.А. Сословно-классовая структура России в XIX – начале XX в. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 4. С. 29–37; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.

¹²⁶ Захарова В.В. Мещанское сословие пореформенной России: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. Wirtschafter Elise Kimerling. Structures of Society: Imperial Russia's "People of Various Ranks". DeKalb: Northern Illinois University Press, 1994 (рус. перевод: Виртшафтер Элис К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / пер. с англ. Т.П. Вечериной / под ред. А.Б. Каменского. М., 2002).

¹²⁷ Клейн Н. Л. Предпринимательство и предприниматели в России. Исторический очерк. Самара, 1994.

¹²⁸ Самарское купечество: вехи истории / под ред. Е.П. Бариновой. Самара, 2006; Семенов В.Н., Семенов Н.Н. Саратов купеческий. Саратов, 1995.

¹²⁹ Кабытова Е.П. Кризис русского дворянства. Самара, 1997; Баринова Е.П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара, 2006; Куреева О.А. Поместное дворянство Поволжья в конце XIX – начале XX вв.: дис. ...канд. истор. наук. Куйбышев, 1984; Кобозева З.М. Дворянство Центрально-Промышленного района в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995.

¹³⁰ Баринова Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008.

¹³¹ Белослудцева В.В. Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006; Семенов В.Н. Саратов мещанский. Саратов, 2004; Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начале XX в. Бар-

наул, 2004; Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. Этноисторическое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Макитрин К.М. Самарское купечество в конце XIX – начале XX вв.: социально-демографическая характеристика: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. Баранов В.С. История самарского купечества. Династии Плотниковых-Шерстневых. XIX – начало XX в. Исторический очерк. Самара, 2012.

¹³² Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века: дис. ...канд. ист. наук. Самара, 2006; Рогач Ю.А. Социокультурное пространство городов Самаро-Саратовского Поволжья в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.

¹³³ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986 (переиздана в Пензе в 2006 г.); Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997; Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. Уфа, 1999; Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара, 2005 и др.

¹³⁴ Храмов Л.В. Введение в Самарское краеведение. Самара, 2003 и др.

¹³⁵ Никонов А.В. Национальный фактор в социально-экономическом развитии регионов в границах отечественной государственности 90-е годы XIX века – 20-е годы XX века. М., 1996.

¹³⁶ Морозов С.Д. Социально-классовый состав населения Поволжья в период империализма: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1986; Петров В.И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2005

¹³⁷ Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996; Алексушин Г.В. История губернаторской власти в России (1708–1917 гг.). Самара, 2006; Голубев А.Г. Губернская администрация Среднего Поволжья в пореформенный период: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000; Горбунов К.Е., Сивопляс И.Э., Шабалкин А.Ю. Сибирские гражданские губернаторы: материалы к историко-биографическим очеркам. Ульяновск, 2003; Грачев А.А. Губернские правления, канцелярия губернатора и полиция в системе государственного управления Пензенской губернии в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002.

¹³⁸ Захарова Л.Г. Земская контрреформа. М., 1968; Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984; Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990; Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб., 1994.

¹³⁹ Гарбуз Г.В. Местное управление в губерниях Поволжья в 1905–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; Кошелев А.А. Местное управление в губерниях Среднего Поволжья в 1880-х – 1890-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006; Зигангирова Г.Р. Система органов

местного самоуправления Казанской губернии в середине XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

¹⁴⁰ Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.). Оренбург, 2005; Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург, 2007.

¹⁴¹ Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара, 1999; Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление Уральского региона: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999; Бурдина Г.Ю. Городские органы самоуправления в Среднем Поволжье в пореформенный период: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1993; Гусева Н.Б. Городское самоуправление Самаро-Саратовского Поволжья. 1892–1917: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1996.

¹⁴² Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья в XIX веке: социально-экономическое исследование. Чебоксары, 1994; Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века: социально-экономическое исследование. Чебоксары, 1995.

¹⁴³ Тюрин В.А. Губернская администрация и городское общественное управление в провинциальной России конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004; Борисов А.В. Городское управление провинциальной России в 1870 – 1905 гг. (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006; Коновалов А.В. Государственное управление развитием городов Поволжья во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.

¹⁴⁴ Местное самоуправление Саратова: история и современность / под ред. проф. В.Н. Данилова. Саратов, 2005.

¹⁴⁵ Хайкина Н.Л. Земские учреждения в Самарской губернии в 1864–1881 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1961.

¹⁴⁶ Арнольд Н.А. Самарское земство в конце XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990; Коротаяева Т.Е. Земства Среднего Поволжья в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1994.

¹⁴⁷ Горячев М.Д. Просветительская и благотворительная деятельность земских учреждений в России: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001; Турганова О.В. Культурно-просветительская деятельность Самарского земства во второй половине XIX – начале XX вв: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999; Кузьмин В. Ю. Земская медицина в России в мирное и военное время. Самара, 2000.

¹⁴⁸ Чирков М.С. Земство и власть в России. 1890–февраль 1917 гг. (на материалах Самарской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.

¹⁴⁹ Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.) / под ред. проф. П.С. Кабытова. Самара, 2009.

¹⁵⁰ Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX вв: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2003; Воробьева Е.Н. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия: вторая половина XIX века – 1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1999; Мендюков А.В. Русская православная церковь в Среднем Поволжье в 1894–1914 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001; Мухаметгалиева С.Х. Ислам в современном социально-культурном развитии Татарстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999; Чикурова О.В. Исторические аспекты взаимодействия ислама, христианства (православия) и язычества в Волго-Камье (на примере удмуртского этноса): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004; Наумлюк А.А. Государственная конфессиональная политика по отношению старообрядчеству в Саратово-Самарском Поволжье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009 и др.

¹⁵¹ Журавлева М.Д. Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой мировой войны: общественное сознание и социальное поведение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001; Люкшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995; Марискин О.И. Крестьянское хозяйство и быт села Сабанчеево в 1860–1990-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1996; Орлов С.В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003; Ральников А.В. Крестьянские промыслы Вятской губернии в 1900–1917 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2000 и др.

¹⁵² Сабиров И.Т. Эволюция либерализма в татарском обществе на рубеже XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000; Нурутдинов И.Г. Молодежь в тюрко-татарском идейно-политическом движении начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000 и др.

¹⁵³ Галлямов Р.Ф. После падения Казани... Этносоциальная история Предкамья (вторая половина XVI – начало XVII вв.). Казань, 2001; Хамидуллин Б.К. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002; Шарамкова О.В. Национальные меньшинства Саратова во второй половине XIX – начале XX вв.: социальная интеграция и повседневная жизнь: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009 и др.

¹⁵⁴ Липаков Е.В. Дворянство Казанского края в конце XVI – первой половине XVII вв. Формирование. Состав. Служба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989.

¹⁵⁵ Котляров Д.А. Московское государство и народы Поволжья в XV – XVI вв: автореф. дис. ...канд. ист. наук. СПб., 1999; Кириллов И.Н. Российское правительство и народы Поволжья. Идеология и политика в 60–70 гг. XIX в: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999 и др.

¹⁵⁶ Тюлюлькин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2001 и др.

¹⁵⁷ Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – начало XIX в. М., 1990; Его же. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995; Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; Исаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999 и др.

¹⁵⁸ См. подробнее о деятельности Средневожского объединения историков-аграрников: Иванов А.Г., Иванов А.А. Российское крестьянство в трудах историков-аграрников Среднего Поволжья (1976–2008 гг.) // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Ижевск, 2010; Кабытов П.С. Новейшие исследования по аграрной истории России // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Ижевск, 2010.

¹⁵⁹ См. например: Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XX веков: эволюция и кризисы. Оренбург, 2009.

¹⁶⁰ См.: Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М., 2005.

¹⁶¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М., 2007.

¹⁶² Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740: Страницы истории империализма. Уфа, 1995; Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indiana University Press, 2002.

¹⁶³ Dowler W. Classroom and Empire. The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001; Kefeli-Clay A. Krdshen Apostasy: Popular Religion, Education and the Contest Over Tatar Identity (1856–1917). Arizona State University, 2001; Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.

¹⁶⁴ Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013.

¹⁶⁵ Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. сб. ст. / ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003.

¹⁶⁶ Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

¹⁶⁷ Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / ред. А.И. Миллер. М., 2004; Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. (Библиотека журнала «Ab Imperio») / ред. И.В. Гера-

симов, С.В. Глебов, А.П. Каплуновский, М.Б. Могильнер, А.М. Семенов. Казань, 2004.

¹⁶⁸ Западные окраины Российской империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006; Северный Кавказ в составе Российской империи / ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич, ред. М., 2007; Сибирь в составе Российской империи / Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007; Центральная Азия в составе Российской империи / ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М., 2008; Кушко А., Таки В. (при участии О. Грома) Бессарабия в составе Российской империи, 1812–1917. М., 2012.

¹⁶⁹ Западные окраины Российской империи. С. 5–6.

¹⁷⁰ Зерцалов А. Материалы для истории Симбирска и его уезда. Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы (1665–1667 г.г.). Симбирск, 1896; Книга строельная города Симбирска. Симбирск, 1897; Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902; Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1888–1916; Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Казань – Симбирск, 1882–1912. Т. 1–6; Том VII утерян в рукописи, тома VIII и IX не были опубликованы и хранятся в библиотеке ЦГАУО; Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Симбирск, 1900 и другие издания.

¹⁷¹ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; Его же. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

¹⁷² Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XVII века. М., 1996.

¹⁷³ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 176.

¹⁷⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 5–5об.

¹⁷⁵ Среди съезжих изб городов Среднего Поволжья лучше других сохранила свое делопроизводство Ядринская. См. : НИА СПб ИИ РАН. Ф. 157.

¹⁷⁶ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 178.

¹⁷⁷ См. : Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

¹⁷⁸ См., например: Казанский край во второй половине XVI–XVII вв.: Хронологический перечень документов. Казань, 1980; Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII вв. . Казань, 1990; Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Казань, 2001 и др. При личной беседе с И.П. Ермолаевым последний сообщил, что после выхода хронологического перечня «Казанский край во второй половине XVI–XVII вв.» им и его учениками был собран свод сведений, во много раз превышающий уже опубликованную сводку.

¹⁷⁹ История Татари в материалах и документах. М., 1937; Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936–1956. Т. 1–4; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940–1952. Т. 1–4 и др.

¹⁸⁰ Димитриев В.Д. Царские указы казанским воеводам XVII в. // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 284–419.

¹⁸¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов. М., 1954–1976. Т. 1–4.

¹⁸² Книги разрядные, по официальным оных спискам. СПб, 1853–1855. Т. 1–2; Разрядная книга 1637–38 года. М., 1983; Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. (к истории государственных росписей XVII в.) // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 4. С. 5–70; Водарский Я.Е. «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 8–33; Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001 и др.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 125, 235–237, 281, 1199, 1207; ОР РГБ. Ф. 303 I и др. См.: Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.

¹⁸⁴ См., например: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сборник документов и материалов. Самара, 2000; Гуркин В.А. Симбирская черта: материалы XVII–XVIII вв. по истории Симбирского Поволжья. Ульяновск, 2000. Среди опубликованных В.А. Гуркиным необходимо выделить хранящийся в РГАДА и впервые введенный в научный оборот «Росписной список» Симбирска 1670 г.

¹⁸⁵ Дубман Э.Л. Всероссийская перепись «оброчных статей» начала XVIII в. как источник по феодальной истории Среднего Поволжья // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1993.

¹⁸⁶ Дубман Э.Л. Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII–XVIII вв. // Проблемы российской и социальной истории: сборник научных статей. Самара, 2011.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 281.

¹⁸⁸ Голомбиевский А. Материалы для истории г. Саратова. Записки книг Печатного приказа (1650–1675). М., 1892; Иванова Е.В. Документооборот в Печатном приказе XVII века // Проблемы отечественной истории. Вып. 1 (9). М., 2005.

¹⁸⁹ Гоздаво-Голомбиевский А.А. Материалы для истории г. Саратова. Записки книг Печатного приказа (1650–1675) // ЧОИДР. М., 1892. Кн. 3; Сухотин Л.М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (столбцы Печатного приказа) // ЧОИДР. М., 1915. Кн. 4.; Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994.

¹⁹⁰ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 68.

¹⁹¹ Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд в XVII веке (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения: антология. Самара, 2006. Вып. 2. С. 188–257.

¹⁹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441.

¹⁹³ Там же. Оп. 4. Д. 6473.

¹⁹⁴ Гуркин В.А. Симбирская черта. М.; Ульяновск, 2000.

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 2.

¹⁹⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 283; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 5 об.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 9. (Кабинет Петра I). Отд. 2. Д. 3. Л. 431–437.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 26; Дубман Э.Л. Всероссийская перепись «оброчных статей» начала XVIII в. как источник по феодальной истории Среднего Поволжья // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1993.

²⁰⁰ Смирнов Ю.Н. Новый источник по истории Самарского края XVIII века и его автор (о «Дневнике» и гравюре Джона Кэстля) // Самарская область. Этнос и культура. 1997. № 2–3; Его же. Сборник экстрактов именных указов 1734–1741 гг. в комплексе материалов Оренбургской комиссии – источников по истории отношений России с народами Средней Азии: сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153).

²⁰¹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997; Его же. Самарское «графство» Орловых // Самарский краевед. Самара, 1995; Его же. Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. № 1; Его же. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1; Его же. Ликвидация иррегулярных войск на территории Самарского края и заселение их земель в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 1999. № 1; Его же. Взгляды руководителей Оренбургской губернии на освоение Заволжья в 1760-е годы // Самарский земский сборник. 2002. № 1 и др.

²⁰² Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Общественно-культурная среда. М., 1998. Т. 1. С. 138, 142, 149, 160; Афиани В.Ю. Периодическая печать России XVIII–XIX веков как источник по истории русской провинциальной культуры: некоторые итоги и перспективы исследования в контексте программы «Культура российской провинции» // Отечественная культура и развитие краеведения. Пенза, 2001. С. 22–31.

²⁰³ См.: Каминский А. Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарской удельного имения, 1854 г. Извлечение. Быт и нравствен-

ность татар // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. Самара, 1996. № 3.

²⁰⁴ Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого Архива Императорского Русского Географического общества. Пг., 1916. Вып. 3.

²⁰⁵ Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. Отд. VI.

²⁰⁶ См. : Классика самарского краеведения: Антология. Самара, 2002. С. 44–74.

²⁰⁷ НА РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 179. Л. 56–58 об.

²⁰⁸ Ряжев А.С. Епископ Иаков о поволжских старообрядцах // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 21.

²⁰⁹ ГАУО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 337.

²¹⁰ См. : Артамонова Л.М. Сбор крестьянами правобережных селений Самарского края сведений для Русского географического общества в 1847 г. // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. № 3.

²¹¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 660 Русское Географическое общество. Д. 8. Л. 1–2.

²¹² Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734–1736 гг.: материалы по истории России. Т. 1–2. Оренбург, 1900; Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны. Т. 1–12: сборник Русского исторического общества. Юрьев, 1898–1915. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1949; Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 2–5. СПб., 1886–1889; Пугачевщина. М.; Л., 1926. Т. 1; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Бибикова // Записки императорской Академии наук. СПб., 1862. Т. I. Приложение № 4; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара // Записки императорской Академии наук. СПб., 1862. Т. I. Приложение № 4; Пугачевщина. Из архива Пугачева. М.; Л., 1931. Т. 3; Пугачевщина. Из следственных материалов и официальной переписки. М.; Л., 1929. Т. 2; Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774. М., 1975 и др.

²¹³ Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.

²¹⁴ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977; Кирилов И.К. Письма к Бирону // Русская Беседа. 1860. II. Кн. 20. Науки. Исторические бумаги XVIII века; Кирилов И.К. Письма к Бирону // Русская Беседа. 1860. II. Кн. 20. Науки. Исторические бумаги XVIII века; Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979; Разные бумаги генерала-майора Тевкелева об Орен-

бургском крае и о киргиз-кайсацких ордах. 1762 год // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 13; Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб., 1893.

²¹⁵ Hanway Y. An historical account of the British trade over the Caspian Sea. L., 1754. Vol. 1. (Русские дореволюционные историки в основном пользовались немецким изданием этой книги: Hanway J. Herrn Jonas Hanway zuderlassige Beshreibung seiner Reisen. Hamburg und Leipzig, 1754. B. 1); Castl J. Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier Chan. . . Reise // Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaizers Peters des Grossen. Zweiter Teil. 1730–1741. Riga, 1784.

²¹⁶ Державин Г.Р. Переписка Державина (1773–1793) // Сочинения. СПб., 1869. Т. V; Его же. Переписка Державина (1794–1816). Записки // Сочинения. СПб., 1871. Т. VI; Рунич П. С. Заметки Рунича о царствовании Екатерины II // Русская старина. 1870. Т. 2; Рунич П.С. Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте // Русская старина. 1870. Т. 2; Ребелинский М.С. Из дневников М.С. Ребелинского // Русский архив. 1897. Кн. 3; 1898; Скопин Г.А. Дневник происшествий // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской Ученой архивной комиссией к 300-летию города Саратова. Саратов, [1891]. Т. 1; Скопин Н.Г. Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник...; Аксаков И.С. Письма к родным: 1844–1849. М., 1988; Железнов И.И. Башкирцы // Железнов И. И. Полное собрание сочинений. СПб., 1888. Т. 1; Залесов Н.Г. Записки Залесова // Русская старина. 1903. № 4–10 и др.

²¹⁷ Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи: в 5 т. СПб., 1912. Т. 2. Ч. 1. С. 237–315; Уставы о службе гражданской // Свод законов Российской империи... Т. 2. Ч. 3. С. 406–478.

²¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287.

²¹⁹ РГИА. Ф. 1282.

²²⁰ Там же. 1284.

²²¹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 5; Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 3; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76.

²²² ЦГАСО. Ф. 430; Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. / сост. А.П. Корелин. Т. 1. 1906–1909; Т. 2. 1909–1912. Кн. 1, 2. М., 2001.

²²³ См. : ЦГАСО. Ф. 1465. Оп. 1. Д. 150, 170.

²²⁴ Там же. Ф. 217.

²²⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287.

²²⁶ ГАРФ. Ф. 432А.

²²⁷ См. : ГАСарО . Ф. 1, 2,32, 135 и др. ; ЦГАСО. Ф. 3,153,170.

²²⁸ ЦГАСО. Ф. 1; ГАУО. Ф. 88.

²²⁹ Там же. 465.

²³⁰ ГАУО. Ф. 855; ГАСО. Ф. 466.

²³¹ Там же. Ф. 411; ЦГАСО. Ф. 342, 344–350.

²³² ГАСО. Ф. 26; ЦГАСО. Ф. 175; ГАУО. Ф. 640, 84.

²³³ ЦГАСО. Ф. 170.

²³⁴ Там же. 153; ГАУО. Ф. 137.

²³⁵ Там же. 5.

²³⁶ ГАУО. Ф. 167, 171, 176; ЦГАСО. Ф. 372; ГАСО. Ф. 1107.

²³⁷ См. например: Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994 и др.

²³⁸ Статистическое изображение городов Российской империи по 1825 г. СПб., 1830; Обзорение состояния городов Российской империи в 1833 году. СПб., 1834; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1840; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи по сведениям, собранным по 1 мая 1847 г. СПб., 1852; Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1858; Статистический временник Российской империи. СПб., 1866.

²³⁹ Городские поселения Российской империи. Т. 1–7. СПб., 1860–1865; Экономическое состояние городских поселений в Европейской России в 1861–1862 гг. Ч. 1–2. СПб., 1863.

²⁴⁰ Города России в 1904 г. СПб., 1906.

²⁴¹ Материалы для географии и статистики России. Т. 1–25. СПб., 1859–1868.

²⁴² Самарская губерния: день за днем: 1891–1895 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов и Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2004; Самарская губерния: день за днем: 1896–1900 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов и Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2006; Самарская губерния: день за днем: 1901–1905 годы. Хроника событий / сост. А. Н. Завальный, П.С. Кабытов и Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2008.

²⁴³ Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии: сборник документов и материалов. Самара, 2012.

²⁴⁴ Основные публикации материалов переписи: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. I–VIII. СПб., 1898–1905; Первая всеобщая перепись населения Российской империи (по губерниям). Т. 1–89. СПб., 1903–1905; Общий свод по империи результатов всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1–2. СПб., 1905.

²⁴⁵ Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. 1–25. СПб.; Пг., 1896–1917.

²⁴⁶ Статистика землевладения 1905 г.: свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

²⁴⁷ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года (по подсчетам, произведенным местными перепис-

ными учреждениями). Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916; Вып. III. Степной край, Сибирь и Дальний Восток. М., 1917.

²⁴⁸ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Пг., 1915; Куренков А.Н. Дневник Самарского губернатора А.Д. Свербеева // Источники и историография. Специальные дисциплины. М., 1980; Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1954–1955.

²⁴⁹ Новиков А.И. Записки земского начальника. СПб., 1889; Поливанов В. Записки земского начальника // Русская мысль. М.; Пг., 1917. № 3–10.

²⁵⁰ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206; ГАУО. Ф. 677; Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1246; ЦГАСО. Ф. 814, 820; в ГАСО фонд Губернского комиссара Временного правительства не сохранился.

²⁵¹ Важнейшие постановления Казанского губернского продовольственного комитета. Казань, 1917; Крестьянский съезд Симбирской губернии 20–21 марта 1917 г. Симбирск, 1917; Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и протоколы общегубернского всесословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. Самара, 1917; Протоколы III Самарского губернского крестьянского съезда. Самара, 1917.

²⁵² ГАПО. Ф. 486; ГАСО. Ф. 6; ГАУО. Ф. 947; НА РТ. Ф. 601, 780, 1738; ЦГАСО. Ф. 823.

²⁵³ ГАПО. Ф. 444; ГАСО. Ф. 770, 832; ГАУО. Ф. 948, 951; НА РТ. Ф. 1324, 1504; ЦГАСО. Ф. 821, 822.

²⁵⁴ ГАПО. Ф. 480; ГАСО. Ф. 3; ГАУО. Ф. 677; НА РТ. 610; ЦГАСО. Ф. 813.

²⁵⁵ ГАПО. Ф. 158, 109; ГАСО. Ф. 5; ГАУО. Ф. 46; НА РТ. Ф. 81; ЦГАСО. Ф. 5, 153.

²⁵⁶ Газеты: Волжский день. Самара, 1917; Известия Саратовской городской думы. Саратов, 1917; Камско-Волжская речь. Казань, 1917; Симбирская народная газета. Симбирск, 1917; Самарские губернские ведомости. Самара, 1917; Народная газета. Пенза, 1917.

²⁵⁷ ГАПО. Ф. 207; ГАУО. Ф. 314, ЦГАСО. Ф. 825, 826.

²⁵⁸ Кабытов П.С., Шестаков В.А. К вопросу об определении границ Поволжского региона // Революционное движение в Поволжье и Приуралье. Куйбышев, 1977.

²⁵⁹ См.: Историко-статистический обзор промышленности России. Т. I. СПб., 1883.

²⁶⁰ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994. С. 79–89.

²⁶¹ Рихтер Д.И. Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам. СПб., 1898. С. 3–4.

²⁶² Тагирова И.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 14, 18.

²⁶³ Ленин В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1967. Т. I. С. 106.

²⁶⁴ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1990–1917 гг.). Саратов, 1982. С. 6–8.

²⁶⁵ Тагилова И.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 8, 50.

²⁶⁶ Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012.

²⁶⁷ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара. 1994. С. 168–172.

²⁶⁸ Ленин В.И. Ответ на критику нашего проекта программы // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 221.

²⁶⁹ Ковальченко И.Д., Бородкин П.М. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков: опыт многомерного количественного анализа // История СССР. 1979. № 1. С. 81.

²⁷⁰ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: Реализация и последствия реформы. Т. II. М., 1958. С. 361.

²⁷¹ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперской период. Саратов, 2010. С. 8, 9, 11.

²⁷² Юго-восток Европейской России. СПб., 1911. С. 4; 12, С. 5.

²⁷³ Юго-восток Европейской России. СПб., 1911. С. 4.

²⁷⁴ Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья (историко-этнографическое исследование материальной культуры). Казань, 1966. С. 12.

²⁷⁵ Бусыгин Е.П. Указ. соч. С. 74.

²⁷⁶ Скворцов А.И. Хозяйственные районы Европейской России. СПб., 1914. Вып. I. С. 68.

²⁷⁷ Оценка земель пахотных, луговых, усадебных и выгонных угодий. Т. 1–5. Казань, 1901–1906; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. СПб., Вып. 3. 1906.

²⁷⁸ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперской период. Саратов, 2010. С. 5.

²⁷⁹ Там же. С. 6.

ГЛАВА II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РЕГИОНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XX В.

1. ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЗАВОЛЖЬЯ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – НАЧАЛО XVIII В.)

Идеологические основания присоединения Среднего Поволжья к России. В последние десятилетия XV–XVI вв. для светской и церковной элиты Русского государства жизненно необходимым являлось осознание вызовов со стороны новой геополитической системы постордынских государств, сложившихся на его южных и юго-восточных рубежах после краха Большой Орды и выстраивание взаимоотношений с каждым из них. Идеологическое наследие Золотой Орды, своеобразная «историческая память» соединяли все пространство Восточной Европы в единое целое и в значительной степени определяли мотивацию поведения правящих в отдельных государствах элит.

Российские власть и общество пытались разными путями «приспособить» окружающие страну с юга и юго-востока пространства лесостепного и степного фронта для своих нужд. После крушения Большой Орды наиболее значимыми для Москвы становятся взаимоотношения с Крымом и Казанью. В своей казанской политике русское правительство ставило цель, прежде всего, предотвратить опасность новых военных набегов. Московские политики стремились контролировать деятельность казанских правящих кругов путем установления протектората над ханством, утверждения на его престоле послушного правителя. Тем самым решались задачи обеспечения безопасности восточных границ, беспрепятственного использования волжской акватории для торговли, промыслов и международных связей¹. Образцом такой политики можно считать действия Ивана III, добившегося протектората над Казанским ханством в 1487 г., и его сына Василия III вплоть до известного переворота в Казани 1521 г. Практически в этот период Москве удалось установить свой контроль над всей Средней и Нижней Волгой. Для Рус-

ского государства промысловая и торговая деятельность в низовье Волги становится важной отраслью хозяйства. «Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью»², – сообщал о русских предпринимателях венецианец Иосафат Барбаро. «Этой солью – а она превосходного качества – пользуется почти вся Россия», – дополняет его Амброджо Контарини³.

Свидетельства о том, что русские рыболовы вели постоянный промысел на Нижней и Средней Волге, сохранились с конца XV – первой половины XVI в. В своей грамоте к ногайскому мирзе Мусе, датированной 1 января 1492 г., Иван III выговаривал: «...наши люди ходили на низ на Волгу рыбы ловити по первому, как напред того хаживали. И ваши люди тех наших людей многих побили, а иных головами поймали». Замыкает этот текст требование «А вперед бы нашим людям так не было»⁴. Видимо, выговор из Москвы подействовал, и до начала XVI в. нападения на русских рыболовов прекратились. О новом конфликте между ногаями и Москвой свидетельствует еще одно послание Ивана III. В грамоте от 3 октября 1504 г. уже к бию Ямгурчи, возглавившему ногаев после смерти своего старшего брата Мусы, он потребовал «показнити» тех, кто нарушил старые обещания ногайских властителей. «А сее осени ваши ж люди, Шихим мырзины Мусина сына, а приходили на нашу украину да нашу украину воевали, а те мырзы у тебя в твоей воле. Да ваши ж люди азтороканци сего лета наших людей, рыболовей на Волзе, побили и пограбили. Ино пригоже ли ся так делает от ваших людей нашим людям через твои грамоты и через твое слово?»⁵.

Еще об одном промысловом районе, существовавшем на протяжении ряда лет между Самарской Лукой и «Увеком», свидетельствует текст «Казанской истории», относящийся к 1521 г., последнему в истории протектората Казани: «...боле 10000 рыболовов русских, ловяще рыбу на Волге, под горами Девичьими и до Змиева камени и до Увека, за 1000 верст от Казани, – захавши бо тамо живяще лето все, на диких водах ловяща и в осень на Русь возвращахуся, на(ло)вящися и обогатившеся»⁶.

Таким образом, в рассматриваемый период на Нижней и Средней Волге существовали постоянные, возобновляемые из года в год сезонные русские рыболовецкие промыслы. После «стояния на Угре» и установления протектората над Казанским ханством правители складывающихся в это время Ногайской Орды и Астраханского ханства искали покровительства Москвы, и их нападения на русские окраины, торговые караваны и рыбацьи ватаги были редким и чрезвычайным явлением⁷.

Несмотря на известные слова И. Пересветова о «подрайской землице», русское правительство вплоть до событий 1552 г. не ставило перед собой задачи поглощения, русификации и хозяйственного освоения территории Казанского ханства. Например, А.Г. Бахтин, один из исследователей этой проблемы, приходит к выводу, что «...среди причин завоевания Среднего Поволжья и Приуралья экономические мотивы — необходимость распространения русской колонизации на восток, заинтересованность помещиков в земле, волжском торговом пути, холопах и увеличении налогоплательщиков или совсем не играли никакой роли, или оказывали несущественное влияние. Завоевание Поволжья было вызвано военно-политическими причинами, необходимостью устранения татарско-турецкой угрозы»⁸.

Следует отметить, что не только в XV–XVI вв., но и в более позднее время российское правительство крайне редко прибегало к резкой ломке традиционной системы политических, этносоциальных и экономических структур, существовавших на вновь присоединяемых территориях.

На наш взгляд, только с очень большой осторожностью следует говорить о так называемой новой внешнеполитической линии, «проявлявшейся» в русской политике уже с середины XVI столетия и направленной на расширение территории страны на юге и юго-востоке за счет присоединения плодородных лесостепных пространств; военного, а затем и хозяйственного их освоения, приобретения удобных путей к богатым государствам Востока. Новое, как пишут зарубежные и некоторые российские историки, «имперское», «империалистическое», «экспансионистское» сознание формировалось у руководства страны чрезвычайно медленно. Выработка «идеологии поглощения» отставала от реальных действий, обусловленных сиюминутными обстоятельствами внешней политики, направленной, прежде всего, на оборону границ со степью и предупреждение нападений кочевников⁹. В некоторой степени можно согласиться со швейцарским историком А. Каппелером, считавшим, что российская экспансия вплоть до середины XIX в. определялась в основном стратегическими и внешнеполитическими, а не экономическими задачами¹⁰.

В последнее время нередко пишут о так называемой «внешнеполитической доктрине Макария», адепты которой считали борьбу с государствами-наследниками Золотой Орды богоугодным деянием и требовали от правительства выполнения этой задачи¹¹. Очень любопытна в этом отношении небольшая статья Д.А. Котлярова, по-

священная анализу своеобразного «ритуального» поведения Ивана IV во время похода на Казань в 1552 г. Анализируя «Летописец начала царства» и «Троицкую повесть о взятии Казани», исследователь пишет о «...постоянно нарастающем религиозном обрамлении действия государя, как главного актора, берущего на себя ответственность за свой народ и за исход предстоящего похода в силу божественного предопределения его исторической миссии». Царь в своих молитвах неоднократно обращается к тем историческим деятелям прошлого, кто подготовил победу на Куликовом поле – Сергию Радонежскому и, прежде всего, Дмитрию Донскому. Мотив преемственности и исторической обусловленности борьбы против наследников Орды становится важнейшим в религиозном поведении Ивана IV во время «казанского» похода¹².

Сторонником доктрины Макария можно назвать и князя А. Курбского, когда он, оплакивая представителей русской элиты, погибших от опричнины, писал: «Не только на своей земле защищая от варваров убогих христиан, мужеством и храбростью своей они разгромили целые басурманские кровопийственные царства с неверными их царями и расширили пределы христианского царства до самого Каспийского моря и вокруг него»¹³. Но вряд ли такой подход Курбского можно назвать концептуальным. Нам кажется, что это было естественное традиционалистское в средневековой системе религиозного миропонимания объяснение и описание происшедших событий.

В отечественной историографии также можно встретить мнение, что экспансия России на юго-восток была в значительной степени обусловлена необходимостью противостоять агрессивной политике Османской империи, пытавшейся воссоздать под своей эгидой вокруг нашей страны коалицию из Крымского, Казанского и Астраханского ханств, Ногайской Орды¹⁴. Однако в современной литературе такой подход подвергается критике¹⁵. Например, И.В. Зайцев пишет: «Почти до самого конца XVI в. Османская империя никогда всерьез не интересовалась происходящим к северу от владений Крымского ханства. Османь по настоящему не мешали Московскому государству приобретать новых мусульманских подданных, а потом обращаться с ними так, как это было ему нужно»¹⁶. Другие исследователи в более мягкой форме говорят о коалиции государств – ордынских наследников, направленной против России. Но Турция при этом как инициатор создания подобного союза в их работах практически не фигурирует.

Далеко не полностью поддерживая мнение И.П. Ермолаева и других исследователей о том, что Россию следует считать «преем-

ницей Золотой Орды», можно в определенной степени согласиться с тем, что «... включение в состав Московского государства Казани и других «татарских» ханств – это не завоевание ради расширения территории государства, а начало процесса «восстановления» его единства (в границах Золотой Орды)»¹⁷, «перемещение центра власти из мусульманских регионов на христианскую территорию»¹⁸.

Таким образом, все попытки найти сколько-нибудь четкие идеологические и социально-экономические обоснования для «Казанского взятия» не дают однозначного решения. Как это в целом характерно для российского средневековья, подобные основания если и имелись, то не получили сколько-нибудь ясного и логичного изложения.

Возможно, к ликвидации Казанского ханства привело постепенное ухудшение отношений между двумя государствами после разрыва в 1521 г. Военное противостояние все более нарастало. Приграничные столкновения и более серьезные походы становятся постоянным явлением. Ситуация особенно обострилась с середины 1530-х гг., когда казанский престол занял представитель крымской династии Сафа-Гирей. Именно с этого времени в разрядных книгах появился новый раздел назначений «роспись воевод от казанской украины». По наблюдениям П.В. Чеченкова, он становится «регулярным и почти ежегодным», начиная с 1639/40 г. и вплоть до «казанского взятия». Для обороны восточных рубежей страны фактически была создана особая группировка войск¹⁹.

Проблема Казанского ханства не как политически относительно самостоятельного субъекта (в форме протектората), а как завоеванной территории, на которой предстояло создать новую систему военно-административного управления, испоместить русское служилое население, хозяйственно освоить и т.д., была кардинально решена только в 1552 г. после строительства Свияжска и окончательного взятия Казани. Как справедливо пишет А.Л. Хорошкевич, «Казанское взятие открыло целую эпоху «расширения» Российского государства на восток... Четверть века, прошедшая с момента венчания Грозного на царство до отмены опричнины, было временем максимального увеличения государственной территории Российского царства (которое можно только сравнить с «ростом» имперской территории в екатерининскую эпоху), его превращения в крупнейшую евро-азиатскую державу»²⁰.

Последовавшие затем военные и дипломатические усилия привели к тому, что ко второй половине 1550-х гг. в основном определились пространства, ставшие объектом российской колонизации

и те, на которые распространялось особое влияние Москвы. К ним относились территории бывших Казанского (1552 г.) и Астраханского ханств (1556 г.), Башкирия, население которой признало свою зависимость в 1557 г.; в определенной степени Большая Ногайская Орда («младший партнер», по выражению В.В. Трепавлова²¹) и даже на некоторое время Сибирское ханство²². Под полной юрисдикцией Москвы оказались этносы, ранее имевшие свою государственность, исповедовавшие отличную от христианства мировую религию. Был сделан решающий шаг в превращении России в качественно другое по сравнению с предшествующим периодом полиэтничное и поликонфессиональное государство, что потребовало выработки иных принципов проведения правительственной политики к недавно присоединенным регионам, внесения нового содержания в постепенно складывающуюся идеологию российской государственности. Продолжением новой внешнеполитической стратегии явились военные действия против Крымского ханства в середине – второй половине 1550-х гг., без разгрома или, по крайней мере, нейтрализации которого процесс глобальных геополитических изменений на юге и юго-востоке Европейской России нельзя было считать окончательно завершенным. Но эту важнейшую задачу в борьбе за «Дикое поле» удалось решить только в конце XVIII в.

Начальный этап военно-государственного освоения края. Территории, вошедшие в состав Московского государства, а также оказавшиеся в зоне его особого влияния в середине XVI в., можно разделить на три больших региона: Казанский край, включавший в себя земли бывшего Казанского ханства (Луговая, Горная и Арская стороны); Башкирия; и, наконец, зона кочевий Большой Ногайской Орды (в основном Волго-Уральское междуречье). Все это огромное пространство скреплялось в единую систему важнейшими путями сообщения Восточной Европы – Волгой и Камой.

Совершенно очевидно, что рассматривать процессы государственного строительства в период начального освоения юго-востока Европейской России, оценивать их значимость, типичность, место в геополитической линии московского правительства крайне сложно на примере сравнительно небольшого локального района, выбранного в качестве объекта исследования, поэтому используемую в данном случае исследовательскую методику можно считать вполне приемлемой и обоснованной.

Со времени казанского и астраханского «взятий» и до середины 1580-х гг. Россия на всем этом огромном пространстве стремилась прежде всего сохранить свои территориальные приобретения и гео-

политическое влияние. Тяжелая международная обстановка (Ливонская война, попытки Крымского ханства и Турции вернуть «Казанский и Астраханский юрты» в лоно мусульманских государств) и внутренние неурядицы поставили страну в сложнейшее положение. Правительство могло лишь удерживать под своим контролем Казанский край, Башкирию, Астрахань с небольшой округой, среднее и нижнее течение Волги. В отношении остальных территорий приоритет отдавался, прежде всего, дипломатии²³. Только с помощью усилий Посольского приказа и в значительной степени регулируемых Москвой действий казачьей вольницы удавалось сдерживать Большую Ногайскую Орду от антирусского союза с Крымом. Крайне осторожной была политика по отношению к Башкирии²⁴.

Наиболее активно правительственная политика, направленная на военно-государственную и экономическую колонизацию вновь присоединенных земель, велась только по отношению к территории бывшего Казанского ханства. Казанский край или «Казанская земля», как его называли в то время, рассматривался в Москве как неотъемлемая часть Российского государства.

Процессы, происходившие на территории бывшего Казанского ханства, можно рассматривать в нескольких аспектах. Важнейшим из них является политика и конкретные действия российской светской власти и православной церкви по его закреплению за Россией. Внутренняя и внешняя политика правительства в 1560-х – первой половине 1580-х гг. была трудно предсказуемой, противоречивой. Но общая единая линия вырисовывается довольно явственно. Это была стабилизация положения в недавно завоеванном регионе, его военно-административная и экономическая колонизация; наконец, поиски определенного компромисса в отношениях с местными политическими элитами и коренным населением. Постепенно на территории завоеванного края складывается своеобразный «военный округ»²⁵, в состав которого входили гарнизоны вновь создаваемых укрепленных пунктов. Их первоочередная задача состояла в контроле над присоединенными пространствами с преобладающим нерусским населением. Количество таких новых городов-крепостей все более возрастало. Во время «казанской войны» и сразу после ее завершения были основаны Чебоксары (1555 г.), Лаишев (1557 г.), Тетюши (1558 г.); в ходе подавления первого «черемисского» восстания – Кокшайск (1573 г.); наконец, наиболее многочисленная группа «городов» появилась во время второй «черемисской войны» – Козьмодемьянск (1583 г.); Царевококшайск, Цивильск, Уржум, Малмыж (все в 1584 г.), Царевосанчурск (1585 г.)²⁶.

Если первоначально территория края была разделена на два уезда – Казанский и Свияжский, то позднее к ним присоединились Чебоксарский, Алатырский, Тетюшский и другие. Деятельность правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI – начале XVII в. была также направлена на организацию безопасности этих колонизируемых территорий. На южных границах Алатырского, Свияжского и других уездов Правобережья (как и по всем южным и юго-восточным рубежам России) создавалась своеобразная оборонительная система. Она состояла из постоянных военных центров – укреплений и гарнизонов, а также выдвинутых вперед для контроля за пустынными лесостепными пространствами станиц, разъездов и т. д.²⁷ В конце XVI в. «существовала уже длинная цепь укрепленных городов по всей степной украине от Алатыря до Рыльска и Путивля», которая шла через Алатырь и Темников на Шацк и Рязань²⁸. Споры идут, прежде всего, о том, насколько целостной и единой была эта система в Среднем Поволжье. Возможно, оборонительные сооружения Темниковской, Алатырской и Тетюшской засек к концу XVI в. фактически соединялись в единую оборонительную систему, южнее которой несколько позднее была создана еще одна – Ново-Тетюшская линия²⁹.

Имеется немало свидетельств об отдельных крепостях, острогах и участках засек. Еще в середине XIX в. в Симбирской губернии были видны остатки этой линии, которые представляли сплошной вал со рвом, «идушим от города Тетюши на запад к реке Свияге и отсюда в том же направлении параллельно реке Карла, с правой ее стороны»³⁰. Однако описаний единой системы укреплений, особенностей ее функционирования, сведений о едином руководстве и т. д. обнаружить не удастся. Наличие таких «засек» и укрепленных пунктов позволяло отдельным группам служилых людей и крестьян селиться за их пределами, южнее. В Заволжье, для защиты ближайших подступов к Казани, были построены в низовьях Камы Лаишевы и другие пригороды.

Все остальное, расположенное южнее, пространство Среднего Поволжья оставалось к этому времени зоной кочевий степняков. Условно весь этот регион можно назвать «Южным Средневолжьем»: данное определение было апробировано в ряде статей и обобщающих работ и не встретило серьезных возражений со стороны научного сообщества³¹.

Контролировать и охранять весь волжский путь только из Казани и Астрахани было невозможно. Для этого необходимо было создать в его стратегических местах – в устьях рек Самары и Большо-

го Иргиза, на волго-донской Переволоке – русские города-крепости. Переговоры об этом начались с 1555 г. с нурадином (позднее князем – бием) Ногайской Орды Исмаилом, признавшим свою вассальную зависимость от Москвы³². Причем инициатором их строительства на короткий период середины 1550-х гг. оказался Исмаил, стремившийся с помощью русских остановить распад Орды. Русское правительство всерьез рассматривало такую возможность, однако в условиях тяжелейшей Ливонской войны реализовать ее было не в состоянии³³. Москва вплоть до середины 1580-х гг. ограничивалась посылками «плавных ратей» и высадками в наиболее опасных местах волжского побережья небольших стрелецких отрядов для «летования». Анализ делопроизводственных материалов Разрядного и Посольского приказов, других источников позволяют сделать вывод, что подобные действия предпринимались нерегулярно, вне какой-либо системы.

В конце 1560-х гг. в связи с военными действиями Крыма и Турции обстановка на юге и юго-востоке Европейской России стала угрожающей. Понадобились чрезвычайные военные усилия 1569–1572 гг., чтобы остановить эту агрессию.

Этими обстоятельствами было обусловлено преобразование системы сторожевой службы, протянувшейся в XVI в. вдоль всего лесостепного фронта европейской России³⁴. С 1571 г. после ее коренного реформирования крайние юго-восточные сторожи проезжали по правому берегу всю среднюю (и значительную часть нижней) Волгу и останавливались под «Караманским лесом» у устья р. Терешки, неподалеку от построенного позднее Саратова. В «Боярском приговоре о назначении мест, где стоять головам в поле...» говорилось: «... голове стояти на Волге под Караманским лесом из Казани... и от тое головы ездити на гору по Волге до Тетюшскаго города, а проезду днища с четыре³⁵. А ездити станицам от Короманские головы к Волге по шти человек в станице, пропуская меж станиц по неделе, а не дожидаяся первых станиц...

А людем с теми головами быти из розных украинных городов детем боярским и казаком по росписи: под Караманским лесом с головами из Казани да из Свияжскаго десять человек детей боярских, тридцать человек татар и чуваш из Олаторя шесть человек детей боярских да двадцать человек казаков из Темникова да из Кадомы да из Шацкаго двенадцать человек детей боярских да десять человек татар да десять человек мордвы, из Шацкаго ж двадцать человек казаков, из Рязского шесть человек детей боярских, десять человек казаков. И всего изо всех городов с тою головою людей –

детей боярских тридцать пять человек, да казаков пятьдесят человек, да татар и чуваш и мордвы сто тридцать пять человек»³⁶. Станицы, состоящие из служилых людей «украинных городов», должны были регулярно проезжать, «прижимаясь», насколько это было возможно, к правому берегу Волги мимо устья Б. Иргиза, Б. Черемшана, минуя Самарскую Луку, через всю территорию Симбирского Правобережья до Тетюшей и сообщать о возможных появлениях кочевников. Видимо, главной их задачей являлось наблюдение за «перевозами», через которые отряды ногаев переправлялись на правобережье для грабительских походов.

Второй голова «из Шатцкого», стоявший на Дону «...на нагайской стороне в Вежках, выше Медведицы и Хопра» свои «восточные» станицы посылал «к Волге до усть Балыклея» (т. е. к тем же вершинам р. Балыклейки)³⁷. Таким образом, перекрывалось все направление набегов кочевников как через пространство между Волгой и Доном, так и вдоль переправ через Волгу. В те же 1570-е гг. появилось еще несколько линий сторожевых разъездов, выходивших по правому берегу к Волге как севернее, так и южнее первой³⁸. Восточный фланг одной из таких линий, располагавшейся значительно севернее, т. н. «мещерских сторожей», проходил от р. Барыша до Цнинского леса. Первая из «мещерских» сторожей, состоявшая из 6 служилых алатырцев, контролировала участок протяженностью в 30 верст (около 65 км) от р. Барыша до «большово» Сурского леса. Разъезды на следующих участках к западу от Сурского леса через Мокшанский лес по р. Шакше и далее продолжали еще 4 сторожи³⁹. Характерно, что линия этих разъездов на востоке не доходила до правого берега Волги.

Несмотря на то, что в конце 1570-х гг. часть сторожей в Понизовом Поволжье была упразднена, их заменили арзамасские и другие станицы: «...а и пойдут которые малые люди и придут на Олатырские места... и тех людей сакмы объезжают станицы арзамасские»⁴⁰. Определенную сдерживающую роль эти сторожи, несомненно, сыграли. Например, когда в 1580 г. хан Большой Ногайской Орды Урус стал готовиться к походу на русские окраины, представители ногайской знати его остановили, говоря при этом: «...нынче на Волге сторожи, и оне тебя за Волгу не пустят; хотя и за Волгу перейдеш, то московские люди будут наготове»⁴¹.

Таким образом, все Правобережье Южного Средневожья в последней трети XVI в. находилось под постоянным контролем арзамасских, алатырских, тетюшских воевод и властей вновь основанных городов на Волге.

Создание нового военно-административного аппарата для управления регионом. Особое внимание во второй половине XVI – начале XVII в. было уделено созданию нового военно-административного аппарата в регионе. После «казанской войны» 1552–1557 гг. московское правительство пришло к пониманию, что для полного «замирения» края необходимо ликвидировать остатки административного управления прежнего ханства. В ходе подавления восстаний местного населения по всей территории бывшего ханства оно было практически полностью демонтировано. Вместо него следовало образовать новую, военно-административную систему, опирающуюся на широкий круг русских светских и церковных землевладельцев, приборных и тяглых людей, а также на лояльное местное население. Осуществить эту задачу можно было только в результате планомерной, рассчитанной на длительную перспективу, политики. Только к рубежу XVI – XVII вв. на территории бывшего Казанского ханства была создана действенная система военно-административного управления и административно-территориального деления, опирающаяся на сеть укрепленных опорных пунктов – городов. Как пишет А.Л. Хорошкевич, это была «организация местной государственной власти в иноэтничной и иноконфессиональной среде»⁴².

По мнению И.П. Ермолаева, именно в Казанском крае была впервые апробирована воеводская система⁴³, позднее распространенная на все пограничные уезды страны. На первых порах положение воевод в Казани внешне напоминало наместничье. Воеводы, первоначально решавшие, в основном, военные вопросы, постепенно, вместе с дьяками и подьячими (управлявшими съезжими избами), сосредоточили в своих руках всю полноту гражданской власти. Губное и земское управление на территории края во второй половине XVI – начале XVII в. развития не получило. В состав местной администрации входили в качестве волостных сотников, «татарских голов» и т. д. представители коренной национальной верхушки⁴⁴.

Первоначально управлять вновь присоединенными территориями должен был Посольский приказ. Однако с конца XVI в. весь юго-восток отошел под юрисдикцию приказа Казанского Дворца⁴⁵. Это учреждение складывалось постепенно. Сначала это была Казанская изба (Казанский Дворец, Казанский и Мещерский Дворец и т. д.), созданная уже в середине XVI в.⁴⁶ По мере создания, вниз по течению Волги городов-крепостей во второй половине XVI в.,

они включались под юрисдикцию приказной администрации. В XVII в. строительством таких городов ведал уже непосредственно приказ Казанского дворца.

В ведении приказной администрации первоначально оказались все вновь присоединенные территории на юго-востоке, так называемые «Понизовые города». Наиболее полную характеристику этого понятия дает С.Ф. Платонов. Рассматривая историко-географическое деление Русского государства накануне Смутного времени на города-области, историк среди прочих таких регионов выделял «Понизовые города» или «Низ», определяя их следующим образом: «Под именем “Низа” или “понизовых городов” слыли, во-первых, города, находившиеся на территории покоренного в 1552 г. Казанского ханства, на обоих берегах Средней Волги и на правом берегу Нижней Камы и Вятки, а во-вторых, города, поставленные на Нижней Волге, начиная от Самары и на Каспийском побережье»⁴⁷. Несколько иное обозначение данной области предлагают В.З. Дробижев, И.Д. Ковальченко и А.В. Муравьев. В совместной работе они пишут: «В область “Низовых городов” входила значительная часть территории, протянувшейся по обоим берегам Средней Волги, примерно от Нижнего Новгорода до Камы. Сюда относились не только поволжские города, но и земли мордвы, чувашей, черемисы. По мнению этих исследователей, в XVI – XVII вв. понятие “Низовых городов”, “Низа” не было полностью устоявшимся. Оно могло охватывать как непосредственно прилегающие к Замосковному краю земли, так и поволжские земли, тянувшиеся к Каспийскому морю»⁴⁸. На наш взгляд, более обоснованной является точка зрения, высказанная С.Ф. Платоновым.

Однако длительное время приказ Казанского Дворца распоряжался не только Средним и Нижним Поволжьем, Приуральем, но также Западной Сибирью и «мещерскими городами». Только в 1637 г. сибирские земли были переведены в распоряжение специально созданного Сибирского приказа. Его появление было обусловлено сложностью управления огромным пространством от Волги до Восточной Сибири. В середине XVII в. Астрахань с прилегающими к ней территориями и городами была передана в ведение Посольского приказа. Под началом приказа Казанского Дворца остались Средняя и часть Нижнего Поволжья, а также Приуралье (Башкирия)⁴⁹.

Сам приказ являлся центральным государственным учреждением и размещался в Москве. В связи с этим важнейшим центром управления всем регионом была также Казань. Казанские воеводы ведали не только собственным (Казанским) уездом, но и являлись

посредниками между приказной администрацией и воеводами низовых городов.

Особое место приказа Казанского Дворца было обусловлено не только размерами территории, входившей в его компетенцию, но и спецификой взаимодействия с другими органами центральной власти. Он был не просто территориальным приказом, но и центральным учреждением по управлению всеми вопросами и сторонами жизни огромного региона. Г. Котошихин так писал о чрезвычайно широкой сфере полномочий приказной администрации на юго-востоке европейской части Московского государства: «Приказ Казанского Дворца. А в нем сидит боярин, да думной дьяк, да два диака. А в том приказе ведомо Казанское и Астараханское царствы, и к ним Понизовые города; и в те города воеводы и к ним указы посылаются о всяких делех, ис того приказу. А денежной збор собирается с Понизовых городов... Да в том же приказе ведомо войсковое дело и опасение от турецкой и от персической границы, и от калмыков и башкирцов. А будет в Казанском и в Астараханском царствах всех блиско 30 городов, и с пригородками...»⁵⁰.

Приказ осуществлял полное административное, финансовое, судебное управление. Кроме того, он являлся едва ли не единственным центральным учреждением, обладавшим военно-организационными функциями на подведомственной ему территории, обычно полностью принадлежавшими Разрядному приказу⁵¹. Ему подчинялись почти все категории служилых людей, в том числе стрельцы. Он руководил уголовным сыском и осуществлением наказаний, что должно было входить в компетенцию Стрелецкого и Разбойного приказов соответственно. По свидетельству того же Котошихина, приказ даже ведал охраной границ с Турцией и Персией, а также защитой от нападений калмыков и башкир⁵². Приказ Казанского дворца собирал все подати, таможенные сборы, наблюдал за исполнением населением невоенных повинностей.

В первой половине XVII в. приказ Казанского Дворца по составу своего подьяческого штата относился к числу крупнейших центральных учреждений⁵³. Позднее он несколько утрачивает свои позиции по данному показателю, возглавив, по словам Н.Ф. Демидовой, «среднюю группу приказов»⁵⁴. Но и во второй половине столетия приказ оставался одним из важнейших центральных учреждений страны. Об этом свидетельствует хотя бы то, что он в 1669 г. попадает в сравнительно небольшую группу центральных учреждений, дела которых вносили в особый день (в среду) «к слушанью и вершенью» в Боярскую думу⁵⁵. Руководство и состав подьячих при-

каза находились под жестким контролем правительства. Стоит отметить, что штат приказных людей достаточно часто обновлялся, особенно судьи⁵⁶.

И.П. Ермолаев особо отмечает «уникальную» по сравнению с другими приказными учреждениями «национальную» специфику данного учреждения. Приказ, по его словам, должен был «формировать общую, так сказать, “национальную” (в общегосударственном масштабе) политику России»⁵⁷.

По полноте своих компетенций, праву распоряжаться подвластной ему территорией, многообразию решаемых задач с Казанским не мог сравниться ни один из других областных приказов страны⁵⁸.

Вместе с тем нельзя признать совершенно автономными те территории, которыми ведал приказ Казанского Дворца. Исследователи считают, что и другие центральные учреждения принимали определенное участие в управлении «поволжскими и приуральскими землями», однако установить, насколько это было «узаконено и регламентировано» невозможно из-за отсутствия репрезентативных источников⁵⁹.

Особое значение имели военные функции приказа. По словам Г.К. Котошихина, он ведал «...войское дело и опасение от турецкой и от персической границы и от калмыков и башкирцов»⁶⁰. Подведомственные его администрации территории составляли один Разряд – Казанский, подчинявшийся непосредственно приказу Казанского Дворца. Организация вооруженных сил на территории, подведомственной приказу Казанского дворца, была также автономна, но в целом она повторяла подобную организацию всего Российского государства. Разумеется, при всей своей «автономности» руководство приказа должно было делить полномочия в данном вопросе с Разрядным, Стрелецким и другими военными приказами.

Интенсивное освоение окраинных фронтальных районов, необходимость постоянной защиты их от нападений способствовали постоянной боеготовности местных вооруженных сил. Нельзя не согласиться с И.П. Ермолаевым, считающим, что значение «Казанского разряда» как военного округа особенно проявилось во второй половине XVII в. и выразилось не столько в борьбе с внешней опасностью, сколько с внутренними врагами средневекового самодержавного государства. Велика была роль ратных сил низовых городов в противостоянии мощным социальным движениям («Разинщине»), башкирским восстаниям. На их предотвращение нередко не хватало «своих» военных ресурсов, приходилось привлекать военные части из других регионов страны⁶¹. Борьба с такими соци-

альными движениями оказала решающее влияние не только на общее политическое развитие государства, но и на эволюцию структуры центрального и местного управления⁶².

Видимо, определенная двойственность наблюдалась в руководстве приказной администрацией воеводами и другими начальными людьми низовых городов. Как правило, наблюдались их непосредственные сношения: сверху шли указы, снизу – отписки и другие отчетные документы. Вместе с тем, как уже говорилось выше, нередко для городов и уездов Среднего Поволжья такое руководство могло осуществляться через воевод Казани.

Как и большинство других центральных учреждений, приказ Казанского Дворца был ликвидирован в ходе областной реформы начала XVIII в. В созданную в 1708 г. Казанскую губернию вошли почти все территории, находившиеся в ведении администрации приказа⁶³.

Вскоре после «казанского взятия» была организована новая Казанская и Свияжская епархия (1555 г.), возникают местные монастыри, формируется крупное церковное землевладение. Появление нового православного центра было естественным для территории, которую предполагалось, прежде всего, закрепить за Россией⁶⁴, а затем уже превратить в один из своеобразных регионов «внутренней окраины». Очевидно, что церковь должна была способствовать христианизации коренного населения, выполнять миссионерские задачи. Эта политика, контролируемая и поддерживаемая государством, на первых порах проводилась чрезвычайно осторожно. Она затронула, в основном, те слои местного общества, которые претендовали на льготы и служебные привилегии⁶⁵.

Государственная политика по закреплению за Россией волжской акватории (вторая половина 1580-х – 1630-е гг.).

Новые решительные шаги, направленные на усиление позиций России в волго-уральском (яицком) междуречье, были предприняты только во второй половине 1580-х – 1590-е гг., после неудачного завершения Ливонской войны. Обострившиеся отношения с Крымским ханством, Малой и, отчасти, Большой Ногайскими ордами; вмешательство Турции в ситуацию, складывающуюся в Нижнем Поволжье, заставили новое правительство перейти к более активной политике в этом регионе. Основные направления «степной» политики⁶⁶ не были ясно и четко определены в каком-либо законода-

тельном акте (по крайней мере, такого документа не обнаружено). Но этот политический поворот в обобщенном виде был сформулирован в летописях. Составитель «Нового летописца» так отразил новые подходы к закреплению Казанского края: «Сам же государь праведной (Федор Иванович. – Э. Д.) чая от них (народов Среднего Поволжья. – Э. Д.) впредь измены ... повеле ставити ... города, ... и насади их Рускими людьми и тем он государь укрепил все Царство Казанское»⁶⁷. «Пискаревский летописец» под 1684 г. распространил это положение на всю южную и юго-восточную окраину страны: «Приказывает (Федор Иванович. – Э. Д.)...города ставити на Поле и в Сивере и к Астрахани, которые за многие лет запустевша от безбожных агарян и от междуусобных брани: Елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромы, Монастырев и иныя многия польския и сиверския»⁶⁸. Подобная же генеральная линия проводилась и на пограничных территориях юго-востока европейской России, а также в Западной Сибири. Государство сделало важные шаги для установления своего реального присутствия на территории Башкирии (Уфа – 1586 г.⁶⁹), закрепления всего волжского пути (Самара – 1586 г., Царицын – 1589 г., Саратов – 1590 г.), контроля за устьем р. Урал (Яицкий городок – 1594/95 г.) и ближними к Астрахани районами Предкавказья (в долине р. Терек – г. Терки, Сунженский и Койсинский остроги).

Успешность этой политики на юго-востоке стала очевидной уже к рубежу XVI–XVII в. Проявляется «несомненная вассальная зависимость бия Больших Ногаев» от Москвы⁷⁰. В Башкирии начинает складываться новая русская система управления и возникает Уфимский уезд⁷¹. Перестроенная, хорошо укрепленная в 1580-е гг. Астрахань, опираясь на целую группу городков – крепостей, в действительности стала центром всего Нижнего Поволжья и Восточного Предкавказья, свидетельством чего является создание в 1602 г. Астраханской и Терской архиепископии. Только с этого времени началось постепенное реальное вхождение огромного региона в состав России и складывании управления им⁷².

События Смутного времени, «шаткость» в крае показали степень эффективности всей предшествовавшей правительственной политики на юго-востоке, наличие или отсутствие у покоренных народов, в первую очередь, казанских татар идеологических и организационных возможностей для восстановления своей независимости и государственности. Можно считать, что вооруженное противостояние, развернувшееся на территории Казанского края, практически не приобрело характера национально-освободительного

движения⁷³. Но все же сложившаяся к началу XVII вв. система городов-крепостей, опорных пунктов, торговых путей и промысловых угодий; политического равновесия в крае, где соседствовали коренное население Среднего Поволжья, ногайская Орда, яицкое, волжское и другие сообщества казачьей вольницы, служилое и посадское население, русские промышленники и торговцы из центральных районов, была в значительной степени нарушена. На Волге от Самары до Астрахани в годы безвластия начала складываться новая казачья область⁷⁴. Фактически враждебную позицию по отношению к России заняла Большая Ногайская Орда⁷⁵. Ниже устья Камы московское правительство контролировало только Тетюши, Самару и Терки.

Только во второй половине 1610-х гг. на территориях, лежащих к югу от Камы, правительству удалось восстановить прежнее положение. Разгром движения И. Заруцкого, отрядов непокорных яицких и волжских атаманов укрепил контроль государства над всем течением Волги. В конце 1616 г. подданство России признал бий Большой Ногайской Орды. Были вновь отстроены Царицын и Саратов. К концу 1610-х – началу 1620-х гг. обстановка в крае в целом стабилизировалась.

В середине 30-х гг. XVII в. правительство, потерпев поражение в Смоленской войне, приступило к более активной политике на границе с Диким полем. Начался новый период в истории огромного региона. Этой перемене во внешнеполитических ориентирах «способствовали» нападения Крымского ханства и Малых Ногаев во время войны с Польшей, появление в междуречье Волги и Урала калмыков. Многочисленные калмыцкие орды вытеснили в Причерноморье остатки ногаев и вновь дестабилизировали обстановку в степных и лесостепных районах Заволжья.

На южных границах России с этого времени происходит строительство грандиозной Белгородской оборонительной линии, массовое испомещение служилых людей, крупные миграции податного населения. Первоначально, до середины 1640-х гг., эти процессы лишь отчасти затронули западную часть Среднего Поволжья, где были построены Верхний Ломов, Атемар, ряд острогов⁷⁶. Но все же изменения в отношении государства к своим юго-восточным окраинам проявились и здесь. Политика, направленная на «умиротворение» калмыков, принесла свои результаты. После нескольких серьезных столкновений с гарнизонами пограничных городов калмыцкая знать осознала необходимость налаживания мирных отношений с Россией.

Продолжалось создание новых крепостей и острогов за пределами Казанского края. На Самарской Луке – в Надеинском Усолье, в устье Яика и других местах появились хорошо укрепленные городки, промысловые и земледельческие поселения. Разрастается сеть поселений в Закамье, для охраны которых с начала 1640-х гг. был построен ряд городков⁷⁷. Последние, как считает Доннелли, являлись небольшой «второстепенной» укрепленной линией, открывшей первый этап продвижения русских внутрь Башкирии⁷⁸.

И все же вплоть до середины XVII в. все лесостепное Южное Средневожье (от устья Камы в Заволжье и линии Тетюши – Алатырь – Темников в Предволжье) оставалось за пределами системных мероприятий Московского государства по колонизации новых территорий. Правительство здесь могло опираться только на гарнизоны пограничных с этими территориями Тетюшей, Алатыря, Темникова, Уфы, Саратова, да на стоящую в самом центре этого региона Самару⁷⁹. Под реальным контролем коронной администрации находилась лишь акватория Волги и небольшие локальные территории – Самарская Лука, Чалнинская дворцовая волость и др.

Государственное строительство в Южном Средневожье в середине XVII – начале XVIII в.

Правительственные мероприятия по строительству системы укрепленных линий на юге и юго-востоке Европейской России в середине 1630-х – 1650-х гг. позволило защитить пограничные уезды страны от нападений кочевников. Были созданы условия для заселения и включения в состав Московского государства новых лесостепных территорий. Крайний восточный фланг этой системы составляли Карсунская⁸⁰, Симбирская⁸¹ и Закамская линии, прикрывшие все пространство Предволжья (от Суры до Волги) и Заволжья (от устья Б. Черемшана до впадения в Каму р. Ик).

Вся совокупность укреплений от границ с Речью Посполитой до Камы возводилась около двух десятилетий – с середины 1630-х до середины 1650-х гг. За это время правительство смогло выработать единый целостный подход к ее функциям, фортификационным особенностям и составу гарнизонов. Исследователи считают, что из отдельных возведенных в эти годы «черт» была создана практически единая оборонительная система⁸². Несмотря на то, что ее отдельные участки – «черты» – находились в ведении различных воевод и даже приказов, она являлась единым комплексом.

Западная (собственно Белгородская черта⁸³) и центральная (Тамбовская⁸⁴; Керенская, Верхнеломовская, Нижнеломовская, Инсарская, Потижская, Атемаро-Саранская⁸⁵) части этой оборонительной системы строились постепенно, поэтапно. Сначала возводились отдельные города-крепости и остроги, рядом с ними сооружали локальные участки засек, а на открытых от леса местах — рвы и валы. Позднее эти участки соединялись в единую непрерывную линию.

К возведению крайней восточной части (от Суры до Волги и затем в Заволжье — от Волги к Каме) правительство приступило позднее, во втором десятилетии этой строительной эпопеи при Алексее Михайловиче. Именно в это время вся система укреплений от границ с Польшей и до Камы получила свое окончательное завершение как непрерывная, единая система фортификационных сооружений по всей южной и юго-восточной европейской лесостепи.

В Москве было решено соединить в единое целое не только те укрепления, которые в конечном итоге образовали Белгородскую черту (Разрядный приказ), но и лежащие далее к востоку и подведомственные приказу Большого дворца (Тамбовская черта), а также оборонительные сооружения на территории Мордовии и бывшие в ведении приказа Казанского Дворца. Правительство посчитало необходимым продлить систему укреплений на восток за р. Суру как минимум до Волги, где до середины 1640-х гг. их не строили. Наконец, по всей линии указали значительно усилить мощность основных фортификационных сооружений⁸⁶.

Таким образом, в начале царствования Алексея Михайловича была проведена серьезная работа по анализу состояния уже построенных участков. Помимо имевшего стратегический характер решения создать единую неразрывную засечную линию от границ с Польшей до, по крайней мере, Волги, были сделаны существенные поправки к прежнему проекту как в отношении количества городов и острогов, их гарнизонов, так и по размерам самих полевых укреплений — валов, рвов, засек и т. д. Такое решение, приведшее к резкому удорожанию строительных работ, не могло быть принято без утверждения «главой» правительства Б.И. Морозовым.

Строительство всех элементов засечных черт в Мордовии, а также Карсунской (с 1647 г.), Симбирской (с 1648 г.) и Закамской (с 1652 г.) линий происходило фактически одновременно. Его темпы зависели только от наличия рабочей силы и материальных ресурсов. Мобилизация ратных и деловых людей, строительство линий на юго-востоке Европейской России, формирование гарнизо-

нов и организация военной службы находились в ведении приказа Казанского Дворца. К сожалению, судить о действиях руководства приказа при строительстве укреплений и формировании гарнизонов приходится только по отдельным фрагментарным материалам⁸⁷. Несомненно, что отдельные вопросы находились под контролем Разрядного приказа, как, например, посылка ратных людей для охраны строительства из уездов, находившихся в его компетенции и т. д.⁸⁸

Руководителем строительства, сформировавшим принципы организации работ при возведении системы линий, находившихся под управлением приказа Казанского Дворца (Керенской, Атемарской, Карсунской и Симбирской), стал стольник Богдан Матвеевич Хитрово⁸⁹. В 1647 г. он получил чин окольничего, а впоследствии становится крупным государственным деятелем, близким к царской семье и игравшим значительную роль при дворе⁹⁰. Его кратковременный период активной деятельности в Южном Средневолжье, когда там шло интенсивное строительство укрепленных линий, можно рассматривать как особое поручение правительства заложить в новом районе основу новой оборонительной системы. Среди историков сложилось устойчивое мнение, что Хитрово был доверенным лицом Б.И. Морозова⁹¹, в годы правления которого особое внимание уделялось возведению единой системы укрепленных линий⁹². За 3 года, с 1646 до осени 1648, Б.М. Хитрово успел «побывать» воеводой в ранее построенных Темникове и Атемаре, заложить основные сооружения Карсуна и Карсунской черты, Симбирска и Симбирской черты. Во всех «посылках» Хитрово его важнейшей обязанностью являлось строительство укреплений. Практически ни на одном из этих «объектов» он не задерживался более полугода, оставляя продолжать начатые им крупномасштабные работы своим «товарищам».

Решение о продолжении засечной линии за Волгу было принято правительством позднее, не ранее 1650 г. В 1651 г. казанцы С. Змеев и Г. Львов обследовали территорию от впадения в Волгу Б. Черемшана и до устья р. Ик. После утверждения составленных «рописи» и «чертежа»⁹³, казанский воевода боярин Н.И. Одоевский в 1652 г. начал строить новую черту⁹⁴.

Деятельность правительства по созданию мощной оборонительной системы в Южном Средневолжье и формированию ее гарнизонов коренным образом изменила положение в регионе и положила начало его интенсивному заселению. Под защитой укреплений был испомещен крупный контингент военизированного населения, пре-

имущественно русского, но включающего и значительное количество представителей коренных народов края⁹⁵. Во вновь образованном Симбирском и закамских землях Казанского уездов получило преимущественное развитие мелкое и среднепоместное землевладение. Для защиты мелких служилых землевладельцев от конкуренции богатых вотчинников из светской и церковной элит здесь, как и в южных городах России, в полном объеме действовали нормы законодательства о «заказных городах»⁹⁶.

Для обеспечения безопасности переселенцев, занявших земли «за валом» южнее Симбирска, в 1660-х гг. была возведена небольшая засечная линия. Она защитила от нападений кочевников жителей Арбугинской дворцовой волости.

С середины XVII в. правительство резко активизировало свою политику в отношении калмыков и башкир. Итогом постепенного подчинения калмыков стало признание ими своего подданства России⁹⁷.

Долгое время правительство вело очень осторожную политику в отношении Башкирии. Но возникновение поселений и крепостей в Закамье, а затем и Закамской линии, северо-западная оконечность которой вплотную соприкасалась с коренными башкирскими землями, переселения и раздачи земель привели, начиная с 1662 г., к ряду так называемых «башкирских восстаний»⁹⁸. По мнению Б.А. Азнабаева, правительство резко усилило свое военное присутствие в Башкирии, но не смогло соответствующим образом перестроить административное управление краем. В Москве не видели «...в данный период эффективного решения башкирской проблемы»⁹⁹.

В 60-е гг. XVII в. государство и дворцовое ведомство резко активизируют свою экономическую деятельность. В определенной степени это было связано с формированием хозяйственной функции приказа Тайных дел. Его делопроизводство свидетельствует, что центральные власти настойчиво изыскивали возможности освоения природных ресурсов юго-востока. Центрами для координации подобной деятельности в Южном Средневожье были Симбирск и Самара. В середине 1660-х гг. правительством была составлена специальная анкета местным властям с требованием определить возможности дальнейшего освоения территорий их уездов. Так, симбирский воевода И. Дашков и самарский В. Эверлаков по указанию из Москвы должны были досмотреть уголья в окрестностях своих городов и составить отписки о возможности использования их для заведения государственных и дворцовых предприятий¹⁰⁰. И, действительно, такие предприятия начинают создаваться, как, например, под Симбирском «тутовые сады»¹⁰¹.

25 ноября 1666 г. симбирский воевода должен был послать людей для осмотра озера Баскунчак, при этом необходимо было взять образцы соли и составить чертежи¹⁰². 7 марта 1672 г. по государеву указу в Симбирск, Самару и на Яик был послан Борис Мишевский, в задачу которого входил осмотр «Самарских и Яицких рек, и дорог, и угодных мест, где пристойно быть городкам». Характерно, что в Самаре, являвшейся основным пунктом для начала экспедиционных работ, к Мишевскому должны были присоединиться подъязычий «добрый» и 50-60 «знающих людей», которые посылались на Яик еще в 1650/51 г. вместе с ломовцем М. Пайцовым (то есть ранее была еще одна экспедиция)¹⁰³. Мишевский выполнил поставленную перед ним задачу, составил описание и чертежи, которые были отосланы в приказ Тайных дел¹⁰⁴.

В 1670–1671 гг. на территории Среднего Поволжья развернулось массовое антиправительственное движение («Разинщина»), для подавления которого правительству пришлось мобилизовать все силы и прибегнуть к жестоким методам расправы с повстанцами. Для коронной и местной администрации становится очевидным, что военно-административная, политическая и социально-экономическая система, создаваемая на восточной окраине европейской России, имеет ряд серьезных недостатков. Необходимо было внести существенные коррективы в политику по отношению к казачеству, посадскому населению и приборным людям волжских городов, русскому и национальному сельскому населению Среднего Поволжья. Наряду с военно-административными действиями, усилением гарнизонов, строительством новых укрепленных пунктов, унификацией системы местного управления, ростом полномочий местных властей и т. д. правительство приняло ряд мер, направленных на защиту русского тяглого и коренного ясачного населения. Вместе с тем коронная администрация продолжила традиционную, объективно способствовавшую распространению христианства политику, и даже приняла ряд мер, усиливающих влияние православия. Исследователи особо выделяют вторую половину XVII в. и, прежде всего, 1680-е гг., как этап¹⁰⁵, на котором происходит усиление миссионерской деятельности среди коренного населения Среднего Поволжья¹⁰⁶. Но все же в этом направлении вплоть до начала XVIII в. государство действовало очень осторожно, избегая грубых насильственных мер.

В последние десятилетия XVII в. ареал оседлого расселения в Предволжье резко разрастается. Его границы спускаются к югу почти до Саратова. Для обеспечения его безопасности, в отличие от

середины столетия, правительство отказалось от сооружения дорогостоящих непрерывных линий и ограничилось строительством единичных укрепленных центров с прилегающими к ним сельскими военизированными поселениями. Так, вместо запланированного создания Сызранской линии (как продолжения Пензенской черты), начиная с 1683 г., строятся Сызрань, Кашпир, ряд слобод, населенных служилыми людьми, что позволило перейти к интенсивному заселению всей территории между Симбирском, Сызранью и Пензой¹⁰⁷. В результате походов 1695–1696 гг. был взят Азов. В 1697 г. в Волго-Донском междуречье начались широкомасштабные работы по сооружению канала между Камышинкой и Иловлей¹⁰⁸. Одновременно строится Дмитриевск и другие города¹⁰⁹.

Правительство начинает рассматривать Южное Средневожье как сравнительно безопасный район сельского расселения. К началу XVIII в. на землях, составлявших огромный Симбирский уезд, насчитывалось около 300 различного типа поселений¹¹⁰.

В конце XVII в. здесь перестают действовать нормы законодательства о «казахских городах»¹¹¹. Государство перестает защищать мелких и средних служилых землевладельцев на протяжении второй половины XVII в., бывших главной боеспособной силой в пограничных уездах, от проникновения на территории их расселения крупных феодалов.

Таким образом, к началу XVIII в. завершается определенный важный этап период в развитии Среднего Поволжья и Заволжья как одного из основных регионов юго-востока Европейской России. Государство смогло добиться значительных успехов во включении его значительной части в систему российских политических, социальных и экономических отношений. Оно заставило подчиниться калмыков, донское и яицкое казачество. Вместе с тем был нарушен баланс мирного сосуществования с башкирами, что повлекло за собой череду их «бунтов».

2. ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР (ОТ ВРЕМЕННЫХ КОМИССИЙ 1730-Х ГОДОВ ДО «ВНУТРЕННЕЙ» ГУБЕРНИИ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ XIX В.)

Освоение юго-восточных территорий России в Поволжье и Приуралье стало одним из самых значимых шагов в обретении нашей страной, ее народами новых земель. В процессе присоединения и заселения данной территории в XVIII–XIX вв., в ходе превращения

практически безлюдных пространств в новый земледельческо-промысловый регион с многочисленным оседлым населением создавались административные структуры, которые адаптировались к изменяющейся ситуации. Наиболее выразительным примером на Средней Волге является эволюция этих структур в Заволжье, где они прошли развитие от временных комиссий 1730-х гг. до создания в 1851 г. Самарской губернии, получившей статус «внутренней губернии Империи», схожий с издревле обжитыми землями центра России.

Проблема освоения заволжских земель приобрела важное значение в политике Российской Империи начиная с 1730-х гг. Взгляды на значение и перспективы развития Заволжья менялись во времени и были неоднозначны у различных государственных деятелей.

До начала 1730-х гг. городки Закамской линии, построенной еще в 1652–1656 гг., и форпосты по р. Черемшану оставались реальным охраняемым рубежом российских владений, по которому проходила исторически сложившаяся граница между уже земледельческим Закамьем и пока еще неосвоенным Заволжьем. Отдельные поселения Казанского, Симбирского и Самарского уездов за этим рубежом не меняли общей ситуации в регионе и жили под постоянной угрозой со стороны степняков, от которой, впрочем, не были полностью избавлены их соседи, жившие на самой линии или даже внутри нее.

Оживление активности с российской стороны на юго-восточных рубежах империи наметилось в начале царствования Анны Ивановны. В соответствии с указом Сената от 14 февраля 1731 г. по инициативе тайного советника Ф.В. Наумова начались крупномасштабные работы по строительству новой Закамской укрепленной линии «для лучшего охранения низовых городов за Волгою, вместо черемшанских форпостов, по реке Соку и по другим до реки Ик»¹¹². Под защиту этой линии, строительством которой ведала специальная комиссия под руководством Наумова, переходили новые обширные территории, которые стали активно осваиваться крестьянами, служилыми людьми, помещиками¹¹³.

Очевидно, что стабилизация положения при дворе и в государственном аппарате после чехарды дворцовых переворотов 1725–1730 гг., в хозяйстве и финансах страны после перенапряжения Северной войны 1700–1721 гг. и других петровских походов позволили правительству активизировать не только западное направление внешней политики России, но и обратить взоры, силы, средства на восток. Следующими шагами по разработке правительственной стра-

тегии на данном направлении стали: 1) русско-казахские переговоры 1731–1732 гг., когда в ходе пребывания А.И. Тевкелева в Малом Жузе было выдвинуто предложение о постройке города на Яике; 2) ответное казахское посольство 1734 г. с просьбой о принятии в русское подданство; 3) проект сенатского обер-секретаря И.К. Кирилова о продвижении России в зауральские степи, Среднюю Азию и Индию; 4) высочайшая резолюция, которая последовала 1 мая 1734 года на этот проект. Правительство, согласившись с доводами Кириллова, назначило его же самого для осуществления разработанных планов, придав ему в помощники Тевкелева. Конкретные детали плана уточнялись в подробной инструкции Кирилову от 18 мая, а городу, который еще только предстояло построить, по указу от 7 июня уже было дано имя Оренбург и особая привилегия.

В стратегическом замысле Кирилова 1734 года, воплощенном в организации Оренбургской экспедиции, Заволжью первоначально уделялось недостаточно внимания. Это привело к ряду серьезных неудач. Главной из них стало вооруженное противостояние в Башкирии, через которую предполагалась главная коммуникация с Оренбургом. Положение частично было исправлено устройством в 1736 г. в Заволжье пограничной линии по р. Самаре и Московской дороги вдоль нее до р. Яик.

Еще во время первого похода к Яику, результатом которого стала закладка в августе 1735 г. Оренбурга, Кирилов обратил внимание на сведения атамана казачьего Сакмарского городка о том, что «река Самара, впадающая в Волгу, вершинами своими в самую близость к реке Яику подошла. По которым рекам рассуждал о построении крепостей и о населении военными людьми, ведая, что чрез то вся Башкирь ограждена быть имеет.., о чем он, Кирилов, и в бытность свою в Санкт-Петербурге представил и на то позволение получил», — пишет П.И. Рычков, имея в виду поездку Кирилова в столицу зимой 1735–1736 гг. и указ от 11 февраля 1736 г., изданный по его докладу¹¹⁴.

Конкретно об укрепленной линии именно в Заволжье ни в докладе, ни в указе не говорилось. На усмотрение Кирилова передавался сформулированный в самом общем виде вопрос «о строении новых городков для свободного пути к Оренбургу и для содержания башкирской и бухарской сторон в подданстве...»¹¹⁵ Однако П.И. Рычков, хорошо знавший дела Оренбургской экспедиции изнутри, однозначно утверждал, что, представляя свой зимний доклад в Петербурге, Кирилов имел в виду строительство прежде всего линии по р. Самаре и далее вдоль Яика к Оренбургу. В то же время обобщен-

ные формулировки царского указа предоставляли Кирилову широкие возможности маневра. За ним оставалось право воплощать высочайшие поручения в конкретных мероприятиях в зависимости от обстановки.

К сожалению, ни «История» Рычкова, ни сохранившиеся документы практически не содержат дополнительных сведений о деталях разработки новой тактики Оренбургской экспедиции. Редким исключением, а потому крайне интересным, является письмо, которое в апреле 1736 г. Кирилов отправил директору Академии наук Корфу: «А я здесь к приведению в верность всей Закамской и Заволгской стороны по Яик реку, а паче от Самары города, чрез который будет московская дорога к Оренбургу, рекою того же имени, Самарою, чрез Сырт Уральский, отправил двух офицеров геодезии... Для лучших же обсерваций, кои делаются инструменты геодезистам, о тех милости прошу снабдить ими, ибо недостаток того приводит ни во что труд»¹¹⁶.

Очевидно, что включение в состав государства Заволжья и обеспечение безопасности Закамья теперь были признаны первоочередным делом экспедиции. Особенно интересно то, что здесь содержится самое раннее из известных упоминаний о «Московской дороге», намеченной вдоль будущей Самарской укрепленной линии. Дорога и линия прокладывались заново, в стороне от знакомого пути от г. Самары на Яик, потому и требовалась тщательная инструментальная разведка, вызвавшая обращение Кирилова в Академию за приборами. Научные цели, в отличие от той посылки геодезистов, что состоялась ровно год назад, отошли на второй план, уступив первенство задачам практической важности.

В мае обострившаяся болезнь заставила Кирилова временно отказать от личного участия в новых походах. Находясь в Уфе, он детально продумал план передислокации экспедиции в Поволжье, выполнение которого и было возложено на П.С. Бахметева. Также им было «определение учинено... об утверждении дорог к Оренбургу». 4 июля на имя Кирилова был издан указ о монаршем одобрении его действий «и о немедленном основании начатых есче вновь где потребно городков и о умножении их военными людьми»¹¹⁷.

При этом Кирилов обещал: «Старания прилагать буду, дабы действительно оные населить..., а работников с государства к работе оных городков требовать не буду»¹¹⁸. Обещание не просить рабочих людей не было новым. Еще до начала Оренбургской экспедиции Кирилов в своем проекте 1734 года представлял, что ему «для работ с русских городов и уездов, как к линии [Закамской] со мно-

гим трудом и убытком высылаютца, работников не надобно». Это обещание было очень существенным. Кирилов не случайно приводил пример новой Закамской линии, которая строилась «немалым казенным коштом все по регуле инженерной». На нее «по вся годы» отправляли «как лопатников, так и плотников конных работников» из числа помещичьих, дворцовых, ясачных крестьян, а также пахотных солдат и прочих старых служб служилых людей¹¹⁹.

Кирилов подчеркнуто противопоставлял свое предложение прежней практике укрепления границы, связанной с деятельностью Ф.В. Наумова. В связи с сооружением укрепленного рубежа, который более решительно выдвигался в степь, 27 мая 1736 г. решением Кабинета, утвердившим соответствующий доклад Сената, Ф.В. Наумов получил отставку от руководства возведением новой Закамской линии. Достройка последней была признана ненужной.

Сам Кирилов по-прежнему видел в укреплении границы по Самаре и Яику не главную цель, а предварительный шаг в осуществлении далеко идущих замыслов. В вышеупомянутом донесении от 13 августа 1736 г. он подчеркивал: «Что же до строения городков надлежит, и в том не на одно сие время, но вечный интерес зависит, и слава победоносного оружия вашего величества купно со отворением полезной коммерции во всю полуденную Азию распространится, ибо в самых пустых и доселе неизвестных или брошенных местах несколько новых провинций под державу вашего величества прибудет с таким подземным плодом, о котором многие еще не верят; и к тому страждущее в басурманских руках христианство (т. е. в Хиве, Бухарах, Балхе, Бодокшане и иных) свободу получит, и впредь туда из крайних русских селений никак заяицким татарам воровскими набегами в полон брать или красть будет нельзя»¹²⁰.

Флотский поручик Бахметев, тесть Кирилова, оказался в составе экспедиции среди прочих корабельных чинов для строительства флотилии на Аральском море, о чем указывалось в 1734 году: «Зделать для того на Оральском море пристань и завезть туда суда с пушками и тем морем овладеть». Однако, упомянутое восстание в Башкирии «зделать пристань ... не допустило»¹²¹.

Вместо отложенного на неопределенное время похода на Арал, Бахметев получил инструкцию подготовить суда, спуститься к г. Самаре, «а оттоль, взяв сведущих людей», следовать «вверх по реке Самаре и... по той реке построить городки так, чтобы один от другого был расстояния от 20 до 30 и 40 верст, и в тех городках ставил бы из отправленных с ним, Бахметевым, военных людей,

сколько где возможно». 22 июня основная часть экспедиции отплыла по Белой и Каме на Волгу. Бахметев с этой командой благополучно прибыл в Симбирск и, оставив тут на квартирах «коммисских служителей и тягости», сам с «воинскими людьми» немедленно продолжил путь в Самару. Здесь ему были переданы от канцелярии новой Закамской линии «потребные к строению городков» материалы и припасы, которые теперь перебрасывались на устройство новой укрепленной черты, более решительно выдвинутой в степь¹²².

От строителей Закамской линии деятелям Оренбургской экспедиции перешли по наследству не только неиспользованная материальная часть, но и еще более ценный опыт, в том числе совершенных ошибок. Еще в начале 1736 г. Румянцев указывал на один, на первый взгляд, неожиданный и отрицательный по своему морально-психологическому воздействию результат возведения укреплений между Башкирией и внутренними российскими землями: «...По рассмотрению де его, та линия ... к набегам неприятельским внутрь ея для воровства мало препятствует, и редутов, по мнению его, делать не для чего, дабы тамошнего башкирского народа тем не привести в разсуждение, будто бы строение чинится, бояся их набегов»¹²³. Данный аргумент принял впоследствии и П.И. Рычков, в передаче которого прекращение работ на новой Закамской линии объяснялось прежде всего «тем резонем, якобы, строение ее подало причину башкирцам к безпутным и высокомерным о себе разсуждениям»¹²⁴.

Комментируя последнее высказывание, М.Н. Тихомиров отмечал: «В этих несколько неясных словах Рычков выразил мысль о перемене русской политики на юго-востоке, которая от охраны границ и медленного укрепления и заселения окраин, в царствование Анны Ивановны, переходит в решительное наступление...»¹²⁵. Суждение известного историка справедливо с точки зрения оценки изменения стратегической ситуации в заволжском регионе. Но Рычков здесь указывал и на принципиальный отказ от прежней тактики обеспечения безопасности границ. Конкретно в военном и инженерном отношении это означало, что новая Закамская черта стала последним пограничным рубежом против кочевников на юго-востоке Европейской России, состоящим из непрерывной линии укреплений: валов, рвов, засек, крепостей и т. д.

Возводившиеся со второй половины 1730-х гг. новые пограничные линии стали образовываться отдельными опорными пунктами, промежутки между которыми контролировались и охранялись под-

вижными разездами. Ставка делалась на преимущество российских войск над степняками в вооружении, организации и обучении, а не на фортификационные сооружения, которые при дорогой стоимости строительства и больших трудовых затратах все равно не давали полной гарантии безопасности от набегов, особенно если те совершались небольшими «воровскими» отрядами кочевников. В документах и на картах того времени линии по Самаре и Яику именуются «живыми» в противоположность «земляной» новой Закамской.

Выполняя поставленную перед ним задачу «в июле и в первых числах августа» Бахметев заложил две крепости, Красносамарскую и Борскую, «и в них малые гарнизоны оставил»¹²⁶. Пройти рекой Самарой выше Борской крепости не удалось, видимо, из-за мелководья.

Что же касается Кирилова, то, выйдя к Яику у Сакмарского городка, он в сопровождении 250 казаков отправился навстречу отряду Бахметева, с которым и соединился 13 сентября в Борской крепости. Кирилов, двигаясь к г. Самаре по «новой дороге, которая от него наименована Московскою», назначал места «под крепости» и в некоторых из них «станции нерегулярных людей оставил». Сам Кирилов в донесении от 26 сентября перечислял эти «городки»: «...на переезде от Яика реки в Самарские вершины и вниз оною рекою четыре назначил, а внизу Бузулуцкий, Борский, Красносамарский, хотя еще малые, однако ж сделаны». На Бузулуке, притоке р. Самары, им была поселена «станция охотников-казаков, татар и калмык». Это были выходцы с Яика и из служилых иноверцев Уфимского уезда¹²⁷.

Докладывая в сентябре об основании новых городков, населенных «охочими» людьми, Кирилов с удовлетворением указывал: «И тако без всякой помехи и без государственных работников зачало живой линии воспоследовало; ни одного места нет с недостатком к житью человеческому: земля черная, леса, луга, рыбные, звериные ловли довольные»¹²⁸. Из укреплений, заложенных или намеченных в 1736 г. Кириловым с Бахметевым и построенных в последующие годы, сложились новые Самарская и Яицкая (Оренбургская) линии.

По ведомости, отправленной Кириловым в Кабинет Министров в представлении от 27 октября 1736 г., значится заложенной или намеченной к закладке 21 крепость. В том числе по реке Самаре, кроме уже существующих Красносамарской, Борской, Бузулуцкой, намечалось поставить крепости Тоцкую и Сорочью. Из этого же представления видно, что, по мнению Кирилова, было необходимо иметь в каждой крепости от 100 до 500 постоянных жителей-казаков¹²⁹.

В начале 1737 г. край, находившийся в ведении Оренбургской экспедиции, казался достаточно укрепленным и более безопасным от башкирских и калмыцких нападений, чем до того времени. В ответ на предупреждение о набеге казахов на приволжские русские селения и зимовья верных калмыков Оренбургская комиссия в феврале 1737 г. рапортовала: «Что же касается до предосторожности от киргис-кайсаков, она всегда имеется, и командиры не только к тому инструктированы, но и частыми ордерами и указами подтверждено и всегда подтверждается»¹³⁰.

Кирилов умер 14 апреля 1737 г. Сменивший его В.Н. Татищев, начальник Оренбургской экспедиции в 1737–1739 гг., которая стала называться комиссией, отодвигал на будущее основные внешнеполитические цели плана Кирилова и старался укрепить позиции России в Заволжье и Приуралье. Так же в основном действовал и сменивший его В.А. Урусов (1739–1741).

Активизация работы Оренбургской комиссии происходит под руководством И.И. Неплюева, что сопровождается решительным и даже несколько демонстративным переездом руководства комиссии из Самары в Оренбург в 1743 г. Вместе с тем Неплюев удачно сочетал сильные стороны как кириловского стратегического плана, так и взвешенной тактики администрации Татищева и Урусова. До своей отставки в 1758 г. он, а затем и другие руководители Оренбургской губернии, образованной в 1744 г., не упускали из внимания обширные средневожские и заволжские территории, находившиеся в ее составе. В административном отношении они были включены в Ставропольскую провинцию, Самарскую дистанцию крепостей, ведомство Новой Московской дороги (или Бугульминской земской конторы). В военном отношении оренбургским властям подчинялись даже состоявшие в Казанской губернии г. Самара и ее «пригород» Алексеевск. Однако военные пограничные дела во всех административных единицах Заволжья уступали со временем ведущее значение вопросам заселения и хозяйственного освоения.

Для зачинателей и активных проводников юго-восточной политики государства того времени слава России понималась, прежде всего, как приращение ее материальных богатств, безопасность мирных трудов жителей, культурный подъем. Воинская служба оказалась для них вынужденным, хотя и необходимым делом. Здесь требовались иные способности и качества, среди которых немаловажными были гибкость и самостоятельность в принятии решений. Особенно это проявилось в упорстве, с которым, вопреки давлению сверху, задачи освоения «Новой России», как ее называл Ки-

рилов, ставились всеми этими деятелями выше строгого соблюдения крепостнических порядков.

Отрицание незыблемости крепостнических устоев имело у первых наместников юго-востока России, конечно, не мировоззренческий, а прагматический характер. Однако и такого рода критический взгляд на политико-правовую основу тогдашних общественных отношений имел, несомненно, положительное значение. В первоначальном заселении Заволжья преобладающую роль играли самовольные «сходцы», в большинстве своем просто беглые люди. Традиционное для отечественной историографии деление переселенческого движения на потоки крестьянский (вольный, народный), государственный и помещичий выглядит весьма условным в крае, где вольные переселенцы и беглые составляли основное население казенных и дворцовых волостей, военных крепостей и помещичьих имений. Продолжая такую политику, в 1760-е гг. власти отказываются от преследования беглецов и раскольников в Степном Заволжье, допуская их частичную легализацию в селениях по р. Иргизу.

Число оседлых сельских и городских жителей в 1770-е гг. достигло на заволжских территориях почти 120 тыс. чел. Успехи, достигнутые в ходе присоединения и начального освоения Заволжья, обуславливались совместными усилиями властей и народных масс, близостью интересов разных сословных и этнических групп в переселенческом процессе, в котором с самого начала приняли участие вместе с русскими мордва, чуваша, татары, украинцы. Немногим позднее в этот поток влились иностранные, в основном немецкие колонисты.

За пределами занятых оседлыми жителями земель в Заволжье продолжали кочевать башкиры и некрещеные калмыки. Районы их скотоводства, охотничьи и других угодья заметно сократились по сравнению с началом XVIII в. В 1771 г. большинство волжских калмыков покинуло пределы России. Их исход, с одной стороны, облегчал продвижение земледельцев в степь. С другой стороны, часть их заволжских кочевий заняли башкиры и казахи.

Окраина Российской империи, какой оставалось Заволжье, обладала меньшей устойчивостью перед силами, способными нарушить политический и общественный баланс. С одной стороны, произвол администрации и привилегированных землевладельцев здесь находился под более слабым контролем со стороны верховной власти и провоцировал усиление недовольства народа. С другой стороны, пришедшее в большинстве своем по своей воле и в поисках лучшей доли население болезненней, чем жители цент-

ральных губерний, реагировало не только на крайности абсолютизма и крепостничества, но и на сами принципы существовавшего государственного и общественного устройства.

Во второй половине 1760-х – начале 1770-х гг. власти усугубили социальные конфликты на юго-восточной окраине своей политикой. Столичный «просвещенный абсолютизм» екатерининского царствования в приложении к реальному управлению Заволжьем выразился лишь в весьма кратковременном губернаторстве Д.В. Волкова (1763–1764), после которого к руководству краем были поставлены сначала А.А. Путятин, а затем И.А. Рейнсдорп, проводившие откровенно продворянскую и крепостническую политику, шедшую вразрез с прагматическими административными традициями руководителей Оренбургской экспедиции (комиссии) и первого здешнего губернатора И.И. Неплюева.

После отставки Неплюева в феврале 1758 г. и до назначения нового губернатора этот пост оставался вакантным более 14 месяцев, в течение которых местные органы власти находились, как это бывало раньше при отлучках Неплюева из губернии, под ведением А.И. Тевкелева и П.И. Рычкова. С 1759 по 1762 г. оренбургским губернатором являлся А.Р. Давыдов, оставшийся незаметным в тени своего предшественника и вызвавший многочисленные жалобы на свои действия. На основании последних Екатерина II приняла решение об отставке Давыдова, дела которого 9 мая 1763 г. принял вице-губернатор Д.В. Волков¹³¹.

Волков стал первым в истории Оренбургской губернии вице-губернатором¹³², попав сюда, как и в свое время Неплюев, в качестве почетной ссылки. Он был приближенным свергнутого Петра III. Ему приписывается авторство самого знаменитого законодательного акта того недолгого царствования – «Манифеста о вольности дворянской».

Удаляя на время царедворца из столицы, Екатерина II, тем не менее, продолжала ценить Волкова как администратора. В июне того же года она возвела его на должность губернатора и наделила «по его в делах способности» дополнительными полномочиями «от себя самого всякие представления делать и присылать проекты» лично ей. Волков оправдал ожидания императрицы в плане проектерства, но оказался не готов к ответственной самостоятельной работе на окраине, что, впрочем, сам понимал и признавал. Он оставался в Оренбурге чужим, никак не мог даже получить необходимые сведения от губернской канцелярии и таможни: «...Я в сих делах признаюсь здесь за самого постороннего человека»¹³³.

Все-таки пронизательный взгляд опытного столичного чиновника подметил многие интересные для нас особенности управления на юго-восточном пограничье Империи. Может быть, этому как раз и способствовал взгляд «постороннего», не слившегося с местной средой, а потому не утратившего способность подмечать в ней особенное и непривычное.

Наряду с традиционными для оренбургского губернатора вопросами продвижения в Азию, развития восточной торговли, добычи полезных ископаемых, взаимоотношений с кочевниками Волков внимательно вглядывался также в состояние и перспективы освоения подведомственных территорий, в том числе в сельскохозяйственном отношении. Его раздражало, что в «толь высоком собрании премудрости и прозорливости», каким должен быть Сенат, от губернатора требуют мнения «единственно о распространении здешней коммерции и о большем вымене золота и серебра». Он же убежден, что на все надо смотреть гораздо шире: «...В бытность мою при делах случилось мне многократно опытами удостовериться, что самые лучшие мнения, но единственно к одному только предмету устремленные, а с другими обстоятельствами несоглашенные, обращались к великому других важных государственных дел повреждению, чему и теперь столько примеров настает, что я их здесь приводить и не осмелюсь»¹³⁴.

«Держась порядку, учиненного» им самим в изложении порученных ему дел, Волков уделил немало места состоянию землепашества и крестьянства: «Мало, скажут мне, хлеба и в самом Оренбурге, но естли о сем рассуждать, то никогда и Оренбурга не было б. В самом начале сего заведения получался сюда хлеб весьма высокою ценою, да и то так трудно и недостаточно, что помирали люди с голоду. Ныне, слава богу, становится сюда мука гораздо дешевле, нежели в Новгороде... Следуя удачному в том примеру, надобно только приложить большее старание, и до того конечно довести можно, что Оренбургская губерния свой избытки хлеба за Яик отпускать будет. Того требует разум и государственная политика. Где заведется пашня, там и домостройство, а где домостройство, там и тишина и власть законов. Напротиву того кочующие народы всегда будут ветрены и законам не подчинены. Пример мы тому видим в собственных ваших россиянах. Естли б наши крестьяня не повадились, хотя из под неволи, домов своих и сродников лишаться и всякой год далеко на заводы вояжировать, и через то не сделались бы бурлаками, они снесли бы может быть и еще столько ж налогов, сколько несли, а однако ж не взбунтовали б...»¹³⁵

Волков полагал, что делу заселения и освоения новых земель не должны мешать ни национальные или религиозные предрассудки, ни опасения сокращения числа работников в уже обжитых регионах. Он не видел ничего предосудительного в движении нерусских крестьян на новые земли, советовал реально взглянуть на малоутешительные итоги принудительных способов обращения в христианство, считал за лучшее поощрять движение многонационального населения из Казанской губернии в близкую Оренбургскую, чем провоцировать запретами и притеснениями бегство жителей за кубанскую границу России или в другие отдаленные места¹³⁶.

В оренбургских «прожектах» Волкова постоянно присутствует мысль, что не столько внешняя угроза российскому пограничью, сколько здешнее внутреннее неустройство чревато большими опасностями для государства. Предчувствие приближающейся социальной грозы отличает его взгляды от позиции многих других сановников и администраторов. Он предупреждает, что крестьянство «из под неволи» выбивается из привычного и устойчивого состояния, склоняясь к бунту. Не все хорошо и во взаимоотношениях власти с другими слоями общества. Так, Волкову претит бытующий подход к торговому люду, «чтоб купцов хуже собаки почитать, и потому их к себе на глаза не пускать»¹³⁷.

Волкова настораживает недальновидный подход к главной опоре правительства в пограничном крае – людям военным, солдатам и казакам местных гарнизонов. Губернатор в ответ внимательней присмотрелся к войскам и отметил в новом своем донесении другие недостатки, которые можно разделить на связанные 1) с их содержанием, 2) характером службы, 3) комплектованием рядового и офицерского состава. Соответственно были указаны пути решения¹³⁸:

– «по линии в крепостях расположенные полки в такое состояние привести, чтоб они домостройно жили и со временем сами собою комплектовались, чтоб офицеры и другие чины и наипаче того экономию свою здесь завели. Праздных и удобных мест найдется довольно, буде не при всех, то при многих крепостях, а в иных со временем по усмотрению можно и перемену сделать».

– учесть, что «здешние гарнизоны не столько упражнены и изнуряются службою, сколько непрерывным за сими злодеями (арестантами и каторжанами. – Ю.С.) смотрением и раскомандировкою для поимки... от того ж происходит, что здесь не остается почти негоненного сквозь строй солдата».

– прекратить практику ссылки в край на службу как военных, так и гражданских лиц. Для обеспечения порядка и службы «необ-

ходимо будет не только не отягощать здешнее место и полки негодными к службе в армейских полках бездельниками, беглецами и ворами как потому что оные к заведению порядка и экономии не годны и дурной другим пример подают., но всемерно надобно еще, чтоб... здешних полков штаб – и обер-офицеры производимы были, и потому достойные и достаточные люди здешнего места не убежали, и чтоб не присылались сюда на выбор такие офицеры, кои называются к понесению службы в полевых полках неспособными».

Некоторые волковские предупреждения выглядят написанными чуть ли не во время Пугачевщины. На самом же деле до восстания оставалось еще 10 лет, которые так и не были использованы правительством не только для решения социальных проблем, но даже для приведения в порядок собственных вооруженных сил, размещенных на юго-восточной окраине государства.

Сам Волков из-за краткости пребывания здесь к исполнению им же самим предложенного приступить не успел. В основном мешали ему удержаться в должности неимение военного чина и неумение наладить контакты с местными командирами. Он ставил под сомнение разумность назначения в здешние края генерала-поручика Лачинова и ряда генерал-майоров, полагая возможным сосредоточение и военной, и гражданской власти в руках одного губернатора¹³⁹.

Сильную помеху составил новому губернатору и старый сподвижник И.К. Кирилова и И.И. Неплюева А.И. Тевкелев. Признание последнего дорогого стоило для претендента на первую роль в заволжском и южноуральском крае. Об этом напоминала не только уже давняя опала В.Н. Татищева, поводом для которой стал донос Тевкелева, но и успех последней интриги против Давыдова.

За Тевкелевым стояли влиятельные круги губернского офицерства и чиновничества, местные дворянские роды. Да и сам генерал, несмотря на преклонный возраст (а, может быть, именно благодаря этой причине), не сдерживал личных амбиций и решился на открытый демарш.

Когда Тевкелев был в Петербурге, императрица велела вице-канцлеру князю Голицыну посоветоваться с ним о казахских делах. В ответ Тевкелев заявил, что он не может представить никаких соображений, пока не будет знать, кого угодно государыне назначить к этим делам. Если будет послан он сам, то подаст мнение, каким образом следует поступать, а для другого человека мнения написать не может. При этом Тевкелев подчеркивал прежние свои службы и заслуги. Коллегия Иностранных дел сделала заключение: «Приме-

чено из его слов, что он охотно бы поехал туда, может быть, захочет он получить главную команду в Оренбурге, но, кажется, в рассуждении его магометанского закона то было бы не весьма прилично»¹⁴⁰.

Императрица тоже сочла неудобным поставить мусульманина своим наместником на азиатской границе империи и велела вице-канцлеру оставить генерала в покое. Волкову были предоставлены тогда же достаточные, по ее мнению, полномочия, чтобы удержаться на губернаторском месте. Однако в октябре 1763 г. она все же была вынуждена отставить оренбургского губернатора от должности и временно поручить ее исполнение тамошним генералам, сначала упоминавшемуся Лачинову, а затем генерал-майору и оберкоманданту Ланову. Лишь 21 августа 1764 г. был назначен новый губернатор – тайный советник князь А.А. Путятин¹⁴¹.

О взглядах Путятина лучше всего свидетельствует доношение, которое было составлено 21 марта 1766 г. и подано в Сенат, где рассматривалось 26 февраля 1767 г. Сенат вынес определение, что «как его, губернаторова, представление простирается к завершению и установлению нового порядка и закона», то и следует этот документ сообщить в Уложенную комиссию, которая тогда занималась составлением нового свода законов. Представление Путятина было зачитано 13 декабря 1767 г. в Уложенной комиссии, было приложено к ее делам, среди которых и сохранилось⁶.

Заявив вначале о том, что не намерен критиковать своих «предместников», А.А. Путятин на самом деле подвергает ревизии многое из сделанного и сказанного теми. По некоторым позициям он открыто полемизирует с недавними «проектами» Волкова. Особенно резко противостоят Путятину предшественнику заметно в вопросах веротерпимости и переселения на новые земли иноверцев и новокрещен из народов Поволжья. Губернатор шантажировал столицу мусульманскими и языческими угрозами делу христианской проповеди. За религиозным рвением проглядывали более приземленные и корыстные интересы. Дело в том, что земли, которые занимали нерусские крестьяне-переселенцы, по мнению губернатора, следовало использовать исключительно для раздачи помещикам.

Предлагаемые Путятиным решения запутанным земельным отношениям в Заволжье окончательно ставят точку в оценке социальной позиции по данному вопросу оренбургской губернской администрации. Если помещики поселяли здесь деревни, то губернатор предлагал отвести «под те их деревни назначенное Межевою инструкциею число земель и угодья, сколько по числу ж душ причтется». Государственным крестьянам право оставаться в уже уст-

роенных поселениях, по замыслу Путятина, не предоставлялось. Им выделялись округа, куда сводилось на поселение не менее 300 душ в каждую и запрещалось проживание «малыми деревнями», в которых нельзя учредить «доброе порядок».

«Добрый порядок», по Путятину, в казенной деревне сводился к жесткому полицейскому контролю как за ее обитателями, так и за людьми пришлыми и проходящими, в которых он априорно подозревал беглых. В губернаторских предложениях Сенату и Уложенной комиссии рисовалась картина усиления крепостного режима в казенной деревне, доходящей до мелочей административной опеки в отношении государственных крестьян. Например, предлагалось, «чтоб без ведома бурмистра из того села или деревни более 3-х дней никто отлучаться не мог, а естли кто возымеет нужду отлучиться более 3-х дней, тем являться к бурмистрам и объявлять куда и для чего он отъезжает, почему и отпускает». Предписывалось также «накрепко смотреть, чтоб никто из обывателей сыраго лесу, кроме валежнику и сучья, на дрова не рубили, а подбирали б сперва валежник и сучья, а когда валежник весь выбран будет, то бурмистру с помощниками и с приговору всего села определить рубить и сырой стоячей такой лес, кой ни на какое строение не годится; кому ж и на строение потребен, то чинить же по вышеписанному; тако ж бы и крыши были б по примеру других народов соломенные, как уже от меня найден один знающей прусак и им обучено здешняго гарнизона 4 человека и розосланы в уезды; а лубков бы по здешнему обыкновению на крыши с стоячих дерев отнюдь не снимали». Привычные для здешних крестьян наказания предусматривалось разнообразить «забитием на несколько часов в колоду, какия обыкновенно бывают в Малороссии и в Польше».

Таким образом, радение о соблюдении законов государства и интересов православия в трактовке Путятина обернулось требованиями сохранения помещичьих захватов земли, предоставления дворянам преимущественного права наделения и покупки земли в районах заселения, ограничения землепользования и хозяйственной самостоятельности государственных крестьян.

Не все предложения Путятина получили официальное одобрение высшими правительственными учреждениями и были законодательно оформлены. Однако на практике его административная линия реализовывалась, пусть даже не в полной мере. Даже рядовые земельные и имущественные тяжбы, управленческие неурядицы превращались в явления социального плана, возбуждая у обиженных и пострадавших, каковыми оказывались, как правило,

представители крестьян и других низших сословий, недовольство дворянскими привилегиями и продворянской политикой властей, в том числе в подходе к освоению и заселению Заволжского края.

Следует обязательно учесть и то воздействие, какое оказали на депутатов, особенно крестьянских в Уложенной комиссии, а через них и на их избирателей откровенно крепостнические высказывания губернатора. Недоступный для большинства жителей губернии, кроме узкого круга отдельных чиновников и дворян, документ, каким было его представление в Сенат, был гласно обнародован. Он не оставлял никаких сомнений в позиции администрации по самым важным вопросам. Большинство населения юго-восточной окраины, состоявшее из государственных крестьян и близких к ним по положению социальных групп, узнало теперь доподлинно мнение о себе поставленного над ним начальства.

Хотя уже в 1768 г. Путятин на должности оренбургского губернатора сменил И.А. Рейнсдорп, это не могло исправить отрицательного отношения значительной части населения к администрации, тем более что в ней с заменой первого лица не менялась основная часть прежних чиновников. Сам Рейнсдорп не допускал столь резких высказываний и прямо не предлагал столь крутых мер, как его предшественник. Однако принципиальные установки в вопросе заселения края оставались у него схожими с позицией Путятина.

Недовольство жесткой линией, перенесенной новыми высшими администраторами пограничного края из практики управления центральными губерниями страны, в том числе и проявлениями этой линии в переселенческом вопросе, послужило одной из важнейших причин массового перехода крестьянского, военно-служилого и городского населения Заволжья, состоявшего в основном из новопришлых людей, на сторону пугачевского восстания.

В ходе бурных событий 1773–1775 гг. местная администрация в ряде районов Среднего Поволжья и Приуралья была частью истреблена, частью в лице своих представителей бежала с мест службы. Губернские власти Оренбурга и Казани, провинциальные и уездные начальники оказались не в состоянии контролировать районы восстания. В этой обстановке важнейшие функции внутреннего управления наряду с выполнением своих основных военных задач приняло на себя командование правительственных войск.

Роль армейского командования не оставалась на протяжении всего этого времени однозначной. На основании критерия широты полномочий военных властей в районе восстания, что четко прослеживается в законодательных актах того времени, довольно отчетливо выделяются 4 периода:

1) 17 сентября 1773 г. (начало восстания на Яике) – 28 ноября 1773 г. (принятие Советом при Высочайшем дворе окончательного решения о назначении главнокомандующим правительственными войсками А.И. Бибикова и сфере его полномочий). Период постепенного осознания нависшей над дворянской империей угрозы, время рассогласованных действий гражданского и военного управления, центральных и местных органов власти, паралича административных учреждений и потери контроля за пограничными, гарнизонными, иррегулярными войсками в обширных окраинных юго-восточных районах страны.

2) 29 ноября 1773 г. (официальное назначение Бибикува главнокомандующим и издание комплекса соответствующих законодательных актов) – 9 апреля 1774 г. (смерть Бибикува). Фактическое признание правительством состояния гражданской войны в стране, наделение главнокомандующего всей полнотой военной и гражданской власти в районе восстания.

3) Апрель 1774 г. – июль 1774 г. Частичное восстановление сферы деятельности местной администрации, сокращение полномочий военного командования и чрезвычайных мер в управлении, а в итоге – расстройство достигнутого в предшествующий период единства институтов и органов власти Екатерины II на расширяющейся территории вооруженного противостояния.

4) 29 июля 1774 г. (назначение главнокомандующим П.И. Панина и наделение его чрезвычайными полномочиями) – 9 августа 1775 г. (прекращение комиссии Панина). Установление практически полной военной диктатуры («главного начальства») П.И. Панина над мятежными губерниями, ее сохранение после подавления вооруженного сопротивления до создания необходимых условий для отказа от чрезвычайных методов управления и для начала административных реформ.

Дореволюционный историк Пугачевщины Д.А. Анучин был совершенно прав, когда писал: «Заволжский край находился в таком положении, что всякая нерешительность, а тем более двойственность а распоряжениях были бы губительны; как бы ни были хороши составлены планы главнокомандующего; но если б исполнение их зависело от соглашения с местными властями, то результаты их едва ли были бы успешны»¹⁴². В рескрипте императрицы Екатерины II от 29 ноября 1773 г. генерал-аншефу А.И. Бибикуву вслед за пунктом о назначении его командующим карательной операцией и предоставлении ему необходимых войск шел пункт об обязательном выполнении его распоряжений всеми не только военными, но также гражданскими и церковными властями на местах¹⁴³.

Принявший после смерти А.И. Бибикова командование над правительственными войсками в районах восстания Ф.Ф. Щербатов имел над восставшими территориями более ограниченную власть. Рескрипт императрицы от 1 мая сводил ее исключительно к управлению войсками: «Чтоб вы в восстановлении нужного устройства с повсеместною тишиною предоставляли однако ж губернаторам, каждому в его губернии, яко истинному оныя хозяину и состояние людей и нравы лучше знающему, главное попечение о восстановлении внутреннего устройства и тишины, по собственному каждого в своей части лучшему усмотрению». Более того, Щербатову предписывалось подавать губернаторам по их требованию военную помощь, что еще более сдерживало его инициативу даже в распоряжении войсками¹⁴⁴. Это решение императрицы оказалось ошибкой, которую пришлось исправлять назначением нового главнокомандующего и наделением его диктаторскими полномочиями.

П.И. Панин получил экстраординарную должность «главного начальника над губерниями: Нижегородскою, Казанскою и Оренбургскою». Формально власть над столичной Московскою губернией ему не передавалась, но, когда Панин сообщил о распространении мятежа на территорию этой столичной, а также Воронежской губернии и стал просить дополнительных полномочий, то императрица заявила, что нужды в новых повелениях нет и ему передается автоматически власть во всех тех местах, где появляется «зараза»¹⁴⁵. Его распоряжения получали обязательную силу для властей указанных губерний, а также Сибирской без предварительного одобрения их Сенатом или императрицей. Более того, Панин отдал распоряжение, чтобы губернаторы доносили по делам, подлежащим подаче в Сенат или лично императрице, сначала ему. После этого они могли передавать дела выше исключительно по его резолюции¹⁴⁶.

П.И. Панин пытался навести порядок среди военного и гражданского начальства вверенного ему обширного региона. Рассуждения о практической вреде начальственного произвола и коррупции были изложены самим главнокомандующим в провиденциалистском духе. Он считал восстание проявлением «гнева божия, посылаемого разными видимыми уже теперь общими наказаниями, за усилившиеся многия беззакония и неправды»¹⁴⁷.

Одним из следствий сделанных выводов стало предложение главнокомандующего о борьбе с лихоимством и взятками во вверенных ему трех губерниях от 5 октября 1774 г. Панин предупредил, что отныне по делам «о взятках и неправосудии стану производства вести не формою суда, но строгими следствиями, для поступления

со обличенными в том, равно как с настоящими народными новыми возмутителями»¹⁴⁸. Смысл этого решения состоял в применении по указанным делам вместо обычной практики гражданских судов процедуры, схожей с военно-полевыми судами.

«Объявление» Панина от 4 ноября 1774 г. еще более резко заострило вопрос о борьбе со злоупотреблениями чиновников: «По многим свидетельствам доходит до моего сведения, что во всемилостивейше вверенных моему начальству трех губерниях... дерзновение ко взяткам с народу под разными приметками происходит от разных начальников... Всем жителям и обитателям сих трех губерней чрез сие приказываю: кто где от сего времени станет отваживаться требовать, с кого бы то ни было, взятков и подарков или каких-либо сборов, кроме государственных податей, возложенных указами..., а с помещичьих подданных — их собственными повелениями, таковых требователей взятков и подарков начальникам тех мест..., бурмистрам, старостам и соцким, на месте задерживая, не взирая ни на какой чин и лицо привозить ко мне прямо..., а где ближе, то и самим господам губернаторам»¹⁴⁹. Надо признать искренность намерений Панина остановить произвол и лихоимство, поскольку он пошел на довольно рискованный шаг, обращаясь непосредственно к органам местного самоуправления в районах только что утихнувшего мятежа, наделяя их небывалыми полицейскими функциями по защите населения от произвола вымогателей, «не взирая ни на какой чин и лицо». Распоряжение было велено огласить во всех селениях и церквях, прибить на торгах и площадях.

Екатерина сообщила Панину 20 ноября, что она санкционировала «предложение ваше судебным местам и прочим употребленным людям о взятках и пристрастном правосудии». При этом она настаивала, чтобы грозные предупреждения не оставались только словами: «...Для удержания поползновения на некоторое время нужно будет сделать где ни есть пример наказания виновного»¹⁵⁰.

Трудно судить о действенности подобных мер для обуздания чиновного корыстолюбия. Однако нельзя не признать значимость громкого и решительного осуждения пороков власти для достижения более прочного умиротворения населения в районах подавленного восстания.

В донесении императрице от 25 января 1775 г. Панин как бы подводил итоги самого острого периода деятельности как своей, так и предшественников по усмирению районов восстания, которые в целом к этому времени были приведены в «подданство». В нем, в частности, отмечалось, что «разрушенные и поврежденные

злодеями правительства все приведены в прежнее установление, а дела, ими производимые, в свое обыкновенное течение»¹⁵¹. Однако Панин оставался наместником обширного края до рескрипта от 9 августа 1775 г., которым было объявлено об окончании его комиссии и передаче всех дел губернаторам и другим властям¹⁵².

Восстановление в полном объеме функций местных правительственных учреждений и ликвидация чрезвычайных органов военного управления символизировало окончание короткого, но драматического противостояния, потрясшего Россию в целом, а отдельные ее регионы, включая Заволжье, – в особенности. Вместе с тем умиротворение края не означало полного возвращения к прежним административным формам. Уроки восстания заставили правительство Екатерины II ускорить проведение реформ, направленных на укрепление абсолютистской монархии и ее органов власти, особенно в звене местного управления.

В ходе реформы местного управления, начатой Екатериной II уже в 1775 г., Заволжье оказалось поделенным между различными территориальными образованиями, в составе которых и находилось до середины XIX в. В 1780 г. было создано Симбирское наместничество (губерния). В него вошла северо-западная часть территории Заволжья: Ставропольский и луговые части Сызранского и Самарского уездов.

Северо-восточные заволжские уезды (Сергиевский, Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский) оказались в Уфимском наместничестве, учрежденном в 1781 г. и преобразованном в 1796 г. в Оренбургскую губернию. В ее составе упразднились Сергиевский и Бугурусланский уезды, но последний в начале XIX в. был восстановлен.

Юг Заволжья более полувека составлял левобережные половины Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов. Они находились в Саратовском наместничестве, учрежденном в 1780 г., разделенном в 1796 г. между Астраханской и Пензенской губерниями, но восстановленном в 1797 г. под именем Саратовской губернии. В 1835 г. из заволжских частей трех вышеназванных уездов были образованы два новых: Николаевский и Новоузенский уезды¹⁵³.

Административное устройство заволжских территорий на уездном уровне внешне казалось унифицированным по общероссийскому образцу. Однако значительная часть здешнего населения и его земли оставалась вне ведения гражданских властей, а подчинялась непосредственно военному начальству в Оренбурге: казаки Оренбургского войска, ставропольские крещеные калмыки, башкиры на

восточных окраинах Заволжья. Это военно-служилое население делилось на кантоны, «кои составляют род округа, в коем выбранные из народа люди и старшина управляют оным, составляя чрез сие род народного суда, пекшегося для выкомандировки войска на линию в полной силе, как сбором команд, равно вооружением, содержанием и приводом оных»¹⁵⁴. Расписание пяти казачьих кантонов было составлено в 1798 г. оренбургским военным губернатором О.А. Игельстромом¹⁵⁵. Из них два (3-й и 5-й кантоны) размещались в заволжских уездах Симбирской и Оренбургской губерний и из-за отдаленности от пограничных линий обычно назывались внутренними. Они делились на станицы, которые здесь, как правило, не были отдельными поселениями, а являлись казачьими общинами в совместных местах жительства с горожанами и крестьянами. Так, казаки г. Самары составляли Самарскую станицу 5-го кантона¹⁵⁶.

Доля военно-служилых сословий и их роль в хозяйственном освоении края постоянно снижалась из-за постоянного притока переселенцев-крестьян. Благодаря совместному воздействию таких социальных и политических факторов, как правительственные меры по закреплению Заволжья в составе России, желание помещиков увеличить свои владения и доходы, стремление хлебопашцев на свободные земли, к концу первой трети XIX вв. произошло коренное изменение демографической ситуации в левобережной части Самарского края в отношении плотности и сословного состава населения. Перечисленные факторы продолжали действовать и в предреформенные 1830–1850-е годы, но приняли своеобразное конкретно-историческое выражение. К тому же к ним добавилось мощное влияние экономического характера в связи с превращением Заволжья в одного из главных российских поставщиков товарного хлеба.

Именно на исходе первой половины XIX в. сложился комплекс объективных причин, повлекших принятие решения о создании особой заволжской губернии. К ним относятся: 1) стремление властей одновременно поддержать и удержать под своим контролем переселенческое движение; 2) окончательная утрата краем военно-пограничного значения и ликвидация здесь служилого населения; 3) трудность управления обширными губерниями при резком росте числа их жителей; 4) возросший экономический потенциал территории и ее естественного центра торгово-промышленного притяжения, каким стала Самара.

До середины 1830-х гг. наблюдение и ответственность за переселенческие дела возлагались на Министерство финансов и его местные учреждения. Затем государственное участие и контроль в про-

цессе заселения края усилились вследствие реформы казенной деревни, в осуществлении которой важное место отводилось переселенческой политике: «Министерство государственных имуществ с самого образования своего (26 декабря 1837 г. – Ю. С.), убедившись в необходимости облегчить участь нуждающихся в угодьях крестьян малоземельных губерний и обратить излишние руки с одних мест к обрабатыванию обширных пустопорожих пространств в многоземельных губерниях, распорядилось выпуском значительных партий переселенцев...» Для этих переселений предназначались, прежде всего, завожские территории Оренбургской и Саратовской губерний.¹⁵⁷

Проблемы переселенцев не раз создавали трудности у местных властей, не справлявшихся с большим притоком людей, а потому не раз требовавших его ограничения и даже временного прекращения. Однако даже получаемое время от времени согласие центральных правительственных учреждений на подобные ограничения мало что меняло. Появление на свободных землях самовольных переселенцев из числа казенных крестьян все равно заставляло и руководителей столичных ведомств, и губернских чиновников оформлять эти переходы, чтобы не потерять из виду налогоплательщиков и не довести их до разорения¹⁵⁸.

Накопившиеся нерешенные вопросы заставили министра государственных имуществ П.Д. Киселева дать поручение в 1842 г. действительному статскому советнику Райскому составить специальную записку о состоянии крестьян-переселенцев¹⁵⁹. За этим последовали командировка того же в Саратовскую губернию в 1843 г. для изучения вопроса на месте, принятие по просьбам губернских казенных палат и самого Министерства государственных имуществ новых правил о переселениях, высочайше утвержденных 8 апреля 1843 г.¹⁶⁰

Мероприятия, схожие с теми, что осуществляло киселевское министерство, проводило в отношении своих крестьян и удельное ведомство. Приток переселенцев обеспечивался и помещиками, выведившими своих крепостных на свободные земли, в том числе полученные по пожалованиям от верховной власти.

Вместе с тем впервые за историю Заволжья правительство в 1840-х гг. прибегло к массовому выводу отдельных групп населения за пределы данного региона, хотя разговоры об этом велись давно. Еще в наказе самарского, ставропольского и оренбургского дворянства в Уложенную комиссию 1767 г. содержалось требование передачи помещикам земель, отведенных жителям крепостей от Самары до Орен-

бурга. Здешних же казаков дворяне предлагали выселить «выше по Яику на линию», то есть дальше на восток¹⁶¹. В 1801 г. землемер В.И. Ильинский сделал представление генерал-прокурору «о положении калмыцких земель и сколь оне выгоды будут иметь, ежели перевести их на другие Оренбургские земли, а сию заселить коронными крестьянами»¹⁶².

По Положению об Оренбургском казачьем войске, утвержденному императором 12 декабря 1840 г., были упразднены его внутренние кантоны в Заволжье, а казачьи земли при городах Самаре, Ставрополе, Бузулуке и других крепостях прежней Самарской линии передавались Министерству государственных имуществ¹⁶³. По указу от 8 марта 1841 г. началось выселение казаков бывших внутренних кантонов на восток на новую пограничную линию¹⁶⁴. Многовековая история казачества в Самарском крае была прервана.

В 1842 г. калмыки вслед за казаками были выведены из Заволжья. Обитавших на его восточных окраинах башкир выселение не затронуло. Однако самовольно занятые выходцами из Башкирии на рубеже XVIII–XIX вв. земли по Узеням и другим южным степным рекам изымались в казну для наделения государственных крестьян и помещиков. Взамен этой группе башкир, причисленной в 1832 г. в ведение Уральского казачьего войска, отводилось ограниченное пространство степи Николаевского уезда на вершинах рек Иргиза и Каралыка (в современных Большеглушицком и Большечерниговском районах)¹⁶⁵.

Ликвидация иррегулярных войск на заволжских территориях привела к освобождению значительного числа сельскохозяйственных угодий, в том числе в Симбирской губернии, считавшейся с 1801 г., по утвержденному еще Павлом I сенатскому докладу, малоземельной и не подлежащей массовому заселению¹⁶⁶. Теперь же в ее Самарском и Ставропольском уездах образовался резерв, обеспечивший новых поселенцев на несколько десятилетий. Но это порождало административные проблемы.

Левобережье Симбирской губернии требовало иных способов и даже органов управления, чем ее давно обжитая и уже перенаселенная нагорная сторона. Так, в начале второй трети XIX в. на территории Симбирской губернии вообще не оставалось государственных крестьян, которые, согласно мнению Государственного Совета, утвержденному 16 января 1835 г. Николаем I, были переданы в удельное ведомство со своими землями и угодьями¹⁶⁷. Соответственно здесь не было и учреждений, ведавших казенным землевладением.

Однако, когда Ставропольское Калмыцкое войско, подчиненное мимо уездных гражданских властей Военному министерству,

было упразднено, то его территория стала заселяться по принятым в 1846 г. особым правилам государственными крестьянами, первые из которых были сюда допущены в 1849 г. Эти земли перешли под контроль Управления заселением Самаро-Ставропольских земель, созданного в составе Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ¹⁶⁸.

В Саратовской губернии также проявлялся контраст правого и лугового берегов, хотя на ее юге он был заметно сглажен. Одновременно пропал смысл держать под контролем военных властей Оренбургской губернии, озабоченных пограничными и среднеазиатскими делами, ее западные уезды, лишившиеся служилого населения. Да и в целом быстрый рост населения и экономического значения Заволжья делали все более ощутимыми трудности управления существующими обширными губерниями. Естественным стало появление идеи создания отдельной губернии на левобережье Волги.

Еще в 1820-е гг. разрабатывался, но не получил хода проект разделения Оренбургской губернии «с прибавками некоторых частей Пермской и Симбирской губерний на две губернии и область»¹⁶⁹. В 1842 г. сенатор А.Н. Пешуров совершил ревизию Оренбургской губернии, результаты которой были сообщены Комитету Министров. В представленном рапорте как раз указывалось на административные затруднения, вызванные тем, что «народонаселение здешней губернии быстро увеличивается чрез поселения казенных крестьян, а между тем средства полицейского и судебного управлений остаются без всякой перемены и усиления». При рассмотрении журнала заседаний Комитета император Николай I 10 августа 1843 приказал: «Сообразить и представить проект разделения помянутой губернии на две, с прирезкою Самарского уезда Симбирской губернии». Министр внутренних дел, получивший это повеление, предложил, «по соображению... географических и статистических сведений об Оренбургской и прилегающих к ней Симбирской и Казанской губерний», составить Самарскую губернию из четырех уездов Оренбургской (Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский), двух Симбирской (Самарский, Ставропольский) и Казанской (Спасский, Чистопольский) губерний¹⁷⁰.

Слабая сторона этого плана состояла в том, что в случае его выполнения создавалась очень разнородная по составу губерния, охватывающая и давно обжитое Закамье, и продолжавший осваиваться север Заволжья, и заметную часть собственно башкирских земель. На проект последовали настойчивые возражения генерал-губернатора В.А. Обручева, среди которых было и указание на то,

что «разноплеменность и разноподчиненность», создающие трудности в управлении Оренбургской губернией, перейдут теперь и на Самарскую¹⁷¹.

Первоначальный вариант состава Самарской губернии не был реализован и из-за тесной увязки с весьма сложным вопросом реорганизации всей Оренбургской губернии. Однако идея не была похоронена, а приобрела географические очертания, более соответствующие реальным административным задачам.

2 мая 1850 г. Министерство внутренних дел довело до сведения разных ведомств новое повеление императора: «Учреждение новых губерний начать с одной Самарской...»¹⁷², а также собственные предположения об устройстве ее из заволжских уездов Симбирской (Ставропольского и Самарского), Саратовской (Николаевского и Новоузенского) и Оренбургской губерний (Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского). При этом правобережная часть Самарского уезда на Самарской Луке оставалась в Симбирской губернии и включалась в Сызранский уезд. Заволжские селения последнего (в современном Приволжском районе Самарской области), в свою очередь, передавались Самарскому уезду.

На сей раз вопрос о Заволжье был оторван от остальных административных перемен в Оренбургском крае и Башкирии, что облегчило его решение. Серьезных аргументов против выключки из Оренбургской губернии самых западных уездов не было. В делах тамошнего архива нет запроса из столицы по поводу нового варианта образования Самарской губернии. Согласия из Оренбурга не спрашивали, а только требовали принятия необходимых мер к открытию новой губернии, которая отдавалась под контроль генерал-губернатору, превратившемуся из просто оренбургского в «оренбургского и самарского».

Состав Самарской губернии ограничивался в окончательном варианте только теми уездами, которые рассматривались как многоземельные и продолжали оставаться территориями массового заселения. Следовательно, таковой становилась и вся губерния целиком. Некоторым исключением являлся Ставропольский уезд, который еще во времена Екатерины II был скомпонован из двух различных по времени заселения и степени обжитости половин, разделенных исторической границей Заволжья и Закамья – Старой Закамской линией. Но эта особенность не носила принципиального характера, так как и в других заволжских уездах уже имелись отдельные районы с плотным и давним (до 100 и более лет) оседлым населением. Создание новой губернии выключало из числа

многоземельных Саратовскую и Симбирскую губернии, оставшиеся без луговых сторон, тем самым сокращая объем обязанностей тамошних органов управления за счет упразднения функций по организации переселений. Это же позволяло сократить расходы указанных губерний, а освободившимися суммами компенсировать затраты на содержание самарских губернских учреждений.

То, что вопрос об управлении дальнейшим освоением заволжских территорий был одним из важнейших при создании новой губернии, подтверждается следующим обстоятельством. Хотя от имени императора Министерство внутренних дел ставило перед всеми руководителями центральных ведомств одинаковый вопрос: не встретится ли с их стороны «каких-либо неудобств или затруднений к осуществлению сказанного предположения в настоящее время», но решающим оказался обстоятельный отзыв Министерства государственных имуществ, ведавшего между прочими делами о переселениях. 10 августа министр внутренних дел граф Л.А. Перовский сообщал управляющему указанным министерством Н. Гамалее, что именно «по всеподданнейшему докладу отношения ко мне Вашего Превосходительства от 22 июня» Николай I «повелеть соизволил приступить ныне же к образованию Самарской губернии и привести эту меру в действие, если возможно, с 1 января будущего 1851 года»¹⁷³.

Важным обстоятельством, ускорившим создание губернии за Волгой и определившим будущий административный центр, был быстрый, если не сказать стремительный, рост Самары и подъем ее экономического значения, что обуславливалось, прежде всего, развитием товарного производства зерна в крае и хлебной торговли. Переломным стал 1833 год, отмеченный высоким урожаем при одновременном подъеме цен на хлеб, особенно на твердую пшеницу – «белотурку»¹⁷⁴. После него началась, по словам современников, «настоящая белотурочная лихорадка»¹⁷⁵.

Если до XIX в. заволжское расположение Самары сдерживало ее развитие, и она заметно уступала Симбирску, Сызрани и Саратову, поставленным на безопасной горной стороне, то теперь та же географическая ситуация оборачивалась для нее своими выгодами. К тому же выявилось необыкновенное удобство Самарской пристани. Через нее в середине века проходило две трети грузооборота (в стоимостном выражении) всех речных портов лугового берега Волги ниже устья Камы¹⁷⁶. Получение ранга главного административного центра Заволжья было вполне естественным шагом, закреплением реального исключительного положения Самары в крае, а не просто волевым актом.

Сроки, назначенные царем для подготовки к открытию основных губернских учреждений, были выдержаны. 6 декабря 1850 г. император подписал указ об образовании Самарской губернии, который было решено обнародовать 20 декабря. Предусмотренная заранее дата 1 января 1851 г. действительно стала днем начала существования новой губернии. Однако окончательное устройство выглядело незавершенным, поскольку в указе предусматривалось, что в ее состав войдут не 7, а 8 уездов за счет раздела Николаевского уезда на два.

Первый самарский гражданский губернатор С.Г. Волховской предложил при разделе Николаевского уезда сделать центрами уездов Мосты и Балаково. Сам Николаевск (современный Пугачев) как уездный город подлежал упразднению. Та же участь должна была постигнуть и Ставрополь, выгоревший дотла 27 августа 1851 г. и расположенный, по мнению оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовского, крайне неудачно из-за отдаленности от главного русла Волги и регулярных подмывов водой берега. По получении доклада Перовского Николай I сделал ему запрос: «Не нужно ли будет город Ставрополь, по изъясненному в донесении Вашем неудобству расположения его, перевести на другое место?» В Министерстве внутренних дел заодно вспомнили, что вопрос об упразднении Ставрополя уже ставился в 1840 г., подняли и прислали Перовскому старое дело. Волховской счел возможным перенести уездный город в Мелекес с переименованием его в Новый Ставрополь¹⁷⁷.

Возможно, если решения по этим вопросам были бы выработаны сразу, то они бы осуществились. Однако в административном рвении Перовский и Волховской пошли дальше и стали разрабатывать планы передела всех уездных границ губернии. Планы эти не касались лишь самых небольших по площади Ставропольского и Бугульминского уездов, из территории остальных же предполагалось выкроить три новых: Сергиевский, Балаковский и Покровский.¹⁷⁸

В сентябре 1853 г. министр внутренних дел Д.Г. Бибиков заметил Перовскому на эти предложения, что имеются препятствия в финансовом отношении, и предложил ограничиться только переносом центра Ставропольского и разделом Николаевского уездов. Однако пока шла эта переписка, жители Ставрополя отстроили заново город, и расходы на его возможный перенос возросли. В начале 1854 г. Бибиков переслал Перовскому мнение о ставропольском деле министра финансов, «который на сие отозвался, что по случаю предстоящих в нынешнее время (шла Крымская война. – Ю. С.)

весьма значительных расходов по Государственному Казначейству, означенное преобразование он признает необходимым отложить до более благоприятных обстоятельств к выполнению его». Генерал-губернатор заявил, что тогда нет нужды заниматься и разделом Николаевского уезда, чтобы не помешать в будущем общему административному преобразованию губернии. В 1854 г. Перовский с новым самарским губернатором К.К. Гротом вновь подняли вопрос о переносе Ставрополя и выделении Балаковского уезда из территорий Николаевского и Самарского, но и на этот раз положительного ответа из столицы не получили¹⁷⁹. Продолжавшаяся тяжелая война, смена на императорском троне окончательно похоронили мысль о перекройке уездных границ, которые сохранились в прежнем виде с 1851 г.

В управлении новой губернией обозначилась довольно скоро еще одна деликатная проблема. Новый административный статус города и края, усиление органов власти и правопорядка входили в противоречие с исконной заволжской традицией приема и использования труда беглых.

Еще до подписания указа об образовании новой губернии одними из первых ведомств, которые были оповещены о предстоящем административном преобразовании, стали военное министерство и корпус жандармов. Дежурный генерал Главного штаба 8 июня 1850 г. сообщил шефу жандармов о том, что должна быть сформирована особая жандармская команда, как только «будет сделано окончательное распоряжение об учреждении Самарской губернии и об открытии в Самаре присутственных мест». В рапорте от 11 сентября вопрос об открытии губернии и формировании для нее жандармской команды объявлялся окончательно решенным, что получило одобрение военного министра, распорядившегося 28 октября об усилении в Самаре не только жандармерии, но и гарнизонных войск. 27 декабря за три дня до официального открытия губернии в Самару прибыла жандармская команда штабс-капитана Малакеевко¹⁸⁰. Происходил также рост численности полицейских чинов.

Все эти приготовления вызвали опасения у торгового люда, а также должностных лиц, ответственных за пополнение казны и хозяйственную жизнь края. Эти опасения озвучил лично министр внутренних дел Л.А. Перовский на третий месяц существования Самарской губернии, когда стала приближаться очередная волжская навигация. 29 марта 1851 г. он писал своему брату, оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В.А. Перовскому: «В г. Самару ежегодно стекается для закупки хлеба, соли и других продуктов от

160 до 200 иногородных капиталистов, а черного народа для продажи тех продуктов и для работ по заготовлению запасов, хранению и отправлению с открытием навигации судов около 500 тыс. чел. и с ними до 600 тыс. лошадей». Министр прямо и без обиняков констатирует тот факт, что у пришлых людей паспортов не будет, поскольку те привыкли, что в Самаре документов во время навигации не спрашивают. Теперь же власти повысившего свой статус города обязаны будут требовать документы, задерживать беспаспортных, что приведет к вымогательствам и к подрыву местной торговли. При этом не получится и усиления борьбы с беглыми и беспаспортными, поскольку те и в качестве продавцов, и в качестве работников потянутся на другие заволжские пристани, где контроль будет гораздо менее жестким: Царевокурганскую, Екатериновскую, Духовницкую и др. В связи со всем вышесказанным Л.А. Перовский предложил, чтобы и впредь полиция не требовала на самарских торгах и пристанях ни от кого паспортов и «чтобы никто из них, кроме лиц, изблеченных в преступлениях, не был задерживаем полицией и не терпел со стороны полицейских чиновников каких-либо притеснений»¹⁸¹.

Первый самарский гражданский губернатор Волховской, человек здесь новый, представил 3 июня того же года возражения на мнение министра. Следуя букве закона, а не реалиям жизни, он утверждал, что крестьяне сами понимают необходимость паспортов и всегда их при отъезде имеют, что с временных работников полиция просто обязана и будет требовать необходимые документы, а начальству вполне по силам пресечь ее возможные злоупотребления. Упрямо встав на такую позицию, губернатор высказывал мысли, которые показались бы самарским обывателям, будь они теми услышаны, воплощением самых худших опасений. Волховской прямо заявил, что поскольку губерния открыта недавно, то «крутых и решительных мер по введению строгого торгового порядка не употребляется», пока только «по снисхождению к давним народным привычкам». Однако он полагает, что уже пришло «время разумить неопытных и показать в каких видах сделано преобразование Самары...». Разговоры о подрыве здешней торговли губернатор считал со стороны торговцев скрытой угрозой, но угрозой пустой, поскольку свято верил, что места торгового и направления движения товара определяются распоряжениями правительства¹⁸².

Своими «благими намерениями» губернатор мостил подопечной Самаре и ее краю дорогу, если не в ад, то уж наверняка в сторону воплощения наяву города Глупова. Это было настолько ясно, что

против Волховского выступила его собственная губернская канцелярия, подавшая 24 ноября доклад на имя генерал-губернатора. В докладе прямо утверждалось, что «при многочисленном стечении народа в г. Самаре во время навигации строгое требование паспортов и видов от крестьян... как это предписывается законом» окажет отрицательное воздействие на торговлю. Приезжающие для торга и на заработки в Самару «не имеют обыкновения» брать паспорта, а со стороны некоторых представителей власти случаются, мягко говоря, «произвольные стеснения, отвращение которых, если не невозможно, то, по крайней мере, весьма затруднительно». В противовес идеям административного попечительства над торговлей, высказанным Волховским, его подчиненные здраво считали, что «устранение всякого влияния Полиции на дела торговые будет иметь самые благотворные последствия». Канцелярия посчитала необходимым указать, «что торговые пункты образуются не по одной воле Правительства, как утверждает г. Гражданский Губернатор, но и по местным обстоятельствам, более или менее благоприятствующим выгодам и развитию торговли, что Правительство в таковых случаях следует лишь за сими выгодными для жителей края условиями», а потому опасения за перспективы самарской торговли вовсе не являются бесосновательными. Губернская канцелярия обращалась к В.А. Перовскому, чтобы тот умерил служебное рвение Волховского и заставил последнего оказывать прибывающим в Самару «все-возможное – во время навигации – снисхождение, и чтобы дело по степени требования законных видов и паспортов оставлено было в том же положении, как оно было до образования Самары в губернский город, внушив исполнение сего, надлежащим образом, чрез секретное предписание г. Самарскому Гражданскому Губернатору»¹⁸³.

Следуя этому совету опытных местных чиновников, сначала министр внутренних дел в отношении оренбургскому и самарскому генерал-губернатору от 4 февраля 1852 года, а затем В.А. Перовский в секретном распоряжении Волховскому от 24 февраля дали указания, фактически упразднившие паспортный контроль в Самаре. Теперь гражданский губернатор волей или неволей был обязан выполнять не требования писаного закона, а негласные приказы вышестоящего начальства. 31 марта он рапортовал В.А. Перовскому, что им отдан устный приказ полицмейстеру о нетребовании паспортов с приезжающих для торговли, если те не вызывают прямых подозрений, и об обращении в сомнительных случаях за разъяснениями лично к губернатору¹⁸⁴.

В свое время П.В. Алабин, не знавший лично первых лиц края начальных лет существования новой губернии, изобразил генерал-

губернатора В.А. Перовского человеком, не любившим Самару, а гражданского губернатора С.Г. Волховского – оставившим добрую память «у самарских старожилов». По сведениям тех же «старожилов», неприязнь Перовского к Волховскому затрудняла последнему управление губернией и лишила заслуженных этой деятельностью наград¹⁸⁵. История с паспортами заставляет по-иному взглянуть на роль этих администраторов в истории города.

Можно предположить, что «старожилы» – информаторы Алабина по данному вопросу или были из кругов, далеких от хозяйственных и торговых нужд основного населения города, или людьми, просто недостаточно осведомленными о деятельности органов власти. Недоверие к служебным качествам Волховского проявляло, как мы видим, и более высокое начальство в лице министра внутренних дел, и собственные подчиненные губернатора. «Помехи», устроенные административному рвению Волховского в вопросе о беглых, несомненно, были благом для города и губернии. Заложенная при основании губернии традиция пренебрежения паспортным контролем оказалась в Самаре весьма живучей и после «Великих реформ». Даже в начале XX в. в ней, в отличие от других крупных городов и губернских центров, не имелось паспортного стола, что облегчало проживание здесь «неблагонадежных» лиц¹⁸⁶.

Конфиденциальные признания и секретные распоряжения министра внутренних дел, администраторов разного уровня дают окончательные и положительные ответы на вопросы, направлялся ли в города и торговые села Заволжья приток беглых, имел ли он большие масштабы, поощрялся ли негласно властями, приводил ли к злоупотреблениям чиновников и, наконец, знало ли обо всем этом правительство. Конечно, далеко не каждый беспаспортный был по-настоящему беглым, но среди полумиллиона человек, приходивших ежегодно в Самару или следовавших через нее без документов, таковых было явно немало.

Как это уже было сто лет назад при начале активного освоения Самарского Заволжья, во имя казенного интереса и ради нужд хозяйственного развития края, имперские чиновники самого разного ранга смотрели сквозь пальцы на нарушения крепостнического режима. За прошедшие годы и десятилетия, правда, изменились места привлечения беглецов. Теперь это были не казачьи гарнизоны новых крепостей, не села государственных крестьян и не имения первых здешних помещиков, а хлебные пристани заволжской житницы России.

Отказ в 1850-е гг. от активного сыска беглых в крупном торговом городе и транспортном узле, несомненно, был вызван не толь-

ко хозяйственным интересом. Он также отражал нарастание тех тенденций в социальных и культурных настроениях общества, которые вели к уже скорой отмене крепостного права.

Таким образом, в предреформенные годы XIX в. завершилось превращение Заволжья в одну из коренных российских территорий. Это официально было признано в мнении Государственного Совета, утвержденном 14 ноября 1850 г. Николаем I и относившим Самарскую к числу «внутренних губерний Империи» с «нормальными» чиновничьими штатами «второго разряда»¹⁸⁷. В Заволжье сложилась система местных органов власти, унифицированная по образцу центральных регионов страны и просуществовавшая до 1917 г. Управление краем утратило военные и внешнеполитические стороны, стало исключительно внутренним делом.

За внешней оболочкой административных перемен, происходивших в XVIII – первой половине XIX в., скрывались серьезные сдвиги в численности и составе населения, в уровне хозяйственного и культурного развития Заволжья. При всех несовпадениях и противоречиях интересов государственной власти, господствующих слоев, народных масс, отдельных сословий создавались и перестраивались управленческие механизмы, которые позволили решить задачу, исторически значимую для судеб российской государственности, вступившей в период модернизации. Рассматриваемый регион превратился в неотъемлемую часть России, сохранив определенные хозяйственные, этнические и культурные особенности.

3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Во второй половине XIX в. в регионе Средней Волги и Заволжья продолжалось активное формирование и совершенствование административного аппарата, направленное на окончательное и полноценное включение этих земель в политическую, экономическую и социокультурную сферы Российской империи. Очевидным воплощением этого процесса явилось изменение административных границ и формирование новой единицы на административной карте империи – Самарской губернии.

Самарская губерния появилась на административной карте Российской империи сравнительно поздно, в 1851 г. Создание губернии стало результатом процессов активной колонизации и развития Юго-Востока Европейской России в конце XVIII – первой половине XIX в.

К созданию Самарской губернии привел ряд объективных причин: 1) стремительный рост завожского населения (более чем четырехкратное, а в некоторых уездах семикратное его увеличение за первую половину XIX века); 2) желание правительства направить в нужное русло стихийное переселение и освоение завожского края; 3) утрата военно-пограничного значения региона; 4) возросший экономический и административный потенциал г. Самара¹⁸⁸. По мнению П.В. Алабина, Самара не случайно была избрана правительством в качестве губернского города: «она находилась как бы в центре по отношению к местности, предназначенной для образования новой губернии; торговое и промышленное значение этого города и его приволжское положение указали на него, как на имеющий все задатки, чтобы сделаться достойным своего призвания – быть губерньским городом»¹⁸⁹.

Торжественное открытие Самарской губернии состоялось 1 января 1851 г.¹⁹⁰ Ее первым губернатором был назначен тайный советник С.Г. Волховский (руководил губернией с 1851 по 1853 г.). 31 марта 1851 г. была открыта Самарская епархия. В июле 1851 г. был изменен герб Самары: к традиционному гербу была добавлена императорская корона, как того требовал статус губернского города¹⁹¹.

В состав вновь образованной Самарской губернии вошло 7 уездов: уезды Оренбургской губернии – Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский; Саратовской губернии – Новоузенский и Николаевский; Ставропольский уезд Симбирской губернии, а также расположенные на левом берегу Волги части Самарского и Сызранского уездов Симбирской губернии, из которых был образован Самарский уезд. Губерния граничила на севере со Спасским и Чистопольским уездами Казанской губернии и Мензелинским уездом Уфимской губернии, на востоке – с Белебеевским и Оренбургским уездами Оренбургской губернии и землями Уральского казачьего войска, на юге – с Царевским уездом Астраханской губернии, на западе – с Камышинским, Саратовским, Вольским и Хвалынским уездами Саратовской губернии. Рельеф губернии был неоднороден: на севере плоская равнина и Высокое Заволжье (Сокские, Кинельские, Соколы горы), южные части (юг Самарского и Бузулукского уездов, Николаевский и Новоузенский уезды) занимало степное пространство. Площадь образованной губернии составила 14 621 903 дес. (140 370 кв. верст)¹⁹².

В целях успешного осуществления административных преобразований на юго-востоке страны 20 марта 1851 г. было учреждено Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство; первым гене-

рал-губернатором был назначен В.А. Перовский, служивший ранее в этом регионе военным губернатором. Он возглавил военные силы на территории двух губерний. Границы вновь образованного генерал-губернаторства включали Оренбургскую и Самарскую губернии, «Область оренбургских киргизов» (казахов) и Внутреннюю (Букеевскую) орду; на его территории находились Башкирское, Оренбургское и Уральское казачье войско¹⁹³.

Учреждение Самарской губернии привело к существенным территориально-административным изменениям в составе соседних губерний – Симбирской и Саратовской. Так, Симбирская губерния, созданная в 1796 г. в результате преобразования Симбирского наместничества, до 1850 г. состояла из 10 уездов: Алатырского, Ардамовского, Буинского, Карсунского, Курмышского, Самарского, Сенгилеевского, Ставропольского, Сызранского и Симбирского. В 1850 г. в состав создаваемой Самарской губернии были отданы два завожских уезда – Ставропольский и Самарский. С этого момента и до падения Российской империи Симбирская губерния состояла из 8 уездов: Симбирского, Сенгилеевского, Сызранского, Буинского, Карсунского, Курмышского, Алатырского, Ардамовского¹⁹⁴.

Саратовская губерния в 1851 г. также претерпела значительную трансформацию. В связи с передачей ее завожских уездов Самарской и Астраханской губерниям территория Саратовской губернии сократилась более чем вдвое (с 170,5 тыс. кв. верст до 74,2 тыс.). Среди европейских губерний России по площади она стала занимать лишь тринадцатое место. Губерния с 1851 г. делилась на 10 уездов: Аткарский, Балашовский, Вольский, Камышинский, Кузнецкий, Петровский, Саратовский, Сердобский, Хвалынский, Царицынский; самым крупным из них был Аткарский (около 11 тыс. кв. верст), а самым маленьким – Кузнецкий (около 4,6 тыс. кв. верст). При этом отошедшие к Самарской губернии завожские уезды являлись крупнейшими по площади: Новоузенский уезд – 34 тысячи квадратных верст, Николаевский – 28 тысяч квадратных верст¹⁹⁵.

Однако территориально-административные преобразования в регионе на этом не завершились. В 1858 г. новый оренбургский и самарский генерал-губернатор А.А. Катенин в своем отчете Александру II отметил сложность управления обширной Оренбургской губернией и предложил разделить ее на две самостоятельные губернии: Уфимскую и Оренбургскую. После преждевременной смерти Катенина эту идею поддержал его преемник генерал-губернатор А.П. Безак. В мае 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на

Оренбургскую и Уфимскую¹⁹⁶; Самарская губерния была выведена из состава генерал-губернаторства, которое получило новое наименование – Оренбургское. В то же время в связи с начавшимся завоеванием Средней Азии правительство сочло необходимым усилить военно-административную составляющую в управлении южной частью Оренбургского генерал-губернаторства. 21 октября 1868 г., согласно именному императорскому указу там были образованы две области: Уральская и Тургайская, управление которыми было поручено военным губернаторам, находившимся в подчинении у оренбургского генерал-губернатора.

В 1881 г. Оренбургское генерал-губернаторство было упразднено, что ознаменовало собой окончание длительного периода военно-административного управления краем¹⁹⁷. Перекраивание территориально-административных границ было тесно взаимосвязано с административной перестройкой в регионе, с формированием гражданских управленческих структур, идентичных существовавшим в центральных регионах империи.

1850–1870-е гг. вошли в историю Российской империи под названием «эпохи Великих реформ» – преобразований, кардинально изменивших социально-экономический и политический облик страны в целом и ее различных регионов, чья специфика учитывалась при подготовке и практическом осуществлении реформаторской программы. Именно реализация реформ Александра II стала главной задачей губернских администраций Средней Волги и Заволжья на рубеже 1850–1860-х гг.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., освободившая бывших крепостных и создавшая в России сословие «свободных сельских обывателей», стала центральным событием отечественной социальной истории второй половины XIX века. Особенностью реформы было то, что впервые в российской истории подготовка к ней велась гласно, с привлечением общественной инициативы. Разработка проектов крестьянской реформы на местах была поручена губернским комитетам по улучшению быта крестьян, причем инициатива по их созданию должна была поступать «снизу», от дворянских собраний той или иной губернии. Как правило, ход «крестьянского дела» в провинции зависел от двух сил – губернской администрации и поместного дворянства. Важное значение приобрела фигура губернатора. Так, самарский губернатор К.К. Грот – требовательный и принципиальный чиновник, энергично борющийся со взяточничеством, доверенное лицо выдающегося реформатора Н.А. Милютина, – стал виднейшим реформатором-практиком среди начальников губерний¹⁹⁸.

Неодинаковой была реакция дворян различных поволжских губерний на правительственные попытки подключить их к обсуждению крестьянской реформы. Так, 27 января 1858 г. саратовский губернатор А.Д. Игнатъев отправил в столицу мнение дворянских уездных собраний о необходимости созыва в Саратове губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. Хотя возражений по существу в этих «мнениях» не было, помещики ряда уездов «просили предварительно открыть уездные комитеты и разрешить губернскому комитету не стесняться правилами, изданными для других губерний»¹⁹⁹. Ответом на это стал циркуляр МВД от 12 марта 1858 г., в котором саратовскому губернатору А.Д. Игнатъеву сообщалось, что Главный комитет по крестьянскому делу неодобрительно отнесся к просьбам и возражениям саратовских помещиков. При этом циркуляр подчеркивал «покорность и согласие» с предстоящей реформой дворянства Симбирской губернии, которая находилась с Саратовской «почти в одинаковом положении»²⁰⁰.

Саратовский губернский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян торжественно открылся 2 сентября 1858 года, возглавил его губернский предводитель дворянства князь В.А. Щербатов. На церемонии торжественного открытия губернатор А.Д. Игнатъев отметил, что «...новый порядок должен вводиться постепенно, дабы не нарушить существующего ныне хозяйственного устройства помещичьих имений»²⁰¹. Эта фраза как нельзя лучше характеризует государственную политику в отношении реформы. Любопытно отметить, что делопроизводителем комитета был избран ассессор Н.И. Костомаров, известный российский историк, который совсем недавно отбывал в Саратове ссылку за участие в деятельности Кирилло-Мефодиевского братства²⁰². Итогом работ Саратовского губернского комитета стали два альтернативных проекта («выкупной» и «срочнообязанный» варианты); губернатор А.Д. Игнатъев и член губернского комитета от правительства князь Лобанов-Ростовский активно поддерживали выкупную систему, считая, что выкуп – «это единственный путь мирного и благополучного исхода предпринятой государственной реформы». Оба проекта были отправлены в Петербург²⁰³.

Симбирский губернский комитет работал в составе 19 членов во главе с Н.Т. Аксаковым – братом известного русского писателя. Неоднородный состав комитета, состоявшего как из крупных, так и из мелких помещиков-землевладельцев, обусловил и неодинаковый подход к подготовке проекта реформы: внутри Симбирского комитета были подготовлены два основных проекта реформы. «Про-

ект большинства», подписанный 12 членами губернского комитета, предусматривал изъятие у крестьян 60 % надельной земли и передачу крестьянам только по 1,5 дес. земли на ревизскую душу при стоимости надела в 440 рублей. (По отзыву одного из его членов, Н.А. Соловьева, Симбирский губернский комитет мог быть назван «Комитетом об улучшении быта помещиков»²⁰⁴). «Проект меньшинства», подписанный пятью членами, предполагал выкуп крестьянами от 2 до 40 десятин при стоимости не более 100 рублей за надел. В Петербурге из проектов, подготовленных Симбирским губернским комитетом, поддержку получил «проект меньшинства», за исключением пункта, направленного на ликвидацию сельской общины²⁰⁵.

Открытие Самарского губернского дворянского комитета состоялось 25 сентября 1858 г. Председателем комитета стал губернский предводитель дворянства А.Н. Чемодуров. В качестве представителей от правительства (непременных членов) в комитет были назначены коллежский секретарь Н.Л. Муханов и отставной коллежский советник Ю.Ф. Самарин. Активная деятельность Грота и Самарина превратила Самарский дворянский комитет в явление общероссийского значения. Самарин, убежденный славянофил, настаивал на том, что крестьяне должны освобождаться с землей, что в деревне нужно сохранить общину, в которой он видел заслон от обезземливания крестьян, и наделить ее административными функциями. Однако разногласия в Самарском комитете были существенными и также привели к составлению двух разных проектов реформы — «консервативного» и «либерального», принципиальное различие которых состояло в устройстве будущих отношений между помещиками и крестьянами²⁰⁶.

Работа губернских комитетов по улучшению быта крестьян началась с обсуждения правительственных предложений, но реформаторской командой была предусмотрена и «обратная связь» — предложения наиболее инициативных местных деятелей могли учитываться при составлении общероссийского проекта реформы. Наиболее яркий пример тому — деятельность члена Самарского губернского дворянского комитета Ю.Ф. Самарина. По окончании работ губернского комитета он был отозван в столицу, где ему была предложена роль члена-эксперта Редакционных комиссий, работавших с 4 марта 1859 г. по 10 октября 1860 г. над составлением общероссийского проекта реформы. Самарин вместе с В.А. Черкасским стал ближайшим сотрудником лидера Редакционных комиссий, товарища министра внутренних дел Н.А. Милютина. Предложения Самарина, высказанные им еще на губернском уровне

(в первую очередь, выдвинутая им идея сохранения общины, основанная на вере в глубоко коллективистскую природу русского православного крестьянина), были учтены при составлении окончательных проектов. Именно Самарин составил «Общую докладную записку» к проекту Редакционных комиссий, содержащую краткое теоретическое обоснование основных принципов реформы; выработал форму «Уставных грамот», фиксирующих отношения помещика с крестьянами; его перу принадлежал первый вариант текста «Высочайшего Манифеста» об отмене крепостного права (окончательный вариант был написан московским митрополитом Филаретом Дроздовым)²⁰⁷.

После подписания императором Александром II «Манифеста» и «Положений» 19 февраля 1861 г. настал этап практического осуществления реформы. С целью определения нормативов крестьянских земельных наделов территория Европейской части Российской империи по природно-климатическим условиям делилась на несколько «полос», а те, в свою очередь, на «местности». Согласно «Положениям 19 февраля» Симбирская губерния была отнесена ко Второй черноземной полосе с высшими размерами наделов от 3,25 до 4 десятин. Большинство уездов Саратовской губернии по Положениям также относилось ко Второй черноземной полосе, кроме Царицынского и части Камышинского, отнесенных к степной полосе. Оренбургская губерния была определена как великороссийская губерния Третьей (степной) полосы, где размер указного надела составлял от 6 до 12 десятин. Самарская губерния оказалась разделена между двумя полосами: территория Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского, Самарского, Ставропольского и северной части Николаевского уездов была отнесена ко Второй (черноземной) полосе, а Новоузенский и часть Николаевского уездов – к степной²⁰⁸. В целом же важно отметить, что во всех указанных губерниях крестьянская реформа проводилась в соответствии с «Местными положениями» (как в большинстве губерний европейской части России), а не «Дополнительными правилами» (как было в Сибири, Земле Войска Донского, Ставропольской губернии, Бессарабии, на Пермских горных заводах и соляных промыслах). Это подтверждает, что правительственные структуры к тому времени рассматривали Среднее Поволжье и Заволжье как внутренние территории империи.

Крестьянская реформа 1861 г. положила начало целому циклу реформ, направленных на модернизацию российского общественного устройства. Как отмечает Б.Н. Миронов, к 1917 году российс-

кое общество прошло путь «от объекта до субъекта государственно-го управления», и «из общественного небытия народ возвратился к политической жизни»²⁰⁹.

Земская реформа 1864 г. в соответствии с подписанным Александром II «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» вводила в 34 губерниях Российской империи²¹⁰ выборное и бессословное местное самоуправление. Самарская губерния стала первой губернией России, где была осуществлена земская реформа и введены новые органы самоуправления. Летом 1864 г. был создан Временный губернский комитет под председательством губернатора Н.П. Мансурова, начавший подготовительную работу по созданию земских органов. Учредительное земское губернское собрание открылось 28 февраля 1865 г. Сословный состав собрания был следующим: 38 дворян (55 %), 17 крестьян (25 %), 7 купцов (10,5 %), 4 священника (6 %), 2 колониста (3 %), 1 чиновник (1 %). Вступительную речь произнес губернатор: «Вам выпал славный жребий начать великое дело, все взоры обращены на Самару... я горжусь вместе с вами, что сего числа открываю первое губернское собрание в Империи»²¹¹.

Ход земской реформы в Самаре был в центре внимания правительства, поскольку это был первый опыт. Б.П. Обухов, сменивший к тому времени Н.П. Мансурова на посту губернатора, направил телеграмму министру внутренних дел: «Могу удостоверить, что Самарская губерния оправдала доверие Вашего высокопревосходительства при назначении ее ранее прочих для выполнения воли государя императора». Министр начертил на бланке телеграммы: «Слава Богу»²¹².

В Симбирской губернии первое губернское и уездные земские собрания состоялись в конце 1865 г. Возглавляли их соответственно губернский и уездные предводители дворянства: А.И. Ермолов, В.П. Языков, Д.А. Бестужев, П.А. Ермолов и др. Среди гласных первых созывов были такие известные деятели всероссийского масштаба, как Ю.Ф. Самарин, В.П. и А.П. Языковы, Д.П. Озобишин и др.²¹³

Всего в 1865 г. органы земского самоуправления были введены в 18 губерниях Российской империи. В 1866 г. настала очередь еще 9 губерний, в числе которых оказалась и Саратовская.

Первое губернское земское собрание в Саратове было назначено на 10 мая 1866 г., но в связи с покушением Д.В. Каракозова на Александра II начало сессии перенесли на 25 мая. Интересно отметить, что первым председателем Саратовской губернской земской управы стал М.М. Каракозов, срочно сменивший фамилию на Ми-

хайлов-Рославлев (герценовский «Колокол» откликнулся на этот факт саркастической замечкой «Перемена фамилии»). Сословный состав первого губернского земского собрания в Саратовской губернии оказался следующим: дворян 42,4 %, крестьян 33,2 %, купцов 13,8 %, колонистов 5,2 %, священнослужителей 4,6 %, мещан 0,8 %²¹⁴.

Городская реформа 1870 г. была осуществлена в соответствии с «Городовым положением», подписанным Александром II 16 июня 1870 г. Городская дума обретала сословный характер. Право участия в выборах было ограничено имущественным цензом, который определялся по оценочному сбору с недвижимых имуществ. Избиратели были распределены по трем куриям, от каждой курии избиралось по 24 «гласных» городской думы.

В Самарской губернии список избирателей, составленный и утвержденный губернатором к 1 августа 1870 г., включал 3116 человек, что составляло лишь 9 % от общей численности горожан. Эта ситуация не была исключительной для России, по оценке Б.Н. Миронова, «реформа наконец создала сословное общество горожан ценой лишения 95 % городского населения избирательных прав вследствие имущественного ценза»²¹⁵. Сами выборы прошли в январе 1871 г., было избрано 72 гласных Самарской городской думы; 57 из них по сословной принадлежности были купцами. Торжественное открытие Самарской городской думы состоялось 3 февраля 1871 г. Первым городским головой Самары стал купец I гильдии В.Е. Буреув²¹⁶.

В Саратове новое Городовое положение было введено 4 января 1871 г., а в других городах губернии – в 1872 г. По своему социальному облику городское самоуправление было купеческим: так, из 65 членов Саратовского городского самоуправления в 1872 г. 39 были купцами, мещан было всего 11, а цеховых ремесленников – 3. Из одиннадцати городов и посадов Саратовской губернии, имевших городское самоуправление, в восьми должность городского головы занимали купцы²¹⁷. В Симбирске из девяти городских голов, занимавших этот пост в период с 1870 по 1918 гг., пятеро были купцами I или II гильдии²¹⁸.

Судебная реформа 1864 г. готовилась одновременно с отменой крепостного права. В соответствии с Судебными уставами, подписанными Александром II 20 ноября 1864 г., в Российской империи вводился гласный и бессословный суд, основанный на принципе независимости судов и судей; отделение судебной власти от обвинительной, несменяемость судей, состязательность процесса, адвокатура и суд присяжных. Создавались две судебных системы: местные (мировые) и общие суды.

Введение новой системы общих судов на территории Российской империи шло поэтапно. На губернии Среднего Поволжья она была распространена в 1870 г., когда по предложению министра юстиции Государственный совет постановил ввести уставы от 20 ноября 1864 г. в округе Казанской судебной палаты, в который вошли Казанская, Симбирская и Самарская губернии (без Новоузенского уезда, который в том же 1870 г. в связи с удаленностью от Самары был отнесен к округу Саратовской судебной палаты). В дальнейшем Самарский окружной суд был включен в Саратовский судебный округ, куда входили также Астраханский, Оренбургский, Пензенский, Саратовский, Тамбовский, Троицкий, Уральский окружные суды.

Симбирский окружной суд был открыт 15 ноября 1870 г. Задержка с открытием суда произошла в связи с невозможностью предоставления помещения, т. к. в августе 1864 г. город почти целиком выгорел в результате пожара; здание для суда было найдено на Венце, рядом с домом Симбирского дворянского собрания²¹⁹. 25 ноября 1870 г. состоялось торжественное открытие Самарского окружного суда на Алексеевской площади; здание суда, по описанию современника, «занимает центр самой населенной части города, выходя главным фасадом на лучшую в городе площадь»²²⁰. 1 июля 1871 г., в соответствии с Указом Правительствующего Сената от 27 мая 1871 г., был создан Саратовский окружной суд.

Реформы образования 1860-х гг., проведенные в Российской империи под руководством министра народного просвещения А.В. Головнина, затронули сферу высшего образования (университетский устав 18 июня 1863 г.), среднего (гимназический устав 19 ноября 1864 г.) и начального народного образования («Положение о начальных народных училищах» 14 июня 1864 г.). Реформы предусматривали создание учебных заведений нескольких уровней. Среднее образование было представлено классическими, реальными и женскими гимназиями; начальное — начальными народными училищами, которые могли создаваться городскими и сельскими обществами, земствами, другими ведомствами, частными лицами, и где могли учиться лица всех сословий.

Второй этап преобразований был осуществлен под руководством министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого; обычно он рассматривается исследователями как «контрреформа» по отношению к реформам Головнина. Реформы Д.А. Толстого включали в себя пересмотр гимназических программ, преобразование реальных гимназий в реальные училища, что означало понижение их статуса;

а также создание государственных начальных школ повышенного типа (городских училищ и образцовых сельских училищ – по «Положению о начальных народных училищах» 1872 г.).

Территория Среднего Поволжья в тот период находилась в ведении Казанского учебного округа, который включал в себя Вятскую, Казанскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую и Астраханскую губернии. На протяжении всего XIX в. Казань оставалась единственным университетским городом этого огромного региона; лишь в 1909 г. был основан Саратовский университет, в 1918 – Самарский университет. Реформы в области просвещения выразились в создании губернских, городских и уездных училищных советов, состоявших из чиновников, представителей духовенства и земских органов. Так, в 1866 г. были учреждены Самарский, Саратовский, Симбирский училищные советы. Для контроля за училищными советами и школами с 1869 г. в губерниях стали учреждаться специальные правительственные чиновники-инспекторы народных училищ, а с 1874 г. – директора народных училищ. Первым инспектором и директором народных училищ в Симбирской губернии был И.Н. Ульянов.

Военные реформы в Российской империи проводились поэтапно в 1862–1874 гг. по инициативе военного министра Д.А. Милютин и включали реформирование системы военного управления, военного суда и системы подготовки офицерских кадров; деление территории страны на военные округа (территориальные общевойсковые объединения); переход от рекрутских наборов к всеобщей воинской повинности; перевооружение армии. 6 августа 1864 г. было утверждено «Положение о Военно-окружных управлениях», вступившее в действие с 1 сентября 1864 г. и предусматривавшее раздел европейской части России на 10 военных округов, в том числе Казанский округ, в состав которого вошли Казанская, Пермская, Вятская, Симбирская, Самарская, Пензенская, Саратовская и Астраханская губернии; таким образом, территория этого округа охватывала все Среднее и Нижнее Поволжье²²¹. Оренбургский военный округ, образованный позже, включал в себя Оренбургскую и Уфимскую губернии и две области – Уральскую и Тургайскую. В 1881 г. территория упраздненного Оренбургского военного округа была включена в состав Казанского округа.

Для государственной власти Российской империи был важен контроль над эффективностью проводившихся преобразований. Одним из инструментов такого контроля служили сенаторские ревизии: они были введены в Российской империи с 1722 г. для провер-

ки деятельности местных органов власти специально назначаемым сенатором и относились к числу чрезвычайных мер²²². Надобность в сенаторских ревизиях отпадает к началу XX в. в связи с развитием гласности и с регулярным поступлением в распоряжение правительства сведений о состоянии дел в губернии от губернаторов (всеподданнейшие отчеты) и земских собраний. В 1880–1881 гг. в Российской империи проводилась крупномасштабная сенаторская ревизия, затронувшая несколько губерний (Казанскую, Уфимскую, Воронежскую, Тамбовскую, Киевскую, Черниговскую, Саратовскую, Самарскую, а впоследствии также Оренбургскую). В Самарской и Саратовской губерниях ревизия была поручена сенатору И.И. Шамшину. В программу обследования был включен большой круг вопросов: изучение деятельности административного аппарата и в том числе земских учреждений, судебной системы, экономического и социального быта крестьян, податной системы, состояние народного образования, положения раскольников и др. По замыслу инициатора сенаторских ревизий, министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова полученные сведения о состоянии дел на местах должны были использоваться для подготовки программы дальнейших реформ – в первую очередь, для «устранения общих неудобств нашего провинциального правительственного порядка»²²³. Результаты сенаторских ревизий легли в основу проекта Положения об устройстве местного управления, составленного комиссией по реформе местного управления (Кахановской комиссией)²²⁴. Сенатор И.И. Шамшин в своем ревизионном отчете отразил все стороны деятельности земских учреждений Самарской губернии и пришел к заключению, что «отправление земством лежащих на нем обязательных повинностей настолько удовлетворительно, насколько это возможно»... Им были отмечены успехи Самарского земства в развитии медицины и народного образования²²⁵.

Сам факт, что на территории Самарской, Саратовской, Оренбургской губерний реформы 1860–1870-х гг. были осуществлены в полном объеме, говорит о многом. В частности, важно отметить, что эти регионы вошли в число губерний Российской империи, получивших земское самоуправление. Земское самоуправление создавалось только в губерниях Европейской России (так, оно не было введено на территории Сибири), только в губерниях, где существовало дворянское землевладение, поэтому в число земских губерний не были включены, к примеру, Архангельская и Астраханская губернии и, наконец, лишь в тех губерниях, где преобладали русские дворяне поэтому земского самоуправления не получили Польша,

Прибалтика, Кавказ и Закавказье, Степной регион и Средняя Азия. Следовательно, к середине 1860-х гг. правительство рассматривало Среднее Поволжье и Заволжье не как окраину, а как внутренние губернии России, где оно всегда может найти надежную социальную опору²²⁶.

Объяснить причины этого поможет обращение к истории колонизации края и государственного регулирования этого процесса. Заселение и хозяйственное освоение региона на протяжении всего XIX в. характеризовались сочетанием государственной активности и разнообразных видов общественной и частной инициативы²²⁷.

К моменту осуществления Великих реформ положение Поволжья и Приуралья в имперской системе России претерпело существенные изменения. С освоением левобережных заволжских и башкирских территорий огромный регион, простиравшийся от Волго-Камского бассейна до Южного Урала, превращался во внутреннюю, хозяйственно осваиваемую часть страны. Стремясь к освоению природных богатств края, имперское правительство поощряло земледелие и торговое предпринимательство при сокращении козового скотоводства.

Как показывают современные исследования, быстрый рост населения Заволжья и Южного Урала в первой половине XIX в. произошел не в результате естественного прироста, а стал в большей мере следствием стихийной крестьянской колонизации, активного переселения русских крестьян из северных и центральных губерний Европейской России на ее юго-восточную окраину. Главной причиной переселения была нехватка земли на прежних местах проживания. Быстро нарастающая волна переселенцев затрудняла их размещение и наделение землей; Оренбургская переселенческая комиссия не успевала отводить им участки, поэтому крестьяне стали самовольно размещаться на башкирских, казачьих и помещичьих землях. Если сопоставить данные V и IX ревизий (1795 и 1850 гг.) по Оренбургской губернии, то можно заключить, что самый высокий прирост населения из-за массового притока русских переселенцев и самый высокий по губернии удельный вес русского населения наблюдался в северо-западных уездах губернии, то есть именно в тех, которые в 1851 г. были переданы в состав вновь образованной Самарской губернии: Бугурусланском, Бузулукском, Бугульминском²²⁸.

Имперское правительство неоднократно принимало меры по упорядочиванию крестьянской колонизации; борясь с самовольными переселениями и тем более с бегством крепостных, государство все же стремилось не перекрыть поток переселенцев, а направить его в

легальное русло. Переселенческая политика регулировалась целым комплексом законодательных мер. Так, 23 января 1802 г. Александр I подписал указ « О правилах водворения поселенцев в полуденном краю Сибири»; в мае 1807 г. — «О переселении из скуднейших землями селений крестьян в другие селения на излишние сверх 8 десятин пропорции земли». Льготы, причитающиеся переселенцам, могли включать получение денежной и натуральной ссуды, временное освобождение от платежей и рекрутской повинности²²⁹. Финансирование поволжской колонизации производилось за счет обращенных в оброчные статьи доходов других государственных земель. С 1837 г. переселенческую политику регулировало Министерство государственных имуществ, сосредоточившее в своих руках управление казенными землями. За 1837–1881 гг. из казенного земельного фонда России 6,4 млн дес. было передано крестьянам²³⁰. В ходе колонизации возникали новые, преимущественно русские крестьянские хозяйства, создававшиеся на основе общинного и индивидуального (семейного) пользования; как правило, они воспроизводили на новых местах порядки и традиции деревни центральной Европейской России.

Таким образом, фонд государственных земель на территории региона использовался правительством в нескольких целях. Прежде всего, продажа части государственного имущества на окраинах считалась надежным средством для выплаты государственных долгов. В то же время колонизация и заселение государственных земель обеспечивали государству получение стабильной прибыли; попутно правительство решало задачу наделения землей малоимущих крестьян, что, по мнению С.Ю. Витте, являлось «одной из насущнейших социальных задач современного государства»²³¹.

Воспринимая русских переселенцев как свою потенциальную опору в многонациональном и многоконфессиональном регионе, власть понемногу стала пересматривать свою политику в отношении кочевого населения края. Кочевое хозяйство коренного населения — башкир и калмыков, владевших землей на вотчинном праве, — теперь расценивалось как отсталое²³². С 1832 г. правительство разрешило переселенцам покупать в собственность или арендовать на правах крестьян-припущенников земли коренного населения, что объективно вело к насаждению земледелия в крае. Несмотря на необходимость письменного оформления подобных сделок, часто случались самовольные заселения башкирских земель. Впоследствии (в феврале 1869 г.) имперское правительство утвердило специальные Правила, регламентировавшие сложившиеся условия; по ним

часть земли военных припущенников отходила казне, а другая — отдавалась им в собственность, гражданские припущенники отныне платили выкупные платежи как удельные и государственные крестьяне²³³.

Еще более радикально была решена проблема хозяйственного использования калмыцких земель. В мае 1842 г. Ставропольское калмыцкое войско (в составе 1588 человек мужского пола) как военная организация было упразднено; калмыки были переведены в казачье сословие и определены в состав Оренбургского казачьего войска. В мае–июне 1843 г. калмыки были переселены на Новую линию, где их разместили вместе с русским населением с целью быстрее приучения к оседлой жизни — земледелию и огородничеству, несмотря на жалобы калмыков, что они «не умеют управлять серпом, жать хлеб и не имеют никакого понятия о хозяйственной уборке хлеба, а хотя некоторые из них и засеивали хлеб на прежних местах, но как посев, так и уборку делали наймом русских работников»²³⁴. В том же 1843 г. оставшиеся свободными 322 тыс. дес. земель калмыков в Самарской губернии были переданы из военного ведомства в распоряжение Министерства государственных имуществ, а затем разделены между сельскими обществами крестьян-переселенцев из Новгородской, Пензенской, Тульской, Курской, Владимирской и других губерний²³⁵.

В середине XIX в., когда отпала надобность в военной охране приграничных казахских степей, правовое положение башкир и мишарей было в корне изменено. В мае 1863 г. император Александр II издал новое Положение о башкирах, согласно которому «инородцы, известные как башкиры, мешеряки, тептяри и бобыли», получили гражданское устройство в качестве свободных сельских жителей и права, дарованные крестьянам реформой 1861 г.²³⁶ Башкиры и мишари, причисленные к военному ведомству и несшие сторожевую службу «за свой счет», были переведены на денежный оброк²³⁷. Военные обязанности коренного населения постепенно заменялись земледельческими: работами на пашне в войсковом хозяйстве, обеспечением городов дровами и лесоматериалами, строительством дорог. В 1865 г. была упразднена кантонная система управления башкирами и ликвидировано Башкирское казачье войско, находившееся в северной части Оренбургского генерал-губернаторства. Правительство устранило подчинение башкир военным властям и передало их под юрисдикцию МВД и гражданских губернаторов; на башкирское население было распространено волостное и земское самоуправление, а с 1874 г. башкиры стали

проходить воинскую службу наравне с другими крестьянами. Большинство старшин кантонов получило дворянский статус и тем самым вошло в состав имперской элиты²³⁸.

Своеобразным «маркером» внутренних губерний²³⁹ было наличие в них помещичьих хозяйств. В Казанской, Симбирской губерниях, на Самарской Луке помещичье землевладение возникло еще в XVII – XVIII вв. в результате крупных пожалований. В Заволжье и Приуралье пожалования из фонда свободных государственных земель продолжались вплоть до 1880-х г. особенно в зоне рискованного земледелия. Только в 1840–1860-е гг. в Самарской губернии помещикам было отдано 830 715 дес. земли²⁴⁰. Переселяли сюда обедневших дворян Рязанской, Симбирской, Тульской и других губерний европейского центра. Инициаторами мероприятия выступали дворянские собрания центральных губерний, а финансировало его правительство.

В Уфимской губернии помещичье землевладение прирастало за счет дешево купленных башкирских вотчинных земель; в качестве покупателей могли выступать отставные чиновники, офицеры и «лица более заслуженные», для которых были установлены льготные условия, а также и представители коренных народов преимущественно из кантонных начальников²⁴¹. Хищническая распродажа башкирских земель набрала обороты после проведения реформ 1860-х гг.; это было выявлено в ходе сенаторских ревизий 1880–1881 гг., осуществленных по инициативе министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова. Результаты расследования вызвали громкий скандал в высших сферах империи: подать в отставку «по нездоровью» были вынуждены председатель Совета министров П.А. Валуев и министр государственных имуществ кн. А.А. Ливен²⁴². Обманная для башкир продажа земли, продолжавшаяся почти десять лет, была прекращена специальным Положением 3 мая 1881 г. Таким образом, в Поволжье и Приуралье развитие земледелия шло за счет сокращения землевладения и кочевого хозяйства коренных народов. Поэтапное наступление на кочевое хозяйство, сокращение пространства для кочевий и насаждение земледелия в регионе велось как до, так и после крестьянской реформы 1861 г.

Можно констатировать, что вследствие целенаправленной политики имперского правительства уже к середине XIX в. на Юго-Востоке Европейской России постепенно сложилась социальная и хозяйственная структура, аналогичная структуре деревни центральной европейской части страны. Укоренение здесь русского крестьянского хозяйства и помещичьего землевладения, развитие преиму-

щественно русского земледелия взамен кочевого хозяйства коренных народов способствовали изменению статуса региона в империи. Это дает основания согласиться с точкой зрения исследователей, что правящие круги империи не отказывались от перспективы расширения имперского ядра России за счет Среднего и Нижнего Поволжья (так называемая перспектива двойного расширения империи)²⁴³.

Во второй половине XIX – начале XX в. в российской деревне были реализованы две крупнейшие земельные реформы, которые объективно должны были ускорить процесс модернизации аграрного сектора экономики страны. Реформа 1861 г. превращала крепостных в «свободных сельских обывателей», дала им возможность выкупить часть помещичьей земли в общественную собственность; столыпинская аграрная реформа взамен коллективного крестьянского землевладения насаждала индивидуальное. При всем различии этих преобразований в их главном назначении видится общая черта: имперская власть стремилась сохранить землевладение «первенствующего сословия» – дворянства, укрепить его экономические позиции в сельском хозяйстве. Средства решения аграрных проблем имперская власть опробовала различные, опираясь первоначально на крестьянскую общину, а затем на индивидуальное хозяйство²⁴⁴.

Экономические результаты реформы 1860-х гг. были далеко не однозначными: конкретные условия, на которых происходила отмена крепостного права, привели к углублению социальной дифференциации крестьянства. Так, помещичьи крестьяне до 1860-х гг. пользовались землей в большем размере, чем они получили по реформе. В Казанской, Самарской, Саратовской губерниях уменьшение крестьянских наделов в результате реформы (так называемые «отрезки») составило 11–16 %²⁴⁵, в Уфимской губернии 14,4 %²⁴⁶, в Симбирской губернии – около 28 % ранее находившейся в их пользовании земли²⁴⁷. Удельные и государственные крестьяне, которых в Поволжье и Приуралье было большинство, после реформ 1863–1866 гг. оказались чуть в лучшем положении: им были оставлены прежние душевые наделы. В Поволжье некоторые бывшие государственные крестьяне сумели увеличить размеры общинного землевладения за счет покупки близлежащих земель (особенно в Казанской, Саратовской губ.)²⁴⁸.

Особенностью проведения крестьянской реформы в Среднем Поволжье и Заволжье был массовый переход крестьян на так называемые «дарственные» наделы, которые составляли четверть от выс-

шей нормы надела и передавались крестьянам по соглашению с помещиками немедленно и безо всякого выкупа. Как правило, помещичьи крестьяне соглашались на дарственный надел в надежде на дешевый арендный фонд, в том числе из государственных земель. Требования немедленного перевода на дарственный надел зачастую выдвигались во время «аграрных беспорядков» в ходе проведения реформы²⁴⁹. У таких крестьян-дарственников уменьшение землепользования в Казанской, Симбирской и Саратовской губерний составило около 76 %, в Уфимской губернии особенно много потеряло горнозаводское население (до 86 %). В 1881 г. правительственная комиссия установила плачевное положение селений, вышедших на дарственный надел; ухудшение экономического положения дарственников объяснялось быстрым заселением края, сокращением резерва свободных земель и обусловленным этим ростом продажных и арендных цен на землю. Реализация имперской аграрной политики на практике привела к оскудению крестьянских бюджетов, что обусловило экстенсивное развитие всех отраслей крестьянского хозяйства вплоть до начала XX в.

Как показывает исследование П.И. Савельева, в результате крестьянской реформы к концу XIX в. в Поволжье сложились принципиально разные пути аграрной эволюции – при общей «подвижке вниз» в структуре аграрного строя. В «помещичьей» зоне (большая часть Пензенской, Симбирской и Саратовской губерний, Свияжский и Лаишевский уезды Казанской губернии) основная масса крестьян составляла разряд малосильных хозяев, как бы застыв на грани необратимой пауперизации, а помещичье хозяйство катастрофически разорялось. В «крестьянской» зоне, более свободной от помещичьего землевладения (большая часть Казанской и Самарской губерний, Наровчатский уезд Пензенской губернии, Буинский уезд Симбирской губернии, Камышинский уезд Саратовской губернии), «подвижка вниз» была выражена слабее, преобладал семейно-трудовой тип крестьянского общинного хозяйства, не подвергшийся заметной капитализации. Наконец, в «фермерской» зоне (Бузулукский, Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии, Царицынский и Хвалынский уезды Саратовской губернии) основным экономическим типом было крепкое крестьянское хозяйство с частичным применением наемного труда; складывался также небольшой слой хозяев-хуторян, напоминавший капиталистов-фермеров, а крупное частновладельческое хозяйство этой зоны (в том числе дворянское) напоминало «пшеничные фабрики» западных штатов США²⁵⁰.

Важным направлением государственной политики в правление Александра III стали реформы в сфере управления на «низовом» сельском уровне. Закон 12 июля 1889 г. ввел институт земских участковых начальников, которые заменили мировых судей, непременных членов и уездные по крестьянским делам присутствия. В обязанности этим должностным лицам, назначавшимся министром внутренних дел из числа местных потомственных дворян, вменялся надзор за деятельностью крестьянских органов самоуправления; земский начальник наделялся широкими судебными и административными полномочиями²⁵¹. Дореволюционная либеральная историография (а вслед за ней – и советская) воспринимала этот закон Александра III как ярчайший пример контрреформ, как симптом поворота власти вспять от принципов реформы 1861 г. и одновременно как попытку «обеспечить помещикам-дворянам возможность не только выгодно вести свое хозяйство, но и занимать в местной жизни почетное и влиятельное положение»²⁵². Однако, как представляется, было бы слишком односторонне трактовать создание этого института как акт насилия и произвола со стороны государства; прежде всего власть пыталась с помощью участковых начальников усилить контрольно-надзирательные функции за деятельностью органов местного самоуправления, по инерции осуществляя политику патернализма в отношении «сельских обывателей»²⁵³.

Важными органами осуществления государственной экономической политики становятся созданные в 1883 г. Дворянский земельный банк, выдававший дворянам ссуды на льготных условиях под залог их земельных владений, и Крестьянский Поземельный банк, предназначенный для выдачи ссуд под залог приобретаемой крестьянами земли. Создание Дворянского земельного банка рассматривалось правительством как способ остановить (или, по крайней мере, существенно замедлить) убыль дворянского землевладения. Как показывают исследования, Дворянский банк не смог бы существовать без финансовой поддержки со стороны казны: операции с ценными бумагами Дворянского банка взял на себя Государственный банк России, осуществлявший эти операции за счет собственных наличных средств и даже сокращавший в этих целях прибыльные для себя операции по кредитованию торговли и промышленности²⁵⁴.

Земли несостоятельных должников могли перепродаваться в кредит крестьянам при посредничестве Крестьянского Поземельного банка. Региональные представительства Крестьянского Поземельного банка, действовавшие в Самарской, Саратовской и Симбирс-

кой губерниях, заметно активизировали свою деятельность после банковской реформы 1895 г., предоставившей местным отделениям значительную самостоятельность; так, если до 1895 г. в Среднем Поволжье из общей прибыли крестьянского землевладения на долю покупок с помощью банка пришлось 37 % площади, то в период с 1895 по 1905 гг. уже 89,7 % всех купленных крестьянами земель пришлось на сделки через Крестьянский банк²⁵⁵. Социальная направленность банковской политики при этом оставалась неизменной: основными клиентами банка на тот период были сельские общества, товарищества и зажиточные крестьяне.

И все же убыль дворянского землевладения остановить не удалось. По подсчетам самарских исследователей, в пяти губерниях Среднего Поволжья (Казанской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской) 1791,6 тыс. дес. земли было утрачено дворянами за период 1863–1882 гг. и 1918,8 тыс. дес. – за период 1883–1902 гг., уже после открытия Дворянского банка. Основная масса утраченных дворянами земельных площадей пришлась на многоземельные Самарскую и Саратовскую губернии²⁵⁶. Тем не менее, в целом эти процессы не привели к существенным изменениям в аграрном секторе: даже к 1914 г. удельный вес дворянского землевладения в общей массе частновладельческой земли составлял в Поволжье свыше 40 % (за исключением Самарской губернии)²⁵⁷.

В начале XX в. правительство ставит задачу разработки новой аграрной политики. С этой целью в 1902 г. практически одновременно были созданы два альтернативных центра обсуждения крестьянского вопроса: особая комиссия по пересмотру законоположений о крестьянах под руководством министра внутренних дел Д.С. Сипягина (после гибели Д.С. Сипягина от рук террориста она была преобразована в Редакционную комиссию министерства внутренних дел по пересмотру крестьянского законодательства во главе с товарищем министра А.С. Стишинским) и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности во главе с министром финансов С.Ю. Витте. Результатом их работы стало принятие нескольких важных законодательных актов 1903–1906 гг., которые, по мнению современных исследователей, фактически подготовили основу для аграрной реформы П.А. Столыпина²⁵⁸. Эти законы существенно смягчали правовые ограничения, налагавшиеся на крестьянское сословие; в числе принятых тогда актов – отмена круговой поруки, признание за отдельными крестьянами возможности выхода из общины (в соответствии с Манифестом 26 февраля 1903 г.); закон о переселении (6 июня 1904 г.), фактически легализовавший

самовольное переселение; снижение наполовину выкупных платежей по Манифесту 3 ноября 1905 г. (полностью они были отменены с 1 января 1907 г.). 8 января 1904 были учреждены чиновничье-дворянские губернские совещания для обсуждения подготовленного министерством внутренних дел проекта нового законодательства о крестьянах, которые затем представили в Земский отдел МВД под руководством В.И. Гурко конкретные предложения о выходе из общины, о создании хуторских и отрубных хозяйств. Тем самым были заложены основы для реализации новой аграрной политики и подготовлена почва для создания нового правового поля — столыпинского земельного законодательства.

Результатом изменений в структуре землевладения и землепользования, накапливавшихся в течение всего пореформенного периода, стало экономическое и социальное размежевание, обострение проблемы крестьянского «малоземелья», что привело к массовым протестным выступлениям крестьян в ходе революции 1905–1907 гг., к их борьбе за помещичьи земли. В этой ситуации власть не могла больше медлить с введением в жизнь нового аграрного законодательства. Ответом правительства П.А. Столыпина на «аграрные беспорядки» стали Указ 9 ноября 1906 г., а затем принятый III Государственной Думой закон 14 июля 1910 г., изменившие приоритеты аграрной политики: правительство отказывалось от прежнего курса консервации общины и перешло к ее насильственной ломке²⁵⁹.

По итогам столыпинской реформы в Уфимской губернии 12,8 % хозяйств (55 495) укрепили в личную собственность 11,6% земли (691 289,9 дес.)²⁶⁰. В Казанской губернии выделилось на хутора и отруба всего 8,8 % хозяйств (5,1 % земли), в Симбирской 12,9 % дворов (18 % земли). В Саратовской губернии вышло из общины 27,9 % крестьянских хозяйств. Наиболее успешным проведение реформы следует признать в Самарской губернии, где крестьяне (49,4 %) укрепили в личную собственность до 30,9 % общинной земли²⁶¹.

Успешная реализация столыпинской аграрной реформы зависела от многих факторов: уровня товарности крестьянских хозяйств, степени близости или удаленности поселений от рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, сохранения в инонациональной деревне сложных (однопланых) общин, уровня информированности крестьян о проводимой реформе и др. На принятие крестьянами решений о выходе из общины оказывала влияние сельская поземельная община, которая в условиях проведения новой имперской аграрной политики стала вырабатывать защитные меры для сохранения сельского мира и общинного землевладения, что нашло от-

ражение в отказах сельских сходов в составлении приговоров об укреплении земельной собственности отдельным домохозяевам, а также в иных формах социальных протестных действий²⁶².

Мотивы, побуждавшие крестьян к выходу из общины, могли быть различными. Земельные наделы укрепляли в личную собственность три группы хозяйств: беднейшие – с целью продажи и переселения на банковские земли и в Сибирь, средние – для улучшения землепользования и зажиточные – для закрепления за собой излишков земли²⁶³. Ход реформы определялся и тем, насколько прочны были в тех или иных регионах общинные традиции. Можно признать оправданным призыв пензенской исследовательницы О.А. Суховой при оценке хода и результатов столыпинской реформы не забывать «о “разности потенциалов” отдельных регионов к моменту начала реформационных преобразований, о возможном своеобразии “картин мира” крестьянских сообществ в Центре России и на окраинах империи»²⁶⁴. Так, «в Степном Заволжье, куда входили Новоузенский, Николаевский, Бузулукский и Бугурусланский уезды Самарской губернии, сельская поземельная община не успела сложиться в прочный поземельный союз и лишь формально выполняла свои функции»; именно в этих уездах наиболее высок был процент «выделенцев» из общины²⁶⁵. Кроме того, как показывают исследования, по доле семей, вышедших из общины, русские крестьяне заметно опережали своих соседей – представителей других национальностей; татарская, марийская, чувашская деревня Поволжья оставалась оплотом традиционных общинных отношений²⁶⁶.

К 1917 г. общинное землевладение все еще преобладало в Казанской (58,3 % всех земель) и Саратовской (65,1 %) губерниях, существенную роль играло в Симбирской (43,7 %)²⁶⁷. Таким образом, индивидуальное землевладение в регионе не стало преобладающим: наибольшую поддержку идеи столыпинской реформы встретили в районах торгового зернового земледелия.

Экономическое стимулирование реформы осуществлял Крестьянский поземельный банк. Главным результатом работы этого государственного института в Поволжье можно считать контроль за земельным рынком. За годы революции 1905–1907 гг. в Среднем Поволжье Банк приобрел более 1 млн дес. земли, в том числе часть государственной и удельной, удержав их от спекуляции и большого роста цен. Кроме того, банк выступал посредником при продаже помещичьих земель крестьянам, выделявшимся на хутора или отруб²⁶⁸. За период 1906–1917 гг. с помощью банка в Среднем Поволжье было приобретено 88,9 % всей купленной крестьянами зем-

ли²⁶⁹; одновременно изменилась социальная направленность кредита: банк стал отдавать предпочтение главным образом единоличным покупателям, стремясь к тому, чтобы на бывшей банковской земле возникли участковые – хуторские хозяйства. По сути переустройство не затрагивало дворянской экономики, индивидуальное крестьянское землевладение росло за счет государственных и проданных к этому времени дворянских земель.

Бесспорным результатом аграрного переустройства в крае стало развитие кооперации – кредитных кооперативов и ссудосберегательных товариществ. В Самарской губернии кредитные кооперативы охватывали 43 % сельского населения преимущественно степных районов. Появились первые сельскохозяйственные кооперативы по совместному сбыту, хранению или залогу зерна, некоторые из них имели всероссийскую известность²⁷⁰. Эти и другие факторы, несомненно, оказывали воздействие на крестьянское хозяйство, которое к 1917 г., по оценкам видного ученого-экономиста А.В. Чайнова, стало «не то, каким было крестьянское хозяйство 1905 года... Иначе обрабатываются поля, иначе содержится скот. Крестьяне больше продают, больше покупают. Крестьянская кооперация покрыла собой нашу деревню и переродила ее. Стал развитее и культурнее наш крестьянин»²⁷¹.

Переселенческое движение в регионе в период столыпинской реформы также отличалось своей спецификой. Самарская губерния, заняв четвертое место, вошла в «первую пятерку» губерний Европейской России по масштабам переселения: из Самарской губернии выехало за Урал (по данным челябинского пункта регистрации) 104,5 тыс. чел. Седьмое место по численности переселенцев заняла Саратовская губерния (69,4 тыс. переселенцев), восьмое – Пензенская губерния (62,6 тыс. переселенцев). Существенным был поток переселенцев из Уфимской (43,5 тыс. чел.), Казанской (38,6 тыс. чел.) губерний; заметно меньшим – из Симбирской (27,6 тыс. чел.) и Оренбургской губерний (24,5 тыс. чел.)²⁷². При этом Самарская губерния играла роль транзитного узла, через который шло движение переселенцев по волжскому речному пути, по Самара-Златоустовской железной дороге (в Сибирь) и Ташкентской железной дороге (в Тургайскую область). Как отмечал и.о. Самарского губернатора С.П. Белецкий весной 1907 г., «все многочисленное движение за Урал, а равно и обратное движение переселенцев проходит по территории губернии... Самара участвует в переселенческом движении уже не просто как транзитная станция, но и как отправительница, притом весьма крупная»²⁷³. Таким обра-

зом, в начале XX в. регион, население которого ранее интенсивно пополнялось за счет миграции, сам превратился в источник переселенцев, в своеобразный плацдарм по освоению Сибири, Алтая и Северного Казахстана.

Возможно, на проведение столыпинских преобразований аграрного сектора в Среднем Поволжье и Заволжье повлияло и то, что сам реформатор несколько лет являлся саратовским губернатором (1903–1906 гг.), а также владел и довольно успешно управлял несколькими имениями в Казанской, Пензенской и Саратовской губерниях²⁷⁴. П.А. Столыпин был хорошо осведомлен об уникальном плодородии лесостепного Заволжья и о возможности использования местных черноземов для интенсивного развития сельского хозяйства. В ходе предпринятого им в 1910 г. объезда «наиболее выдвинувшихся по количеству работ землеустроительных районов» главу правительства настолько поразили первые положительные результаты реформы, что он, по словам А.Н. Наумова, не удержался и спросил сопровождавшего его губернатора: «Не по Потемкинскому ли способу создались все эти новенькие хутора?»²⁷⁵.

В целом, оценивая аграрные преобразования второй половины XIX – начала XX в., необходимо отметить их прогрессивный, но ограниченный характер. Реформаторство, вынуждаемое обстоятельствами, неспособность к радикальным переменам в организации и управлении сельской жизнью, искренняя вера российской бюрократии в то, что все зависит от ее воли, порождали упрощенные и безальтернативные варианты переустройства, которые далеко не обнимали собой всех проблем многоликой деревни.

Начавшиеся в ходе Великих реформ модернизационные процессы оказали сильнейшее влияние на развитие экономического потенциала региона во второй половине XIX – начале XX вв. Новые перспективы сулили теперь культивирование земледелия, которое создавало благоприятные перспективы для развития в крае товарного производства зерна с последующей промышленной переработкой. Это неминуемо обозначало новое направление имперской политики – изыскание современных способов связи богатого хлебом региона с империей. Такими способами стало содействие развитию парового судоходства по Волге и железнодорожное строительство.

Роль железнодорожного строительства в модернизации пореформенной России была колоссальной. М.Х. Рейтерн, министр финансов в правительстве Александра II, был убежден, что стабилизировать курс российского рубля можно прежде всего путем «усиления вывоза главного предмета нашей заграничной торговли, рус-

ского хлеба»²⁷⁶; для интенсификации же хлебного экспорта была необходима постройка сети железных дорог. Говорить о наличии какого-либо «генерального плана» железнодорожного строительства применительно к тем временам было бы не оправдано. Правительство скорее формировало систему приоритетов; его политика по привлечению частных капиталов в железнодорожное строительство путем создания акционерных компаний и предоставления выгодных концессий породила множество злоупотреблений, но в конечном счете оказалась плодотворной. 1860–1870-е гг. вошли в историю страны как время «рельсовой лихорадки», и европейская часть России была достаточно быстро оплетена сетью железных дорог.

Первоначально, в 1860-е гг., железнодорожное строительство имело целью соединение центра империи с хлебными районами страны. К началу 1870-х гг. вопрос стоял уже о создании железнодорожного сообщения между европейской и азиатской частями империи. В 1874 г. началось строительство Оренбургской железной дороги от правого берега Волги (ст. Батраки) через Самару до Оренбурга, с мостом через Волгу. В 1880 г. был сооружен Сызранский (Александровский) железнодорожный мост через Волгу, соединивший центральные районы страны и богатое зерном Среднее Поволжье. Транспортные магистрали связали Поволжье практически со всеми частями Российской империи.

Магистрали в Сибирь и Среднюю Азию строились исходя из военно-стратегических интересов: 1860–1880-е гг. вошли в историю Российской империи как период завоевания Средней Азии, создания Туркестанского генерал-губернаторства, системы вассальных государств. На рубеже XIX–XX вв. империя активизировала свою дальневосточную и тихоокеанскую политику, стараясь укрепиться в регионе сначала торговыми, а затем и военными методами. Через Самару прошел головной участок Сибирской магистрали, началось строительство ответвленной железнодорожной линии в Среднюю Азию, на Ташкент. В русско-японскую войну по Сибирской магистрали отправляли военные грузы, везли раненых. Все, что происходило в империи, виделось воочию. Поволжье перестало ощущаться окраиной, росла его значимость как транзитного, промежуточного между центром и периферией региона.

По признанию С.Ю. Витте, с конца 1880-х гг. правительство стало рассматривать железные дороги «как первостепенные орудия государственности», и этим было обусловлено «предпочтение казенному железнодорожному строительству и эксплуатации перед строительством и эксплуатацией частных обществ»²⁷⁷. Переход железнодорожного дела в руки казны был особенно важен при строи-

тельстве «массы политических и стратегических дорог», которые, как признавал сам Витте, «в первые десятки лет, во всяком случае, в первые годы не могут давать дохода»; прежде всего это относилось «к тем чисто стратегическим дорогам, которые идут к западной границе, также Сибирская железная дорога и вообще весь великий Сибирский путь, идущий до самого Владивостока»²⁷⁸.

Современная транспортная инфраструктура в крае была создана за счет финансовых и промышленных ресурсов центра. В конце XIX в. во всех губернских центрах, крупных железнодорожных станциях и даже торговых селах наряду с отделениями Государственного банка действовали филиалы крупных коммерческих банков. Русский торгово-промышленный банк помимо губернских центров имел в Поволжье (1909 г.) 14 филиалов, а Волжско-Камский – 5²⁷⁹. Это свидетельствует о том, что Поволжье в начале XX в. было тесно вплетено и в единую сеть финансово-кредитного рынка Российской империи. Кругооборот капитала осуществлялся через отток средств из местных отделений Государственного банка и активный приток в поволжские отделения коммерческих банков²⁸⁰. Ускорение оборота капитала наблюдалось преимущественно в хлебной торговле. Наибольшую активность в организации кредита под залог зерна и муки, комиссионных операций и самостоятельного сбыта зерна в крае проявили Волжско-Камский, строивший собственные хранилища, Азовско-Донской, Русско-Азиатский, Русский торгово-промышленный банки. Приток государственных и частных инвестиций отозвался последующими поставками многообразных продовольственных ресурсов не только в центральные районы страны, но и на экспорт.

Первыми экономические выгоды новых путей сообщения ощутили Саратов и Царицын, в 1890-е – Самара и Сызрань. Царицын стал центром тяготения товарных грузов из районов Придонья, Самара и Саратов – Среднего Поволжья. Казань, попадавшая в проекты соединения ее с северо-восточными территориями, постепенно становилась центром Волжско-Камского региона, создавая поле тяготения для Вятской и Архангельской губерний. Торговое значение Симбирска, не получившего вплоть до первой мировой войны железнодорожного сообщения со столицами, снижалось.

После принятия тарифных постановлений 1893 г. произошел своеобразный раздел сфер влияния между производителями хлеба: «международный рынок открывался для земледелия российских окраин», среди которых видное место заняло Поволжье²⁸¹. Поволжье и Приуралье прочно закрепили за собой на российском рынке зерновывозящую специализацию. Доля товарного хлеба составляла 54,2 %

от среднегодового сбора. В предвоенное пятилетие вывоз зерна и муки водным и железнодорожным транспортом за пределы Самарской, Саратовской, Симбирской, Казанской и Пензенской губерний составил 205,4 млн пуд в год (с учетом транзита 255 млн пуд.)²⁸².

География вывоза волжского хлеба в начале XX в. была чрезвычайно разнообразна; главные направления грузопотоков шли на северо-запад (в Ревель и Новый порт), в центральные регионы страны (Москву и Московскую губернию); саратовские и самарские хлеба поступали также на север (Архангельск, Вологду) и запад (Минск, Чернигов, Курск, Орел). Как констатировали современники, «хлеб проходил здесь самые длинные расстояния, через всю Россию, почти по параллелям, пользуясь Волгою с системою каналов и поперечными железнодорожными линиями, соединявшими Волгу от Казани, Симбирска, Самары, Саратова и Царицына с обеими столицами, балтийскими портами и сухопутной границей»²⁸³. С начала XX в. определилось еще одно направление сбыта самарского и оренбургского зерна – в Среднюю Азию. В Поволжье из центральных регионов поступали промышленные товары, машины и сельхозтехника, пользовавшиеся большим спросом в фермерских хозяйствах степных районов.

Заключительным шагом в процессе втягивания региона в экономическое пространство империи стало создание единой системы сортировки, очистки и хранения зерна. В 1910 г. была принята правительственная программа строительства за счет средств Государственного банка сети элеваторов (81 на первом этапе и 77 на втором) в хлеботорговых губерниях страны, в т. ч. Самарской, Уфимской, Оренбургской, Пензенской, Казанской и др. Накануне первой мировой войны в Заволжском и Юго-восточном районах имелось 139 кооперативных зернохранилищ²⁸⁴, 355 частных²⁸⁵, несколько десятков земских складов общего пользования, амбары и склады при железных дорогах. Создание общероссийской железнодорожной и элеваторной инфраструктуры показывает, что имперский центр явился главным и активным участником создания общеимперской системы хлебных перевозок, основанной на рыночном обороте государственных и частных капиталов.

Можно заключить, что отражением существенных, структурных перемен в социально-экономической жизни региона стали административно-территориальные преобразования, осуществленные в Среднем Поволжье и Заволжье в 1850–1880-е гг. Активная земельная колонизация края, поддерживавшаяся и регулировавшаяся «сверху», привела к превращению его в зернопроизводящий регион, к вытеснению традиционного кочевого хозяйства и – что

следует особо отметить – к становлению в Среднем Поволжье и Заволжье системы крестьянских и помещичьих хозяйств, сходной с той, которая сложилась к тому времени в центральных регионах империи.

Тем самым была подготовлена объективная основа для распространения на регион общеимперских методов управления, для осуществления здесь реформ Александра II по общероссийскому сценарию, что проводило заметную грань между Средним Поволжьем и Заволжьем, с одной стороны, и Сибирью и Степным регионом – с другой. В ходе проведения реформ губернии Среднего Поволжья и Заволжья обрели управленческие структуры и институты местного самоуправления, идентичные тем, которые существовали в имперском «ядре». В свою очередь, наличие в регионе резерва степных земель предопределило специфику осуществления здесь реформ 1860-х гг. и столыпинской аграрной реформы: в степных уездах Самарской губернии быстрее шло формирование хозяйства фермерского типа, а идея выхода из общины и перехода к индивидуальному землевладению встретила гораздо более широкую поддержку крестьян, чем в других губерниях и уездах региона.

В пореформенный период, благодаря созданию модернизированной транспортной и финансовой инфраструктуры, определилось место Среднего Поволжья и Заволжья в системе межрегионального разделения труда в Российской империи. Основной экономической специализацией региона стало снабжение страны хлебом, обеспечение зернового экспорта России. Это неизбежно выдвинуло на первый план проблемы дальнейшего аграрного развития региона, поиска путей урегулирования социальных конфликтов в пореформенной деревне, что было актуально тогда и для всей страны.

Как можно констатировать, общая канва интеграции Поволжья и Приуралья в имперское пространство России складывалась в определенную последовательность, сходную с тем, что отметили современные исследователи относительно других регионов: первоначальное освоение, создание военно-промышленных опорных пунктов, хозяйственная колонизация, экономическое освоение, определение административно-политического статуса, поглощение региона путем создания унифицированных управленческих структур²⁸⁶. Особенностью регионального развития была скорость, с которой Поволжье и Приуралье превратились во внутреннюю часть страны: изменение статуса региона в составе империи, его преобразование во «внутреннюю окраину» было неразрывно связано с экономической и социокультурной модернизацией страны, развернувшейся во второй половине XIX – начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 144; История внешней политики России. Конец XV–XVII век (от свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 130–132; Бахтин А.Г. XV – XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 113, 118–120; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 610. Но ряд историков, например С.Х. Алишев, придерживаются противоположной точки зрения. См.: Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 157–158.

² Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 156.

³ Там же. С. 219.

⁴ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489 – 1508 гг. М., 1984. С. 40.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 66.

⁷ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 137–138, 140.

⁸ Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV – XVI вв.: автореф ... дис. д-ра ист. наук. М., 2001.

⁹ Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. №5. С. 65, 67–68; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1996. С. 28.

¹⁰ Каппелер А. Указ. соч. С. 21–22, 154. На наш взгляд, это произошло значительно раньше середины XIX в.

¹¹ Филюшкин А.И. История одной мистификации. Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 133. Ряд историков считает, что в политике Москвы по отношению к Дикому Полю проявлялось ее желание стать наследницей Золотой Орды. «Стремление Москвы овладеть землями Джучиева улуса и таким образом стать наследницей этого государства достигло своего апогея к середине XVI в.». См.: Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 172.

¹² Котляров Д.А. О ритуальном поведении Ивана IV в Казанском походе 1552 года // Вестник УдГУ. 2012. Вып. 3. С. 99–101.

¹³ Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 397.

¹⁴ В отличие от российских, западные исследователи не обнаруживают таких устремлений со стороны Османской империи. См.: Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – перв. пол. XVI вв.). Очерки. М., 2004. С. 40.

¹⁵ См. например: Беседа В. Трепавлова с М.А. Усмановым «Соседи называли их «тиранами» // Родина. 1997. № 3–4. С. 43–44.

¹⁶ Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – перв. пол. XVI вв.). Очерки. М., 2004. С. 205–206. И. В. Зайцев в своей работе подробно анализирует ход научной дискуссии по этому вопросу. Поэтому мы ограничиваемся только кратким экскурсом и отсылаем всех интересующихся к его книге (см.: С. 11–48).

¹⁷ Ермолаев И. П. Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования. Взгляд на проблему. Казань, 2004. С. 304.

¹⁸ Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV – XVI вв. Казань, 2009. С. 141.

¹⁹ Чеченков П. В. Военная служба на Казанском рубеже в середине XVI в. // Марийский археографический вестник. 2013. № 23. С. 10–11.

²⁰ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 563.

²¹ Трепавлов В.В. Указ. соч. М., 2001. С. 646.

²² Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012. С. 222–224.

²³ А.В. Виноградов считает, что коренной перелом в борьбе за «му-сульманские юрты» произошел после 1572 г. См.: История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 192.

²⁴ Демидова Н.Ф. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI – XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 266–267; Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII – XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С. 28–29.

²⁵ Чеченков П.В. Военная служба на Казанском рубеже в середине XVI в. // Марийский археографический вестник. 2013. № 23. С. 14.

²⁶ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 36.

²⁷ Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 46; Лебедев В. И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С. 22–33; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. С. 36; Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. Чебоксары, 2012. С. 18–24.

²⁸ Беляев И.Д. Указ. соч. М., 1946. С. 46.

²⁹ Лебедев В.И. Указ. соч.; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Казань, 1982. С. 36; Кочетков В.Д. Город-

крепость на Суре. Очерки истории Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. Чебоксары, 2012. С. 18–24.

³⁰ Липинский А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. СПб., 1868. Ч. 1. С. 11.

³¹ Дубман Э.Л. Южное Средневожье в конце XVI – начале XVIII вв.: промысловые отрасли и земледельческое производство во владениях крупнейших предпринимателей // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков аграрников среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. / отв. ред. Э.Л. Дубман. Самара, 2007; Его же. Источниковедческие аспекты изучения миграционных и демографических процессов на территории Южного Средневожья в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. XXXII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений, Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010. С. 26–28.

³² Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 283–286; Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века: сборник научных работ Мордовского государственного педагогического института. Саранск, 1949. С. 43, 48–49; Кочакаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVII вв. Алма-Ата, 1988. С. 77–96.

³³ Дубман Э.Л. Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2 (93). С. 30–35.

³⁴ Акты Московского государства. Разрядный приказ. Московский стол. СПб., 1890 (далее – АМГ). Т. 1. № 4,9,18 и др.; Беляев И. Указ. соч. С. 7–35; Марголин С. Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века. Сторожевая и станичная служба и засечная черта // Военно-исторический сборник. Труды Государственного исторического музея. М., 1948. Вып. XX. С. 3–12.

³⁵ Вниз по Волге станицы этого головы ездили «до верх Балыклея», т. е. до вершин р. Балыклейки, впадающей справа.

³⁶ Акты Московского государства (Далее АМГ). Т. 1. СПб., 1890. № 4. С. 6.

³⁷ Там же. С. 6.

³⁸ АМГ. Т. 1. СПб., 1890. № 4, 9, 18 и др.; Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1848. С. 7–35; Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века. Сторожевая и станичная служба и засечная черта // Военно-исторический сборник. Труды Государственного исторического музея. М., 1948. Вып. XX. С. 3–12.

³⁹ АМГ. 1890. Т. 1. СПб., № 14. С. 17.

⁴⁰ АМГ. Т. 1. № 31. С. 57–60.

⁴¹ Цит. по: Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 302–303.

⁴² Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 565.

⁴³ Там же. С. 52.

⁴⁴ Дмитриев В.Д. Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI – начале XVII веков // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1981. С. 20.

⁴⁵ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 52.

⁴⁶ Фрагмент об организации и функциях приказа Казанского дворца подготовлен совместно с Е.М. Малинкиным.

⁴⁷ См.: Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 5-е изд. М., 1995. С. 69

⁴⁸ См.: Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР: учебное пособие. М., 1973. С. 105.

⁴⁹ Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса // Классы и сословия России в период абсолютизма: межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1989. С. 7.

⁵⁰ Котошихин Г.К. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI–XVII вв. М., 1984. С. 245.

⁵¹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 125; Гераклитов И.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 43.

⁵² Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 245–246.

⁵³ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 24.

⁵⁴ Там же. С. 44.

⁵⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. (далее ПСЗ-1). Т. 1. № 460. 29 ноября 1669 г. См.: также: Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 36–37.

⁵⁶ Богоявленский С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М., 2006. С. 75–78.

⁵⁷ Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса // Классы и сословия России в период абсолютизма: межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1989. С. 11.

⁵⁸ За исключением, пожалуй, Сибирского приказа.

⁵⁹ Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса // Классы и сословия России в период абсолютизма: межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1989. С. 12.

⁶⁰ Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI–XVII вв. М. 1984. С. 245.

⁶¹ Ермолаев И.П. «Казанский разряд» как элемент государственного управления Средним Поволжьем // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова. М., 1997. Ч. II. С. 400, 412–413 и др.

⁶² Там же. С. 417.

⁶³ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 55.

⁶⁴ Каштанов С.М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. (по актовому материалу) // Из истории Татарии. Сб. IV. Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Казань, 1970. Вып. 80. С. 187–188.

⁶⁵ Вряд ли можно согласиться с мнением, что в рассматриваемый период проводилась «агрессивная миссионерская политика в присоединенной Казани». См.: Гальперин Ч. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе // Американская русистика: веки историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: антология. Самара, 2001. С. 89.

⁶⁶ Этот термин получил широкое развитие в современной западной историографии России.

⁶⁷ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 14. С. 36.

⁶⁸ Пискаревский летописец // Материалы истории СССР. II. Документы по истории XV – XVII вв. М., 1955. С. 88.

⁶⁹ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005. С. 59–63.

⁷⁰ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 646.

⁷¹ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005. С. 71, 82, 85 и др.

⁷² Ряд исследователей считает, что реальный процесс вхождения Башкирии в состав Российского государства происходил в течение второй половины XVI – первой трети XVIII вв. См., например: Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией 1552–1740. Страницы истории империализма. М., 1995.

⁷³ Ендиряков В.А. Этническая характеристика участников массового народного движения в Среднем Поволжье в годы Первой крестьян-

ской войны // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986. С. 8, 13; Айплатов Г.Н. Марийский край в составе Российского государства второй половины XVI – начала XVIII веков: проблемы социально-экономической и политической истории: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2002. С. 30–31.

⁷⁴ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 41–48; Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л. Самара в Смутное время // Центр и периферия. 2009. № 1. С. 9–16.

⁷⁵ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.;-Л., 1948. С. 92–93.

⁷⁶ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 18-19.

⁷⁷ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 121–123

⁷⁸ Доннелли А.С. Указ. соч. С. 58.

⁷⁹ Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999. С. 47–55.

⁸⁰ В исторической литературе ее чаще называют Корсунской.

⁸¹ В документах XVII в. именуется Синбирской.

⁸² Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 85; Его же. Краткое историко-географическое и историко-демографическое описание Изюмской линии // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Томск, 1982. Вып. 2. С. 4; Буканова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI – XVII вв. Уфа, 1993. С. 44.

⁸³ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 229.

⁸⁴ Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII – XVIII веках: учебное пособие. Тамбов, 1990. С. 34–43.

⁸⁵ По классификации В.И. Лебедева. См.: Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 18.

⁸⁶ Голомбиевский А. Выписка в Разряд о построении новых городов и Черты (7189 – 1681 г.) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1892. Вып. XXXIII. С. 54–56.

⁸⁷ Например, наиболее полная подборка материалов по начальному периоду создания системы укрепления была выявлена А.Н. Зерцаловым в фонде Курмышского уездного суда. См.: Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края. XVII и XVIII вв. Симбирск, 1900. С. 11, 17–18, 21, 22–25; Гуркин В.А. Симбирская черта. М.; Ульяновск, 2000. С. 25.

⁸⁸ Акты Московского государства. Т. II. СПб, 1894. С. 190-191, 214; Гуркин В.А. Симбирская черта. М. Ульяновск, 2000. С. 117–119 и др.

⁸⁹ Хитрово был комнатным стольником у царя Михаила Федоровича, то есть входил в число близких к царю людей. Посланный в 1646 –

1648 г. в Среднее Поволжье и удачно выполнивший возложенные на него работы, Б.М. Хитрово вновь вернулся в ближайшее окружение уже Алексея Михайловича. А.И. Селезнева считает посылку Хитрово в Темников началом его государственной деятельности. См.: Селезнева А.И. Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 79.

⁹⁰ Матвеев А.М., Горчаков Д.А. Строитель Симбирска, боярин Б.М. Хитрово. Симбирск, 1889; Селезнева А.И. Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово // Вопросы истории. 1987. № 1.

⁹¹ Селезнева А.И. Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 79.

⁹² В связи с этим мы не совсем согласны с оценкой роли Б.И. Морозова у В.П. Загоровского в развитии второго этапа возведения системы укрепленных линий на юге и юго-востоке России. Нам кажется, что именно он осознал необходимость создания единой мощной системы укреплений от границ с Польшей до Волги. См.: Загоровский В.П. Белгородская черта. С. 75.

⁹³ Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные С. Мельниковым. Казань, 1859. Т. 1. С. 44.

⁹⁴ Цит. по: Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века; сравнение ее укреплений с укреплениями Белгородской черты в Воронежском крае // Воронежский край на южных рубежах России (XVII – XVIII вв.). Воронеж, 1981. С. 44.

⁹⁵ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 74–80, 140–176; «Сметный список» Вооруженных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 31–33; Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 50–51.

⁹⁶ Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 19–25.

⁹⁷ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 126.

⁹⁸ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа, 1993; Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией 1552–1740. Страницы истории империализма. С. 58 и др.; Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII – XVIII вв. М., 1988. С. 48–51, 83, 99 и др.

⁹⁹ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005. С. 122.

- ¹⁰⁰ РИБ. Т. 21. Стб. 603–604; Гурлянд И.Я. Приказ Великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 353–356.
- ¹⁰¹ Дела Тайного приказа. Кн. 1 // РИБ. Т. 21. СПб., 1907. Стб. 1327.
- ¹⁰² РИБ. Т. 21. Стб. 1362–1363.
- ¹⁰³ Там же. Стб. 1588–1589.
- ¹⁰⁴ Там же. Стб. 865–866.
- ¹⁰⁵ Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 221–222.
- ¹⁰⁶ Солдаткин М.П. Политика царизма по христианизации народов Поволжья (источники) // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С. 88.
- ¹⁰⁷ Дубман Э.Л. Строительство Сызрани и начальный этап военно-государственного освоения Сызранского Правобережья // Самарский край в истории России: материалы межрегиональной научной конференции. Самара, 2012. Вып. 4. С. 81–85.
- ¹⁰⁸ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрейшего преобразователя России. Т. 1. М., 1838. С. 279; Пери Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 22–23; Бернштейн-Коган С.В. Волга-Дон. Историко-географический очерк. М., 1954. С. 30–32.
- ¹⁰⁹ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 269–271.
- ¹¹⁰ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.
- ¹¹¹ Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1980. С. 19–24.
- ¹¹² Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. Отд. VI. С. 63.
- ¹¹³ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Издание второе, исправленное и дополненное. Самара, 2005.
- ¹¹⁴ ПСЗ-1. Т. IX. № 6890; Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. С. 23.
- ¹¹⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 15 об.
- ¹¹⁶ Материалы для истории Академии наук. СПб., 1886. Т. 3. С. 61.
- ¹¹⁷ Сборник РИО. Юрьев, 1902. Т. 114. С. 287; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 18 об.–19.
- ¹¹⁸ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. X. С. 582.
- ¹¹⁹ Материалы по истории России. Т. 1. Оренбург, 1900. С. 21; Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 312; Сборник РИО. Т. 130. Юрьев, 1909. С. 188.
- ¹²⁰ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 582.
- ¹²¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
- ¹²² Рычков П.И. История. С. 25.
- ¹²³ Сборник РИО. Т. 114. С. 210.
- ¹²⁴ Рычков П.И. Топография. С. 312.

- ¹²⁵ Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни. Самара, 1994. С. 86.
- ¹²⁶ Рычков П.И. История. С. 25.
- ¹²⁷ Там же. С. 26; Материалы по истории. Т. I. С. 268; Рычков П.И. Топография. С. 323.
- ¹²⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 582.
- ¹²⁹ Рычков П.И. История. С. 27.
- ¹³⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 20 об.
- ¹³¹ ОР РГБ. Ф. 222 Панины. Т. XI. Л. 19 об.–20; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XIII. М., 1994. С. 186.
- ¹³² ОР РГБ. Ф. 222 Панины. Т. XI. Л. 20.
- ¹³³ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XIII. С. 186; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813. Л. 12 об.
- ¹³⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. М., 1956. С. 454.
- ¹³⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813. Л. 15 об. 16.
- ¹³⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 457.
- ¹³⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813. Л. 18.
- ¹³⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 454–455.
- ¹³⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813. Л. 18 об.
- ¹⁴⁰ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. XIII. С. 229.
- ¹⁴¹ ОР РГБ. Ф. 222 Панины. Т. XI. Л. 20.
- ¹⁴² Русский вестник. 1872. Т. 99. № 6. С. 451–453.
- ¹⁴³ Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Бибикова // Записки имп. Академии наук. СПб., 1862. Т. I. Приложение № 4. С. 39.
- ¹⁴⁴ Сборник РИО. Т. 13. СПб., 1874. С. 404.
- ¹⁴⁵ Русский вестник. 1869. Т. 80. № 3. С. 22.
- ¹⁴⁶ Пугачевщина. Т. 3. М.;-Л., 1931. С. 320.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 325.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 321.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 325–326.
- ¹⁵⁰ Сборник РИО. Т. 6. С. 180.
- ¹⁵¹ Там же. С. 199.
- ¹⁵² Там же. С. 213.
- ¹⁵³ Фадеев А.М. Очерки статистического описания Саратовской губернии // НА РГО. Раз. 36. Д. 9. Л. 87 об.–88.
- ¹⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 550 ОСРК. Ф. IV. 37. С. 30.
- ¹⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 1000 СЕП. Оп. 3. Д. 161. Л. 2 об.
- ¹⁵⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8227. Л. 1.
- ¹⁵⁷ РГИА. Ф. 381 Оп. 2. Д. 523. Л. 63.
- ¹⁵⁸ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984. С. 100, 105, 110, 116.
- ¹⁵⁹ РГИА. Ф. 381 Оп. 2. Д. 359. Л. 1 и об.

- ¹⁶⁰ Там же. Д. 523. Л. 59,66.
- ¹⁶¹ Самарская летопись. Кн. 1. Самара, 1993. С. 120.
- ¹⁶² ГАУО. Ф. 147. Оп. 4. Д. 11. Л. 23 об.
- ¹⁶³ ОР РНБ. Ф. 120 «Бычковы». Оп. 1. Д. 2477. Л. 3, 8 об.
- ¹⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 571 «Перовские». Оп. 1. Д. 13. Л. 18 об.
- ¹⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 608 «Помяловский И. В.» Оп. 2. Д. 136. Т. 1. Л. 243–321 об.
- ¹⁶⁶ ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 186. Л. 79 об.
- ¹⁶⁷ ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.
- ¹⁶⁸ Смирнов Ю. Н. Ликвидация иррегулярных войск на территории Самарского края и заселение их земель в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 1999. №1(3). С. 26–31.
- ¹⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 571 «Перовские». Оп. 1. Д. 13. Л. 6 об.–7.
- ¹⁷⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12365. Л. 2, 26, 33 и об.
- ¹⁷¹ ОР РНБ. Ф. 120 «Бычковы». Оп. 1. Д. 2401. Л. 22.
- ¹⁷² РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 44.
- ¹⁷³ Там же. Л. 73.
- ¹⁷⁴ Каминский А. Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарского удельного имения // НА РГО. Раз. 34. Д. 22. С. 11.
- ¹⁷⁵ Воронов. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей // НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 36 об.
- ¹⁷⁶ Воронов. Указ. соч. Л. 93.
- ¹⁷⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12928. Л. 1–2, 5, 10–11, 17, 24.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 32–53 об.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 93–94, 119, 123–125, 184.
- ¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 142. Л. 98; Ф. 110. Оп. 2. Д. 1418. Л. 1 и об., 3, 16 и об.
- ¹⁸¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12852. Л. 1–3.
- ¹⁸² Там же. Л. 7 и об., 9 об. – 10.
- ¹⁸³ Там же. Л. 16 об. – 17, 20.
- ¹⁸⁴ Там же. Л. 35, 36.
- ¹⁸⁵ Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 38.
- ¹⁸⁶ Самарская область (география и история, экономика и культура). Самара, 1998. С. 109–110.
- ¹⁸⁷ РГИА. Ф. 1341. Оп. 80. Д. 475. Л. 8, 12.
- ¹⁸⁸ Смирнов Ю. Н. Заволжье во второй трети XVIII – первой половине XIX вв.: от пограничья до «внутренней губернии» Российской империи // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 181.
- ¹⁸⁹ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Гл. VII. Городское хозяйство. Самара, 1877.

¹⁹⁰ Савельев П.И. Заря губернская // Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Кн. 1. Самара, 1993. С. 196.

¹⁹¹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 155. Оп. 1. Д. 519. Л. 1.

¹⁹² Лясковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал МВД. 1860. № 7. Отд. 3. С. 6.

¹⁹³ Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 327–331; Злобин Ю.П. Массовые крестьянские переселения в Заволжье и на Южный Урал как фактор административного обустройства региона во второй половине XIX века // Мир крестьянства Среднего Поволжья: Итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, Самара, 12–13 мая. 2006 г. Самара, 2007. С. 179.

¹⁹⁴ Селиванов А.Ф. Симбирская губерния // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1900. Т. 29а. С. 904.

¹⁹⁵ История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 года. Саратов, 2000.

¹⁹⁶ История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Уфа, 2006. Т. I. С. 7–8.

¹⁹⁷ Злобин Ю.П. Массовые крестьянские переселения в Заволжье и на Южный Урал как фактор административного обустройства региона. С. 179–180.

¹⁹⁸ Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века: в 2 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Кн. 2. Самарский край второй половины XIX – начала XX столетия. Самара, 1993. С. 6–7.

¹⁹⁹ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Ч. 1. Саратов, 1999. С. 31.

²⁰⁰ Там же. С. 32.

²⁰¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1363. Л. 85–85 об.

²⁰² Там же. Л. 88–89.

²⁰³ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Ч. 1. С. 48–51.

²⁰⁴ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 93.

²⁰⁵ Семькин Ю.А. Реформы 1861 в Симбирской губернии // Ульяновская – Симбирская энциклопедия. Ульяновск, 2004. Т. 2. С. 194.

²⁰⁶ Савельев П. И. Век XIX: великий перелом // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С. 10–14.

²⁰⁷ Самарин Ю.Ф. Общая докладная записка // Самарин Ю.Ф. Сочинения: в 11 т. Т. 4. Крестьянское дело с 1 июня 1859 по апрель 1864 г.

М., 1878. С. 115–116. См. также: Джаншиев Г. Эпоха Великих реформ. М., 1900. С. 149; Захарова Л.Г. Правительственная программа отмены крепостного права в России // История СССР. 1975. № 2. С. 29; Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 145–148; Поддубная Р. «Славянофил и литератор, желающий беспорядков» // Самарская газета. 2005. 15 октября. С. 3.

²⁰⁸ Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях великороссийских, новороссийских и белорусских // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1989. С. 253–310.

²⁰⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 264.

²¹⁰ Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринбургской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонечкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской и Ярославской губерниях.

²¹¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. С. 19.

²¹² Там же. С. 20, 221.

²¹³ Мельникова С.А. Земство // Ульяновская – Симбирская энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А – М. Ульяновск, 2004. С. 219–220.

²¹⁴ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Ч. 1. С. 199–201.

²¹⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 500.

²¹⁶ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Самара, 2011. Кн. 1. С. 127.

²¹⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Ч. 1. С. 185.

²¹⁸ Табарданова Т.Б. Городская управа // Ульяновская – Симбирская энциклопедия. Ульяновск, 2004. Т. 1. С. 146.

²¹⁹ Серков П.П. Судебные органы // Ульяновская – Симбирская энциклопедия. Т. 2. С. 301.

²²⁰ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). С. 568; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. С. 21.

²²¹ Емельянов А.В. Проведение военных реформ в 60–70-е годы XIX века в России: по материалам Казанского военного округа: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003.

²²² Сенаторские ревизии // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXIXа: Семь озер – Симфония. СПб., 1900. С. 504–505.

²²³ Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 153–159, цит. с. 158; Сенаторские ревизии. С. 505.

²²⁴ Горская Н.И., Козлов О.В. Административная и судебная власть в России во второй половине XIX в.: история противостояния // История государства и права. 2009. № 13. С. 23–27.

²²⁵ См.: Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.). Самара, 2009. С. 115–116; Музей истории Самарского края и муниципальных образований в Самарской области [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.samgd.ru/region/history/> (дата обращения: 13.06.2013).

²²⁶ Реформы 60–70-х гг. XIX в. в Самарской губернии // Энциклопедия Самарской области. Т. 4. Н – Р. Самара, 2011. С. 277–281.

²²⁷ См. об этом: Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Социально-экономическое развитие Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX вв. // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2007.

²²⁸ Злобин Ю.П. Массовые крестьянские переселения в Заволжье и на Южный Урал как фактор административного обустройства региона. С. 177–178.

²²⁹ История Башкортостана. Ч. 1. С. 335–336; Самарская летопись. Кн. 1. С. 167.

²³⁰ Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Социально-экономическое развитие Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX вв. С. 244.

²³¹ Витте С.Ю. Конспект лекций по истории государственного и народного хозяйства России. СПб., 1912. С. 521.

²³² Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981. С. 368–369.

²³³ Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Социально-экономическое развитие Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX вв. С. 243.

²³⁴ Кузнецов В.А. Взаимодействие кочевого и земледельческого укладов в Среднем Поволжье (на примере хозяйственно-экономического устройства иррегулярного Ставропольского калмыцкого войска) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 133–134.

²³⁵ Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Социально-экономическое развитие Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX вв. С. 243.

²³⁶ Стейнвелл Ч. Племя, сословие или национальность? // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. (Библиотека

журнала «Ab Imperio») / ред. И.В. Герасимов, С.В. Глебов, А.П. Каплуновский [и др.]. Казань, 2004. С. 486–487.

²³⁷ История Башкортостана. Уфа, 1996. Ч. 1. С. 353.

²³⁸ Стейнвелд Ч. Племя, сословие или национальность? С. 487–488.

²³⁹ Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия. С. 129.

²⁴⁰ Самарская летопись. Кн. 1. С. 165.

²⁴¹ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. С. 41.

²⁴² Зайончковский П.А. П.А. Валуев (Биографический очерк) // Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 50.

²⁴³ Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия. С. 130.

²⁴⁴ Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Социально-экономическое развитие Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX вв. С. 269–270.

²⁴⁵ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1984. С. 52–59.

²⁴⁶ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. С. 32.

²⁴⁷ Стеценко И.А. Крестьянство // Ульяновская – Симбирская энциклопедия. Т. 1. Ульяновск, 2004. С. 307–308.

²⁴⁸ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век: (по материалам Поволжья). Самара, 1994. С. 253.

²⁴⁹ См.: Левашев В. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1940; Каревская А.Г. Проведение крестьянской реформы 1861 г. в Самарской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1959.

²⁵⁰ Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России. С. 168–170, 313–314, 357–358.

²⁵¹ Закон о земских участковых начальниках 12 июля 1889 года, с приложением Высочайше утвержденных 29 декабря 1889 года Мнений Государственного Совета о некоторых изменениях и дополнениях к нему и о приведении его в действие в шести губерниях: Московской, Владимирской, Рязанской, Калужской, Костромской и Черниговской. М., 1890. С. 27–48.

²⁵² Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 407.

²⁵³ Подробнее ход этой реформы в Среднем Поволжье и Заволжье будет рассмотрен в гл. 3 настоящего издания.

²⁵⁴ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма. С. 77–82.

²⁵⁵ Устина Н.А. Крестьянский поземельный банк в Среднем Поволжье (по материалам Самарской, Саратовской, Симбирской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1998. С. 16.

²⁵⁶ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 32; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма. С. 258.

²⁵⁷ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. С. 58.

²⁵⁸ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 132, 139–142. См. также: Щербакова И.К. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и редакционная комиссия Министерства внутренних дел как альтернативные центры обсуждения крестьянского вопроса в начале XX века (1902–1905 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

²⁵⁹ Власть и реформы: От самодержавия к Советской России. СПб., 1996. С. 587.

²⁶⁰ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции (1912–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1988. С. 82.

²⁶¹ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. С. 67.

²⁶² См., например: Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии: сборник документов и материалов. Самара, 2012. С. 186–203; 214–249.

²⁶³ См. подробнее: Укрепление наделов в личную собственность. Казань, 1911. С. 58–60. Подробно вопрос о том, какие группы крестьян выходили из общины, рассмотрен: Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. М., 1917. Ч. 1. С. 38–40 и др.; Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963. С. 229–230.

²⁶⁴ Сухова О.А. Аграрная реформа П.А. Столыпина как вызов крестьянской ментальности // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина. Самара, 2011. С. 37.

²⁶⁵ Прилуцкая О.А. Столыпинская аграрная реформа в Среднем Поволжье в 1906–1917 гг. (по материалам Пензенской, Самарской, Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. С. 82–83.

²⁶⁶ Николаев Г.А. Реализация столыпинской аграрной реформы в многонациональной деревне Казанской и Симбирской губерний: историографические заметки // Мир крестьянства Среднего Поволжья: Итоги и стратегия исследований. С. 253–259.

²⁶⁷ Там же. С. 58.

²⁶⁸ Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Социально-экономическое развитие Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX вв. С. 279–280.

²⁶⁹ Устина Н.А. Крестьянский поземельный банк в Среднем Поволжье. С. 16.

- ²⁷⁰ Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Социально-экономическое развитие Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX вв. С. 281.
- ²⁷¹ Чайнов А.В. Что такое аграрный вопрос? М., 1917. С. 9.
- ²⁷² Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 254–255.
- ²⁷³ Записка исполняющего обязанности Самарского губернатора С.П. Белецкого чиновнику министерства путей сообщения А. фон Вендриху о необходимости надзора за переселенцами, проезжающими через Самарскую губернию // Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии: сборник документов и материалов. Самара, 2012. С. 141–142.
- ²⁷⁴ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 55–79.
- ²⁷⁵ Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии. Сборник документов и материалов. С. 258.
- ²⁷⁶ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 284.
- ²⁷⁷ Беспалов С.В. Политика экономической модернизации России в дискуссиях конца XIX – начала XX веков. Самара, 2004. С. 46.
- ²⁷⁸ Вите С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. С. 167.
- ²⁷⁹ Русские банки: перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения и их филиальные отделения на 15 июня 1909 года. СПб., 1909. С. 4–19.
- ²⁸⁰ См. подробнее: Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 218–235.
- ²⁸¹ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: Очерки правительственной политики. Л., 1978. С. 183.
- ²⁸² Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 195.
- ²⁸³ Там же. С. 192–193.
- ²⁸⁴ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит России в конце XIX – начале XX вв. М., 1988. С. 200.
- ²⁸⁵ Справочник по хлебной торговле. СПб., 1911. С. 299–306.
- ²⁸⁶ Ремнев А.В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти. С. 319–320.

ГЛАВА III.

СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И В ЗАВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XIX ВВ.

1. СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЗАВОЛЖЬЯ К РОССИИ ДО НАЧАЛА ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

За полтора столетия, прошедшие от присоединения Южного Средневолжья к Московскому государству до начала XVIII в., на значительной части его территории возник ареал постоянного оседлого расселения, сложилась общероссийская система административно-территориальных единиц — уездов, был создан местный административный аппарат.

В становлении и деятельности системы местного управления можно выделить несколько этапов:

— 1550-е — середина 1580-х гг. На территории края русские военные отряды появляются только эпизодически, в виде так называемых «судовых или плавных ратей», летних караулов в устьях рек Самары, Б. Иргиза, системы «сторожей» и станиц в Предволжье. Постоянные военно-административные центры в регионе в это время не существовали;

— вторая половина 1580-х — 1620-е гг. Возникают первые города-крепости (Самара — 1586 г., Саратов — 1591 г.) со своим воеводским управлением и съезжими избами. Рубежи изучаемого региона с северо-запада и севера были четко определены границами уже сложившихся к этому времени уездов — Алатырского, Тетюшского (его нередко считают частью Казанского), Свияжского и Казанского — и системой укреплений, проходивших по линии Тетюши — Алатырь — Темников;

— конец 1620-х гг. — вторая половина 1640-х гг. Складывается Самарский уезд, на территории которого действует типичная для пограничных районов Московского государства воеводская система управления, чиновный аппарат местной съезжей избы;

– вторая половина 1640-х – начало 1680-х гг. Строительство системы укрепленных линий на территории Мордовии, в междуречье Суры и Волги, в Заволжье создает условия для массовой колонизации территорий, находившихся под их защитой. Складываются Симбирский уезд и закамская часть Казанского уезда, формируется местный административный аппарат;

– 1680-е – начало 1700-х гг. Правительство приступает к строительству засечных черт (Пензенская) и локальных военно-административных центров на Правобережье, к югу от Симбирско-Корсунской линии (Сызрань, Кашпир, Петровский, Дмитровский и др.). Граница сельского расселения в Предволжье спускается вниз вдоль Волги к Саратову, создаются местные администрации новых пригородов Симбирского уезда. Возникают военно-административные центры со своим воеводским управлением в Заволжье, где складывается система укрепленных пунктов, промышленных предприятий и отдельных сельских поселений..

К концу XVII – началу XVIII в. основные территории рассматриваемого региона входили в состав Самарского, Симбирского¹ и Казанского (закамская часть) уездов. На большей части его пространства (за исключением южной части Самарского Заволжья и местности, прилегающей к Саратову) происходили интенсивные процессы сельского расселения, земледельческого и промыслового освоения, формирования нового полиэтничного и многоконфессионального социума, организация административно-территориальных и властных структур². Система управления, сложившаяся на вновь осваиваемых пограничных землях, постоянно подвергавшихся вторжениям кочевых народов, носила особый военизированный характер. Территории уездов были насыщены гарнизонами и поселениями служилых людей. В регионе вплоть до начала 1690-х гг. в полном объеме действовали нормы законодательства о «заказных городах», характерные для южных пограничных уездов европейской части Московского государства³.

Административный аппарат и принципы его деятельности в городах, возникших по Волге в 1580-х – начале 1590-х гг. (Самара, Саратов и др.), в целом повторяли аналогичные структуры, сложившиеся несколько ранее на территории бывшего Казанского ханства⁴. Иначе обстояло дело с воеводским управлением в уездах Южного Средневолжья – Самарском и Симбирском. Оно, во-первых, было в значительной степени вторичным, и в его организации учитывался опыт возникших значительно раньше управленческих систем более северных районов (Казанский, Свяжский, Алатырс-

кий и другие уезды). Во-вторых, оно складывалось на неосвоенных постоянным земледельческим населением территориях⁵, которые одновременно заселялись представителями различных этносов при несомненном преобладании русских.

Сложившиеся в Южном Средневолжье местные системы управления, несмотря на единые, общие для всей страны принципы организации и деятельности, имели в каждом из уездов и городов свои существенные особенности. Следует отметить, что Самара стала уездным городом только во второй половине 1620-х гг., а Саратов так и не обрел своего уезда и на всем протяжении изучаемого периода оставался пограничным форпостом на волжском пути⁶. Самарский уезд, который занимал локальную территорию Самарской Луки и где не сложилось системы пригородов, обладал наиболее простой и типичной организацией местной администрации. Симбирский и Казанский уезды имели более сложную административно-территориальную структуру, значительное количество пригородов и огромную для того времени территорию, которая постоянно расширялась за счет колонизации новых земель. В связи с этим в них сложилась многоуровневая система управления. Особый интерес в этом отношении представляет Симбирский уезд, возникший после основания в 1648 г. Симбирска (в ранней транскрипции – Синбирск) и возведения Симбирской и Корсунской (в ранней транскрипции Карсунской) линий.

Симбирск изначально уже при его сооружении считался не только главным военным центром Симбирской линии, но и базовым городом для управления всем новым регионом земледельческого расселения. Несмотря на то, что в какие-то эпизоды своей истории Ка(о)рсун также считался уездным городом⁷, первенство в деле освоения богатейших земель Приволжья отдавалось Симбирску⁸.

О его быстром росте, превращении из военного в административно-хозяйственный центр всей округи со значительным торгово-промышленным населением свидетельствуют многочисленные данные. Наиболее красноречивое представление о состоянии города уже через два десятилетия после его основания дает опубликованная в конце XIX в. «Приходо-расходная книга г. Симбирска и уезда» за 1665–1667 гг.⁹

Следует отметить, что в Симбирск в основном назначались воеводы из служилых людей по отчеству московского списка, не выше стольника. Но среди них бывали и думные дворяне, и окольные, и даже бояре (бояре П.В. Шереметев и Г.А. Козловский, окольные И.Б. Милославский, и др.). Нередкими были случаи, когда после

службы в Симбирске происходило резкое повышение в чине¹⁰. Можно отметить, что в город и новый уезд на воеводство попадали, как правило, люди незаурядные, способные к быстрому карьерному росту. Достаточно сказать, что строил его, как и Корсун, Богдан Матвеевич Хитрово, ставший во второй половине XVII в. одним из самых влиятельных людей в политической элите Русского государства¹¹.

Очевидно, что статус воевод Симбирска был значительно выше, чем руководителей других соседних городов – Самары, Саратова и т. д. Об этом свидетельствуют их роль и участие в событиях Разинщины¹², а также поручения, которые они выполняли в последние десятилетия XVII – начале XVIII в.

Как и казанские, симбирские воеводы вошли в круг тех наиболее значимых представителей провинциальной администрации, которым поручалось строительство крупных оборонительных сооружений: засечных линий, городов-крепостей и т. д. Так, Закамскую линию «строил» казанский воевода Н.И. Одоевский, которому было поручено в 1652 г.: «Устроить города и жилые и стоялые остроги, и всякие засечные, и земляные, и деревянные крепости от Волги реки и до Ику реке, и вниз и до Камы против росписи и чертежу по рассмотрению, в которых местах городом, и острогом, и засечным крепостям быть пристойно»¹³. Весь комплекс работ по возведению Сызранской крепости 1683 г. был выполнен экспедицией во главе с симбирским воеводой боярином Г.А. Козловским. Он руководил полком из служилых людей по отечеству и прибору, иноземцев, мурз и татар, копейщиков и рейтар Симбирской и Корсунской линий¹⁴.

Еще одним важным мероприятием, в котором главную роль должен был сыграть симбирский воевода, явилась подготовка к строительству Сызранской линии. В появившемся 23 декабря 1685 г. царском указе говорилось: «По досмотру и по описи и по чертежу стольника и воеводы Матвея Головина за старою Синбирскою и Корсунскою чертою и за новопостроеными селы и деревни для обереганья от приходу воинских людей строить новую черту ему стольнику и воеводе от Казачьих гор до Туруева городища и до реки Суры на семьдесят верстах на трехстах на сороке на дву саженьях»¹⁵. Основой для создания этого указа стали действия по обследованию местности между Волгой и Сурой симбирским воеводой М.А. Головиным, родным братом знаменитого сподвижника Петра Великого Ф.А. Головина. Впоследствии он выполнял ряд ответственных государственных поручений, возглавлял в 1716–1726 гг. Оружейную палату и Конюшенную казну. Таких примеров можно привести достаточно много.

И все же подавляющее большинство местных воевод относились к числу «средних» представителей московских чинов, как правило, стольников¹⁶. «Командированный» правительством стольник, со второй половины 1647 г. окольник Б.М. Хитрово только заложил основы Корсунской и Симбирской линий. Продолжать же их возведение должны были воеводы и головы, назначенные сюда на постоянную службу. Так, уже 9 августа 1647 г. из Карсуна писал отписки новый воевода стольник А. Волынский¹⁷, который ранее был «товарищем» Хитрово и остался достраивать укрепления Корсунской черты. То же самое произошло и с возведением Симбирской черты в 1648 г. Осенью этого же года Хитрово был отозван в Москву и передал полномочия «строителя» своему «товарищу» – второму воеводе. Достраивали Симбирск и Симбирскую черту уже местные воеводы: И.Б. Камынин (с 1649 г.)¹⁸, С.Н. Болховской (1651)¹⁹ и П.А. Измайлов (1652–1657)²⁰. Основные строительные работы на черте завершились не ранее 1654 г. при стольнике П.А. Измайлове²¹. Руководителями их на отдельных участках линии – «в головах» – назначались служилые люди Казани, Свияжска, Симбирска и Тагая. Например, в окрестностях Юшанска головой был «синбирский стрелецкий и казачий голова Григорий Жуков»²².

Симбирский, корсунский и воеводы других пригородов и острогов засечных линий должны были обеспечивать безопасность быстро колонизируемого района, руководить гарнизонами, сторожами, разбедами и т. д. Несмотря на то, что в последние десятилетия XVII в. границы расселения ушли намного южнее «вала» Симбирской и Корсунской линий, военное значение ее укрепления продолжали сохранять, а гарнизоны, размещенные в пригородах и слободах, выполняли весь комплекс задач по предотвращению нападений кочевников. Об этом, например, свидетельствует наказ от 1691 г., адресованный назначенному воеводой в Малый Корсунов и острог Сокольский Ф.Д. Кольцову. На новом месте он заменил «синбирянина» Т. Пилюгина. Непосредственным начальником Ф.Д. Кольцова являлся симбирский воевода И.О. Щербатов, перед которым он должен был отчитываться во всех своих действиях: «...о всем писать в Синбирск, к стольнику и воеводе ко князю Ивану Щербатову да к дьяку ко Лву Горчакову»²³. Помимо обычных обязанностей воеводы, перечисленных в наказе, важнейшая его задача состояла в том, чтобы «...жить с великим береженьем, и в проезжие станицы, в степь ...посылать станичников... и велеть тем станичником про приход воинских людей проведывать подлинно, с великим бережением,... чтоб всякие воинские люди обманом какого дурна не

учинили, и через засеку в Русь не прошли... и уездных людей не повоевали и не побили и в полон не поймали; и о засеке и о засечных заповедных лесах чинить ему против прежнего Великих Государей указу»²⁴.

Особенности устройства системы местного управления в Симбирском уезде второй половины XVII – начала XVIII в. наиболее отчетливо проявлялись в тех случаях, когда уездные власти получали серьезное поручение, для исполнения которого подьячих местной приказной избы не хватало. Например, в ходе переписи «оброчных статей» по Симбирскому уезду в 1704 г.²⁵ для составления «Переписных и записных книг по сбору оброчных пошлин с рыбных ловель в Симбирске и прилегающих к оному городам и угодьям» 1704 г. симбирский воевода стольник П.М. Бестужев-Рюмин разделил всю территорию уезда на 23 участка²⁶. На территории 14 из них сбор сказок и осмотр угодий проводили воеводы отдельных пригородов и острогов Симбирского уезда, в том числе и сам Бестужев-Рюмин. В список этих 14 воевод почему-то не вошли (скорее всего, были пропущены) воеводы построенных в 1683 и 1687 гг. Сызрани и Кашпира. Такие воеводы командовали не только пригородами и острогами, но и прилегающими к ним селениями. Судя по другим материалам, сызранскому воеводе В. Кучукову было велено осмотреть рыболовные угодья, принадлежавшие владельцам или жителям 15 поселений²⁷. Список селений, подлежащих ведению властей «Сызрана», подтверждается и даже значительно расширяется в других документах того времени²⁸.

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется материалов, позволяющих судить о том, в какой степени администрация пригорода могла распоряжаться в прилегающем к Сызрани районе. В документах конца XVII – начала XVIII в. нередко для его обозначения используется название «Сызранский уезд»²⁹. Причем, часто это понятие можно найти в официальных документах. Например, в 1701 г. была составлена перепись «...церквей и приходских дворов» Самарского и Сызранского (?) уездов³⁰. Однако на самом деле такого уезда официально не существовало. Под ним лишь подразумевалась в самом приближенном виде территория, охватывавшая с востока на запад пространство от Переволоцкой слободы и далее по р. Сызранке вплоть до с. Новоспасского, едва ли не все правобережье р. Усы (от Переволоцкой по рекам Крымзе, Тишереку, Томышевке). Характерно, что находившийся несколько западнее водораздел между Волгой и Сурой (восточнее Налуевской слободы), по которому шли с юга сакмы кочевников, находился за пределами

этого условного «Сызранского района». Сызранский «микрорайон» защищал, прежде всего, наряду с Саратовом и с. Сосновый Остров, переправы через Волгу от прорыва кочевавших в Заволжье калмыков и, разумеется, сам волжский путь.

Еще более загадочна история еще одного уезда – Корсунского и его администрации. В сохранившихся источниках имеется достаточно много сведений о существовании такой самостоятельной административно-территориальной единицы. Но, по всей видимости, время самостоятельности его властей, выполнения функций уездного руководства было весьма ограниченным. В целом же на протяжении всего рассматриваемого периода Корсун с прилегающими территориями входил в состав Симбирского уезда³¹.

Сохранившиеся источники свидетельствуют, что и по другим центрам Южного Средневолжья сложные для местной администрации во главе с воеводами задачи в ходе организация переписей, писцовых и других описаний вверенных им городов и других поселений нередко выполнялись «выборными» или специально назначаемыми людьми. Например, в 1634 г. саратовский воевода Г.И. Феофилатьев должен был организовать подготовку окладной росписи для сбора пятинных денег. По распоряжению воеводы жители посада выбрали из своей среды пятерых окладчиков, которые «люди добрые и душею прямы и прожиточны»³². Они-то и переписывали саратовцев: «Лета 7142-го июня в 8 день по государеве... грамоте Саратовские посацкие люди выборные окладчики... сами себя и Саратовских посацких торговых людей переписывали, чем хто торгует или хто каким промыслом промышляет»³³.

Нередко, помимо своих прямых обязанностей, местные воеводы должны были выполнять поручения центральных властей экономического и даже «научного» географического характера. В предшествующем разделе уже говорилось, что по распоряжению администрации приказа Тайных дел их обязали в середине 1660-х годов составить сводку экономических возможностей развития подвластных им территорий, дать характеристику их ресурсам.

В 1660-х гг. симбирский воевода И.И. Дашков и в начале 1670-х гг. самарский В.Я. Эверлаков³⁴ по указанию из Москвы досмотрели уголья в окрестностях своих городов и составили отписки о возможности использования их для заведения государевых дворцовых предприятий³⁵. Отписка Дашкова сохранилась, и ее анализ дает очень любопытные сведения о широте кругозора и «государственном» подходе симбирского воеводы.

Характерно, что И.И. Дашков в своем ответе дает характеристику природных ресурсов более значительной территории, чем

Симбирский уезд. Так он пишет о том, что можно завести пашню «... в Синбирской и в Корсуновском (??? – Э. Д.) и в Олатарском и в Сараском (Саранском. – Э. Д.) уездах». Именно земли, входящие в эти уезды, для Дашкова являются базовыми, их он подразумевает под Симбирским Поволжьем. Возможно, сфера компетенции воеводы Симбирска, наиболее значимого города для Южного Средневожья, охватывала более значительное пространство, чем конкретный уезд. Важнейшим аргументом для особого внимания к Симбирску, по мнению Дашкова, являлось его удобное географическое положение на торговых и транспортных путях Европейской России. Отсюда шел удобный зимний путь в «замосковные города». Именно поэтому следовало перенести из Нижнего Новгорода в Симбирск перевалочный пункт для государевых насадов, идущих из Астрахани с рыбой и солью. Вторым значимым аргументом является то, что «...земли в тех местех самые добрые». Это позволит завести в крае «великого государя пашни великие» и именно из Симбирска, а не из Нижнего Новгорода вывозить хлеб для «Астраханскаго отпуска».

Дашков, перечисляя природные ресурсы региона, говорит о воде в Суре, которая «к винному курению угодна и выходна», что позволит завести здесь «винокурени поварни». Он пишет о том, что «рек угожих много» и, следовательно, «мочно завести мельницы многие». Важными аргументами для развития промыслов для него являются наличие соляных ключей (заведение солеварения), богатство рек ценными сортами рыбы и, следовательно, организация крупных рыбных промыслов, многочисленные «бортные угоди». Характерно, что Дашков выступает противником «будных промыслов», так как их эксплуатация ведет к уничтожению лесов. Таким образом, аргументы симбирского воеводы не выходят за границы традиционных для России того времени отраслей хозяйствования.

Единственное новое, что предлагает Дашков, да и то в рамках особых интересов царя Алексея Михайловича, это насаждение тутовых садов: «...и в том месте завести мочно шелковой промысел многой»³⁶. Эпопея с «тутовыми деревьями» была продолжена в 1667 г. «Июля в 6 день послана государева грамота с стряпчим конюхом с Микитою Михайловым в Синбирск к стольнику и воеводе ко князь Ивану князь Иванову сыну Дашкову, а велено ему из Синбирска на реку Сок и на иные реки послать человека добра, ково пригож, и по тем рекам искать молодого тутового дерева; а по которой реке сколко в которых местех тутового дерева сыщут и в колких верстах от Синбирска, и то велено писать на роспись имянно...»³⁷.

Следует отметить, что многое из того, что предлагал симбирский воевода, удалось завести, а именно и винокурение для царской аптеки, и туовые сады и т. д.

Выше уже говорилось, что местные воеводы должны были выполнять и ряд других важных поручений московских властей, направленных на определение возможностей использования богатых природных ресурсов Заволжья.

Наиболее отчетливо представить структуру системы местного управления и ее деятельность за весь XVII – начало XVIII в. позволяют материалы по Самаре. От Саратова этот город выгодно отличался тем, что здесь уже в конце 1620-х гг. появился свой, хотя и небольшой по территории, уезд.

В особенностях организации административного аппарата, основных направлениях его функционирования Самара повторяла специфику, характерную для подавляющего большинства российских пограничных городов-крепостей конца XVI–XVII вв. Несмотря на малочисленность населения и преимущественно военизированный его состав, в городе сложилась довольно сложная управленческая структура. Она основывалась на жесткой централизации, неукоснительном подчинении столичным властям. Однако вместе с тем местная администрация обязана была использовать потенциал городской служилой и посадской верхушки, прежде всего служилых людей по отечеству. Если на самом верху управленческой пирамиды замещение должностей и исполнение должностными лицами своих функций происходило под жестким контролем соответствующих центральных приказов, то на более низкой ступени право выбора и контроля зачастую предоставлялось местной администрации; возможным было участие местного «служилого города» в выборе кандидата на ту или иную должность. Со второй половины XVI в. по 30-40-е гг. XVII в. многие территории страны имели возможность формировать высшую местную администрацию на основе выборов, существовало так называемое губное управление. Однако для пограничных городов Поволжья, в том числе и Самары, с самого ее основания основополагающим являлся принцип назначения воевод и руководства съезжей (приказной) избы из центра³⁸.

И, наконец, третьим уровнем организации власти, наиболее близким к нуждам и интересам подавляющего большинства населения, являлось управление, скорее самоуправление, в местной посадской общине.

В пограничной Самаре, как и в других городах Южного Средне-волжья, высшее звено местного управления соединяло в своей деятельности одновременно военные и административно-судебные функции. Главой администрации являлся присылаемый из центра воевода. В глазах московских приказных людей маленькая пограничная крепость на Волге заслуживала в качестве воевод, как правило, стольников, но никак не представителей первостепенной знати. Лишь однажды, в 1625/26 – 1632/33 гг., здесь на воеводстве находился боярин Борис Михайлович Салтыков, но его определили в окраинный город в знак опалы, запретив именоваться боярином³⁹. И все же в ответственные моменты истории Самары в ней появлялись действительно крупные личности, сыгравшие значительную роль в истории страны. К таковым можно отнести князя Григория Осифовича Засекина, под чьим руководством возводилась крепость, первого ее воеводу в 1586–1587 гг. В трудное время борьбы с авантюрой И. Заруцкого в 1613–1614 гг. в город был послан один из видных военачальников второго ополчения, троюродный брат знаменитого Д.М. Пожарского Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский. В 1675–1677 гг. в Самаре на воеводстве находился Андрей Никитич Самарин из старинного, известного со времен Дмитрия Донского, боярского рода Квашниных. Сам Андрей Никитич, гордясь древностью своего рода, писал в одной из челобитных «...а мы... людишки родословные болши трех сот лет...». Вместе с ним в Самаре был его сын Петр (род. в 1671 г.), впоследствии один из первых русских поэтов⁴⁰.

Посылали в Самару воеводами и перешедших на русскую службу иностранцев: в 1671–1672 гг. В.Я. Эверлакова, в 1672–1673 гг. – А.Д. Фанфисина, предка знаменитого русского драматурга второй половины XVIII в., в 1677–1678 гг. – А. Шеля⁴¹. Первые двое были потомками перешедших на русскую службу во второй половине XVI в. «немцев» из Ливонии. Прожив несколько поколений в России, их предки перешли в православие, адаптировались к новым условиям, верой и правдой служили новой родине. Александр Шель оказался на русской службе сравнительно недавно. Впервые в Поволжье он упоминается в 1674 г. как полковник, назначенный на воеводство в Саратов «город на горах делать новый». Саратов был перенесен им на правый горный берег, что потребовало от воеводы-«горододелца» незаурядной настойчивости и квалификации⁴². Характерно, что и в Самаре, в условиях развертывавшегося в Заволжье крупного восстания башкир, А. Шель возвел в городском предполье систему оборонительных сооружений. Судя по всему, новый воевода был

человеком активным и предприимчивым. В 1678 г. он сообщал в Москву, что неподалеку от Самары обнаружена серебряная руда и даже послал в столицу образцы. Однако дальнейшая судьба его «рудных» изысканий неизвестна⁴³.

Но все же в основном среди самарских воевод были личности неброские, средних способностей, не входившие в первостатейную знать и не оставившие яркого следа в русской истории. Всего с 1586 до 1706 гг., по нашим подсчетам, состоялось 70 случаев назначения в Самару на воеводство. Четырежды в город направляли не одного, а двух воевод, один из которых являлся старшим, а второй — его «товарищем». Так произошло, например, в 1614 г., когда Самарой управляли князья В.И. Туренин и М.В. Белосельский⁴⁴. Дважды, с небольшим разрывом, в Самаре был воеводой стольник Г.С. Овцын (в 1589–1590 и 1593–1597 гг.)⁴⁵. Среди воевод Самары были: 1 боярин, 30 стольников, 1 стряпчий, 1 жилец и 1 полковник. Чины остальных не установлены.

Воеводы менялись в течение одного-двух годов после назначения, хотя и здесь бывали исключения (Б.М. Салтыков: 1625/26 – 1632/33 гг.⁴⁶). Для служилых людей «по отечеству» воеводская служба являлась выгодным и привлекательным делом. Именно поэтому даже на место в скромной Самаре была конкуренция, сюда назначали по челобитьям в награду за особые заслуги. Например, в 1658 г. в город был назначен «псковитин», видимо, выборный дворянин И.Т. Назимов «за службы и за раны»⁴⁷. Известен лишь один случай, когда В.Я. Эверлакова послали на воеводство указом без челобитья, но это случилось сразу же после завершения Разинщины, когда предыдущего воеводу повстанцы утопили⁴⁸.

Обязанности и права воеводы указывались при назначении в особом наказе. К сожалению, тексты наказов по городам рассматриваемого региона не сохранились⁴⁹. Текст наказа жестко регламентировал деятельность воеводы, не позволяя ему совершить сколько-нибудь серьезную акцию без ведома Москвы, сковывал его инициативу; но в то же время не мог полностью предотвратить воеводского самоуправства. Кормление, несмотря на попытки его ограничить еще в середине XVI в., являлось основой для благополучия воеводы и его семьи и в последующем столетии. В состав «кормления» входили не только крупные разовые сборы с подвластного посадского и крестьянского населения — «везжее», на три праздника — Рождество Христово, Пасху и Петров день, но и «повседневный корм», «деньги за харчи», производившиеся еженедельно или помесечно⁵⁰. Население обязано было «кормить» родственни-

ков и слуг воеводы. По словам современного исследователя Г.П. Енина, XVII в. породил новые виды кормления: платежи на именины царя и членов царской семьи, на именины воеводы и членов его семьи, корм на отъезд воеводы. Кормление воевод вписывалось в систему обычаев и правовых норм русского средневекового общества. Характерно, что в представлениях городского населения в «кормлении» различались вполне оправданные, «честные» «почести» и незаконные «посулы», «поминки» и т. д. В челобитных горожан обычно говорилось о «посулах и поминках», как о взятках за незаконные действия, вымогательствах. Причем сам воевода одно и то же подношение называл «почестью», а население — «посулами и поминками».

Несмотря на существование нормативных правительственных документов, данная система в городе, находившемся на богатейшем торговом волжском пути, открывала широкие возможности для злоупотреблений. Случаи мздоимства и лихоимства нередки были и в самарской истории. Примеры тому — воеводы А.И. Мясоедов (1656–1659 гг.) и И.С. Нестеров (1682 г.). Последнего обвиняли не только во взятках, но и в убийстве⁵¹. По меркам средневекового русского правосудия, для горожан явиться к представителям местной администрации «скопом» и открыто заявить о своих требованиях считалось тяжким преступлением⁵². Но и угроза жестокого наказания не всегда могла остановить местных жителей. В 1648 г. самарские люди приходили «скопом» к воеводе в съезжую избу и «...невежливые слова говорили... учинились сильны и непослушны»⁵³. Характерно, что в годы Разинщины против местной самарской администрации во главе с воеводой поднялись не только жители посада, но также служилые люди по прибору, то есть практически все основное население Самары.

О своих действиях воевода отчитывался перед центральными приказами. Оставляя воеводу подотчетным только Москве, приказная бюрократия пыталась при этом создать механизм местного негласного контроля за его деятельностью. Эта задача входила в обязанность дьяка или подьячего, посылаемого из столицы для руководства съезжей избой. Он негласно наблюдал за исполнением воеводой своих функций и в случаях, если последний превышал полномочия или пускался в злоупотребления, должен был сообщать обо всем в Москву.

Высшим административно-бюрократическим учреждением в городе являлась съезжая изба, которая начиная с 1670-х гг. в документах именуется, как правило, приказной. Здесь постоянно «си-

дели» воевода, подьячие, городничий, решались практически все мало-мальски важные вопросы в жизни города и уезда – военные и военно-административные, гражданские, финансовые, судебные и т. д. Окончательный состав приказной избы, ее задачи и способы их решения сформировались к середине XVII в. и наиболее законченный вид приобрели в 1650–1690 гг. Это было время расцвета средневековой, исконно российской по своему происхождению, системы местного управления. Четкого разделения функций в управлении и суде на высшем уровне не существовало, и воеводе с его помощниками – «товарищами» – приходилось быть компетентным во всех областях.

За всю историю Самары известно лишь два случая, чтобы местной съезжей избой руководил дьяк. В 1615 г. вместе с воеводой князем М.В. Белосельским и сменившим его «Федором Тулуповым сыном Вельяминовым» здесь был дьяк Посник Калачев. В 1617–1618 гг. на место Калачева в Самару был направлен Нелюб Огарев, правда, из документов неясно, был ли он дьяком или подьячим⁵⁴. На протяжении всего своего остального времени город по своему статусу не заслуживал такой чести, и сюда в «дьячье место» посылали только подьячих. Сроки их службы составляли, как и у воевод, 2–3 года. Стоявший во главе съезжей избы подьячий обладал весьма широкими полномочиями и представлял по своей должности в определенной степени противовес воеводе. Под его началом служили подьячие разных статей, количество которых увеличивалось по мере возрастания значения города. От конца XVI – середины XVII в. сведений о средней годовой численности подьячих Самары не сохранилось, но, по всей видимости, их, как и в других подобных городах России, было не более 2–4⁵⁵. По окладной росписи 1681 г. их значилось 4 человека: 1 старший, возглавлявший съезжую избу; 1 средней статьи и 2 младших. Показателем степени значимости должности старшего подьячего являлся размер его годового жалованья – 20 руб. денежного, да хлебного по 20 четвертей ржи и овса, в то время как сотнику конных стрельцов полагалось соответственно 15 руб. и по 15 четвертей ржи и овса. Подьячий средней статьи получал по 11 руб. и по 11 четвертей и, наконец, младшие – по 3–4 руб. и по 3–4 четверти овса и, соответственно, ржи⁵⁶. Такие оклады существовали как постоянные, по крайней мере, с середины XVII в. Например, в 1658 г. по челобитью самарской съезжей избы подьячего Федора Васильева было велено «ему государево жалование учинить оклад» денежный в размере 4 руб. и хлебный⁵⁷.

Сведений о том, как, из каких групп населения формировалась эта группа бюрократии, крайне мало. Следует, видимо, согласиться

с Н.Ф. Демидовой, что для Самары и Саратова, как, впрочем, и для других пограничных крепостей юго-востока и юга России, был характерен в основном служилый характер комплектования. Подьячих набирали из местных грамотных приборных людей, в редких случаях переводили из других городов. Например, в 1663 г. подьячего самарской съезжей избы М.Т. Ухватава перевели к местным стрельцам пятидесятником⁵⁸, в 1673 г. подьячего свияжской приказной избы Ивана Макарова перевели на такую же должность в Самару⁵⁹. Постепенно, с формированием устойчивой группы подьяческих семей, начинается наследование этой должности. Сведений о таком наследовании по Самаре не сохранилось, но вот в 1682 г. по челобитной местного подьячего Андрея Корсакова было указано «...брату его Ивану быть на Самаре в денежном столе в подьячих»⁶⁰. Упоминания о денежном столе и специальном подьячем при нем в приказной избе встречаются несколько раз. Нередко из местной приказной избы подьячих посылали в этой же должности в таможенную⁶¹. Необходимо отметить, что в материалах Печатного приказа все сведения о назначении и переводе подьячих встречаются только в пошлинных книгах⁶². Лишь однажды в формуляре записи было указано такое назначение «за службы»⁶³, в остальных же многочисленных случаях – «по челобитью». Соответственно с лица, подавшего такую челобитную, бралась пошлина. Следовательно, можно сделать вывод, что данная должность для Самары имела определенные преимущества и была конкурсной. И еще на одно обстоятельство следует обратить внимание. В вышеуказанных материалах за период с 1613 по 1682 гг. встречаются сообщения всего о 15 назначениях подьячих, среди которых фигурирует 12 лиц, в том числе И. Кулаковский трижды, И. Чижов дважды и т. д. Любопытно, что отдельные подьячие ухитрились оставаться в местной съезжей избе в течение весьма длительного срока. Например, И. Чижов впервые упоминается в 1649 г., когда ему велено было дать денежный и хлебный оклад, затем в 1659 г. по его челобитью ему было разрешено вновь быть подьячим в съезжей избе. Наконец, в 1666 г. подьячему С. Тарбатову и в 1673 г. подьячему И. Макарову было указано «быть на Самаре в подьячих на место подьячего Ивана Чижова»⁶⁴.

По общему объему письменной документации, выходившей из местной приказной избы и регистрировавшейся в книгах Печатного приказа, Самара намного опережала соседние Саратов и Царицын⁶⁵. Подьячие местной съезжей избы не могли справиться с большим объемом приказной работы, и поэтому в городе в середине XVII в. появился площадной подьячий⁶⁶. Площадной подьячий, как

это видно из названия, сидел на городской площади и исполнял писчие работы на заказ: в основном писал челобитные, копии с межевых и писцовых книг, подорожные и т. д. Люди, исполнявшие эту работу, являлись выходцами из грамотного слоя посадских и служилых приборных людей и обязательно должны были проходить «регистрацию» в съезжей избе. Наличие площадных подьячих являлось одним из важнейших признаков значимости города, активности его деловой жизни.

Значимым лицом в местной административной иерархии являлся городской приказчик или, как его еще называли, городничий. Первые известия о самарских городничих относятся к середине XVII в.: «1 мая 1650 г. велено было курмышенину И. Вельяминову быть в Самаре в городских приказчиках на место Фадея Гурьева». Городничие набирались из служилых людей по отчеству и назначались на конкурсной основе соответствующим указом. На этом посту в равной степени служили как местные самарские дворяне и дети боярские, так и иногородние⁶⁷. В окладной росписи денежного и хлебного жалованья эта должность не указана; лица, ее занимавшие, служили с поместного оклада. В отличие от воеводы, функции городничего ограничивались пространством города. Он ведал оборонительными укреплениями, городскими службами в той части, которая ему оставалась от воеводы и старшего подьячего.

Пожалуй, воеводой, городничим, подьячими (старшим и средней статьи), а также головой, руководившим стрельцами, исчерпывался состав высшей администрации Самары. Все они, как правило, назначались из центра и противостояли основной посадской и служилой массе населения.

В Самаре и уезде так и не сформировалось даже начатков губного управления, строгая централизация являлась отличительной особенностью тогдашней местной администрации.

В XVII в. России не существовало самостоятельных, независимых от администрации судебных органов. Главные государственные преступления рассматривались в Москве Боярской думой и приказными судьями, все остальные гражданские и уголовные дела — на местах, в съезжих избах. Разумеется, важнейшие из них судил сам воевода. Зачастую судебный процесс возбуждался администрацией города, и, следовательно, судья превращался в непосредственно заинтересованное лицо.

Единственным чиновником в сложившемся административном аппарате, непосредственной задачей которого являлось осуществление судебно-розыскного процесса, считался пристав. Первые све-

дения о приставстве в Самаре относятся к довольно позднему периоду. В 1656 г. в ответ на челобитье было велено П. Леонтьеву, С. Карпову и П. Андронову «отдать самарское приставство без откупку вместо государева жалованья»⁶⁸. Судя по всему, пристав не играл сколько-нибудь значимой роли в местной администрации и являлся мелким чиновником для поручений – привода в суд и т. д. В приставы шли люди из прибора или посада.

Для наказания преступников по окладной росписи предусматривалась должность палача. При тюрьме, появившейся практически одновременно с городом, был определен тюремный сторож.

В состав местного аппарата входили также должности, не несшие сколько-нибудь руководящей нагрузки. К ним относились бирич, часовник, сторожи приказной избы и таможни, струговой кормщик и т. д. На государевом жалованье находился даже богадельный нищий.

Выше уже говорилось, что в первой трети XVII в. рядом с городом на территории Самарской Луки появились сельские поселения, из которых возник Самарский уезд. Разумеется и ранее, в конце XVI – начале XVII в., под юрисдикцией воеводы и местной администрации находился не только сам город, но и прилегающая к нему обширная территория. Но после образования уезда задачи представителей власти значительно усложнились, для эффективного управления сельской округой явно не хватало сил и людей. Поэтому приходилось привлекать местных жителей, прежде всего, служилых людей по отчеству. Дети боярские исполняли временные поручения, занимали выгодные конкурсные должности руководителей застав и караулов, управляющих дворцовыми селами, осуществляли межевание земель и промысловых угодий и т.д. На нескольких заставах, окружавших Самару, они не только оберегали город от внезапных нападений, но и проводили досмотр торговых караванов, собирали таможенные пошлины. Двор управляющего дворцовыми селами располагался в с. Рождествено, где в последней трети XVII в. постоянно находились представители местного дворянства. Для регистрации таможенных и откупных сборов к детям боярским прикрепляли младших подьячих и целовальников. Так формировалась довольно сложная структура местных административных, финансовых, таможенных органов.

На протяжении всего XVII в. Самара являлась перевалочным пунктом на волжском судоходном пути и на сухопутных караванных дорогах из Средней Азии. В город приезжали представители разных народов: купцы, тезики, послы и т. д. Для переговоров с

ними в приказной избе служили с государева жалованья переводчики: татарский и чувашский толмачи (данные 1681 г.).

Такой, судя по сохранившимся документам, представляются администрация города Самары в XVII в. и способы ее функционирования. Можно сказать, что она была в основных своих чертах типичной для Саратова и других сравнительно небольших пограничных городов юга и юго-востока Европейской России.

Подводя итоги формированию структуры органов местной администрации в регионе на протяжении всего XVII в., следует отметить, что по сравнению со второй половиной XVI – началом XVII в. в них не произошло существенных изменений. Процесс административного строительства шел в основном по пути расширения территории ее функционирования, создания новых административно-территориальных единиц и, соответственно, учреждений местной администрации, а также более «четкой организации и детализации» системы управления. Даже в национальных районах региона важнейшие структуры местного управленческого аппарата комплектовались из русских служилых людей. Представители нерусского населения назначались или выбирались только на низшие должности⁶⁹. Именно в это время вполне очевидной стала политическая направленность формируемой в регионе административно-управленческой системы, созданной для унификации присоединяемых и осваиваемых пространств с основной территорией государства.

2. МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ И ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ С XVIII СТОЛЕТИЯ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. на бывших имперских окраинах складывалась и действовала система местных органов власти, которая постепенно унифицировалась по образцу центральных регионов страны. По мере того как управление краем утрачивало военные и внешнеполитические стороны, оно становилось исключительно внутренним делом. Ведущую роль в органах управления Самары всегда играли правительственные чиновники. Однако это не означало отстранения жителей от решения касающихся их дел. Традиции участия представителей населения в органах власти и самоуправления в нашей стране гораздо древнее, чем история представительных учреждений в России нового времени, т. е. уездных и губернских земств, созданных в 1865 г., или Советов и Государственной Думы, возникших во время революции 1905–1907 гг.

Привлечение социальных и территориальных групп населения (сословий, земель или городов) к центральному и местному управлению уходит корнями в Средневековье, и в этом, несмотря на разницу исторических судеб, Россия мало отличается от Англии, Германии, Испании и других европейских стран. Термины «земство», «земский», «дума», «думский», которые обычно применяются ко второй половине XIX – началу XX в. или к концу XX – XXI вв., на самом деле пришли из глубины столетий. Не исчезали они из политического и юридического лексикона и в XVIII – первой половине XIX вв., хотя утверждение абсолютной монархии привело к прекращению деятельности общегосударственных органов сословного и земельного представительства (Земских соборов, Думы при царе). Однако и в это время в дореформенной крепостнической России сохранялось участие представителей территорий и сословий в организации, комплектовании, деятельности местных органов власти и самоуправления. Это можно увидеть на примере Самарского Поволжья и Заволжья, особенно на городском и уездном уровнях управления и самоорганизации.

С 1708 г., когда было введено новое административное деление страны, Самара значится уездным городом Казанской губернии. В 1717 г. ее уезд переводится в Астраханскую губернию, где со следующего года числится в составе Симбирской провинции (промежуточного звена местного управления между губернией и уездом). Вскоре эта провинция была передана вновь в Казанскую губернию.

Во главе самарских властей оставался воевода, наделенный очень широкими полномочиями. Так, в законе было установлено право воевод брать под стражу неплательщиков подати. В 1731 г. воевода Кушников принудил самарских купцов взять на себя выплату завышенной суммы кабацкого сбора – казенного дохода от продажи вина, а недовольные этим решением «держаны были и морены в тюрьме в цепях и в колодках»⁷⁰.

В первой половине XVIII века в городе действовали следующие правительственные учреждения: воеводская канцелярия, орган городского самоуправления, крепостная контора по оформлению различных актов и сделок («крепостей»), таможня для сбора торговых пошлин. Для управления непосредственно городом и гарнизоном вводились должности городничего или коменданта. Им могли поручаться обязанности воеводы, и последняя должность в таком случае упразднялась.

Орган городского самоуправления в разное время называли ра-тушей или магистратом. Его члены по закону должны были изби-

раться из купцов и ремесленников, но не любых, а только из «первостатейных, добрых, пожиточных и умных»⁷¹. В ведении магистрата или ратуши находились, прежде всего, сбор податей, несение жителями государственных повинностей, а также судебные тяжбы между горожанами. Вообще неразделенность распорядительной, исполнительной и судебной функций была типична для органов власти и самоуправления в ту эпоху.

По традиции главные правительственные учреждения и казенные службы города располагались на территории крепости даже тогда, когда военное значение было ею утрачено. В 1728 г. здесь размещались воеводская канцелярия, жилые дома воеводы и коменданта, караульная изба, две конюшни, каменный пороховой погреб, церковь. Самарский магистрат располагался за пределами крепости в жилой части города.

Вместе с обычными для уездных городов учреждениями в Самаре в первой половине 1730-х гг. находилась команда тайного советника Ф.В. Наумова, руководившего строительством новой Закамской линии, а с 1736 г. разместился штаб Оренбургской экспедиции, на которую возлагались задачи закрепления под властью российского монарха обширных территорий Заволжья и Южного Урала, земледельческого и промышленного освоения этих земель, развитие торговых и политических связей с народами Казахстана и Средней Азии. Сложность поставленных задач потребовала и достаточных воинских сил, и опытных инженеров, геодезистов, переводчиков, коммерсантов, и решительных, гибких, разносторонне образованных руководителей. По своим рангам и положению командиры Оренбургской экспедиции входили в число высших администраторов государства наравне с губернаторами. За время пребывания штата экспедиции в Самаре ее последовательно возглавляли видные государственные деятели из младшего поколения «птенцов гнезда Петрова» – сподвижники и последователи царя-реформатора: И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, В.А. Урусов, И.И. Неплюев. При Неплюеве подразделения экспедиции переводятся из Самары в утвержденный на современном месте Оренбург, который стал в 1744 г. центром новой обширной губернии, а сам Неплюев – ее первым губернатором.

Временно располагались в Самаре и некоторые другие правительственные учреждения. Так, в 1754 г. из Мензелинска в Самару было переведено соляное комиссарство – управление добычей и продажей казенной соли. В 1764 г. это учреждение в Самаре было упразднено. Однако в 1810–1820-е гг. в городе пребывало Илецкое

соляное правление, также ведавшее добычей казенной соли в Заповолжье и Приуралье. Его возглавлял полковник Г.Н. Струков.

Взаимоотношения городских властей с учреждениями чрезвычайного назначения, пребывавшими в Самаре, могли осложняться разногласиями и пересечением интересов. Высокопоставленные руководители этих учреждений не считались с нуждами местной администрации, стремясь подчинить ее действия решению своих задач.

В 1734 г. Сенату пришлось рассматривать сразу несколько дел, поднятых самарским воеводой майором Обуховым по поводу действий тайного советника Наумова и его подчиненных. Сообщения воеводы интересны тем, что в них выделены некоторые основные функции и задачи местных властей.

Накопившиеся претензии воевода излагал своему непосредственному начальству в лице Казанской губернской канцелярии (так как самому ему было не под силу тягаться с Наумовым, имевшим один из самых высоких генеральских чинов по «Табели о рангах»), в следующих донесениях:

«В 1-м. Денежную казну... послать с кем и тех сборов на настоящей год и недоимки собирать некем, ибо по указам самарские дворяне и казаки в команде ландмилицких полков, также определенного ко взысканию доимки дворянина Петра Пастухова и отставных солдат и определенных рассыльщиков и их детей тайной советник Наумов взял в свою команду. А присылаются от него, тайного советника, в канцелярию для охранения денежной казны и колодников из отставных солдат дряхлые и престарелые и слепые по 11-ти человек, у которых и ружья никакого не имеется. И по требованию воеводскому от него, тайного советника, за тою денежною казною конвоя не дано.

2-м. Что де за отбиранием его, тайного советника, канцелярских служителей, а именно сборщиков и подьячих, сторожей и рассыльщиков, в делах Ея Императорского Величества учинилась многая остановка и помешательство.

3-м. Оной де тайной советник определенному от адмиралтейства к смотрению заповедных лесов отставному сержанту Петру Углецкому его, воеводу, слушать не велит, а взял его в свое ведомство, также и определенного ... для искоренения воров и разбойников и удержания крестьян от побегу и к правлению полицмейстерских дел отставного полкового писаря Федора Плотникова взял к себе ж в команду и послал к Самаре реке для строения крепости.

4-м. Оной де тайной советник в нынешнем лете определенные за Самарою рекою сенные покосы на довольство бывшим во оном

городе воеводам косить запретил и работных людей с сенокоса сослал. А велел косить на себя и роздал ландмилицким офицерам. И за таким его насилием ему, воеводе, сена косить негде, понеже и в степи в близости пригорода Самары велел косить на себя ж, готовя к зимней своей квартире в городе Самаре. От чего купецкие люди не токмо в зимней квартире, но и от летнего постою приходят в скудость. Он же, тайной советник, из градских обывателей и посадских людей данные их луга косить им запретил и, приведчи к самой осени, пропустя удобное время, косить позволили, за тем осенним временем многие сена погнили»⁷².

Еще одно характерное происшествие также случилось в указанном году. Одной из важнейших задач местных властей была борьба с «корчемством», незаконной продажей водки, подрывавшей государственную монополию на торговлю этим прибыльным товаром. В феврале полицмейстер К. Меленсков в сопровождении «определенного от Самарской ратуши для смотра и выемки корчемных напитков самарского посадского человека Петра Бородулина» изъяли в домах у капрала и двух драгунов Сергиевского ландмилицкого полка корчемную водку. Капрал попался уже второй раз, так как за год до того был уличен в корчемстве «кружечного двора бурмистром самарским посадским человеком Васильем Шапошниковым». Для взыскания штрафных денег самарская воеводская канцелярия обратилась по месту службы «корчемников» к командиру полка Полибину. Тот встал на сторону своих людей, заявив, что «вино и пиво держали они про свой обиход, а не на продажу». Тогда казанская губернская канцелярия обратилась к Наумову, в чьем подчинении состояли ландмилицкие полки новой Закамской линии. На это двукратное обращение «штрафных денег и поныне не прислано и ни о чем не ответствовано», — жаловались самарские и казанские власти Сенату, добавляя, что из-за корчемства по рапортам Самарской ратуши «показано в городе Самаре кабацкого сбора самое малое число»⁷³.

Впрочем, самарские воеводы сами старались выгородить собственных подчиненных, оказавшихся в сходных ситуациях. В 1740 г. симбирская провинциальная канцелярия потребовала у самарского воеводы прапорщика Новикова взыскать с комиссара (сборщика податей) И. Попова 15 руб., не сданные тем при переводе со службы из Симбирска. Вместо денег Новиков отправил в Симбирск показания Попова, в которых отрицается справедливость этого начета. Провинциальная канцелярия вновь потребовала деньги взыскать, выговаривая и угрожая воеводе: «А ежели помянутых денег с

него, Попова, не взыщешь к тому ж за рукою своею ответу в скорости не пришлешь, то для взыскания с тебя тех денег и взятья ответу прислан будет нарочной по инструкции на вашем коште неотменно». Из дела, впрочем, не видно, послушался ли воевода окрика и подвергся ли взысканию⁷⁴.

В третьей четверти XVIII в. Самара постепенно теряла свое административное значение. В 1764 г. было принято, но так и не реализовано решение о переводе ее в разряд «заштатных», то есть безуездных городов. Городское самоуправление оставалось под контролем вышестоящих органов провинциального и губернского городов (Симбирска и Казани), а военно-служилое население (солдаты, казаки, отставные чины) было подчинено оренбургскому губернатору. Лишившись собственного воеводского управления, которое было одновременно и военным, и гражданским, Самара оказалась в двойном подчинении властям Казанской и Оренбургской губерний. Гражданскую власть в городе представляли ведавший сбором податей комиссариат и магистрат, подчинявшиеся Казани. Военная власть вместе с заботами об оборонительных укреплениях и гарнизоне города, с управлением той частью города, которую занимали солдатские и казачьи дворы, сосредотачивалась в руках коменданта, назначаемого из Оренбурга. В 1773 г. был издан указ об окончательной передаче Самары в Оренбургскую губернию в ранге приписанной к г. Ставрополю слободы⁷⁵. Однако реализовать очередное решение о лишении Самары статуса уездного города в полной мере не удалось. Восстание Е.И. Пугачева заставило правительство Екатерины II для укрепления своей власти на местах поторопиться с проведением во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. новой административной реформы во всероссийском масштабе.

Еще до начала восстания императрица пыталась предотвратить обострение внутренних конфликтов в стране и улучшить систему власти, суда и самоуправления. Одним из наиболее ярких проявлений ее политики явился созыв в 1767 г. Комиссии для составления проекта нового Уложения, т. е. свода законов. Это был выборный законосовещательный орган, к участию в котором были допущены представители различных сословий, в т. ч. дворян, горожан, государственных крестьян, казаков. В Уложенной комиссии не было только представителей крепостных крестьян и солдат регулярной армии

Депутатом от горожан Самары был избран купец Д.Ф. Рукавкин. Ему вручили наказ, подписанный 75 избирателями: 2 чиновника-

ми, 3 должностными лицами местного самоуправления (бургомистр И. Халевин, ратман В. Синицын, словесный судья и купеческий староста И. Малеев), 52 купцами, 10 цеховыми мастерами, 8 отставными военными служащими⁷⁶.

В Уложенную комиссию государственные крестьяне Заволжья избрали трех депутатов от следующих сословных категорий: «непомнящих родства» и ясачных русских крестьян (Т. Иванов, который уже в ходе работы Комиссии сдал свои полномочия поверенному Бугурусланской слободы Г. Давыдову), новокрещенных чувашей, мордвы и татар (К. Федоров), некрещеных татар, чувашей и мордвы (И. Таиров). Кроме того, однодворцы и пахотные солдаты приняли участие в выборах общего депутата (И. Ахтемиров) вместе с отставными унтер-офицерами и солдатами⁷⁷. В свою очередь, в некоторых селениях бывшие военнопленные участвовали в выборах и составлении наказов совместно с государственными крестьянами.

В ходе выборов и составления наказов отмечены случаи совместных действий крестьян различных сословных категорий и национальных групп: подача общих наказов, выборы общих депутатов и поверенных, помощь и взаимодействие в составлении наказов представителей разных сословий, народов, вероисповеданий. Особый интерес представляют те из наказов, которые позволяют проследить борьбу крестьян за более полное отражение в них своих нужд и требований, против давления со стороны властей. Во время подачи двух наказов в Ставропольскую провинциальную канцелярию чиновники вынудили крестьян составить новые варианты текстов, из которых были исключены конкретные жалобы на местных помещиков и действия властей. Однако в Уложенную комиссию депутат представил оба варианта этих наказов: отредактированный и неотредактированный, тем самым доведя до сведения комиссии жалобы своих избирателей. Такого же рода нажим был оказан на «непомнящих родства» Бугульминского ведомства, в том числе со стороны оренбургского губернатора А.А. Путятин. Однако крестьяне отказались изменить свои указы и представили их в комиссию без исправлений. Есть основание также полагать, что депутат К. Федоров по приезде в Москву составил и подал новый наказ взамен текста, прошедшего цензуру местной администрации⁷⁸.

По своему содержанию указы крестьян имели между собой много общего. Основное место в них занимали вопросы обеспеченности земель и угодьями (в том числе в связи с захватами их помещиками), жалобы на тяжесть налогов и повинностей, злоупотреб-

ления чиновников. Особенности положения сословных категорий и национальных групп крестьян отступали на второй план.

Для властей должно было послужить тревожным сигналом отмеченное выше взаимодействие в организации и проведении выборов от представителей крестьянства и отставных военнослужащих. Во многом были схожи требования и их наказов (по земельным вопросам, по отношению к действиям местной администрации). Из семей же бывших солдат в значительной мере комплектовались здешние гарнизоны и ландмилиция. Положение отставных наглядно рисовало тем, кто находился на действительной службе, их будущее в случае увольнения. Таким образом, в ходе выборов и составления наказов косвенно отразилось взаимное сочувствие крестьян и нижних чинов армии положению друг друга, что ставило под сомнение надежность пограничных войск в случае внутренних конфликтов.

Тревоги по этому поводу должно было добавить и настроение казачества. От казаков г. Самары и Ставрополя и от всех крепостей Самарской и Яицкой дистанций депутатом был избран самарский сотник П. Хопренинов. Поданный ему наказ был сложен из отдельных наказов, составленных в каждом городе и крепости. Казаки обращали внимание на тяжесть службы, которую приходилось нести без жалованья. Основным источником их существования являлись сельское хозяйство и различные промыслы. Однако, как сообщалось в наказах, значительная часть земельных, лесных и водных угодий казаков отошла к помещикам, а также к государственным крестьянам и горожанам. Жалобы на тяготы службы и малоземелье исходили в основном от рядовых казаков, близких по положению к крестьянам и отставным нижним армейским чинам. Верхушка же казачества включила в наказ требования предоставить ей право владеть крепостными людьми⁷⁹.

От купцов и цехов единственного приволжского города Оренбургской губернии – Ставрополя – депутатом стал А. Куприянов. Весь наказ ему сводился к просьбе передать городу в вечное владение ближние рыбные ловли⁸⁰.

Более детальным и обстоятельным был наказ, данный депутату г. Самары Д.Ф. Рукавкину. В основном в нем отстаивались сословные и корпоративные интересы горожан и купечества. Например, речь шла об их монополии на торговые занятия, а также о разрешении им владеть дворовыми крепостными людьми. Надо отметить, что и в ходе работы самой комиссии из всех депутатов заволжских территорий выступали на ее заседаниях только двое, Хопренинов и Рукавкин, которые в своих «мнениях» так и не пошли дальше местных групповых требований⁸¹.

Тем не менее и в городском самарском наказе были переключки с требованиями крестьян и непривилегированных служилых сословий. Они касались поддержки администрацией земельных притязаний помещиков, тяжести казенных налогов и повинностей, злоупотреблений чиновников⁸². Таким образом, в той или иной мере при имеющихся разногласиях в позиции представителей и наказов в Уложенной комиссии от податного и непривилегированного служилого населения можно найти много общего.

Заметно противопоставляло себя всем остальным одно дворянское сословие. Обряд выборов в Комиссию давал дворянам право посылать представителей от каждого уезда. Однако немногочисленное самарское, ставропольское и оренбургское дворянство такой возможностью в полной мере не воспользовалось и избрало общим депутатом самарского помещика майора И. Толстова, который и получил один совместный наказ дворян трех уездов⁸³.

Среди прочих требований этого наказа (упорядочение деятельности судов и местной администрации, расширение прав «благородного сословия») выделялась просьба передать помещикам земли, которыми владеют «на самарской дистанции состоящие в крепостях жители, то есть отставные драгуны, и солдаты, и служащие казаки». В отношении казаков дворяне не просто требовали отобрать у них часть земель, а предлагали вообще выселить всех их «выше по Яику на линию», то есть дальше на восток.

Уложенная комиссия начала работать в Москве в июле 1767 года, а в конце 1768 г. фактически прекратила свою деятельность. Распущенная якобы временно, Уложенная комиссия так больше и не собиралась. Никаких конкретных решений она не приняла. Новое законодательство, на которое рассчитывали представители сословий, особенно низших – горожан, крестьян, казаков – не было создано. Крах надежд, связанных с Уложенной комиссией, явился одной из предпосылок восстания, вспыхнувшего в 1773 г. под предводительством Емельяна Пугачева. В числе территорий, охваченных восстанием, оказался и Самарский край.

Утром 25 декабря 1773 г. горожане Самары торжественно встретили отряд пугачевского полковника И. Арапова. В подготовке и организации этой встречи участвовали бургомистр И. Халевин, купеческий староста И. Бундов, депутаты Уложенной комиссии от горожан и казаков (Д. Рукавкин, П. Хопренинов), священники и диаконы всех самарских церквей, многие «первые граждане» и рядовые жители. 29 декабря город захватили правительственные войска. Следствие, проведенное в Самаре, показало, что все жители

повинны в переходе на сторону восставших. Бургомистр И. Халевин был после ареста и следствия высечен плетьюми, но освобожден вместе с депутатами Уложенной комиссии, которых телесным наказаниям вообще не подвергли⁸⁴.

Следует пристальной вглядеться в сами формы организации и деятельности повстанческих властей, особенно там, где они функционировали достаточно продолжительный срок, как, например, в Заволжье⁸⁵. Факты показывают, что события в ряде городов, например Самаре, явились, несомненно, восстанием, но мирным и до его подавления бескровным. Характер переворота оказался в значительной мере обусловленным переходом на сторону восставших городского самоуправления, превращавшегося в органы новой власти. Должностные лица из числа жителей городов сохраняли свое положение, казаки и военнослужащие гарнизона, включая некоторых командиров и офицеров, оставались при исполнении обязанностей.

Схожая с городами ситуация в отношениях новой власти и местных общин имела место в деревне. Сочетание мирского самоуправления и «царистских» лозунгов не свержения, но «восстановления» законной верховной власти облегчали сотрудничество жителей с повстанческими командирами. На материале ряда территорий хорошо прослеживается роль традиционного крестьянского самоуправления в восстании, его изменения в новых условиях. В абсолютистском государстве самоуправление у крестьян всех сословных разрядов не могло последовательно развить заложенные в нем демократические начала. Однако на территории, охваченной восстанием, деревенские миры выходили из-под контроля государственного аппарата и помещиков, освобождались от фискально-полицейских функций. Все сказанное выше можно отнести и к органам самоуправления в поселениях казаков, отставных солдат и других военно-служилых сословий. Так, атаманы ряда крепостей не просто перешли на сторону Пугачева, но стали деятельными участниками повстанческого движения и руководителями местных органов новой власти.

В совместных действиях ломались искусственные сословные перегородки между отдельными категориями крестьян, а также между крестьянами и близким к ним населением (казачеством, отставными солдатами и т. д.) Труднее и медленнее преодолевались локальность выступлений и разобщенность территориальных общин, что негативно сказывалось на ходе восстания.

Следует подвергнуть ревизии мнение советской историографии о том, что «ни одна сторона сложной и многогранной жизни на

территории, освобожденной от помещиков, горнозаводчиков и царских чиновников, не оставалась вне компетенции Государственной Военной коллегии» Пугачева⁸⁶. Здесь преувеличена роль пугачевской ставки, особенно в управлении районами, лежащими вне зоны действий главной армии, а также необоснованно расширены функции повстанческого командования за счет местного самоуправления. Военные командиры не вмешивались во внутренние дела общин: земельные, судебные, семейно-бытовые и т. п. Эти командиры чаще зависели более от местных миров, чем от пугачевской ставки, не имевшей возможности оказать им ни военную, ни иную помощь, кроме моральной. Главные силы Пугачева сами, как и отдельные отряды, постоянно нуждались в людском пополнении, фураже и провианте.

Неверно думать, что набор в повстанческое войско протекал стихийно за счет только добровольцев и убежденных сторонников Пугачева. Военная необходимость заставляла искать и иные способы. Увеличение численности боевых сил становилось обязанностью крестьянских миров, если добровольцев не доставало. Служба в повстанческих отрядах, в отличие от ненавистной рекрутчины, воспринималась большинством населения необходимой, хотя и тяжелой мирской повинностью, для которой часто использовали термины «выбор» и «наряд», свойственные другим общинным обязанностям.

Повстанческое «государство» вовсе не отказалось от принуждения и не отменило всех повинностей в свою пользу. Однако основная масса жителей не считала их тягостными не столько из-за меньшего объема по сравнению с прежними, сколько из-за согласия с общими намерениями новой власти.

Наряду с особой привлекательностью социальных лозунгов движения, для значительной массы крестьянства, городского и военно-служилого населения на первый план выдвигались политические симпатии к идеям, смутно выраженным, но четко воплощавшимся в ходе восстания, о государстве без привилегированной касты чиновников и дворян. В таком государстве политическая структура сводилась фактически лишь к двум элементам: царю с его окружением и совокупности самоуправляющихся общин. При подобном устройстве снимались многие национальные и религиозные проблемы, поскольку местная власть сама определяла свои этнические и вероисповедные традиции. Размеры и границы общин, опиравшихся на разные традиции, принадлежность к ним определяли сами жители.

Особая готовность юго-восточной окраины Российской империи к принятию таких перемен (в рамках возможного и допустимо-

го уровнем хозяйства, культуры, сознания) во многом была обусловлена слабостью инерции прошлого. Взаимоотношения между основными группами пришлого населения не обременялись давними ссорами или земельной теснотой. При этом окраины не отрывали себя от страны, не проявляли ничего похожего на местный сепаратизм. Если «мятеж окраины», о чем сейчас пишут⁸⁷, и имел место, то не во имя самостоятельного существования, а для того, чтобы навязать внутренним областям империи свой идеал политического и административного устройства, чтобы противостоять наступлению крепостничества и деспотизма.

Любопытно, что именно в декабре 1773 г. впервые было заявлено о претензиях Самары на более высокую административную роль. Тогда пугачевский атаман И. Арапов пообещал от имени «императора Петра Федоровича» жителям Самары, перешедшим на его сторону, сделать их город центром губернии в благодарность за то, «что без бою и без драки город отдали»⁸⁸. В трактовке пугачевцев преобразование города в губернский центр выглядело, правда, не столько административным преобразованием, сколько пожалованием горожан за верность «истинному царю». В этом факте не удастся уловить конкретные стороны того, каким видели повстанцы новые органы управления. Речь идет скорее о почетной награде городской общине в виде повышения ее статуса в государстве. По понятным причинам это слово сдержано не было. Устройством органов власти занялась победившая сторона.

Проведение масштабной реформы местного управления и суда было начато принятием «Учреждения для управления губерний» 7 ноября 1775 г. Положения этого закона были уточнены и дополнены «Жалованными грамотами» дворянству и городам, которые были изданы 21 апреля 1785 г., а также «Уставом благочиния или полицейским» от 8 апреля 1782 г.⁸⁹ С некоторыми изменениями сложившаяся тогда система местного управления, самоуправления и суда сохранялась до Великих реформ 1860-х гг.

Одновременно получили определенность административно-территориальная принадлежность нашего края и статус города. 15 сентября 1780 г. издан указ об образовании Симбирского наместничества (губернии). В его состав включался и Самарский уезд. В Самаре были образованы учреждения уездной и городской администрации.

По традиции главные правительственные учреждения и казенные службы располагались на территории городской крепости даже тогда, когда военное значение было ею утрачено. В Самаре «присутственные места» (органы управления и суда) были открыты

13 января 1781 г. и заняли сначала старые казенные постройки внутри остатков валов старого «земляного замка», а вскоре там же для них выстроили два каменных здания, причем одно из них, обнесенное каменной же оградой, в два этажа. На верхнем расположились нижний земский суд и городническое правление (уездная и городская администрация), уездный суд и дворянская опека (учреждения суда и опеки для «благородного» сословия). На нижнем этаже – уездное казначейство (касса приема денежных сборов и выдачи денежных сумм по распоряжениям властей), помещения для хранения денежной казны, архива, а также квартира городничего. В одноэтажном каменном здании находилась кордегардия караула и тюрьма. Рядом располагались деревянные помещения, где хранилось имущество военной команды, казенное продовольствие и вино⁹⁰.

В екатерининское время резко выросла роль сословного представительства. Исполнительная и судебная власть формировалась на уровне губернии в значительной мере, а на уездном уровне практически полностью на собраниях местного дворянского общества. Для проведения дворянских собраний и выборов на должности, которые дворянству поручалось замещать, был использован опыт собраний выборщиков и избрания депутатов в Уложенную комиссию 1767 года.

Губернские и уездные дворянские собрания происходили раз в три года. В ходе дворянских собраний дворянство заслушивало предложения генерал-губернатора или губернатора по местным нуждам, давая на них ответы, а также могло само делать представления «о своих общественных нуждах и пользах».

На этих же собраниях проходили выборы лидеров местной сословной организации: губернских и уездных предводителей дворянства. Для решения внутрисословных вопросов, главным образом составления и ведения родословных книг, создавалось постоянно действующее дворянское депутатское собрание. Впрочем, более важными следует считать выборы дворянских представителей на должности местного управления.

Как показывают подсчеты исследователей, по дворянским выборам замещалось около трети всех должностей в системе губернского управления и суда. Кроме того, еще треть должностей губернского уровня замещалась обязательно из местного дворянства, но не по выборам, а по представлению наместника, губернатора или губернского правления⁹¹.

Все же в губерниях выборные или назначенные дворянские представители играли подчиненную роль по сравнению с коронными

чиновниками: наместником (или генерал-губернатором), правителем или начальником губернии (губернатором), вице-губернатором и др. Иная ситуация складывалась на уездном уровне. Дворяне из своей среды избирали чиновников уездной администрации и полиции. Называлась выборная уездная администрация «нижним земским судом», а ее руководитель — «земским исправником» или капитаном-исправником. Содержалась она не за счет государственной казны, а за счет специальных «земских сборов» с местного населения. Слово «суд» здесь употреблено в архаичном значении «орган власти вообще». Собственно судебные функции были формально отделены от административно-полицейских и переданы другому органу, называвшемуся «уездным судом». Уездный судья и два заседателя уездного суда также определялись по дворянским выборам. Эти же лица входили в состав еще одного учреждения — дворянской опеки, в которой председательствовал уездный предводитель дворянства.

Отдав дворянству формирование административно-полицейских и судебных органов в уездах, правительство не допускало выборов в финансовое ведомство. Чиновники уездного казначейства, ведавшего приемом и хранением сборов и доходов, выдачей денежных сумм, паспортов и свидетельств на право торговли, продажей гербовой бумаги и клейменных мер, назначались сверху. Не были выборными и должностные лица, осуществлявшие прокурорский надзор: губернские прокуроры и уездные стряпчие.

Возвращаясь к проведению дворянских собраний и выборов, отметим, что по «Жалованной грамоте» на них разрешалось присутствовать всем местным дворянам (т. е. занесенным в родословную книгу данной губернии), но права голоса лишались те, кто не владел деревней и был моложе 25 лет. Из числа дворян, обладавших правом голоса, не могли быть избранными на должности лица, получавшие со своих деревень менее 100 руб. ежегодного дохода. Права избирать и быть избранными лишались дворяне, никогда не служившие государству или за время службы не получившие обер-офицерский чин.

В первой половине XIX в. ужесточились требования для получения голоса на выборах — теперь необходимо было владеть не менее 100 крепостными душами мужского пола или 3000 десятин земли. Имущественный ценз мог быть снижен до 5 душ или 100 десятин, если дворянин получил на военной службе чин полковника, а на гражданской — действительного статского советника. Группа мелкопоместных дворян имела право представить от себя на выборы

одного уполномоченного, если вместе у них набиралось 100 душ или 3000 десятин.

На первый взгляд покажется странным то, что одновременно снизились требования к лицам, избираемым в должности. Их по выборам теперь могли занять все потомственные дворяне, даже не имеющие недвижимости, а соответственно права голоса в собрании. Это обстоятельство объясняется тем, что богатых землевладельцев было не так уж и много, да и шли они на выборные должности неохотно, а участие дворян в местном управлении в первой половине XIX в. значительно расширилось в связи с созданием при губернском правлении многочисленных комитетов и комиссий по различным вопросам. В их состав обязательно входил губернский предводитель дворянства, а также другие представители этого сословия в качестве непреременных членов, попечителей, депутатов, заседателей и т. п. Можно сослаться на такого авторитетного свидетеля, как самарский общественный деятель и краевед П.В. Алабин: «Припомним, какими преимуществами пользовалось наше дворянство до уничтожения крепостного права и вообще до начала ряда реформ настоящего Царствования, когда выборные от дворянства председательствовали и в судебных палатах, и в уездном суде, когда таковые же выборные были членами уездного суда, исправниками, заседателями судебных палат, председателями и членами совестного суда, членами приказа общественного призрения, членами комиссий: народного продовольствия, дорожной, общественного здоровья, членами комитетов: земского, коннозаводства, оспенного, особого присутствия о земских повинностях и многих других, временных и постоянных комитетов и комиссий»⁹².

Большинство упомянутых здесь комитетов и комиссий было создано для определения, раскладки, несения земских повинностей. Последние существовали как в форме натуральных, так и в форме денежных сборов, взимавшихся сверх подушной подати, акцизов и прочих казенных налогов. Основной ряд земских повинностей составляли денежное и натуральное содержание почты, уездной администрации и полиции, путей сообщения, расходы и обязанности населения по этапированию заключенных и ссыльных, по совершению казни над преступниками (исключая устройство и хранение эшафотов, что осуществлялось за счет государственной казны), удовлетворение различных потребностей квартирующих или проходящих войск, отпуск денег на проведение оспопрививания и др.

Для составления сметы денежных земских сборов создавался Комитет Земских повинностей, куда наряду с губернатором и ря-

дом других правительственных чиновников включались губернский и уездные предводители дворянства, а также специальные дворянские депутаты для раскладки земских повинностей. Постоем занималась Квартирная комиссия, в которую депутат от дворян, имевших дома в городе, включался вместе с городничим.

Представительство других сословий в местном управлении и суде также имело место, хотя уступало дворянскому. Так, горожане входили в Комитет земских повинностей (голова губернского города и депутаты прочих городов) и Квартирную комиссию (депутат от горожан-домовладельцев). По два выборных заседателя от дворян, горожан и государственных крестьян входили в состав Приказа общественного призрения под председательством губернатора. Этот орган ведал в губернии делами народного образования, здравоохранения, а также сиротскими домами, богадельнями, местными исполнительными учреждениями.

На рубеже XVIII–XIX вв. были ликвидированы сословные суды в уездах и губерниях. Уездный суд стал общим для всего сельского населения, и в него, наряду с дворянскими, были введены заседатели из казенных крестьян. Крестьянские заседатели в 1830-е гг. появились и в составе уездной администрации и полиции – нижнего земского суда.

Заседатели из горожан вместе с дворянскими были включены в главные судебные инстанции губернии – Уголовную и Гражданскую палаты. Тогда же председатели этих палат, чьи должности ранее занимались по назначению, стали выборными. Благодаря этому все судебные учреждения на уровне уезда и губернии стали полностью выборными.

Город считался отдельной административной единицей. Самоуправление и самостоятельное судопроизводство городских обществ сохранялось. Однако жители городов, в отличие от уездного дворянства, гораздо меньше могли влиять на формирование административных учреждений. Исполнительную власть представляли здесь городничий и чиновники городнического правления, назначаемые сверху. В Самаре первого гражданского городничего Г.А. Буткевича назначили в 1787 г.⁹³

Еще не совсем привычное русскому уху слово «полиция» часто заменялось его отечественным синонимом «благочиние». В 1782 г. был принят закон, называвшийся «Устав благочиния или полицейский». Общегородским полицейским учреждением становилась управа благочиния. Ее председателем являлся глава городской администрации (городничий или комендант). Небольшие города, по-

добные Самаре, имели не более одного полицейского участка во главе с частным приставом, имевшим свою канцелярию, которую в просторечии именовали просто «частью» или «съезжей». Помощниками пристава в части были 2 городских сержанта и один «брандмейстер или огнегасительный мастер».

В соответствии с количеством дворов устанавливалась численность полицейских чинов в каждом городе. Полицейские участки по «Уставу» делились на кварталы из 50–100 дворов. В соответствии с этой нормой симбирский губернатор предложил в 1786 г. поделить Самару на 6 кварталов, но в столице решили, что число «оных можно, кажется, уменьшить» до 4 для экономии казенных расходов⁹⁴.

В конце XVIII в., когда число дворов в Самаре увеличилось до 707, в ней было уже 5 кварталов. В соответствии с этим числом в городе стояло «питейных домов пять, будок для содержания городского караула пять». Полицейский надзор в каждом квартале осуществляли два штатных чина, квартальный надзиратель и его помощник, а также 12 ночных сторожей, «которым плата производится за каждую ночную стражу».

Ряд вопросов жизни города даже в его уездном статусе решались при участии верховной государственной власти. Уже в 1835 г. был поднят Министерством внутренних дел вопрос об изменении плана города Самары, принятого в 1804 г., поскольку прежде «не существовало еще хлебной пристани, и хлебных амбаров на плане назначено не было». Теперь же число последних достигло нескольких сот, а ежегодные закупки хлеба, вывозимого отсюда, в Самарском и прилегающих уездах Саратовской и Оренбургской губерний простирались до 3–5 млн пуд. В 1840 г. новый план города был утвержден царем Николаем I. В 1835 г. император утвердил новые правила сбора здесь городских доходов и расходов, что было опять-таки следствием развития хлебной торговли, а также новые штаты самарской городской администрации, полиции и органов самоуправления.

Однако уже в 1841 г. срочно понадобилось и было получено высочайшее позволение на изменение этих штатов из-за большого притока людей. Официально постоянное население в Самаре за 1830-е гг. выросло в полтора раза (что уже было немало), превысив 13 тыс. чел., а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей. Но реальная его численность была на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. человек, и даже зимой в Самаре оставалось с учетом пришлых не менее 25 тыс. обитателей⁹⁵.

Полиция обязывалась следить не только за правопорядком, но и за частной жизнью обывателей. В «Устав благочиния» сама императрица включила нравственные руководства для полицейских чинов («с пути сошедшему указывай путь», «буде скотина и злодея твоего споткнется, подыми ее» и др.) и горожан («жена де пребывает в любви, почтении и послушании своему мужу», «запрещается всем и каждому пьянство» и т. п.).

Однако местные чиновники и полицейские чины не всегда были на высоте предъявляемых правительством требований. Тому были как объективные, так и субъективные причины.

При городничем Лукине, который сам по себе был «добрый и простой человек», служил квартальным надзирателем и фактически вел все делопроизводство по полиции пьяница и вымогатель Дмитриев. Ему Лукин доверял и сам разрешил пользоваться «доходами», как в тогдашнем канцелярском жаргоне назывались взятки, лишь «иногда потчивал его пощечинами и сажал под арест». Тяжелыми выдались грозный для страны 1812 и последующие за ним годы. Прежнего городничего перевели на другое место службы, и члену уездного суда И.А. Второву (известному литератору и мемуаристу) пришлось совмещать со своей судейской должностью еще обязанности городничего, а также уездного предводителя дворянства, хотя сам он и не был потомственным дворянином. Из ведения городничего из-за военного времени изъяли инвалидную команду, квартальных надзирателей не было ни одного, городская дума определяла к караулам стариков и малолетних. Один из двух писцов городнического правления опился до смерти, второго пришлось превратить в квартального надзирателя, и Второв ко всем прочим своим делам вынужден был сам вести делопроизводство, а то и объезжать ночью город вместо полицейских чинов. Судя по сохранившимся свидетельствам, «Второв много употребил труда и времени на то, чтобы раскрыть перед начальством жалкое состояние низших судебных учреждений и бедственное положение чиновников, получавших нищенское жалованье; при таком порядке, который существовал тогда, лихоимство было, действительно, злом неизбежным, ибо без него судьи были бы лишены возможности иметь помещение, дрова, письменные материалы, прислугу, уже не говоря о чиновниках, содержание которых было гораздо ниже последнего поденщика. В этом смысле Второв писал целые трактаты, которые прочитывались губернатором и губернским правлением, частью посылались для вечного покоя в Сенат, частью же обретали покой в симбирских архивах. Не забудем, что литератор-судья не

мог смотреть равнодушно на безграмотность и невежество подведомственных ему чиновников, большею частию людей нетрезвых...»⁹⁶.

Не все представители властей относились к своим обязанностям столь же честно и ответственно, как Второв. В феврале 1830 г. застрелился городничий И.И. Соколовский, которого обвинил во взяточничестве бывший квартальный надзиратель, уволенный за пьянство. Преемники Соколовского на этой должности не были столь шепетильными. Городничий Здвиженский, за девять месяцев службы в Самаре наживший 30 тыс. рублей, и сменивший его Сеченов, который открыто признавался, что стремится заработать до 50 тыс. рублей и сгинуть из города, являли примеры, достойные градоначальников из гоголевского «Ревизора» или «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Чиновники, особенно высоких рангов, были людьми служилыми, которых начальство часто переводило из одного города в другой, для них Самара была временным местом пребывания. Многие из них владели крепостными селами и деревнями, а потому более были связаны с уездным дворянством, нежели озабочены интересами горожан: торговцев, ремесленников, работников. Основная тяжесть расходов и забот по городу падала на само «градское общество» и его должностных лиц.

В управу благочиния наряду с городничим и двумя приставами, которых назначало губернское правление, входили два избранных горожанами ратмана. Также в каждой части города в дополнение к частному приставу, которого определяла управа благочиния, жители выбирали из своей среды «одного или более судей словесного суда» по мелким гражданским тяжбам с упрощенным устным судопроизводством.

В кварталах, на которые делились части города, квартальные надзиратели хотя и назначались, но обязательно с учетом аттестата от жителей. Их помощники – квартальные приставы – избирались горожанами из числа самих горожан или «из посторонних чиновных людей».

«Градское общество» имело статус юридического лица, обладало собственностью, получало доходы со своих имуществ, облагало своих членов специальными сборами, создавало органы местного самоуправления. Органами самоуправления Самары, как и других уездных городов России, являлись городская дума, городской магистрат (суд для горожан-недворян), сиротский суд (орган опеки для лиц купеческого и мещанского сословия). Все эти учреждения размещались в деревянном здании, стоявшем вне крепости на посаде

неподалеку от волжского берега близ хлебных амбаров и называвшемся часто в документах «городовым общественным домом» или «домом общества градского». Страшный пожар 13 июня 1850 г. уничтожил это здание и все имущество, из которого уцелели лишь «стол присутствующих думы с зеленым сукном, зеркало и портрет Государя Императора без рамки». Пришлось временно снимать за 290 руб. в год под помещение перечисленных учреждений частный дом, который предоставил один из гласных думы, купец И.С. Лебедев⁹⁷.

По «Жалованной грамоте городам», изданной Екатериной II, предусматривалось создание в городах общей и «шестигласной» дум. Общая городская дума практического значения в повседневной жизни не имела. По сути дела, это было собрание выборщиков от разных групп горожан, которое проводилось раз в три года и занималось исключительно избранием членов постоянной, так называемой «шестигласной» думы. Последняя являлась важнейшим органом местного самоуправления, именно ее следует называть просто городской думой, так, впрочем, ее и именовали чаще всего в документах. Она осуществляла распорядительные функции и ведала городским хозяйством, благоустройством, защитой сословных прав купцов и посадских людей.

Городская дума состояла из головы и гласных, которых, с учетом численности и состава населения небольшого города, в Самаре было четверо, а не шесть, как предусматривала «Жалованная грамота городам». Гласным и голове справиться со всеми городскими делами было не под силу. Им помогали в целом ряде вопросов старосты купеческой и мещанской общин, ревизские, податные, недоимочные старосты и сборщики податей, базарные старосты, присяжные оценщики, торговые депутаты, поверенные в разных учреждениях и комиссиях.

Выборы городского головы, гласных думы, бургомистров и ратманов магистрата проходили на собраниях «градского общества», созывавшихся раз в три года. Старосты и некоторые другие должностные лица переизбирались ежегодно. Собрания городских жителей должны были, кроме проведения выборов, выслушивать предложения губернатора или генерал-губернатора, принимать их «во уважение» и чинить по ним «пристойные ответы, сходственные как узаконениям, так и общему добру». Само градское общество могло обращаться к губернатору «о своих общественных нуждах и пользах».

Правом голоса и правом избрания на должности обладали жители не моложе 25 лет, имевшие в данном городе капитал, проценты с которого составляли не менее 50 руб. в год. Однако лица, не удов-

летворявшие указанному имущественному и возрастному цензу, могли присутствовать в собраниях градского общества. Впрочем, в небольших и небогатых городах имущественный ценз для получения права голоса и права быть избранным разрешалось снижать. Фактически в таких городах, в т. ч. и Самаре, к выборам призывались все полноправные члены общины (обладавшие собственностью мужчины-главы семейств). Происходили они в «доме общества градского». Собравшиеся приносили присягу, подписываясь под ее текстом. Результаты выборов протоколировались и также подписывались присутствующими.

Если должность была достаточно ответственной, то требовалось утверждение губернской администрации. В связи с этим интересная ситуация сложилась в Самаре на выборах городского головы в 1850, 1852 и 1855 гг. Все три раза наибольшее число голосов получал купец третьей гильдии Лев Алексеевич Умнов, но два первых раза он не был утвержден в должности губернаторами, в основном по причине его долгов, которые влекли за собой многочисленные тяжбы. По поводу его избрания в третий раз губернское правление вновь констатировало, что «расстроенность состояния купца Умнова, бывшая прежде причиною неутверждения его в должности Самарского городского главы, не устранилась». Однако решено было принять «в уважение усиленное желание городского общества иметь его своим головою». Третья победа Умнова на выборах была расценена руководством губернии как «законное ручательство благонадежности его», а потому он был введен в должность головы. Эту процедуру вместе с принятием присяги провел по поручению губернских властей уездный предводитель дворянства Карамзин⁹⁸.

Решение о проведении выборов и их сроках принимал городской голова. Как правило, это делалось в конце календарного года. В особых случаях проходили досрочные выборы. Потерявший дом и имущество в пожаре Е.К. Суханов оказался не в состоянии нести должность мещанского старосты и подал 13 июля 1850 г. прошение об освобождении от нее. Дума удовлетворила эту просьбу, а мещанское общество представило 24 июля приговор «на избрание из среды себя в старосты по распорядительной части мещанина Петра Сергеевича Сивохина».

Голосование проводилось шарами («баллотировка») и было по современной терминологии «мягким», т. е. давало возможность подавать голос не за одну, а за две или несколько кандидатур. Например, на упомянутых выборах городского головы в 1855 г. два основных претендента набрали большинство голосов «за», но Л.А. Умнов

их получил 233 при 82 «против», а П.А. Крашенинников 168 «за» и 147 – «против», почему избранным считался первый. Не прошедший на должность, но получивший второй результат на выборах, числился «кандидатом по» голове, старосте, судьбе и т. д. Если должностное лицо в силу каких-то причин (смерть, болезнь и др.) не могло выполнять свои обязанности, то они возлагались постоянно или временно на «кандидата». Так, 23 июня 1850 г. городской голова В.И. Тепляков в собрании думы объявил, что от потери во время пожара дома и имущества он стал страдать головными болями и ослаб здоровьем. Чтобы для лечения отлучиться на серные Сергиевские воды, он предложил думе на три месяца поручить исправление «должности городского головы состоящему по нем кандидату купцу Василию Попову»⁹⁹.

Кандидат мог быть утвержден вместо набравшего большинство баллов лица, если того по какой-либо причине не утверждали в должности вышестоящие власти. Так было в упомянутых случаях с первыми двумя избраниями Л.А. Умнова на должность головы.

Чаще губернские власти не утверждали в должности лиц, не владевших собственностью в городе или постоянно в нем не проживавших. Однако это делалось, как правило, в случае отказа самих выбранных принять такую должность. Если такового отказа не следовало, то на нарушение имущественного ценза внимания не обращали. Еще одной причиной, заставлявшей определять «кандидатов», был большой объем работы и другие обстоятельства, которые могли потребовать привлечения их в качестве временных помощников или заместителей основных должностных лиц.

Система городских властей и самоуправления практически без изменений просуществовала в уездной Самаре семь десятков лет. Однако рост населения, территории, промышленности, торговли, культурного значения города отразился в повышении его административного статуса при создании Самарской губернии в 1851 г., которое повлекло за собой некоторые перемены в местных органах.

Становление новой губернии прошло в основном при губернаторе К.К. Гроде, который управлял ею с 1853 по 1860 гг. Важное место при этом уделялось взаимодействию правительственной администрации с выборными властями и представителями местных сословных обществ в органах самоуправления. По мнению П.П. Семенова-Тян-Шанского, современника К.К. Грота, тот на посту самарского губернатора нашел «блестящее применение своим выдающимся административным способностям». В результате, следуя «рецептам своего великого учителя Н.П. Милютина», одно-

го из идеологов и практиков будущих Великих реформ, К.К. Грот «не только создал местное городское самоуправление в Самаре, но и вдохнул в него живую душу»¹⁰⁰. Это было «хорошо знакомое ему дело», благодаря прежней совместной работе с Н.А. Милютинным по совершенствованию управления Петербургом.

Вышеизложенное мнение о Гроде как человеке, «создавшем» самоуправление в Самаре и при этом предвосхитившем, следуя лучшим петербургским образцам, замыслы еще не начатых реформ, которое повторяется и в современных исследованиях¹⁰¹, представляется не совсем справедливым. Во-первых, еще до создания Самарской губернии органы самоуправления существовали во всех городах и уездах, которые отошли к ней из состава Оренбургской, Симбирской и Саратовской губерний. Во-вторых, опыт ведения дел в громадном столичном городе мало подходил небольшой и только что приподнявшейся над рядовым уездным статусом Самаре. В-третьих, никаких серьезных отклонений от дореформенной практики местного управления и самоуправления К.К. Грот, как лояльный подданный и законопослушный чиновник, конечно, не допускал. Однако согласимся, что губернатору пришлось решать действительно непростые административные вопросы, поскольку налаживание работы местных властей различного уровня и их взаимодействия происходило в обстановке изменения условий функционирования уже существующих органов. Сложности, которые преодолевал К.К. Грот в Самаре и делал это довольно успешно, были вызваны рядом причин, в числе которых были:

- придание Самаре статуса губернского центра;
- переподчинение этому центру уездных и городских учреждений, прежде функционировавших в составе других губерний;
- унификация организации, обязанностей, полномочий самоуправления, отличавшихся правилами и традициями, которые сложились в разных губерниях.

Вскоре после прихода к руководству губернией К.К. Грот констатировал, «что здесь в каждом городе существует особый порядок выборов в городские должности, что в некоторых городах есть такие должности, которые не положены законом, что, напротив, в других городах не достаёт должностных лиц, которые законом назначены; одним словом, что при выборах в общественные должности в городах Самарской губернии существует произвол, и что общества руководствуются в этом деле не указаниями закона, общими для всех городов Империи, а принятыми по каждому городу особыми произвольными правилами»¹⁰². Очевидно, что новый гу-

бернатор столкнулся не столько с задачей активизации общественной жизни, сколько с наведением порядка в выборах, должностях и полномочиях местного самоуправления путем их инвентаризации и унификации.

Он лично вытребовал «от городских Дум и Ратуш ведомости о всех должностных лицах, служащих по выборах городских обществ», и переслал их в Губернское правление «для установления по предмету городских выборов в городах вверенной мне губернии однообразия и для уничтожения всякого в этом деле произвола». 15 марта 1854 г. К.К. Грот потребовал «определить, на основании существующих постановлений, какие именно должностные лица должны быть избираемы городскими обществами, установить порядок выборов по управлениям: Судебному, Полицейскому, Хозяйственному, по управлению гильдий, по управлению мещанства и управлению цехов; и наконец указать городским обществам: на какое время должно быть избираемо каждое должностное лицо, в какие именно должности избранные лица должны быть утверждаемы Губернским Правлением, и в какие должности самими Думами или Ратушами»¹⁰³.

Относительно участия выборных дворянских представителей в местных органах управления К.К. Грот в своем выступлении на губернском дворянском собрании в 1855 г. также заявил, что «права дворянства трех губерний, из которых составила Самарская губерния, были различны, а потому и первоначальные выборы по разным уездам Самарской губернии не могли быть везде одинаковы; одни и те же должности замещены в одних уездах от дворян, в других от правительства». Дворянскому собранию губернатор предложил установить «прочный и основанный на законоположениях порядок и избрать на все представленные замещению дворянами должности лиц из своей среды»¹⁰⁴.

Проводимая К.К. Гротом унификация местной власти и самоуправления проходила в основном по образцу учреждений Симбирской губернии, поскольку из нее переходил губернский город Самара, а также наиболее освоенные и плотно заселенные уезды Самарский и Ставропольский. Кроме того, территории этих двух уездов начали осваиваться раньше остальных, включенных в новую губернию, а потому порядок их управления более других соответствовал распространенному в центральных районах Российской империи.

По данным 1854 года, в ставшей губернским центром Самаре по выбору горожан замещались следующие административные, полицейские, судебные должности¹⁰⁵:

№ п/п	Название должностей	Число лиц	Из какого сословия	На какой срок
1.	Заседатели в Уголовную палату	2	От купцов	3 года
2.	Заседатели в Гражданскую палату	2	От купцов	3 года
3.	Бургомистры в магистрат	2	От купцов и мещан	3 года
4.	Ратманы в магистрат	4	От купцов и мещан	3 года
5.	Словесные судьи в магистрате	2	От купцов или мещан	1 год
6.	Словесные судьи при частях города (в каждой части)	2	От купцов или мещан	1 год
7.	Выборные при частях города (в каждой части)	2	От купцов или мещан	1 год
8.	Ратманы в Полицию	2	От купцов или мещан	3 года
9.	Депутат в квартирную комиссию	1	От купцов или мещан	1 год
10.	Городской голова	1	От купцов	3 года
11.	Гласные Думы	6	От купцов 2, от мещан 2, от цеховых 2	3 года
12.	Писарь городского общества	1	От мещан	3 года
13.	Депутаты в городское депутатское собрание	3	От купцов 1, от мещан 1, от цеховых 1	3 года
14.	Старосты для составления городской обывательской книги	3	От купцов 1, от мещан 1, от цеховых 1	3 года
15.	Депутат для составления раскладки земских повинностей	1	От купцов или мещан	3 года
16.	Купеческие старосты и товарищи их (от каждой гильдии)	1	От купцов	1 год
17.	Торговые депутаты	4	От купцов	3 года
18.	Мещанские старосты	2	От мещан	1 год
19.	Староста по сбору податей	1	От мещан	1-3 года
20.	Помощники ему	6	От мещан	1-3 года
21.	Десятские	10	От мещан	1 год
22.	Ремесленный голова	1	Из цеховых	1 год
23.	Управные старшины (в каждом цехе)	1	Из цеховых	1 год
24.	Старшинские товарищи (в каждом цехе)	1	Из цеховых	1 год
25.	Староста по сбору податей	1	Из цеховых	1-3 года
26.	Присяжный маклер	1	Не указано	Не определено
27.	Аукционисты	2	От купцов или мещан	Не определено
28.	Депутаты для следствия по делам купцов и мещан	2	От купцов и мещан	Не определено
29.	Рекрутские старосты и «добросовестные» для рекрутского набора		Распоряжение о них еще не издано	
30.	Присяжные оценщики	2	От купцов и мещан	1 год

В отличие от Самары города на северо-востоке Заволжья, переданные в новую губернию из состава Оренбургской, обладали весьма ограниченными возможностями самоуправления. В 1850 г., т. е. в самый канун образования Самарской губернии, констатировалось, что «городское управление в городах Оренбургской губернии ... составляет исключение из общего порядка городских учреждений». В ходе административной реформы Екатерины II в Бузулуке, Бугуруслане, Бугульме не было создано ни дум, ни ратуш, ни магистратов, а существовали только словесные суды, которые не имели специальных помещений, налаженного делопроизводства и подчинялись думам крупных городов: Бугульминский и Бугурусланский суды — Уфимской думе, Бузулукский — Оренбургской. Думы, отстоящие на 100–300 верст от подведомственных городов, не знали ни нужд, ни возможностей последних, а потому распоряжались «их хозяйством, так сказать, заочно и наобум», воспринимались как лишняя передаточная инстанция между уездными городами и губернским начальством. Просьба бузулукских купцов и мещан об открытии ратуши, поданная в 1839 г., оставалась без исполнения вплоть до передачи их города в Самарскую губернию¹⁰⁶. Здесь К.К. Гроту приходилось налаживать работу органов местного самоуправления практически заново.

Сам К.К. Грот не только заботился о способах организации и устройства городского самоуправления, но и активно вмешивался в содержательную часть его деятельности. К числу его инициатив относят не только стремление «улучшить внутренний строй администрации», но и желание водворить в Самаре и губернии «начала действительного благоустройства», в том числе «приступить к приведению города в приличный его новому званию вид»¹⁰⁷. Конкретно это выразилось в осуществлении необходимых шагов для появления в Самаре общественного сада, публичной библиотеки, постоянного театра, противопожарного водопровода и других вещей, без которых невозможно представить себе жизнь города нового времени.

Вопреки утверждениям друзей и единомышленников о чрезвычайных успехах К.К. Грота в формировании самоуправления на новых началах, о чем говорилось выше, он сам был более взвешен и адекватен в оценке этой стороны своей деятельности. Он прямо говорил, что в его губернаторство не было самостоятельных городских или земских органов, поскольку они могли появиться только в ходе реформ 1860–1870-х гг. Это прямо вынуждало его пользоваться «широко распорядительной властью губернатора», ныне мы

назвали бы это «административным ресурсом». Более того, К.К. Грот сам признавал, что в его время «губернаторская власть была так поставлена, что весьма трудно было ее не превзойти», т. е. не допустить произвола¹⁰⁸.

Вместе с тем самарский губернатор предпочитал не превышать свои властные и контролирующие функции в отношениях с выборными органами и местным самоуправлением. Характерным был следующий эпизод. Из-за неудовлетворительного состояния сбора податей и других денежных сборов К.К. Грот потребовал в 1857 г. от «земских полиций» [выборных уездных администраций. — Ю. С.], городских дум и ратуш подавать ему ежемесячно «ведомости о взыскании податей», чтобы губернатор «мог следить за успехом этого дела и направлять действия лиц, на которых лежит исполнение этой обязанности». Однако через год старые недоимки были практически все взысканы, а состояние сельского хозяйства, хлебной торговли, спроса на труд работников в губернии не внушали опасений за будущие налоговые поступления. В этих условиях К.К. Грот отменил в 1858 г. доставку указанных ведомостей лично ему, дабы избежать лишней бюрократической переписки, выразив надежду, что земские исправники, члены дум и ратуш будут впредь заниматься взысканием различных сборов и наблюдать за порядком в этом деле без губернаторского «руководства и напоминаний»¹⁰⁹.

В Самарской губернии не было нужды создавать органы самоуправления, поскольку они уже были, и не было возможности для их кардинальной перестройки, поскольку они существовали в жестких рамках законов и традиций крепостной России. Добрая воля, честность и опыт К.К. Грота позволили сгладить некоторые негативные стороны тогдашней системы управления на местах, в том числе путем упорядочивания работы выборных органов и местного самоуправления, улучшения их взаимодействия с коронной администрацией.

Без многовековой традиции участия представителей сословий и территорий в органах управления и суда, в том числе эпохи абсолютизма, невозможно было бы создание после Великих реформ новых представительных уездных, городских, губернских органов. В этом отношении деятельность губернатора в дореформенной Самаре 1853–1860 гг. по совершенствованию организации и работы выборных органов местной власти и самоуправления подготавливала условия для успешного проведения земской и городской реформ в Самарской губернии. Возможно, это стало одной из причин того, что именно в этой губернии в 1865 г. были сформированы

первые в России новые земские учреждения. В свою очередь, взаимодействие с представителями территориальных и сословных корпораций обогащало административный опыт самого К.К. Грота, способствовало его активному участию в подготовке и осуществлении ряда Великих реформ как во время пребывания на губернаторском посту, так и после.

Еще большее воздействие на структуру властей и самоуправления оказали Великие реформы 60–70-х гг. XIX века, знаменовавшие отход от устаревших феодально-крепостнических общественных и государственных порядков. Отметим, однако, что без многовековой традиции участия представителей сословий и территорий в органах управления и суда, в том числе эпохи абсолютизма, невозможно было бы создание после Великих реформ новых представительных уездных, городских, губернских органов. Не случайно в этих представительных органах, особенно на первых порах, ведущие роли играли выходцы из дворянства и горожан, т. е. тех социальных и сословных групп, которые обладали наиболее богатым опытом участия в управлении и самоуправлении, в т. ч. на выборной основе.

Сельское население несколько отличалось от городского и по формам своего взаимоотношения с местными властями, и по организации собственного самоуправления. Кроме того, оно было разделено на разные сословные категории.

5 апреля 1797 г. было принято «Учреждение об императорской фамилии», согласно которому для содержания членов царской семьи и управления их владениями учреждался Департамент уделов, включенный с 22 августа 1826 г. в состав нового Министерства Императорского двора и уделов. В его ведение было передано более 4 млн дес. земли с населявшими их дворцовыми крестьянами (св. 900 тыс. чел.), которых стали называть удельными. За пользование земель, кроме несения государственных и мирских повинностей, они обязаны были платежом оброка и отработками в пользу удельного ведомства. Владения удела постоянно расширялись, составив к 1860-м гг. 10 млн дес., за счет покупок и передачи ему государственных земель, что происходило и в Самарском Поволжье. В 1835 г. государственные крестьяне Симбирской губернии, в т. ч. в Ставропольском, Самарском, Сызранском уездах, были переданы в удельное ведомство со своими землями и угодьями. В 1843 г. А.А. Орлова-Чесменская продала в удел свои громадные владения: волости Новодевиченскую и Екатерининскую, а также Винновку, Берез. Солонец и другие селения, где в общей сложнос-

ти имелось 14 тыс. крепостных и 144 тыс. дес. земли. Так же поступили со своими владениями в деревнях Ольгино и Николаевка ее кузен А.Ф. Орлов с супругой О.А. Орловой, продавшие уделу 26 тыс. дес., и ее соседи Левашовы, хозяева села Маза с деревнями, имевшие 4,5 тыс. крепостных и до 13 тыс. дес. пашни и покосов. Шел приток переселенцев из удельных крестьян на свободные земли Заволжья и из отдаленных малоземельных губерний.

Вначале управление удельными землями на местах сосредотачивались в удельных экспедициях при губернских казенных палатах, а в 1808 г. были учреждены удельные конторы и их отделения.

Симбирская удельная контора была открыта 9 октября 1808 г., при ней было создано 3 отделения в Алатыре, Сызрани и Ставрополе. В 1836–1837 гг. она была поделена на 4 независимые конторы: Симбирскую, Сызранскую (упразднена в 1870 г.), Алатырскую и временное отделение в Ставрополе, которое было в 1851 передано в Самарскую удельную контору, созданную также в 1808 г. Во главе удельной конторы стоял управляющий, назначаемый министром, ее штат включал помощника управляющего, бухгалтера, стряпчего, делопроизводителей и их помощников, лесничего, землемера и его помощника, окружных надзирателей. Делопроизводство велось по трем столам: хозяйственному, казенных податей и доходов, ссудному.

В своей деятельности в удельных селениях конторы опирались на подчиненные им органы самоуправления – сельские приказы, которые избирались в каждой удельной волости – территориальной единице, составленной из такого числа селений, чтобы в сумме получилось в среднем 3 тыс. душ муж. пола. Приказ состоял из головы, двух старшин – приказного (по полицейским делам) и казенного (по податям и повинностям), писаря. На сельских сходах избирались старосты, а также сотские и десятские (низшие полицейские чины).

Передача государственных крестьян Симбирской губернии в удельное ведомство не означала ликвидации этой сословной группы на всей территории Среднего Поволжья и Заволжья. Более того, их число возрастало в результате переселений. В 1844 г. было учреждено Управление заселением Самаро-Ставропольских земель, которое находилось в ведении Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, а с 1858 г. – Самарской палаты государственных имуществ. Его полномочия распространялись на казенные земли Самарского и Ставропольского уездов Симбирской губернии (с 1851 г. – Самарской губ.), освободившиеся

после выселения Ставропольского калмыцкого войска. Сюда велось переселение по особым правилам, и здесь новые поселки должны были стать примером для российской деревни. В каждом сельском обществе, составляемом из нескольких сел и деревень, предусматривалось возведение до прибытия переселенцев хлебных магазинов, домов старшины и писаря, сельских управлений и помещений для приезда чиновников, школ, сараев для помещения пожарных инструментов, общественных бань и образцовых крестьянских изб. Доклад министра государственных имуществ об учреждении семейных участков на казенных Самаро-Ставропольских землях был утвержден 14 февраля 1844 г., но только в 1848 г. были закончены работы по подготовке к приему первых переселенцев в Николаевское сельское общество по р. Степной Чесноковке, составленное из села Николаевского (Никольского) и деревень Александровки, Сосновки, Федоровки, Ниж. Константиновки, Верх. Константиновки, Павловки, Алексеевки, Владимировки. Прибытие сюда переселенцев началось в 1849 г. Одно из самых масштабных мероприятий позднего государственного феодализма в России осталось незавершенным. Отмена крепостного права в казенной деревне изменила условия, на которых завершалось освоение Самаро-Ставропольских земель, да и других земель Среднего Поволжья и Заволжья в пореформенную эпоху¹¹⁰.

Собственные системы управления создавались в рамках крепостных помещичьих вотчин, среди которых своими масштабами в Среднем Поволжье выделялись владения Орловых. Центром хозяйственной и административной жизни вотчины была барская усадьба. Она включала дом помещика и самые разнообразные постройки как жилого, так и производственного назначения. Их количество зависело, прежде всего, от богатства хозяина.

Не в каждом помещичьем селении ставились господские дома, и не во всяком таком доме действительно жил помещик. Иногда их занимали под жилье приказчиков, управляющих, вотчинные конторы. Лишь изредка хозяин, проживавший в столице или другом городе, приезжал и останавливался в своей отдаленной усадьбе. Так поступали, как правило, богатые дворяне, тем более находившиеся на государственной службе.

Самым развитым усадебным комплексом во владениях Орловых был усольский¹¹¹. Каменного жилого строения, правда, здесь не было до 1817 г. Центром усадьбы В.Г. Орлова с конца XVIII в. являлся двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте о 16-ти комнатах. По левую сторону от него стоял флигель, где жил упра-

витель, в другом флигеле по правую руку находилась «застольная» и кухня, для снабжения которых рядом были вырыты два погребца и ледник, поставлен мучной амбар. Поблизости возвели дом, где размещалась школа для крепостных мальчишек. Недалеко от дома помещика топились бани.

Одним из излюбленных занятий дворянского сословия в XVIII в. была охота. В Усолье И.Г. Орловым для охотничьих увеселений были устроены птичий и псарный дворы. В первом содержались ястребы, соколы и другие ловчие птицы, обучаемые сокольничими. Заботу о псарном дворе взял на себя А. Мещеринов, знаток собак и постоянный компаньон И.Г. Орлова в охотничьих забавах. Пристрастие И.Г. Орлова к различным видам охоты привело к возникновению недалеко от села Усолье вольера со зверьми в близлежащей роще, получившей название «Зверинец», куда помещались пойманные во время охоты животные. Вольер делился на три части, каждая из них была предназначена для определенного вида животных. «Зверинец» просуществовал до 1799 г., после чего был ликвидирован по приказу В.Г. Орлова. Вообще после кончины И.Г. Орлова, имевшего постоянное место жительства на Средней Волге, часто бывавшего в Усольской вотчине, вольеры перестали пополняться новыми трофеями, и содержание «Зверинца» потеряло всякий смысл. В отличие от старшего брата, В.Г. Орлов бывал в Усолье нечасто и только по деловым надобностям, а в 1805 г. вообще совершил последнее посещение своих средневожских владений на Самарской Луке¹¹².

В отдельном деревянном здании помещалась вотчинная контора. При ней были выстроены двухэтажные каменные хозяйственные строения, использовавшиеся под склад вещей, хранение денег, архив, караульное помещение и «заколотную» [вотчинную тюрьму. — *Авт.*]. Над каменными этажами в мансарде-«светелке» располагалось жилое помещение «для холостых хорошего поведения конторских писарей». В отдельных постройках помещались столярная и чертежная, соединявшиеся чуланом, который использовался для хранения сала. Старую «заколотную», выстроенную когда-то из дерева напротив конторы, переставили на конный двор и приспособили для жилья конюхов. На том же дворе имелась конюшня для верховых и выездных лошадей, сарай для рабочих лошадей, «каретник», другие подсобные постройки.

Для жителя дворовых людей было выстроено около 25 изб в двух слободках на усадьбе. Ко всему этому надо добавить, что на самой усадьбе и за ее пределами стояли многочисленные амбары, сараи,

гумна, скотные и птичьи дворы, строения ткацкой фабрики, салотопни, другие производственные постройки, а также здания больницы.

Один только перечень построек дает общее представление о значении Усольской усадьбы как центра крупного помещичьего хозяйства. Управленческо-производственные функции выступали на первый план, т. к. граф очень редко бывал здесь сам, препоручив ведение дел доверенным людям как из знакомых помещиков, так и из своих крепостных.

Крупная помещичья вотчина была похожа на государство в государстве. В.Г. Орлов даже выработал специальное «Уложение по Усольской вотчине» из 27 глав, регламентировавших внутреннюю жизнь и управление вотчиной.

Вотчинная контора графа также была устроена наподобие государственных учреждений. Она подчинялась «вышестоящему органу» – домовому конторе В.Г. Орлова в Москве. Предусматривалось четкое распределение обязанностей среди служащих, были введены строгие правила делопроизводства, материальной и финансовой отчетности.

Впрочем, как и в государстве в целом, никакие регламенты не гарантировали от злоупотреблений и корыстолюбия администрации. Управляющий имением графа В.Г. Орлова крепостной человек Василий Фомин купил 50 лошадей, 88 голов рогатого скота, много серебряной посуды, зеркал, мебели, ружей, экипажи, на имя его жены было записано еще 105 голов рогатого скота и 249 голов овец. Все это открылось после смерти управляющего в 1825 г. и немедленно перешло в собственность помещика. Один из преемников Фомина на посту управляющего и также крепостной человек Федор Усов владел купленными землями. За «приобретательство», а также за подлоги, в которых его уличили, он был оштрафован на сумму в 3 тыс. руб., снят с должности и исключен из общины с запрещением посещать мирские сходы¹¹³.

В.П. Орлов-Давыдов предпочитал подбирать вольнонаемных управляющих из лиц преимущественно дворянского звания, оплачивая их труд, исходя из конечных результатов деятельности. Материальная заинтересованность не гарантировала сама по себе успешности в делах. Сменив на этой должности несколько человек, владелец Усожья наконец остановил свой выбор, оказавшийся весьма удачным, на финляндском дворянине Карле Петровиче фон Бруммере. Тот прибыл в Усольскую вотчину в 1841 г., первоначально в качестве руководителя строительными работами, производимыми

в хозяйстве. В 1844 г. он вступил в должность «главноуправляюще-го» и оставался бессменным главным администратором среднево-лжских владений В.П. Давыдова до 70-х гг. XIX в.¹¹⁴

Дворовый штат Усольской вотчины составлял более 200 чело-век. Он включал служащих конторы (управитель, конторщик, «рас-ходчики»-кассиры, писари и т. д.), будущих служащих – учеников вотчинной школы, поваров истряпух, мастеров (кузнецы, столяры, сапожники, шорники и др.) и их учеников, скотников и птичниц, других работников и прислуги, а также престарелых и больных дво-ровых, получавших содержание от графа. Контора располагала соб-ственной полицией с огнестрельным оружием, а поэтому называв-шейся «ружейниками». У господского дома и конторы всегда сто-яли караульные с ружьями. Служители помещика находились не только в Усолье, но и в других селах имения. Это были начальники и работники на господских мельницах (писари, мельники, засып-щики), смотрители при других господских работах, приказчики, сельские писари – «земские».

Положение дворовых людей трудно оценить однозначно. С од-ной стороны, из двора выходили лица, приближенные к хозяевам вотчин, поставленные над односельчанами. С другой стороны, ос-новная часть дворовых не имела собственного хозяйства и даже минимума экономической самостоятельности, испытывала наибо-лее жесткую зависимость от помещиков и их управителей, была низведена до положения абсолютно бесправных барских холопов.

Другие помещики Самарского края, даже богатые, не имели воз-можности содержать такие усадебные комплексы и иметь столько двора, как Орловы, хотя родственники и потомки В.Г. Орлова старались создать собственные усадьбы, не уступавшие Усолью. К числу их следует отнести имения Новосильцевой в Рождестве и Долгоруковых в Сосновом Солонце. После образования в 1851 г. левобережной Самарской губернии эти два имения, расположен-ные на горном берегу Воги, были включены в Сызранский уезд Симбирской губернии.

Можно сделать вывод, что накануне Великих реформ существо-вало разнообразие способов администрирования и внутренней са-моорганизации отдельных сословных групп населения Среднего Поволжья и Заволжья, а также заселенных ими жилых мест и тер-риторий. Это разнообразие проявлялось, прежде всего, на низовом уровне городской или сельской общины, удельного или частновла-дельческого имения. На уровне же уездного и губернского звень-ев управления бывшая пограничная окраина империи в середине XIX века мало чем отличалась от центральных губерний России.

3. СТРУКТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Развитие местного управления и самоуправления в регионе во второй половине XIX в. определялось, с одной стороны, административно-территориальным переустройством края, с другой – осуществлением Великих реформ.

Аппарат губернского административного управления (называемый также учреждениями «коронной» администрации) Самарской, Саратовской и Симбирской губерний был единообразен и типичен для европейских губерний Российской империи.

Деятельность губернских органов управления регламентировалась целым рядом законов, которые были систематизированы в «Полном собрании законов Российской империи» и «Своде законов Российской империи». Основным законом, регламентировавшим устройство и деятельность губернской администрации, было «Общее Учреждение губернское»¹¹⁵. Этот важнейший документ содержал правила работы присутственных мест, генерал-губернаторов, губернаторов, губернских правлений, губернских статистических комитетов, казенных палат, городской и уездной полиции. «Общее Учреждение губернское» определяло предметы ведения местных учреждений, их внутреннее делопроизводство и порядок служебной деятельности.

Реформы 1860–1870-х гг. дополнили корпус документов, регламентирующих деятельность местных учреждений, рядом новых законов, имевших форму положений об общих государственных мероприятиях и правил введения их в действие, а также традиционных по форме уставов и учреждений. Такие законодательные акты вводили в действие новые органы управления, правительственные и общественные, губернского и уездного уровня, определяли порядок их взаимодействия, распределяли губернии по большим ведомственным округам. Был развит административный порядок решения многих вопросов: увеличилось количество циркуляров, исходящих из центральных учреждений. С середины 1870-х гг. губернаторы получили право делать обязательные постановления, касающиеся общественного хозяйства. В целом юридическая основа функционирования губернской администрации в пореформенный период была расширена и уточнена¹¹⁶.

Главой местной администрации являлся губернатор, в официальных документах именуемый также «хозяин губернии» или «на-

чальник губернии». Основными направлениями деятельности губернаторов во второй половине XIX в. являлись надзорные и полицейские функции. В губерниях Средней Волги и Заволжья в 1860–1890-х гг. средний срок правления начальника губернии составлял 5–6 лет.

Структура и внутренняя организация системы местного административного управления, взаимоотношения центральной и местной власти, сложившиеся в Среднем Поволжье, были типичны для императорской России второй половины XIX в. Деятельность губернской администрации, определявшаяся общеимперской законодательной базой (мало менявшейся в XIX в.), детализировалась административными распоряжениями центральных учреждений. Центральный аппарат Министерства внутренних дел координировал и строго контролировал функционирование своих губернских учреждений. Решения по основным направлениям деятельности губернской администрации утверждались высшими и центральными органами власти. Проведение губернской администрацией масштабных мероприятий – начиная с крестьянской реформы – было предписано начальникам губерний соответствующими министрами. По каждому мероприятию существовала текущая и итоговая отчетность губернаторов. Некоторые мероприятия контролировались императором через представителей его свиты или Генерального штаба. Таким образом, контроль высшей и центральной администрации над местной в пореформенный период был не менее сильным, чем в предшествовавшую ему эпоху.

Однако, с другой стороны, губернские администрации обладали достаточной самостоятельностью, а губернаторы пользовались огромной полнотой власти и могли сами искать пути исполнения тех или иных законов и предписаний. В источниках не встречается случаев явно выраженного неодобрения со стороны императора и министров деятельности средневожских губернаторов и руководимых ими губернских правлений¹¹⁷.

Властные полномочия губернатора были обширны, поэтому многое в жизни региона зависело от его личности, убеждений, человеческих качеств и стиля работы. Так, уже упоминавшийся на страницах данного исследования К.К. Грот, занимавший пост Самарского губернатора накануне эпохи Великих реформ (1853–1861 гг.) за время своей работы на этом посту закончил формирование аппарата управления губернией, начатое ее первым губернатором С.Г. Волховским, бескомпромиссно боролся с коррупцией в среде губернского и уездного чиновничества. Для незаинтересован-

ности чиновников во взятках он сумел значительно повысить им зарплату, при этом приглашал на службу в губернский аппарат молодых деятельных людей, в том числе выпускников Харьковского и Казанского университетов.

К.К. Грот также активно содействовал переселению в губернию немцев-меннонитов, осваивавших малонаселенные земли юга губернии¹¹⁸. Деятельность Грота по достоинству оценена самарцами: в 1864 г. он первым получил звание почетного гражданина Самары, его именем были названы три стипендии в самарской учительской семинарии и стипендия в реальном училище им. Александра I.

Создание в ходе Великих реформ органов всесословного местного самоуправления, наделенных широкими полномочиями, предполагало в то же время планомерное усиление власти губернатора и подчиненных ему учреждений. Значительно усложнились задачи по надзору за хозяйственной деятельностью, просвещением, органами общественного самоуправления. Особенно актуально это было в условиях общественного подъема 1860-х гг. Губернатор получил право ревизовать все гражданские учреждения губернии независимо от их ведомственной принадлежности, объявлять «обязательные постановления», запрещающие издание газет и журналов, проведение собраний и т.п., просматривать списки лиц, рекомендуемых в мировые судьи, списки присяжных заседателей¹¹⁹.

Для контроля над сословными крестьянскими учреждениями и органами земского и городского самоуправления под председательством губернатора были созданы особые присутствия: губернское по крестьянским делам, губернское по городским делам, губернское по земским делам (позднее губернское по земским и городским делам), губернское о земских повинностях.

Иногда между губернатором и органами общественного управления происходили острые конфликты, в ходе которых последним удавалось доказать свою правоту. Так, в декабре 1872 г. самарским губернатором был назначен Федор Дмитриевич Климов. Кадровый военный Климов, имевший опыт подавления польского восстания 1863 г., был призван для «наведения порядка» в Самарской губернии после либерального правления губернатора Г.С. Аксакова¹²⁰. Довольно скоро начались столкновения губернатора с учреждениями городского и земского самоуправления. Так, губернатор требовал от городских властей срочного ремонта дорог к кумысолечебницам Н. Постникова и Е. Аннаева, ввиду скорого визита министра внутренних дел¹²¹. В ответ большинством голосов Самарская городская дума решительно отвергла требование губернатора.

По предложению последнего дело было передано в присутствии по городским делам, которое выступило на стороне губернатора, а в дальнейшем разбирательство по делу было передано в Сенат, который только в 1876 г. подтвердил правоту городской думы. Ф.Д. Климов продолжал жестко выстраивать отношения с городской общественностью. В январе 1874 года губернатор предписал думе резко увеличить штат городской полиции: с 68 до 120 человек. Дума в целом признала необходимость расширения штата, но гласные выразили мнение, что бюджет 1874 года уже сверстан и город не может содержать дополнительный штат. В мае 1874 года городской думе было предписано исправить мосты и дороги к открывающимся кумысолечебницам на Барбошиной поляне, в случае отказа губернатор обещал привлечь думу к суду¹²². В конце 1874 году конфликту Ф.Д. Климова и самарского городского общества был положен конец. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев понял, что Климову так и не удастся установить нормальные отношения с губернским обществом. Выше нами было показано, что далеко не всегда «указания», а особенно их тон, благосклонно воспринимались городским общественным управлением, еще более непростые отношения сложились у губернатора с земством. Факты эти и привели к отставке Ф.Д. Климова. Уже в ноябре 1874 года началась переписка ряда министерств о его новом назначении¹²³. Таким образом, общественное самоуправление активно отстаивало свою правоту, не топясь слепо исполнять требования губернской администрации.

Полномочия губернаторов были дополнительно усилены во время политического кризиса 1879–1881 гг. Изданное в 1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» давало губернатору чрезвычайные полномочия для «водворения полного спокойствия и искоренения крамолы»¹²⁴.

Основными подчиненными губернатору учреждениями являлись канцелярия губернатора и губернское правление, кроме того, губернатор возглавлял до полутора десятков различных совещательных учреждений губернии: присутствий, комитетов, комиссий. Самостоятельно охватить весь круг вопросов он не мог и передавал большую часть дел канцелярии, концентрируя внимание на наиболее сложных проблемах¹²⁵. Предметами ведения канцелярии губернатора и губернского правления было большинство вопросов местного управления. Канцелярия губернатора вела переписку по делам, которым губернатор уделял наибольшее внимание (секретным, безотлагательным), губернское же правление – по делам, разбираемым обычным порядком¹²⁶.

Главной опорой власти губернатора являлась губернаторская канцелярия, которая осуществляла функцию организации деятельности губернатора. В штат канцелярии самарского губернатора на 1869 г. входили: правитель канцелярии, 2 старших и 2 младших помощника, регистратор, 2 чиновника особых поручений. Кроме семи штатных чиновников, нанималось до 8 человек переписчиков и 2 сторожа (вне штата). Штат канцелярии симбирского губернатора по данным 1869 г. отличался только тем, что в нем служили 3 младших помощника правителя канцелярии, в остальном штаты канцелярии самарского, симбирского и саратовского губернатора были идентичны¹²⁷. Канцелярия всегда располагалась в здании резиденции губернатора. Важнейшее значение в канцелярии и в целом в системе губернского управления играл правитель канцелярии. По оценкам современников, именно правитель канцелярии был правой рукой губернатора, он осуществлял предварительную сортировку всей массы документации, поступавшей на имя губернатора, и вырабатывал возможные способы решения вопросов. Каждый рабочий день губернатора начинался с часового доклада правителя.

Оклад правителя канцелярии (как правило, чиновника VII–VIII класса службы) составлял 735 р. в год, кроме того, выплачивались «столовые» – 735 р. С разными «праздничными» надбавками и премиями ежегодное жалование доходило до 2 тыс. рублей, что относило правителя канцелярии к категории наиболее высокооплачиваемых губернских служащих¹²⁸.

Канцелярии губернатора были самыми привилегированными и престижными провинциальными учреждениями. Внутренняя структура канцелярий в губерниях различалась, но типичным было внутреннее деление этого учреждения на 3–4 стола. Функции столов канцелярии были четко разграничены по направлениям деятельности. По первому столу чаще всего проходили дела, преимущественно относящиеся к организации работы самой канцелярии, – все кадровые вопросы, ведомости жалования, финансовые сметы, представления к наградам и т. д. Этот стол отвечал за все отчеты перед столицей, в том числе здесь готовились губернаторские отчеты императору, ведомости о количестве и виде преступлений по губернии и т. д. Первый стол решал дела, связанные с пребыванием иностранцев в России, выдачей заграничных паспортов, разрешений на жительство, документов для перемещения через границу империи. Второй стол канцелярии отвечал за текущее, очень интенсивное общение с центральным аппаратом Министерства

внутренних дел. В этот стол поступал ежедневный «поток» циркуляров и распоряжений министерства, который затем распределялся по остальным административным инстанциям губернии. В него поступали и рассматривались ходатайства и прошения на высочайшее имя, на имя министра или самого губернатора. Второй стол контролировал учреждение и деятельность десятков различных «обществ», столь популярных в то время (охоты, велосипедное, сельскохозяйственное общество, библиотеки-читальни и т. д.). Здесь же решались все вопросы, связанные с дворянскими выборами, велась «книга телеграмм губернатора», собиралась так называемые «справочные цены». Третий стол отвечал за дела политического и религиозного характера – гласное и негласное наблюдение, сведения о политической благонадежности, дела о раскольниках и старообрядцах, разрешения поступать на определенные должности и т. д. Четвертый стол выделился позже остальных; он контролировал и анализировал развитие сельского хозяйства губернии, собирал сведения о деятельности земств и городского самоуправления. Наконец, в канцелярии решались чрезвычайные дела, привлекая особое внимание губернатора по тем или иным причинам¹²⁹.

Кроме канцелярии, в подчинении губернатора были административно-полицейские органы губернии: губернское правление, казенная палата, палата государственных имуществ, уездная и городская полиция, рекрутское присутствие и другие учреждения.

Губернское правление было основным административным учреждением губернии, оно состояло из присутствия и канцелярии. В присутствии дела рассматривались и решались. Губернское правление являлось учреждением, от имени Императорского Величества управлявшим всей губернией и подчинявшимся непосредственно Сенату. В обязанности правления входило общее управление губернией, а также доведение до сведения подчиненных учреждений законов и распоряжений правительства и наблюдение за их исполнением.

Юридически губернское правление было местом, «которое управляет в силу законов всюю губернией», а губернатор являлся всего лишь его председателем. Но на практике такого положения дел никогда не было. Губернские правления фактически рассматривались как вторая исполнительная канцелярия при губернаторе. Неоднократно предпринимались попытки практического закрепления совместного управления губернатора и губернского правления, но они ни к чему не привели¹³⁰.

В Самарской губернии губернское правление учредили еще в декабре 1850 г., отнеся ко второму разряду по штатам 2 января 1845 г.,

с ежегодным содержанием в 27 471 руб. Поначалу штат укомплектовали за счет местных чиновников иных учреждений, привлекли отставников из других губерний. Губернское правление состояло из канцелярии правления и общего присутствия. Канцелярия включала четыре отделения, каждое из которых подразделялось на три стола. Первое отделение, ведавшее обнародованием новых законов, наблюдало за исполнением распоряжений губернатора и губернского правления, собирало сведения по административным, полицейским, финансовым вопросам, заведовало штатом чиновников, архивом, типографией «Самарских губернских ведомостей» и газетным столом. В его компетенции находились также расходы на содержание канцелярии самарского губернского прокурора, надзор за делопроизводством в уездах и т. д.¹³¹ Второе отделение занималось делами «охраны порядка» в губернии, третье – местным судопроизводством, четвертое – финансово-хозяйственными вопросами. Кадровый состав губернских органов управления формировался очень медленно, многие должности советников, столоничальников оказывались незамещенными по полгода¹³². Вместе с тем администрацию уездов буквально захлестнул поток дел, передававшихся из других губерний.

Внутренняя структура губернского правления Симбирской губернии имела некоторые отличия. Первый стол первого отделения преимущественно собирал законодательные акты высших учреждений, вел учет личного состава. Второй стол первого отделения контролировал деятельность полицейских управлений и исправников, рассматривал жалобы крестьян и мещан на органы сословного управления. Особый стол первого отделения занимался ревизией уездных присутственных мест. Второе отделение Симбирского губернского правления вело дела о долгах и штрафах разных лиц, об описях и продаже имущества за долги, дела по приговорам сельских обществ, здесь же велась переписка с органами всесословного общественного управления¹³³.

Во второй половине XIX века серьезные изменения претерпели местные административные учреждения сферы социального обеспечения. Вместо губернских врачебных управ в составе губернских правлений были образованы врачебные отделения, как правило, состоявшие из губернского врачебного инспектора, его помощника, фармацевта-провизора, двух губернских ветеринаров, делопроизводителей. В губерниях действовали губернские попечительства о детских приютах, возглавляемые губернатором. Так, в Саратовское попечительство, помимо губернатора, входили четыре дей-

ствительных члена: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий государственными имуществами и городской голова, в качестве почетного члена был представлен епископ Саратовский и Царицынский¹³⁴.

В 1850 г. в рамках мероприятий по созданию Самарской губернии была образована Казенная палата. В подчинении этого учреждения, подведомственного Министерству финансов, находились губернское и уездные казначейства. Также была создана палата государственных имуществ, в ведение которой поступили казенные земли, управлявшиеся ранее Саратовской, Симбирской и Оренбургской палатами. Хозяйственное отделение палаты занималось управлением государственными крестьянами. Имелись также оброчно-межевое, контрольное и лесное отделения. На местах дела государственных имуществ велись окружными начальниками. В Самарской губернии они были во всех уездах, кроме Самарского и Ставропольского.

Финансовые реформы конца 1850–1860-х гг. включали в себя и преобразование местных финансовых учреждений. Основным финансовым учреждением в губерниях в данный период становится Казенная палата, которая отвечала за прямые (окладные) налоги; сбор косвенных налогов был поручен губернскому акцизному управлению¹³⁵. Кроме того, начали действовать новые финансовые учреждения – присутствия по различным видам налогов: промышленному, квартирному, подоходному, с недвижимых имуществ. Контрольные функции были возложены на Контрольную палату. В 1885 г. в губерниях была введена должность податных инспекторов и образованы губернское и уездные податные присутствия. В этот же период были созданы губернские и уездные по питейным делам присутствия, контролирующие деятельность питейных заведений.

В 1851 г. в Самаре на основе уездного рекрутского присутствия возникло губернское. Оно существовало при Казенной палате и состояло из губернатора (председатель), председателя Казенной палаты и советника ее ревизского отделения, а также уездного предводителя дворянства, батальонного командира и инспектора врачебной управы¹³⁶. Подобным образом данное учреждение функционировало и в соседних губерниях.

26 июля 1854 г. в Самаре открылся губернский статистический комитет. В него входили руководители высших губернских органов управления. Первым его начинанием стало составление атласа Самарской губернии, к сожалению, неизданного. Лишь в 1860 г. губернский землемер Н.П. Шахларев составил «описание (дач) к карте Самарской губернии», отпечатанное губернской типографией.

При создании Самарской губернии в 1851 г. были сформированы соответствующие статусу губернии учреждения судебной власти: губернская палата уголовного суда, палаты гражданского и соvestного суда. Первым председателем палаты уголовного суда был назначен статский советник Похвалинский, а его товарищем, то есть заместителем, статский советник Сырнев¹³⁷. Гражданскую палату возглавил статский советник Билибин (товарищ – коллежский секретарь Геркен). Первыми делами гражданской палаты стали тяжбы самарской мещанки Маткиной и казаков Зориных о сенокосных угодьях, графа Орлова-Давыдова с поручицей Москвитиной о спорных рыбных ловлях, оформление документов на покупку земли купцом 2-й гильдии Шихобаловым и др. Совестный суд избирался и состоял из судьи и 6 заседателей. Его задачей было примирение сторон. В 1851 г. судьей был избран Дейнеке, но уже в следующем году совестные суды упразднили по всей империи. В губернии действовали сословные суды ратуш и магистратов¹³⁸.

Губернская администрация во второй половине XIX в., сохраняя традиционное устройство, в то же время претерпевала определенные изменения. С одной стороны, в губерниях укреплялось единоначалие, с другой стороны – не исчезала и коллегиальность управления. Принцип коллегиальности сохранялся в деятельности многочисленных присутствий – по крестьянскому делу, земским повинностям, городскому хозяйству, воинской повинности, имеющих межведомственный характер деятельности. Кроме того, во второй половине XIX в. увеличивалось количество губернских учреждений и численность их служащих. Если в 1869 г. общее число губернских учреждений в Самарской губернии составляло 29, а в Симбирской губернии – 20, то к 1891 г. администрация Самарской губернии состояла из 34 учреждений, Симбирской – из 36¹³⁹.

Личный состав чиновничества губернских учреждений формировался по традиционным правилам. Предпочтение при приеме на службу оказывалось потомственным дворянам, имевшим недвижимую земельную собственность. Однако с конца 1860-х гг. в составе губернских правлений, казенных палат, акцизных управлений, палат государственных имуществ стали служить сыновья обер-офицеров, чиновников, потомственных почетных граждан, получивших высшее и среднее образование. Процент их в составе губернских администраций в целом остался незначительным. Непрерывный служебный стаж отмечался знаками отличия «беспорочной службы», особые заслуги при этом – орденами Св. Станислава, Св. Анны, Св. Владимира. Основанием для признания служебной безупреч-

ности считалась политическая и нравственная благонадежность служащих.

Служащие губернских органов управления, занимавшие относительно высокие должности, особенно по ведомству Министерства внутренних дел, финансов и государственных имуществ, получали высокое денежное содержание: губернаторы – до 6 тыс. руб. в год, управляющие губернскими органами – до 4,5 тыс. руб. в год. Губернаторы имели самые высокие чины в губернской администрации: действительного статского или тайного советника. Такие же чины иногда получали и губернские предводители дворянства. Чины давались за выслугу лет, но для чинов действительного статского и тайного советников выслуга лет не устанавливалась: производство в эти чины зависело от воли императора, который и назначал губернаторов на эту должность¹⁴⁰.

Важнейшим инструментом осуществления правительственной власти в регионе являлись учреждения губернской и уездной полиции. Эта структура являлась одновременно и правоохранительным органом, и системой учреждений, осуществлявших акты гражданского состояния податного населения губернии.

Штаты самарской полиции были утверждены указом Николая I от 16 октября 1841 г., по II разряду, согласно «Общему наказу земской полиции» (1837 г.). До 1851 г. самарская полицейская команда состояла из 77 человек, в том числе трех унтер-офицеров, 34 полицейских служащих и будочников, 14 канцелярских работников, а также пожарной команды из 25 человек и одного брандмейстера. Город был разделен на две части. Управление частями и кварталами находилось в заведовании частных приставов и квартальных надзирателей¹⁴¹.

В 1851 г., после создания Самарской губернии, штаты полиции были увеличены до 192 человек, возросли и оклады годового содержания полицейских. Официальным главой полиции губернии являлся губернатор, которому напрямую подчинялись полицмейстер и уездные исправники (начальники полиции в городах и уездах соответственно). Губернатор имел право делать распоряжения по ведомству полиции и контролировать ее деятельность. Ревизией самарской городской полиции и ее частей занимался вице-губернатор. Окончательно устройство полиции в регионе было закреплено «Временными правилами от 25 декабря 1862 г. об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых»¹⁴² и до 1899 г. не менялось. Город Самара стал делиться уже на три полицейские части во главе с частными приставами. Каждая

из частей делилась на два полицейских участка (по 3–4 тыс. чел. населения) во главе с приставами. В участке числилось два помощника, прикомандированный офицер и письмоводитель.

В 1899 г., в связи с стремительным ростом городского населения, численность самарской городской полиции была увеличена на 125 чел. Увеличение площади городской застройки, появление новых кварталов потребовало создания 4-й полицейской части, которая начала работать с 1 июня 1899 г.¹⁴³ В августе 1909 г. в Самаре был сформирован отряд конно-полицейской стражи, которая могла быть использована для подавления беспорядков в том или ином уезде губернии.

В Саратовской губернии также происходили расширение деятельности и увеличение штатов полицейских учреждений. В 1862 г. в связи с введением «Временных правил от 25 декабря 1862 г.» городская полиция была преобразована в городское полицейское управление; в 1879 г. введен новый штат городской полиции с разделением города на 4 части, 18 кварталов и 30 околотков. В этот же период учреждаются наружные полицейские посты, а полицейские будки постепенно ликвидируются. Если в 1839 г. штат полицейских чиновников в Саратове составлял 183 человека, то к 1881 г. число их выросло до 321¹⁴⁴.

Уездная полиция представляла собой уездные полицейские управления во главе с исправником, назначаемым губернатором из местных дворян, и помощником исправника. Основой единицей полицейского деления сельской местности являлись станы, в среднем уезды делились на 5–6 станов (примерно по 40 тысяч жителей)¹⁴⁵. Каждым из станов руководил становой пристав, подчинявшийся уездному исправнику. Всего в начале XX века в Самарской губернии насчитывалось 34 становых пристава.

В связи с активизацией революционного движения указом Александра II от 9 июня 1878 г. в подчинении станового пристава учреждалась должность полицейского урядника. По замыслу Министерства внутренних дел, на уездном уровне образовывался дополнительный уровень полицейской власти, а именно урядник должен был стать надежной опорой для становых приставов и в то же время непосредственным начальником для низшей сельской полиции (сотских и десятских).

Урядники становились ближайшими помощниками становых приставов, главными их исполнительными чиновниками. В свою очередь, урядники стали прямыми начальниками над выборными из крестьянской среды десятскими и сотскими. Кроме выборной

сельской полиции, уряднику должны были оказывать всяческое содействие волостные старшины и сельские старосты, но в крестьянское самоуправление урядник вмешиваться не мог. Каждый из урядников получал в заведование в пределах стана уряднический участок, в пределах которого он обязан был проживать и совершать регулярные объезды его территории¹⁴⁶.

Рассмотрим социальный состав урядников первого набора в губерниях Среднего Поволжья. В Саратовской губернии – всего 97 урядников, из них: дворяне – 5, из духовного звания – 10, почетные граждане – 2, мещане – 16, крестьяне – 54. В Самарской губернии – всего 120 урядников, из них: дворяне – 6, из духовного звания – 11, мещане – 8, крестьяне – 87¹⁴⁷. Введение должности урядника существенно укрепило полицейскую власть в уездах, однако, распространенной проблемой являлось низкое качество кадров полицейских урядников.

Не менее важной сферой государственного строительства в регионе являлось формирование структур внутренней безопасности. После покушения Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. на Александра II был реформирован местный аппарат III Отделения С.Е.И.В. канцелярии. 19 сентября 1867 г. в губерниях учреждались губернские жандармские управления (ГЖУ), взявшие в свои руки широкий круг вопросов внутренней безопасности государства: борьбу с революционным движением, наблюдение за «благонадежностью» жителей губернии, выявление крестьянских и религиозных движений и др. Каждое ГЖУ располагало обширной картотекой «неблагонадежных» лиц. В ноябре 1892 г. в Саратове начало действовать также железнодорожное Рязано-Уральское (позже Тамбово-Уральское) жандармское полицейское управление, выполнявшее на железной дороге те же функции, что и ГЖУ¹⁴⁸.

История политического розыска в Самарской губернии ведет свое начало с 8 января 1851 г., когда в Самару из столицы для ведения политического сыска был послан «летучий» жандармский отряд из 7 человек. В 1867 г. в связи с реорганизацией корпуса жандармов Самарская губернская жандармская команда была переименована в Самарское губернское жандармское управление (СГЖУ), а губернский штаб-офицер М.В. Сердюков стал именоваться начальником СГЖУ. До революции 1905–1907 гг. Самарская губерния по ведомству Департамента полиции относилась к третьему разряду с минимальным числом сотрудников. В штат СГЖУ входили: начальник, 5 помощников начальника, к каждому из которых было прикреплено пять-десять унтер-офицеров, адъютант, шесть-семь унтер-офицеров, секретарь и два писаря. Также при ГЖУ постоянно находи-

лось одно или несколько лиц прокурорского надзора, которые наблюдали за ходом и направлением всех политических дел. В СГЖУ традиционно назначались помощники начальника ГЖУ для работы в следующих уездах: Самарском, Бугурусланском, Бугульминском, Ставропольском, Бузулукском, Николаевском и Новоузенском¹⁴⁹.

В 1889 г. в системе местного административного управления региона появилось значительное нововведение – была учреждена должность земского участкового начальника. «Положение о земских участковых начальниках» было обнародовано 12 июля 1889 г., всего в России было сформировано 2200 земских участков (в среднем 4–5 на уезд), при этом в состав участков не входили города. В границах своего участка земский начальник обладал обширной административной и судебной властью¹⁵⁰.

Штат земских начальников губерний Среднего Поволжья был довольно обширным: в Симбирской губернии было сформировано 47 земских участков¹⁵¹. На территории Самарской губернии было образовано 79 земских участков, в том числе, на территории Самарского уезда – 10 участков, на территории Бугульминского уезда – 9 участков, Бугурусланского уезда – 13 участков, Бузулукского уезда – 14 участков, Николаевского уезда – 12 участков, Новоузенского уезда – 12 участков, Ставропольского уезда – 10 участков¹⁵². Количество выделяемых участков находилось в прямой зависимости от размеров уезда и плотности проживающего в нем населения. Среднее число участков на уезд составляло 10–12, значительно превышая среднероссийский показатель.

В 1890 году самарским губернатором был создан Временный губернский комитет, который развернул деятельность по отбору кандидатур для назначения на должность земских начальников¹⁵³. Введением в действие положения о земских начальниках в Саратовской губернии занимался специально созданный временный комитет, начавший свою деятельность 12 сентября 1890 года¹⁵⁴. К сожалению, местное дворянство не проявило большого интереса к учрежденной должности. Так, на места начальников десяти земских участков Самарского уезда первоначально было подано только 5 прошений¹⁵⁵. Во многом это объяснялось довольно высокими требованиями к кандидатам и традиционно незначительным интересом к административной деятельности в среде местного дворянства.

Согласно букве закона, земский начальник должен был обладать определенным имущественным цензом, иметь высшее образование, трехлетний стаж работы в должности мирового посредника, или

мирового судьи, или члена губернского по крестьянским делам присутствия. При недостатке кандидатур мог избираться местный потомственный дворянин со средним или начальным образованием, служивший ранее в военных или гражданских должностях, независимо от стажа, но имущественный ценз для него повышался вдвое¹⁵⁶. При этом список кандидатов должен был быть одобрен предводителем дворянства, губернатором, затем министром внутренних дел. Анализ формулярных списков земских участковых начальников Самарской и Саратовской губерний позволяет сформулировать следующие выводы: среднее время пребывания в должности составляло примерно 7–9 лет, среднее время руководства отдельным участком – 3–5 лет (как правило, достаточно часто практиковался перевод начальников на соседние участки)¹⁵⁷.

Предметом ведения земских участковых начальников были надзор и контроль над деятельностью крестьянских учреждений, всесторонняя опека не только крестьян, но и всего податного населения, жившего в сельской местности. Прерогативы земского начальника при осуществлении административных и судебно-полицейских функций были очень широки. Он мог подвергнуть телесному наказанию, аресту до 3-х дней, штрафу до 6 рублей, отстранить от должности членов крестьянских учреждений, отменить постановления сельского и волостного сходов, даже навязать им свое решение. Земские участковые начальники были обязаны рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов, более того – им предоставлялись заранее списки дел, назначенных на рассмотрение волостным сходом. Приговоры волостных и сельских сходов могли быть предоставлены земским участковым начальником в уездный съезд на рассмотрение, если, на его взгляд, они противоречили Своду законов Российской империи. В обязательном порядке земский участковый начальник предоставлял приговоры волостных и сельских сходов на рассмотрение в уездный съезд, если они касались изменения порядка взимания сборов, а также затрагивали вопросы соединения мелких сельских обществ. Волостные суды отныне назначались земским начальником из предлагаемых сельским обществом кандидатов. Земский начальник мог отменить постановление волостного суда и отстранить судью. Решения земского начальника считались окончательными¹⁵⁸. Таким образом, создание института земских участковых начальников следует считать типичным воплощением политики государственного патернализма, распространенной на крестьянство.

Серьезные изменения системы местного управления в губерниях юго-востока произошли в ходе реализации реформ 1860–1870-х гг., кардинально изменивших социально-экономический и политический облик России. В результате земской реформы 1864 г. и городской реформы 1870 г. была создана система выборного местного самоуправления, обеспечившая развитие городской и губернской инфраструктуры, здравоохранения и народного образования.

Структура земских органов была следующая. По «Положению о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г.» губернские и уездные земские учреждения состояли из распорядительных (собраний) и исполнительных (управ) органов. В круг обязанностей земских управ входило исполнение распоряжений собраний; управление под руководством собраний имуществами земства и земским хозяйством; составление смет, раскладок и отчетов; подготовка всех нужных для собрания сведений и заключений; надзор за поступлением земских доходов; расходование земских сумм. Губернскую земскую управу возглавлял председатель, которого избирали на земском собрании, при этом после выборов его кандидатуру должен был утвердить в должности министр внутренних дел.

Самарское губернское земское собрание открыло свое учредительное заседание 28 февраля 1865 г., это было открытие первого земского собрания в России. В приветственной речи самарского губернатора Н.П. Мансурова прозвучали следующие слова: «Самарская губерния, как и во многих других делах, опередила прочие губернии... Вам выпал славный жребий начать великое дело; все взоры обращены на Самару.... я горжусь вместе с вами, что сего числа открываю первое губернское земское собрание в Империи...»¹⁵⁹. Статус «первого» самарское земство подтверждало и своей дальнейшей деятельностью, его активная работа на благо родного края подчеркивалась и современниками.

За первые 20 лет своего существования (1865–1885) Самарское земство, по оценке П.В. Алабина, добилось успехов в следующих сферах своей деятельности: борьба с голодом; развитие народного образования; развитие путей сообщения и почты; перевод всех натуральных повинностей на денежные; здравоохранение; выработка организации страхования от огня; борьба с эпизоотиями и саранчой; меры по обеспечению крестьянского населения продовольствием. Особой заслугой самарского земства стало формирование отряда добровольцев и сбор средств на нужды Сербской армии в 1876 г.¹⁶⁰

Развитие земско-медицинской службы в Самарской губернии происходило при активном участии как губернских, так и уездных земств. Губернское земство занималось реорганизацией губернской больницы (для которой в начале 1870-х гг. было построено новое здание), уездные земства – созданием сельских больниц, амбулаторных приемных покоев.

К началу XX в. в губернской земской больнице функционировали 13 отделений и 10 амбулаторий. При ней также работали родильный дом, приют для подкидышей, бактериологическая лаборатория, патологоанатомическое отделение, Пастеровская станция. В больнице служили 15 врачей и 19 фельдшеров. В 1900 г. Самарская губернская земская больница принимала треть больных из других губерний.

Пастеровская станция, находившаяся при Самарской губернской земской больнице, начала работу 2 июля 1866 г. Заведующим ее был врач и известный общественный политический деятель П.П. Крылов. С 1866 по 1902 гг. прививки против бешенства получили 7396 жителей Самарской и еще 22-х губерний России¹⁶¹.

Важнейшей задачей земской медицины было создание сети учреждений здравоохранения, которые были бы доступны для всего сельского населения губерний. Так, в Самарской губернии к 1871 г. при участии уездных земств были открыты 6 приемных покоев, к 1875 г. – 11 больниц. Самарским земством была поддержана инициатива известного врача Е.А. Осипова о внедрении в практику земской медицины участкового принципа обслуживания больных. В 1866 г. в Самарской губернии насчитывалось 6 врачебных участков с определенным радиусом действия, а к 1888 г. их количество достигло 51. Совместно с уездными земствами сопредельных губерний органами местного земского самоуправления решался вопрос о создании так называемых межуездных участков. В 1901–1903 гг. в Самарском крае действовали 6 таких участков. Численность земских врачей в Самарской губернии с 1870 по 1905 гг. заметно возросла: так, в 1870 г. в губернии служили 28 земских врачей, в 1880 г. – 32, в 1890 г. – 52, в 1900 г. – 87 и в 1905 г. – 108. В уездах, находящихся в отдалении от губернского центра, особенное значение приобретала деятельность фельдшерского персонала. Для его подготовки в 1866 г. при участии губернского земства была открыта фельдшерская школа, которая в 1910 г. была реорганизована в фельдшерско-акушерскую. К 1880 г. для медицинских учреждений губернии было подготовлено 119 фельдшеров, 130 фельдшериц-акушеров и 60 акушеров. Деятельность школы продолжалась до 1917 г.¹⁶²

Земская культурно-просветительская деятельность включала в себя комплекс обширных образовательных и культурных мероприятий, проводившихся уездными и губернскими земствами среди местного, прежде всего крестьянского, населения. Ее главным направлением стало школьное образование. Земские школы в Самарской губернии начали появляться уже с 1865 г.; в 1860-е гг. Самарское губернское земство занимало второе место среди всех земств России по затратам на народное образование. В 1877 г. в Самарской губернии насчитывалось от 20 до 55 земских школ на уезд, а в 1898 – до 130, что было больше, чем в соседних губерниях; наибольшее число училищ было в Новоузенском (130) и Николаевском (102) уездах. В то же время Самарская губерния отставала от ведущих российских земских губерний, таких как Московская, Петербургская, Харьковская, занимая в 1890 г. лишь 10-е место по количеству земских школ¹⁶³. По сути дела, земства создали тот тип новой народной школы, признанной государством и обществом, который впоследствии стал основой при введении всеобщего обучения.

Внешкольное обучение подразумевало работу со взрослыми и детьми старше 11 лет. Главными формами внешкольного образования, в осуществлении которых земства Самарской губернии достигли весомых результатов, стали бесплатные народные библиотеки-читальни, народные чтения (с использованием «волшебного фонаря»), воскресные школы и курсы для взрослых, основанные на принципе бесплатности обучения. Их развитию способствовали земская книготорговля, издательство (выпускавшее журнал «Самарский земледелец» и популярные брошюры на такие темы, как «Лесоразведение», «Культура овса», «Культура картофеля», «Использование кукурузы», «Задержка снега», «Сведения по ветеринарии», «Общество потребителей», «Суслик и борьба с ним») и книжные склады, занимавшиеся распространением дешевой литературы. В случае эпидемий и эпизоотий необходимую разъяснительную литературу населению раздавали бесплатно. Особое значение с начала XX в. получили сельскохозяйственные народные чтения, ведение которых было прямо включено в задачи земского агрономического персонала¹⁶⁴.

Участие земства в подготовке учительских кадров для народных школ выражалась в устройстве своих педагогических учебных заведений, в пособиях казенным и частным учительским школам; в содержании педагогических классов при женских гимназиях, в ассигнованиях на стипендии для подготовки учителей в разных

учебных заведениях, в устройстве съездов и курсов для учителей. Правительственных и земских учительских семинарий было крайне мало, так как их содержание было сопряжено с крупными финансовыми затратами. Для Самарской губернии учительские кадры поставляли Казанская правительственная мужская учительская семинария (открыта в г. Самаре в 1871 г.) и Ровненская правительственная учительская семинария (в с. Ровном Новоузенского уезда), где все уездные земства содержали своих стипендиатов. Кроме этого, в Самаре действовала Самарская земская школа для приготовления сельских учительниц, функционировали летние педагогические курсы. В 1911/12 г. в Самаре начал работу учительский институт, открытый по ходатайству губернского земства. Также земство открывало ремесленные отделения при сельских училищах, училищные ремесленные мастерские, особенно по ремонту сельскохозяйственных орудий и машин. К 1917 г. Самарская губерния имела одно среднее земледельческое училище, четыре низших сельскохозяйственных школы¹⁶⁵.

В начале XX в. в некоторых уездах Самарской губернии по инициативе земств появляются даже музеи, народный театр и народные дома – прообразы будущих сельских клубов и домов культуры. Такие земские музеи послужили образцом для создания краеведческих музеев в годы Советской власти¹⁶⁶.

Земская статистика в Самарской губернии зародилась в 1880-е гг. В 1882 г. видный статистик В.И. Орлов, приехавший в Самару, с И.М. Красноперовым и К.Э. фон Паприцем приступил к организации Статистического бюро при Самарской губернской земской управе. Он разработал программу исследования, которая предусматривала подготовку и издание 8-томного свода «Статистические сведения по Самарской губернии». Сбор статистических сведений по отдельным уездам Самарской губернии шел поэтапно в течение 1882–1887 гг. В 1889 г. исследование уездов губернии было завершено, и Статбюро приступило к группировке данных для сводного сборника. Помимо статистических таблиц, в каждом сборнике были помещены исторические очерки о заселении и хозяйственном освоении территории уездов Самарской губернии. Масса собранных земскими статистиками материалов дала возможность не только выработать принципы равномерного земского обложения, но и изучить экономику частновладельческого и крестьянского хозяйств, произвести учет производственной деятельности населения¹⁶⁷.

Оценочно-статистическая комиссия (впоследствии – оценочно-статистическое отделение) при Самарском губернском земстве была

создана в 1893 г., когда новый закон обязал земства провести работы по оценке земель. История этого отделения связана с деятельностью видных ученых российского масштаба. В 1890-е гг. изучение почв проходило под руководством почвоведом и географом Л.И. Прасолова, впоследствии – члена АН СССР¹⁶⁸. С 1910 г. оценочно-статистическое отделение возглавил Г.И. Баскин, один из известнейших статистиков народнического направления. В историю земской статистики Баскин вошел не только как автор статистических сборников по Пермской и Самарской губерниям, но и как создатель ряда методологических работ по статистике¹⁶⁹.

В 1867 г. в Самарской губернии зародилась земская ветеринарная служба; вначале она обеспечивала работу карантинных застав. Основная работа по ее организации развернулась в 1880–1890-е гг., когда при губернской земской управе была создана ветеринарная организация. Территория губернии была разделена на 27 ветеринарных участков. В 1880 г. на службе у Самарского земства состояло 18 ветеринарных врачей, в 1905 – 53; это был самый высокий показатель по всей России. Практическая деятельность самарских ветеринаров велась в двух направлениях: проводились мероприятия санитарно-защитные и лечебно-профилактические. Принимались также меры для изучения пород скота и зоотехнического содействия населению: Бугульминское земство занималось разведением крупного рогатого скота и коз, Бугурусланское земство имело рассадник чистокровных свиней и грубошерстных мясных овец, Самарское уездное земство – рассадник племенного скота при Краснопоселенской сельскохозяйственной школе. К началу XX в. в Самарской губернии была разработана методика профилактики заболеваний домашнего скота, создана сеть лечебных ветеринарных пунктов¹⁷⁰.

Намного позже – лишь в 1890-е гг. – возникла система земской агрономии. В 1895 г. была учреждена должность уездных земских агрономов, которые пропагандировали среди крестьян сельскохозяйственные орудия и машины, семена. В 1907 г. Самарское губернское земство создало участковую агрономическую организацию. Территории уездов были разделены на участки, в них вводилась должность участкового агронома, который рекомендовал крестьянам новые агроприемы и занимался организацией сельскохозяйственной кооперации. По размерам ассигнований на агрономические нужды Самарская губерния занимала 13 место по земским губерниям России. В земскую агрономическую инфраструктуру входили сельскохозяйственные склады, зерноочистительные обозы.

Земства имели опытные поля, плодовые питомники, проводили уездные и губернские сельскохозяйственные выставки, издавали журналы «Самарский земледелец» и «Земский агроном», сельскохозяйственные календари. Велась пропаганда научных знаний, читались лекции и проводились беседы, для крестьян были организованы краткосрочные курсы ведения хозяйства на опытных полях, пропагандировалось введение в ротацию севооборотов многолетних трав и технических культур, крестьян призывали переходить от трехпольной системы земледелия к многопольной. Земские агрономы пропагандировали научные достижения сотрудников Костычевской и Безенчукской опытных станций, занимавшихся селекционной работой, а также организовывали показательные хозяйства. В целом комплекс мероприятий земской агрономии ускорил модернизацию сельскохозяйственного производства в регионе¹⁷¹.

Земства Самарской губернии активно участвовали в выставках различных общероссийских, региональных, местных и даже международных организаций. Так, Самарское губернское земство имело почетный диплом Международной выставки в Париже 1900 г., почетные дипломы и медали Всероссийской гигиенической выставки в Петербурге 1913 г., Императорского Вольного экономического общества 1899 г. и др. Из уездных земств больше всего наград имело Новоузенское уездное земство¹⁷².

Не менее активно работало и земство Саратовской губернии. Во второй половине XIX в. саратовские уездные земские учреждения открыли более 400 школ, хотя и этого было явно недостаточно. Открывались склады учебных пособий, школьные библиотеки, воскресные школы. Земства стремились повысить образовательный уровень учителей. В 1875 году была открыта учительская семинария в Вольске. Земские учреждения принимали меры по борьбе с эпидемиями оспы, смертность от заболевания которой доходила до 40 %, расширяли сеть больниц, увеличивали медицинский персонал. Из 74 больниц в губернии в 1889 году земству принадлежали 42, причем количество мест в земских больницах было в два раза больше, чем в остальных. В некоторых уездах крестьянам оказывали бесплатную медицинскую помощь. Ценовые нормы земельного владения, дающие право быть избирателем землевладельческой курии в Саратовской губернии, славившейся своими черноземами, были ниже, чем в Самарской и Симбирской губерниях¹⁷³.

В Симбирской губернии первые уездные собрания начали функционировать только с декабря 1865 года, а первое губернское земское собрание открылось 20 февраля 1866 года. Причиной этого про-

медления стал пожар, бушевавший в г. Симбирске с 1 по 12 августа 1864 года. Пожар имел колоссальные последствия. Сгорели многие документы, в том числе и списки земских избирателей, поэтому выборы земских учреждений затянулись, тем не менее явка избирателей на первые земские выборы была чрезвычайно высокой, особенно отличились сельские избиратели.

В Симбирской губернии распорядительным органом стало Симбирское губернское земское собрание. Его члены (гласные) избирались на уездных земских собраниях из расчета 1 губернский гласный на 6 уездных. Число членов Симбирского губернского земского собрания было постоянным и равнялось 63. Это средняя величина гласных губернского собрания по России, так, например, в Таврической губернии в губернском собрании было 33 члена, в Казанской – 51, в Тамбовской – 100¹⁷⁴.

Исполнительным органом симбирского губернского земства стала Симбирская губернская земская управа. Председателями Симбирской губернской земской управы во второй половине XIX в. были А.П. Языков (1866–1871), А.И. Пантусов (1872–1877), Н.Д. Пазухин (1878–1885), А.А. Пашков (1886–1890), В.Н. Поливанов, С.М. Баратаев¹⁷⁵.

Для популяризации земской деятельности и прозрачности своих намерений Симбирское земство начало выпускать земскую газету, а затем журнал «Вестник Симбирского земства». Он выходил 1 раз в месяц и содержал информацию о всей деятельности земства в Симбирской губернии, а также полезные советы для населения.

В области народного образования земствами была выработана целая система мер, способствующих его улучшению. На уездные земства была возложена обязанность развития начального образования, земство активно открывало и финансировало начальные народные училища. Губернские земства взяли на себя заботу по подготовке учительских кадров, поддержке некоторых средних учебных заведений и стипендиатов высших учебных заведений. Симбирское губернское земство в 1871 году открыло педагогические курсы при Симбирском уездном училище, но уже в этом же году было открыто специализированное учебное заведение – учительская семинария в селе Порецком.

Большое место в земской просветительской работе занимало специальное профессиональное образование. Необходимость подготовки медицинского персонала заставила губернские земства открыть стипендии в специальных учебных заведениях. Симбирское губернское земство содержало стипендиатов в медицинской акаде-

мии, в Казанском институте. Одновременно с этим при губернской больнице была открыта фельдшерская школа, содержащаяся за счет Симбирского губернского земства. До 1875 года в ней так же обучались стипендиаты, но эта практика себя не оправдала. В конце 70 гг. XIX в. губернское земство выделило специальные средства на устройство обучения ремеслу при лучших сельских школах.

Забота о народном образовании стала одной из основных функций поволжских земств, особенно с начала 70-х годов XIX века, когда получает распространение идея о всеобщем начальном обучении. Но пик данной идеи приходится на начало XX века. Так, в 1904 г. Симбирское губернское земское собрание приняло постановление о необходимости введения всеобщего начального образования в Симбирской губернии.

Таким образом, к началу XX в. были определены главные направления работы земств в области народного образования: введение всеобщего обучения, улучшение существующих школ, учреждение ремесленных училищ, учительских курсов и развитие системы внешкольного образования¹⁷⁶.

Забота о здравоохранении стала одной из ведущих функций Симбирского земства, хотя оно было определено «Положением» как «необязательное». При этом расходы на медицину в губернии оставались весьма высокими. Симбирское губернское земство постоянно улучшало обстановку вверенной ему больницы. В начале 1870-х гг. в ней был проведен водопровод, проложена канализация, открыта паровая прачечная, что улучшило гигиеническую обстановку. Одновременно с этим улучшилось снабжение препаратами и инструментами. Старания Симбирского земства были оценены Министерством внутренних дел. В 1876 г. министр выразил благодарность губернскому земству за улучшение и развитие дела общественного призрения. Симбирское губернское земство стало инициатором губернских съездов земских врачей. Они созывались с целью обмена опытом по организационным и практическим вопросам. Первый губернский съезд врачей прошел в 1874 г.

Успешной была деятельность Симбирского губернского земства по развитию и заботе о сельском хозяйстве. Поддерживаемое им «Общество сельского хозяйства» занималось пропагандой сельскохозяйственных знаний, распространением селекционных животных и растений. Оно осуществляло бесплатное или за умеренную плату раздачу семян кормовых культур клевера и тимофеевки. Закупало и самостоятельно выращивало селекционные сорта злаковых. Общество пропагандировало использование различных видов удобрений:

навоза, заправки зеленой массы, крови, костной пыли, извести, различных остатков с боев. Обществом было организовано опытное поле, на котором проводились апробация новых методов ведения хозяйства и демонстрация опытов, осуществлялось распространение сельскохозяйственных машин¹⁷⁷.

В начале XX века в Симбирской губернии создается уездная агрономическая служба. В 1904 году в пяти уездах работали земские агрономы. В период революции 1905–1906 годов наблюдается застой в агрономической деятельности. Поволжские земства занимались и вопросами животноводства. Условно их можно объединить в программу, состоящую из четырех пунктов: развитие системы ветеринарной помощи, страхование скота от смертности, распространение ветеринарных знаний среди населения и организация работы по улучшению пород крупного рогатого скота и лошадей.

Симбирское земство заботилось о народном продовольствии. Особенно показательным в этом плане можно считать 1890 год. В этом году в Симбирской губернии разразился страшный неурожай, недобор хлеба составил 80 %. В этих условиях активизировало свою работу земство, организовав для голодающего населения общественные работы с гарантируемой оплатой хлебом и бесплатную раздачу хлеба особо нуждающемуся населению, также земство организовало борьбу со спекулятивно высокими ценами на хлеб и иные продукты. Таким образом, деятельность Симбирского земства способствовала экономическому и общественному развитию губернии, повышению общей и правовой культуры населения.

Земская реформа 1864 г., в свою очередь, оказала существенное влияние на трансформацию системы общественного управления в городах. В Самаре, в силу специфики ее истории, эта трансформация проходила поэтапно. С 1851 г., став губернским городом, Самара получила городское самоуправление, основанное на «Жалованной грамоте городам» 1785 г., главными элементами которого являлись городское собрание, общая дума и шестигласная дума. При этом екатерининская система управления городами остро нуждалась в совершенствовании. С падением крепостного права население городов росло быстрее, пополняясь раскрепощенным крестьянством; деревни быстро втягивались в круг более оживленных экономических отношений, и города незаметно превращались в самодовлеющие экономические центры. И рост населения, и новый состав городского общества, и оживление экономической жизни города ставили на очередь реформу городского управления. В этой ситуации самодержавное правительство, заинтересованное в под-

нятии культурного уровня жителей города, расширении городского хозяйства и пределов ведения местного самоуправления, начинает готовить городскую реформу (основные принципы которой были разработаны Н.А. Милутиным еще в 1840-е гг.). 20 марта 1862 г. было опубликовано высочайшее повеление о необходимости безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех городах империи¹⁷⁸.

Согласно «Городовому положению» 1870 г., общегородские сословные органы упразднились, вместо них были созданы всесословные органы местного самоуправления. Другое важное преобразование заключалось в разграничении обязанностей исполнительного и распорядительного органов: распорядительные функции теперь возлагались уже не на все городское общество, а на его представительный орган – думу. Число членов думы – гласных – было довольно значительным, в зависимости от численности избирателей в городе. В Самаре, например, было 72 гласных городской думы. Из своего состава дума избирала исполнительный орган общественного управления – городскую управу¹⁷⁹.

Избирательное право базировалось на имущественном цензе. Право участия в выборах независимо от сословия получали владельцы недвижимой собственности, облагаемой налогом в пользу города, а также лица, уплачивающие определенные торгово-промышленные сборы. Большим недостатком принятого Городового положения явилось то, что представители образованной части населения (инженеры, врачи, преподаватели, чиновники) оказались фактически лишеными избирательного права, так как в основном они не имели собственных домов, а снимали квартиры. П.В. Алабин с горечью отмечал, что «лица, занимающиеся свободными профессиями или имеющие диплом на ученую степень, лица, которые несомненно могли бы принести городу действительную пользу своим участием в его делах, потому только, что не имеют имущественного ценза, лишаются права голоса в городских делах»¹⁸⁰.

Рассмотрим введение «Городового положения» в губерниях Среднего Поволжья. В Самарской губернии проведение реформы контролировал губернатор Григорий Сергеевич Аксаков, он являлся видным администратором и внес весомый вклад в проведении городской реформы в Самарской губернии. В нескольких словах следует дать оценку личности Аксакова и его административных способностей. Г.С. Аксаков происходил из известного в России дворянского рода Аксаковых. Отцом его был писатель Сергей Тимофеевич Аксаков, а братья – Константин и Иван – являлись идеологами сла-

вянофильства и яркими общественными деятелями. Очерк Г.С. Аксакова «О самоуправлении», написанный в 1869 г., точно описывает его административную позицию, отношение к реформам и местному самоуправлению. Накануне введения Городового положения Г.С. Аксаков видел роль губернской администрации исключительно в содействии и опеке местного самоуправления. Он допускал вмешательство власти в местные дела только на первых порах, а главную задачу администрации видел в устранении препятствий к проведению реформы¹⁸¹. В целом взгляды Г.С. Аксакова были либеральными, что благоприятствовало проведению реформы местного самоуправления во вверенной ему губернии.

В июле 1870 г. губернатор получил текст «Городового положения» вместе с указом Правительствующего Сената о проведении реформы. 29 июля Аксаков предложил городской думе старого созыва, действовавшей еще на основе «Жалованной грамоты городам» Екатерины II, приступить к составлению списков избирателей в городскую думу нового образца. Список был подготовлен думой и утвержден губернатором 1 августа 1870 г., он включал 88 избирателей I разряда, 342 избирателя II разряда и 2686 избирателей III разряда. Сами выборы гласных городской думы состоялись в январе 1871 г.¹⁸² По воспоминаниям видного общественного деятеля Петра Владимировича Алабина, горожане «проявили редкостное невнимание к интересам города»¹⁸³, в основной своей массе не явившись на выборы. В думу вошли 72 человека, из них 57 человек были купцами, и только 9 человек представляли дворянство и чиновничество. Невысокий интерес к выборам можно объяснить крайне низкой общественной активностью провинциального населения (в массе своей малообразованного) и скудной информацией о принципах нового городского устройства. Эти факторы преопределили преобладание купечества в избранной городской думе. В январе 1871 г. сведения об избранных гласных и баллотировочные списки были одобрены губернатором и отправлены на утверждение Министерства внутренних дел.

Первое заседание Самарской городской думы состоялось 3 февраля 1871 г., на нем присутствовал губернатор Г.С. Аксаков как главный ответственный за проведение городской реформы в Самарской губернии. Заседание началось с приветственного слова губернатора, в котором он выразил уверенность, что «избрание в должности городского общественного управления падет на лиц, вполне отвечающих требуемым для этого условиям, по нравственному и беспристрастному собранию избирателей»¹⁸⁴.

Поскольку Самарская городская дума являлась распорядительным органом, то она пользовалась аппаратом городской управы. Самарская городская управа была открыта по постановлению губернского по городским делам присутствия от 15 февраля 1871 г.¹⁸⁵ На городскую управу возлагались административно-хозяйственные функции на территории города. Попечительству управы подлежали вопросы благоустройства города (транспорт, освещение, канализация, благоустройство мостовых, набережных, тротуаров, мостов), а также заведование школьным, медицинским, благотворительным делом, городской торговлей, городским кредитом. Кроме того, управа была обязана «иметь инвентарь всем городским имуществам», она собирала нужные для думы сведения и исполняла ее определения, составляла проекты городских смет, взимала и расходовала городские сборы, с разрешения думы определяла правила и сроки отчетности, сама представляла думе отчеты о своей деятельности, о денежных оборотах по городским суммам, о состоянии подведомственных ей частей, заведений и имуществ. Правила, относящиеся к внутреннему распорядку в управе, перечень дел, подлежащих коллегиальному обсуждению, устанавливались инструкциями думы. Общий надзор за правильным течением дел в управе и подведомственных ей учреждениях (пожарных частях, отделении главного архитектора и т. п.) принадлежал городскому голове¹⁸⁶.

Структура Самарской городской управы была довольно сложной и неоднократно изменялась: переименовывались, объединялись, разъединялись отделы и столы, создавались различные временные комиссии. В 1873 году в роспись штата Самарской городской управы были внесены: техническое отделение (архитектор, землемер, 2 чертежника); денежное отделение (бухгалтер и 4 писца); хозяйственное отделение (3 столоначальника, 7 писцов, регистратор, экзекутор, 5 рассыльных)¹⁸⁷.

В целом городская реформа способствовала активному развитию экономической и социокультурной сфер Самары. Городская управа занималась вопросами транспорта, освещения, отопления, канализации, строительством водопроводов, мощением улиц, набережных, тротуаров, сооружением мостов, заведовала школьным, медицинским, благотворительными делами, регулировала порядок торговли, городского кредита, вела сбор необходимых сведений об имущественном положении подведомственных ей отраслей хозяйства. Городской голова сочетал в своей компетенции распорядительные и исполнительные функции¹⁸⁸.

Управа сосредоточила в своих руках всю хозяйственную часть города. Она инициировала многие постановления думы, в том чис-

ле и обязательные. Примером таких постановлений могут служить разрешение на поливку дворов и улиц только с 10 часов утра до 3 часов пополудни, предписание «в предупреждение несчастных случаев от беспорядочной езды по городу» ездить только по правой стороне мостовой, а движение на верблюдах прекращать после 7 часов утра (1890), о порядке торговли тушами свиней, отправляемых в другие города и в столицы (1887), запрещения торговли сеном и дровами за пределами Полицейской площади (1890), запрещения торговли спиртными напитками в праздники и выходные дни. Санитарного состояния города касались постановления о содержании помойных ям и отхожих мест, о хранении скоропортящихся продуктов, о противоэпидемических мерах. Регулировалось движение обозов с хлебом, запрещалось выпускать на улицу свиней, в целях укрепления общественной нравственности не разрешались в трактирах игры в домино, бикс и горку. Домохозяева обязывались содержать и ремонтировать мостовые перед своими домами, устраивать сточные каналы, нумеровать дома¹⁸⁹. В целом городская реформа 1870 г. имела ярко выраженное положительное значение для развития российских городов. На примере Самары видны возрастание доходов городского бюджета, активное развитие городской инфраструктуры в конце XIX века. Городское самоуправление было достаточно свободно в своей деятельности, губернские власти лишь в исключительных, довольно редких случаях позволяли себе вмешаться в городские дела¹⁹⁰.

Аналогично происходило образование городского управления нового типа и в Симбирской губернии. В августе 1870 г. Симбирскому губернатору поступило распоряжение Министерства внутренних дел об образовании губернского присутствия по городским делам для «организации общественного управления». Как и в соседних губерниях, городская реформа проходила здесь под контролем губернского присутствия по городским делам. Прежде всего, присутствие проанализировало финансовое положение городов Симбирской губернии и пришло к выводу, что только Симбирск, Алатырь, Буинск и Сенгилей могут выдержать введение «Городового положения» без сбора дополнительных налогов. По замыслу властей, новые правила городской жизни не должны были явиться дополнительной обузой для горожан. 31 августа 1870 г. Министерство внутренних дел прислало образец списка лиц, имеющих право участия в выборах. Центральная власть более чем пристально контролировала процесс образования новых городских дум. Циркуляром от 29 августа 1870 г. министерство просило российских губернато-

ров присылать копии всех определений присутствий по городским делам и выслало инструкции по разделению избирателей на разряды¹⁹¹.

Списки избирателей были подготовлены Симбирской городской управой старого созыва и представлены в присутствии в сентябре 1870 года. Присутствие первоначально вернуло списки на доработку, но в конце сентября они были утверждены и отосланы в министерство. 29 декабря 1870 года в Доме городского общества завершились выборы гласных думы, тогда же была избрана городская управа и городской голова¹⁹². Первое заседание Симбирской городской думы состоялось 16 марта 1871 года. Перечисленные события происходили под пристальным наблюдением губернского присутствия по городским делам во главе с губернатором, которое следило за точным исполнением законов и инструкций Министерства внутренних дел¹⁹³. В феврале министерство утвердило городского голову – купца I гильдии П.А. Егорова и его заместителя А.М. Балакирева. Только после этой процедуры присутствие по городским делам направило в городскую управу специальное постановление о том, что вновь образованная Симбирская городская дума может приступить к заседаниям¹⁹⁴. Особым предписанием Министерства внутренних дел от 19 мая 1871 года Симбирскому присутствию по городским делам было поручено представить отчеты о введении «Городового положения» во всех городах губернии. Министерство интересовало, насколько город удовлетворяет введенному «Городовому положению» (прежде всего в финансовом плане), а также состояние дел с распределением сословий в думах. В декабре 1871 года губернатор отправил в министерство отчеты о первом полугодии действия «Городового положения» по городам Буинск и Сенгилей. В целом финансовое положение этих городов было благоприятным: доходы города немногим превышали расходы, причем доходы городов по сравнению с дореформенным устройством значительно возросли¹⁹⁵.

Учреждение и деятельность нового городского самоуправления в Саратовской губернии не имело принципиальных отличий. В конце 1870 г. в Саратове прошли выборы городского общественного управления согласно «Городовому положению» 1870 г., 4 января 1871 г. состоялось первое заседание новой городской Думы Саратова. В заседании участвовал 71 гласный из 72-х избранных, гласные принесли присягу и перед началом работы приняли первое постановление Думы о поручении городскому голове телеграфировать министру внутренних дел текст телеграммы императору Александру II

с выражением «глубочайшей верноподданнической благодарности за дарование нам нового Городового положения и постоянные неуспынные заботы нашем благосостоянии». Затем гласные приступили к выборам городского головы. На эту высокую должность большинством голосов (68 против 3) был вновь избран коллежский советник В.П. Гусев, уже избиравшийся городским головой в 1870 г. На заседаниях Думы в феврале 1871 г. был избран состав городской Управы, назначены оклады содержания городскому голове и членам управы, выбрана комиссия для росписи городских доходов и расходов, а также ценовщики¹⁹⁶.

Количество избирателей городской Думы колебалось. Так, в 1870 г. их было 5967 человек, в том числе 132 крупных собственника, 493 средних и 5432 мелких. В 1883 г. избирателей I разряда насчитывалось 73 человека, II – 453, III – 5614. Благодаря особенностям избирательного закона в Саратовскую думу попадали преимущественно представители торгового капитала¹⁹⁷.

Городская управа в Саратове начала свою деятельность 6 апреля 1871 г. К собравшимся гласным думы и членам управы обратился и саратовский губернатор М.Н. Галкин-Враской: «...новое “Городовое положение”, которое предстоит ввести Вам в жизнь, дает Вам право почти самостоятельного распоряжения городским хозяйством... Правительство и местные жители возлагают на Вас тем большие надежды, что Саратов – один из богатейших городов империи... Вы располагаете огромным количеством принадлежащих городу земель, имеете в своем распоряжении более миллиона свободного капитала; при этих средствах и выгодах самого положения Саратова разве позволительно сомневаться в возможностях достижения городу надлежащего благоустройства?»¹⁹⁸.

Действительно, надежды губернатора и горожан оказались не напрасными. Саратовская городская дума рачительно и эффективно распоряжалась городскими финансами. Уже к концу XIX века Саратов вошел в десятку крупнейших городов страны (за 40 пореформенных лет население города удвоилось). Благодаря заботе городской Думы город активно благоустраивался, были замощены улицы, в 1875 г. начал действовать водопровод, в 1887 г. – конно-железная дорога.

В целом городская реформа 1870 г. в регионе Средней Волги и Заволжья была встречена обществом благоприятно, на новые городские думы и управы возлагались большие надежды. Во многом эти надежды оправдались: в 1870–1880-е гг. города региона активно росли и благоустраивались, увеличивались городские бюджеты,

местное население, в лице гласных городских Дум имело реальную возможность самостоятельно, при минимальном участии губернской администрации, решать вопросы местной хозяйственной жизни.

Подобно земскому самоуправлению, городские учреждения активно проявляли общественные инициативы. Так, в 1875–1876 гг. все российское общество было охвачено волной общественной поддержки народов Сербии, Черногории, Болгарии, начавших антитурецкое освободительное движение. Гласные Самарской городской думы решили создать знамя для вручения сражающимся болгарам. Активные участвовали в этом Петр Владимирович Алабин, городской голова Самары Ефим Тимофеевич Кожевников и самарский губернатор Петр Алексеевич Бильбасов. На красно-бело-голубом полотнище монахиньям самарского Иверского монастыря были искусно вышиты Кирилл и Мефодий, на другой стороне полотна – икона Иверской Божией Матери. В мае 1877 г. Самарское знамя было привезено в Болгарию самарским городским головой Е.Т. Кожевниковым и гласным городской думы П.В. Алабиным и вручено около города Плоешти 3-й дружине болгарского ополчения. В июле 1877 г. знамя получило боевое крещение в под болгарским городом Стара-Загора (ставшего позже побратимом Самары). Погибли несколько знаменосцев, пал в руках со знаменем командир дружины подполковник П.П. Калитин, но святыню ополченцы отстояли. Самарское знамя стало исторической реликвией болгарского народа, его наградили высшим военным орденом Болгарии «За храбрость»¹⁹⁹.

Таким образом, взаимоотношения губернских администраций и органов местного самоуправления нельзя охарактеризовать однозначно. Наиболее напряженно складывались отношения с земскими учреждениями. Однако деятельность земских органов изучаемых нами губерний получала поддержку администрации чаще, нежели отказ в признании ее целесообразности. Более того, в изучаемых губерниях администрации и земские учреждения проводили совместную работу по обеспечению народного продовольствия, чаще всего, это происходило при проведении мероприятий по ликвидации последствий неурожая. Для земских органов была характерна некоторая оппозиционность по отношению к правительственным органам, но в целом земство рассмотренных губерний (за исключением Симбирской) не увлекалось политической деятельностью и занималось решением предписанных ему хозяйственных вопросов.

Взаимодействие с органами городского самоуправления складывалось сходным образом, в большинстве случаев мы видим приме-

ры плодотворного сотрудничества губернской администрации и городских дум, при этом многое зависело от позиции губернатора по вопросу самостоятельности учреждений самоуправления. В любом случае закон представлял органам самоуправления возможность доказать свою правоту в присутствии по городским и земским делам и Правительствующем Сенате, поэтому городские думы и земские собрания не затруднялись отклонять «нецелесообразные», на их взгляд, предложения губернаторов. Важнейшими направлениями совместной деятельности губернской администрации и городского самоуправления являлись забота о здравоохранении и санитарии, моральном облике горожан, защита города от пожаров, наблюдение за порядком и безопасностью. В большинстве случаев губернские власти направляли и координировали деятельность городского общественного управления, предлагали свои варианты выхода из сложных ситуаций, иногда требовали от городских дум более активных действий. Серьезных конфликтов между администрацией и самоуправлением практически не возникало.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ III

Приложение 1

Самарские воеводы в 1586 г. — начале XVIII в.²⁰⁰

Годы правления	Воеводы	Чин
1586-1587	Засекин Григорий Иосифович (Осифович), князь	
1588-1590	Вельяминов Игнатий Григорьевич	
1589-1590	Милоков Иван Григорьевич (вместе с Вельяминовым И.Г. был воеводой в Самаре)	
1589-1590	Овцын Григорий Семенович ²⁰¹	стольник
1593-1597	Овцын Григорий Семенович	стольник
1598-1601	Щербатов Савва Дмитриевич, князь	
1598-1601	Бирденин-Зайцев Федор (вместе с Щербатовым С.Д. был воеводой в Самаре)	
1601-1603	Долгорукий (вар.: Долгоруков) Самсон Иванович, князь	
1603-1604	Звенигородский Семен Григорьевич, князь	
1605-1606	Плещеев Григорий Андреевич	
1605(6)-1608	Вельяминов Богдан Андреевич ²⁰²	
1613-1614	Лопата-Пожарский Дмитрий Петрович, князь	стольник
1614, вторая половина 1615	Белосельский Михаил Васильевич, князь	
1614	Туренин Василий Иванович, князь (был воеводой вместе с Белосельским М.В.)	стольник
1615-1618	Вельяминов Федор (Тулупов сын).	
1617-1618	Огарев Нелоб Васильевич (был вместе с Вельяминовым Ф.)	
1619-1621	Волынский Федор Васильевич	
1621-1622	Кокорев Григорий Иванович	
1623-1624	Погожев (вар.: Погожий) Дементий Семенович	
1624	Давыдов Борис Никифорович	
1625-1626	Дашков Иван Андреевич ²⁰³ , князь	стольник
1626-1635	Салтыков Борис Михайлович	боярин (в Самаре в опале, без права именоваться боярином)
1635-1636	Долгорукий (вар.: Долгоруков) Иван Михайлович, князь	
1636-1637	Воейков Семен Иванович	
1639	Племянников Федор Тимофеевич	
1640-1642	Загряжский (вар. Загрязский) Петр Алексеевич	стольник
1643-1644 ²⁰⁴	Шушерин Тимофей Васильевич	
1645-1646	Горчаков Василий Дмитриевич, князь	стольник

Окончание приложения 1

1646, осень – нач. 1647	Апраксин Василий	
1647–1648	Левашов Иван Александрович	
1648–1649	Жеребцов Давыд Семенович	стольник
1649–весна 1651	Головачев Иван Федорович	
1651	Овцын Савва Тимофеевич, князь	
1651–1653	Бутурлин Иван	
1653, конец 1656	Бабичев Петр, князь	
1656–1658, весна	Мясоедов Андрей Иванович	
1657, осень нач. 1658	Приклонский Михаил Васильевич ²⁰⁵	стольник
1658	Назимов Иван Тихонович	
1658–1660, нач.	Давыдов Семен Северьянов	
1660–1661	Языков Иван Никитич	
1662–1663	Леонтьев Павел Федорович ²⁰⁶	стольник
1664–1667	Шаховский Семен Иванович, князь	стольник
1667–1668	Алфимов Назарий Михайлович	стольник
1668–1669	Щербатов Алексей	
1669–1670	Алфимов Иван Михайлович	стольник
1671–1672	Эверлаков Василий Яковлевич	стольник
1672	Жедринский Богдан ²⁰⁷	стольник
1672–1673	Фонвисин (вар.: Фонвизин, Фанвизин) Афанасий Денисович	стольник
1673, осень 1675	Борятинский (вар.: Бяратинский) Иван Васильевич, князь	стольник
1675–1677	Самарин Андрей Никитич	стольник
1677–1678	Шель Александр ²⁰⁸	
1678–1680	Нармацкий Иван Иванович	
1681–1682, январь	Нестеров Семен Михайлович	стольник
1682	Нестеров Иван Семенович ²⁰⁹	стряпчий
1682–1683	Пуцин Кирилл Панкратьевич	стольник
1684–1685	Борисов Никита Харитонович	стольник
1685–1686	Змеев Борис Борисович	стольник
1688	Парфентьев Никифор	
1688–1690	Полужков Владимир Иванович	стольник
1691–1692	Пыжов Богдан	стольник
1693	Полужков Григорий	стольник
1694	Дуров Иван	
1696	Соймонов Афанасий Андреевич	стольник
1697	Колобакин Иван Яковлевич ²¹⁰	стольник
1699–1701	Баскаков Петр Ермолаевич	стольник
1701	Макшеев Иван Перфильевич	стольник
1701 г., осень 1703	Беклемишев Василий Михайлович	стольник
1703–1704	Новосильцев Петр Яковлевич	стольник
1704–1705	Волков Тихон Иванович	

Самарские губернаторы в 1851–1917 гг.²¹¹

Годы правления	Губернатор
01.01.1851 – 06.05.1853	<p>Волховский Степан Григорьевич (28.10.1786 – 15.09.1858), первый самарский губернатор, действительный тайный советник. Окончил Благородный пансион при Московском университете. С 1804 г. служил в Главном Почтовом управлении. В 1815 г. переведен в штат фельдмаршала Барклая де Толли, принимал участие в походе русской армии против Наполеона. С 1830 по 1833 г. – вице-губернатор Черниговской губернии, с 1841 г. – вологодский губернатор. 1.01.1851 г. Волховский вступил в должность губернатора только что созданной Самарской губернии. За время своей работы на посту губернатора Волховский заложил основы аппарата управления губернией, провел ревизию земской полиции, открыл совет лечебных заведений, создал врачебную управу, открыл Приказ общественного призрения, Уголовную и Гражданскую палаты (суд). При нем состоялось первое губернское дворянское собрание. В 1853 г. был переведен в Правительствующий Сенат.</p>
12.05.1853 — 27.02.1860	<p>Грот Константин Карлович (12.01.1815 – 30.10.1897), действительный тайный советник. Окончил Царскоевский лицей, служил в Хозяйственном Департаменте Министерства внутренних дел, являлся одним из ближайших сподвижников Н.А. Мишотина. 12.05.1853 г. назначен исполняющим дела самарского губернатора. За время своей работы на посту губернатора К.К. Грот закончил формирование аппарата управления губернией, начатое С.Г. Волховским, бескомпромиссно боролся с коррупцией в среде губернского и уездного чиновничества. Для незаинтересованности чиновников во взятках сумел значительно повысить им жалование; в своей деятельности опирался на молодых деятельных людей, набирал в штат губернской администрации выпускников Харьковского и Казанского университетов.</p> <p>При непосредственном участии К.К. Грота в Самаре были открыты: мужская гимназия, духовная семинария, женское училище, театр на 550 мест, филармоническое общество, первая сберкасса, военный госпиталь, телеграфная контора, впервые в Самаре появилось уличное освещение, была открыта Самарская публичная библиотека, учрежден губернский статистический комитет. К.К. Грот активно содействовал переселению немцев-меннонитов, осваивавших малонаселенные земли юга губернии. В феврале 1860 г. был приглашен в комиссию о губернских и уездных учреждениях, созданную в Санкт-Петербурге Н.А. Мишотиным. В дальнейшем К.К. Грот служил на высоких государственных должностях, занимался общественной деятельностью: создал комитет по возведению памятника Пушкину в Москве, возглавлял комиссию по подготовке и проведению тюремной реформы в России.</p>
25.03.1860 — 25.04.1862	<p>Арцимович Адам Антонович (24.12.1828 – 15.01.1893), действительный статский советник. Родился в г. Белостоке, в польской католической семье, отец – профессор Виленского (Вильнюсского) университета. Окончил Санкт-Петербургское Императорское училище (1849 г.). Начал службу в 1849 г. в I Департаменте Сената. С 1857 г. А. Арцимович работал чиновником, управляющим канцелярией, чиновником по особым поручениям при оренбургском и самарском генерал-губернаторе. На этой должности Арцимович проявил замечательные административные способности в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости. 25.03.1860 г. он был назначен временно исполняющим обязанности самарского губернатора, с 4.08.1861 г. вступил в управление Самарской губернией. В качестве самарского губернатора Арцимович участвовал в осуществлении реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости (согласно Манифесту 19 февраля 1861 г.). При Арцимовиче были открыты телеграфная контора (24.10.1860 г.) и городской общественный банк (14.03.1861 г.). 17.04.1862 г. А. Арцимович переведен на должность полечителя Одесского учебного округа.</p>
18.05.1862 — 11.09.1863	<p>Замятнин Николай Александрович (1824 – 1868), действительный статский советник. Окончил Санкт-Петербургское Императорское училище правоведения, в 1843 г. начал службу в Правительствующем Сенате, служил губернским стряпчим в Смоленске, товарищем председателя уголовной палаты гражданского суда в Рязани и Туле. 18.05.1862 г. Замятнин был утвержден в должности самарского губернатора. На посту губернатора проявил себя энергично и деятельно, но в должности находился чуть более года. На период его деятельности пришлось введение с 1.01.1863 г. новой питейной системы; посещение Самары 15.07.1863 г. Великим Князем Николаем Александровичем; открытие выставки сельскохозяйственного производства края. Осенью 1863 г. Н.А. Замятнин был приглашен министром внутренних дел П.А. Валуевым на должность Управляющего Земским отделом Министерства внутренних дел, где проявил свои способности при реализации Земской реформы 1864 г.</p>

Продолжение приложения 2

26.09.1863 — 28.02.1865	<p>Мансуров Николай Павлович (24.04.1830 – май 1911), действительный тайный советник. В 1849 г. окончил Санкт-Петербургское Императорское училище правоведения. В 1849 г. начал службу в Правительствующем Сенате, с 1857 г. – цензор Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел, с 1861 г. – чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел. 26.09.1863 г. назначен исполняющим обязанности самарского губернатора. Во время пребывания Мансурова в должности в Самарской губернии была осуществлена земская реформа, 7.02.1865 г. в губернии открылись уездные земские собрания, 28.02.1865 г. Мансуров открыл первое в России Самарское губернское земское собрание. Прекрасно проявив себя в Самарской губернии, в 1865 г. Мансуров был переведен в Санкт-Петербург и назначен директором Департамента общих дел Министерства внутренних дел, одновременно являясь председателем Цензурного комитета. В 1887 г., накануне празднования 300-летия Самары, Мансуров сожалел, что не может посетить «горячо любимую Самару» и писал: «не могу забыть, что всей служебной карьерой своей я обязан единственно Самаре и ее достойным гражданам». В благодарность за службу причислен Самарской городской думой к званию почетного гражданина г. Самары.</p>
30.08.1865 — 15.10.1866	<p>Обухов Борис Петрович (23.11.1820 – 23.06.1885), тайный советник. Обучался в Царскоеволицком лицее. С 1838 г. начал службу в канцелярии пензенского губернатора, с 1843 г. – смотритель Саранского уездного училища, с 1848 г. – смотритель Самарского уездного училища. В 1856 г. избран уездным предводителем дворянства в г. Бузулук. В 1859-1860 гг. при подготовке крестьянской реформы в Санкт-Петербурге Обухов представлял самарское дворянство, в 1861-1865 г. был самарским губернским предводителем дворянства. 30.08.1865 г. Обухов назначен губернатором Самарской губернии. Во время пребывания губернатором Обухов содействовал строительству Самарско-Оренбургской железной дороги, развитию земских учреждений губернии. С октября 1866 г. – псковский губернатор, в 1868-1869 гг. – пермский губернатор. С 1870 г. переведен в Санкт-Петербург, назначен сенатором, затем товарищем (заместителем) министра внутренних дел, тайным советником, камергером Двора Его Императорского Величества.</p>
20.01.1867 — 08.12.1872	<p>Аксаков Григорий Сергеевич (4.10.1820–24.02.1891), почетный гражданин Самары, тайный советник. Родился в селе Знаменское Оренбургской губернии, в семье известного русского писателя С.Т. Аксакова, братья Г.С. Аксакова – писатели-славянофилы Константин и Иван Аксаковы. В 1840 г. окончил Санкт-Петербургское Императорское училище правоведения. С 1843 г. – зам. председателя палаты гражданского суда г. Владимира, исполняющий дела оренбургского, симбирского прокурора. В 1852-1853 гг. – оренбургский вице-губернатор. В 1855-1858 г. – самарский вице-губернатор, под руководством губернатора К.К. Грога. С 1861 г. — исполняющий дела уфимского губернатора, с 1864 г. – губернатор Уфимской губернии. 20.01.1867 г. Г.С. Аксаков вступил в должность самарского губернатора. На этом посту внес огромный вклад в развитие губернии. Г.С. Аксаков принимал деятельное участие в постройке нового Кафедрального собора, Александровского ремесленного училища. Способствовал открытию учительской семинарии, Самарской городской почты (с телеграфным сообщением), уделял большое внимание благоустройству города, развитию системы образования и здравоохранения. Губернатор Г.С. Аксаков руководил осуществлением судебной и городской реформы в губернии. 25.11.1870 г. на Алексеевской площади был открыт Самарский окружной суд. 3.02.1870 г. Г.С. Аксаков открыл первое заседание Самарской городской думы. Четырежды был удостоен «высочайшего благоволения» императора Александра II: за открытие Самарского окружного суда, за «порядок, чистоту и благоустройство города» во время визита императора Александра II в Самару (29.08.1871 г.), за успешную деятельность по взиманию окладных сборов, за расквартирование войск. В декабре 1872 г. Г.С. Аксаков по собственному желанию оставил пост губернатора, но продолжил общественную и благотворительную деятельность в губернии. Способствовал преодолению голода в неурожайные 1873 и 1880 гг. С 1884 г. по 1891 г. трижды подряд избирался самарским губернским предводителем дворянства.</p>
15.12.1872 — 10.01.1875	<p>Климов Федор Дмитриевич (1838 – ?), действительный статский советник. В 1857 г. окончил Константиновский кадетский корпус и начал военную карьеру, поступив на службу корнетом в лейб-гвардию уланского полка. В 1863 г. Ф.Д. Климов принимал участие в подавлении польского восстания, являлся председателем Слуцкого мирового съезда, в 1869 г. был произведен в полковники и вышел в отставку. 15.12.1872 г. Климов был назначен самарским губернатором. В недалеком прошлом кадровый военный, он считался консерватором, который после «либерального» Аксакова наведет строгий порядок в Самарской губернии и сможет «подтянуть» ее. В 1873 г. Поволжье пережило острейший голод. Реагируя на это бедствие, Климов проявил себя не лучшим администратором, в результате правительство выделило голодающим Самарской губернии только незначительную часть необходимых средств. Это обстоятельство и спровоцировало конфликт между губернатором и самарским земством. Конфликт был настолько острым, что в итоге министр в внутренних дел А.Е. Тимашев «настоятельно рекомендовал» губернатору отказаться от протестов в адрес земства. После «погашения» конфликта отношения управления оставались настолько натянутыми, что 3.01.1875 г. А.Е. Тимашев был вынужден перевести Климова на другую должность. 10.01.1875 г. Климов был назначен управляющим Временного отделения по поземельному устройству государственных крестьян Министерства государственных имуществ.</p>

Продолжение приложения 2

<p>19.06.1875 — 12.10.1878</p>	<p>Бильбасов Петр Алексеевич (1837 – ?), действительный статский советник. В 1857 г., после окончания Санкт-Петербургского государственного университета, начал службу в Санкт-Петербургском губернском правлении, с 1858 г. – чиновник Хозяйственного департамента МВД. 28.05.1862 г. в здании Министерства внутренних дел начался сильный пожар. Бильбасов активно участвовал в спасении документов из горящего здания, а после пожара разобрал и систематизировал спасенные деловые бумаги и документы. За деятельное участие по спасению документов из горящего здания он получил «особенную» и «искреннюю благодарность» министра внутренних дел П.А. Валуева. С января 1869 г. – волынский вице-губернатор, с апреля 1874 г. – самарский вице-губернатор. 19.06.1875 г. Бильбасов назначен самарским губернатором. Совместно с П.В. Алабиным в 1876 г. Бильбасов организовал первый в истории Самары юбилей города – его двадцатипятилетие как центра губернии. На период губернаторства Бильбасова в Самарской губернии пришла пик народнического движения. Благодаря мерам, предпринятым губернатором, деятельность народников была локализована и пресечена. Петр Алексеевич содействовал организации участия самарцев в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и отправке Самарского знамени болгарскому народу. В 1875 г. Самара была присоединена к железнодорожной системе России, а в 1877 г. при содействии Бильбасова был построен пассажирский вокзал, Самара стала перспективным транспортным узлом. 12.10.1878 г. Петр Алексеевич был переведен из Самары полтавским губернатором.</p>
<p>23.10.1878 — 23.12.1891</p>	<p>Свербеев Александр Дмитриевич (25.03.1835 – 9.05.1917), действительный тайный советник. Сын дипломата, литературного и общественного деятеля, помещика Московской губернии Д.Н. Свербеева. В 1856 г. окончил Московский университет, начал службу в Министерстве внутренних дел. В 1871-1878 гг. занимал должность костромского вице-губернатора. 23.10.1878 г. Свербеев был назначен самарским губернатором. Благодаря административным способностям, трудолюбию и заботе о самарском крае, приобрел уважение самарцев. Одновременно занимал пост председателя окружного правления «Общества спасения на водах (1888-1891 гг.)» и «Общества любителей музыки и драматического искусства». Содействовал развитию промышленности (открыты заводы П.М. Журавлева и А.Ф. фон Вакано). Уделял внимание народному просвещению и медицине. Руководил организацией масштабных празднований 300-летия Самары (1886 г.). 23.12.1891 г. Свербеев был переведен в Санкт-Петербург и продолжил службу в Правительствующем Сенате.</p>
<p>23.12.1891 — 06.12.1904</p>	<p>Брянчинов Александр Семенович (1843-26.12.1910), тайный советник. В 1864 г. окончил Николаевское кавалерийское училище. В 1879 г. был избран уездным председателем Грязовецкого дворянства, почетным мировым судьей, позже стал председателем Грязовецкого съезда мировых судей. В сентябре 1888 г. Брянчинов был назначен на должность самарского вице-губернатора, 23.12.1891 г. – самарского губернатора. Губернаторство Брянчинова было спокойным и способствовало развитию Самары. Деятельность Брянчинова была высоко оценена властью: он получил орден св. Станислава 1-й степени, орден св. Анны 1-й степени, св. Владимира 2-й степени, а в 1894 и 1896 гг. – денежные премии, медали в память правления императора Александра III, в честь присутствия на коронации Николая II в честь 1896 г. и за труды по проведению Первой Всеобщей переписи населения в 1897 г. По Высочайшему указу от 6.12.1904 г. губернатор Брянчинов уехал из Самары в Санкт-Петербург на должность члена Государственного Совета.</p>
<p>23.12.1904 — 23.12.1905</p>	<p>Засядко Дмитрий Иванович (1860 – 1927), гофмейстер. Окончил Пажеский корпус, служил в лейб-гвардии Казачьего полка. Выйдя в запас, начал службу в Министерстве финансов. В 1891 г. назначен председателем Витебского отделения Крестьянского поземельного банка. В 1894 г. по протекции князя В.П. Мещерского назначен С.Ю. Витте управляющим казенной палатой Радомской губернии. 23.12.1904 г. назначен самарским губернатором, однако пробыл в должности ровно год и 23.12.1905 г. уволен с причислением к Министерству внутренних дел. 17.06.1906 г. повторно назначен губернатором – в Радомскую губернию, где служил ранее по ведомству Министерства финансов. В 1915 г. Засядко оставил должность губернатора и был назначен членом Совета министра финансов, в 1916 г. пожалован в гофмейстеры и назначен сенатором.</p>
<p>03.02.1906 — 21.07.1906</p>	<p>Блок Иван Львович (1858 – 21.07.1906), действительный статский советник. С 25.06.1891 г. занимал пост председателя Екатеринбургского уездного съезда. С 13.07.1902 г. – уфимский вице-губернатор, с 4 июля 1903 г. – бессарабский вице-губернатор, с 4.06.1905 г. – гродненский губернатор, с 03.02.1906 г. – в должности самарского губернатора. В обстановке революционного террора Блок решительно пресек антиправительственную деятельность, уволил начальника Самарской губернской жандармской управы генерал-майора Каратаева, организовал проведение широких арестов, энергично подавлял революционные выступления и крестьянские бунты. 21.07.1906 г. в экипаже губернатора на углу улиц Вознесенской и Воскресенской была брошена бомба, И.Л. Блок погиб на месте покушения.</p>

Окончание приложения 2

16.08.1906 — 23.08.1910	<p>Якунин Владимир Васильевич (13.11.1855 – ?), действительный статский советник, камергер. Родился в Одессе, окончил Елисаветградское кавалерийское училище, участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Выйдя в отставку, был избран гласным Одесского уездного земского собрания, председателем Одесской уездной земской управы, в 1901 г. – одесским уездным председателем дворянства. 16.08.1906 г. был утвержден в должности самарского губернатора. В.В. Якунин продолжил решительную борьбу с революционным террором, учредил в губернии военно-полевой суд. 28.09.1906 г. объявил Самарскую губернию на положении усиленной охраны. Деятельность Якунина была высоко оценена премьер-министром П.А. Столыпиным. Губернатор получал и Высочайшие благодарности: от императора Николая II за отличие по землеустройству; от комитета по руководству императрицы Александры Федоровны по присканию мест воинским чинам, пострадавшим в русско-японскую войну; за ту же деятельность от великой княгини Елизаветы Федоровны по Елизаветинскому комитету; за помощь детским приютам по ведомству императрицы Марии. 23.08.1910 г. Якунин был переведен из Самары исполняющим должность екатеринославского губернатора.</p>
23.08.1910 — 02.06.1915	<p>Протасьев Николай Васильевич (1854 – 26.11.1915), тайный советник Окончил Санкт-Петербургское Императорское училище правоведения. С 1875 г. служил в Рязанской губернии, занимая различные судебские должности. С 1888 г. – советник в рязанском губернском правлении. С 1896 г. – тобольский вице-губернатор, действительный статский советник, с мая 1902 г. – губернатор Олоонецкой губернии. С августа 1910 г. – самарский губернатор, на этом посту уделял большое внимание социальному развитию губернии. В 1914 г., с началом Первой мировой войны, успешно осуществил военную мобилизацию, способствовал поддержанию порядка и спокойствия в губернии в годы войны. Организовал борьбу с эпидемиями холеры и тифа. В июне 1915 г. был назначен губернатором в Харьков, где вскоре скончался от воспаления легких и сыпного тифа. В Самаре в честь Протасьева были учреждены стипендии в городской женской гимназии и Политехническом институте, в зале заседаний Самарской городской думы помещен его портрет.</p>
06.07.1915 — 19.10.1915	<p>Евреинев Сергей Дмитриевич (10.10.1869 – ?), тайный советник. В 1889 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, начал службу в Государственной канцелярии. С 1897 г. служил в канцелярии варшавского генерал-губернатора. С 1908 г. – уездный предводитель дворянства в Калужской губернии, с 9.01.1914 г. – бессарабский вице-губернатор. В 1914-1915 гг. Евреинев исполнял обязанности черновицкого и перемышльского губернатора. С 6.07.1915 г. С.Д. Евреинев приступил к обязанностям самарского губернатора, но 19.10.1915 г. покинул Самару в связи «с тяжелой болезнью». С ноября 1915 г. по октябрь 1916 г. занимал должность ярославского губернатора.</p>
13.11.1915 — 12.09.1916	<p>Станкевич Андрей Афанасьевич (7.11.1868 – ?). Родился в обедневшей семье выходцев из Польши. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. 13.11.1915 г. вступил в должность самарского губернатора. Участвовал в решении проблем военного времени: открытии госпиталей и приеме раненых, размещении военных заказов, организации военных поставок. Под руководством Станкевича создан уникальный «Плавающий госпиталь». В 1916 г. стал председателем самарского отделения Красного Креста. С 12.09.1916 г. Станкевич был назначен управляющим земским отделом Министерства внутренних дел.</p>
19.09.1916 — 01.05.1917	<p>Голицын Лев Львович (23.03.1877 – ?), последний самарский губернатор, надворный советник Учился на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета, был призван в армию. Участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг., с 1906 г. – на гражданской государственной службе. В 1916 г. Л.Л. Голицын назначен исполнять должность самарского губернатора, в Самаре решал острые проблемы военного времени – боролся с ростом цен, переборами в снабжении продовольствием и др. После Февральского переворота 3.03.1917 г. Голицын был арестован, но через 4 дня освобожден из-под ареста. Формально Голицын был освобожден от должности самарского губернатора указом Временного правительства от 1.05.1917 г. Продолжал жить в Самаре, но после 1918 г. его судьба неизвестна.</p>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определенное время Корсун с прилегающей к нему чертой и со всеми поселениями входил в состав Саранского уезда. Его приписали к Симбирскому в середине 1660-х гг. при симбирском воеводе И.И. Дашкове. См.: Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Синбирской приказной избы 1665–1667 гг.). Симбирск, 1896. С. 122. Возможно, некоторое время Корсунский уезд существовал как самостоятельный.

² Поволжье – «внутренняя окраина России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 7-34.

³ Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 19–25.

⁴ См., например: Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

⁵ В данном случае речь не идет о колонизации пустынных неосвоенных территорий. Разумеется, они входили в зону северных кочевий степняков и промысловых, эксплуатируемых «наездом», угодий автохтонного населения Среднего Поволжья.

⁶ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. Саратов; М., 1923.

⁷ По крайней мере, об этом есть неоднократные свидетельства в документах второй половины XVII в. См., например: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441. Л. 1.

⁸ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования: систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске. Симбирск, 1898; Суперанский М.Ф. Симбирск и его прошлое (1648–1698 гг.). Исторический очерк. Симбирск, 1999 другие работы.

⁹ Зерцалов А. Материалы для истории Синбирска и его уезда. Приходо-расходная книга Синбирской приказной избы (1665–1667 гг.). Симбирск, 1896.

¹⁰ Мартынов П. Указ. соч. Приложение 3. С. 365–369.

¹¹ Селезнева А.И. Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 78–87.

¹² Буганов В.И. Разин и разинцы. М., 1995. С. 236–246. О характере, движущих силах и событиях Разинщины на территории региона будет говориться в следующих разделах.

¹³ Цит. по: Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века; сравнение ее укреплений с укреплениями Белгородской черты в Воронежском крае // Воронежский край на южных рубежах России (XVII – XVIII вв.). Воронеж, 1981. С. 44.

¹⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией (далее – ДАИ). Т. X. СПб., 1867. № 86. С. 400.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488. К сожалению, сам указ не сохранился, и его основные положения известны по более поздним царским указам первой половины 1686 г.

¹⁶ Мартынов П. Указ. соч.; Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 207–208.

¹⁷ Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Симбирск, 1900. С. 19.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 28. Л. 145. В правление Федора Алексеевича Камынин был думным дворянином.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 28. Л. 145.

²⁰ Мартынов П. Указ. соч. Прил. 3. С. 365. Возможно, конечной датой его пребывания в Симбирске был 1656 г., так как в этом же году он был направлен воеводой в Пелым.

²¹ Мартынов П. Строельная книга города Симбирска 161 – 162 гг. (1653 – 1654 г.). Симбирск, 1897. С. 91.

²² Там же. С. 96.

²³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5 С. 359.

²⁴ Там же.

²⁵ Дубман Э.Л. Всероссийская перепись «оброчных статей» начала XVIII в. как источник по феодальной истории Среднего Поволжья // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1993. С. 168–171.

²⁶ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.

²⁷ Там же. Л. 130–131 об.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 90–90 об.

²⁹ См. например: Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 86–88.

³⁰ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2145.

³¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 16. Кн. 441. Л. 1

³² Отписка Саратовского воеводы Григория Ивановича Феофиладельца // Труды СУАК. Вып. 33. С. XII.

³³ Окладная роспись пятины 142 года по городу Саратову // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. XIII. См.: Смирнов П. Роспись пятины по городу Саратову 1634 года // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. I–XI; Рабинович Я.Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов, 2013. С. 100–105.

³⁴ В. Эверлаков был воеводой в Самаре 1671–1672 гг., сразу же после подавления «Разинщины» и, соответственно, провести осмотр окрестностей города мог только в эти годы. См.: Дела Тайного приказа // РИБ. Т. 21. СПб., 1907. Стб. 866.

³⁵ РИБ. Т. 21. Стб. 603–604; Гурлянд И.Я. Приказ Великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 353–356.

³⁶ Указ. соч. С. 356.

³⁷ РИБ. Т. 21. СПб., 1907. Стб. 1327.

³⁸ Такое правило было характерно и для других пограничных территорий России, южного «Поля», Сибири и т. д. См., например: Глазьев В.Н. Структура власти в городах-крепостях «на поле» в конце XVI века // Исторические записки. Сборник научных трудов. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 11–12.

³⁹ Разрядная книга 1550 – 1636 гг. М., 1976. Т. II. Вып. 2. С. 340, 364, 371, 375.

⁴⁰ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 703–704.

⁴¹ Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – НИА СПб ИИ РАН). Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 246, 247, 481, 493, 518 и др.

⁴² Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 264–265.

⁴³ Дубман Э.Л. Воеводы-немцы в Самарской крепости в конце XVII века // Русско-немецкие культурные связи: история и современность. Самара, 1998; Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарском крае. Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994. С. 12–20.

⁴⁴ Разрядная книга 1598–1638 гг. М., 1974. С. 297.

⁴⁵ Сведения за 1591–1592 гг. отсутствуют, но, возможно, Овцын и в этот период являлся воеводой Самары.

⁴⁶ Макаров А.И. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иосафе» (1628–1629 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 52–54.

⁴⁷ НИА СПб ИИ РАН. Ф.38. Оп. 1. Д. 67. Л. 356.

⁴⁸ Там же. Л. 246.

⁴⁹ Количество выявленных исследователями воеводских наказов по «понизовым городам вообще крайне невелико. См., например: Димитриев В.Д. «Царские» указы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашии АССР: сб. ст. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 284 – 419.

⁵⁰ Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 305.

⁵¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 72.

⁵² Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Гл. 2. С. 20, 89.

⁵³ НИА СПб ИИ РАН. Ф.38. Оп. 1. Д. 67. Л. 214.

⁵⁴ Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 198–199; Разрядная книга 1550–1636 гг. II. М., 1976. Вып. 1. С.281; Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. С. 544–545.

⁵⁵ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 37.

⁵⁶ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования за 1681 год // ЧОИДР. 1893. Кн. 4. С. 51–65.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 87. Л. 369–370.

⁵⁸ Там же. Д. 116. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Д. 179. Л. 359 об.

⁶⁰ Там же. Д. 227. Л. 156. Этот Иван уже был в самарской приказной избе с 1681 г. в подьячих и по какой-то причине его с отцом должны были выслать из города. См.: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 222. Л. 220.

⁶¹ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 122. Л. 690.

⁶² Разумеется, речь идет только о сохранившихся документах Печатного приказа, которые весьма неполны. Например, как в пошлинных, так и в беспошлинных книгах отсутствуют сведения о назначении в Самару подьячих с 1614 по 1649 гг.

⁶³ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 227. Л. 563.

⁶⁴ Там же. Д. 50. Л. 42 об.–43; Д. 94. Л. 138 об.; Д. 136. Л. 163 об.; Д. 179. Л. 359 об.

⁶⁵ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67.

⁶⁶ Первое упоминание площадного подьячего в книгах Печатного приказа приходится на 1665 г. См.: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126. Л. 224.

⁶⁷ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 143, 162; Д. 67. Л. 266, 332, 352, 387 и др.

⁶⁸ Там же. Д. 67. Л. 341.

⁶⁹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 125, 142–143, 176.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 767. Д. 3. Л. 57–62.

⁷¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 92.

⁷² РГАДА. Ф. 248. Д. 527. Л. 281 и об.

⁷³ Там же. Ф. 248. Д. 527. Л. 24–246 об.

⁷⁴ Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 1.

⁷⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 595. Ч. 1. Л. 120.

⁷⁶ Артамонова Л.М. Депутат Д.Ф. Рукавкин // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч. 1. С. 37 Там же 38.

⁷⁷ Артамонова Л.М. Крестьяне Поволжья и выборы в Уложенную комиссию // Общественно-политические движения России XVIII–XX вв. Самара, 1993. С. 19, 22–23.

⁷⁸ Артамонова Л.М. Обзор наказов крестьян Ставропольской провинции Оренбургской губернии в Уложенную комиссию // Археография и изучение духовной культуры. Свердловск, 1987. С. 33.

⁷⁹ Артамонова Л.М. Депутат Д.Ф. Рукавкин. С. 38.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 51–52 об.

⁸¹ Артамонова Л.М. Депутат Д.Ф. Рукавкин. С. 40–41.

⁸² Сб. РИО. Т. 107. СПб., 1900. С. 461–462, 464–465.

⁸³ Артамонова Л.М. Депутаты и наказания жителей Самарского края в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Алабинские чтения. Самара, 1993. С. 39.

⁸⁴ Смирнов Ю.Н. Самарское Рождество 1773 года // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 12–13, 17, 19.

⁸⁵ Смирнов Ю.Н. Заволжский очаг и район восстания 1773–1775 годов // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Уфа, 2004. С. 127–141.

⁸⁶ Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Л., 1970. Т. 2. С. 16.

⁸⁷ См.: Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 438. Л. 43.

⁸⁹ Перечисленные акты см.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1987. Т. 5.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 4–5.

⁹¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений. С. 124.

⁹² Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 551.

⁹³ Самара – Куйбышев: Хроника событий. Куйбышев, 1985. С. 42.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. II. Л. 2.

⁹⁵ Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 89–90.

⁹⁶ Русский Вестник. 1875. № 6. С. 486, 491–492, 497–498.

⁹⁷ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2, 6; Д. 2. Л. 20.

⁹⁸ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1014. Л. 17–22.

⁹⁹ Артамонова Л.М. Городское самоуправление уездной Самары в первой половине XIX в. // Самарский земский сборник. Самара, 1995. Вып. 2. С. 10–11.

¹⁰⁰ Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 г.) в воспоминаниях П.П. Семенова-Тян-Шанского, бывшего члена-эксперта и заведующего делами редакционных комиссий. СПб., 1913. Т. 2. С. 137.

¹⁰¹ Савельев П.И. «Он водворил чувство долга в местных чиновниках» (очерк о Константине Гроте) // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 146; Савельев П.И. Феномен К.К. Грота: российский государственный деятель в человеческом измерении // Первые Гротовские чтения: материалы обл. науч.-практ. конф. Самара, 2008. С. 16.

¹⁰² ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 817. Л. 1 об.

¹⁰³ Там же. Л. 2.

¹⁰⁴ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897): материалы для его

биографии и характеристики: к столетию со дня его рождения. Пг., 1915. Т. 1. Приложения. С. 38.

¹⁰⁵ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 817. Л. 1–9.

¹⁰⁶ ГАОО. Ф. 368. Оп. 1. Д. 334. Л. 3; ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12808. Л. 2–3.

¹⁰⁷ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. С. 541.

¹⁰⁸ Грот К.К. Автобиографическая записка // Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. Пг., 1915. Т. 1. С. 12.

¹⁰⁹ Самарские губернские ведомости. 1858. 25 октября. № 43. Часть официальная.

¹¹⁰ См.: Смирнов Ю.Н. Ликвидация иррегулярных войск на территории Самарского края и заселение их земель в пер. пол. 19 в. // Самарский земский сборник. 1999. № 1.

¹¹¹ ГАУО. Ф. 147. Оп. 10. Д. 43. Л. 1–5.

¹¹² Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк. СПб., 1878. Т. II. С. 153.

¹¹³ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 230.

¹¹⁴ ГАУО. Ф. 147. Оп. 47. Д. 6. Л. 22–23; Д. 95. Л. 78.

¹¹⁵ Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. Общее Учреждение Губернское. СПб., 1857. Ст. 270.

¹¹⁶ Голубев А.Г. Губернская администрация Среднего Поволжья в пореформенный период: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 238.

¹¹⁷ Голубев А.Г. Губернская администрация Среднего Поволжья в пореформенный период. С. 252.

¹¹⁸ Самарский губернатор К.К. Грот. Самара, 2008.

¹¹⁹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 224–225.

¹²⁰ Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX – XX вв. Самара, 2007. С. 176.

¹²¹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 9. Д. 437. Л. 2.

¹²² Там же. Л. 15–16.

¹²³ Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996. С. 48.

¹²⁴ Ерошкин И.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 224–225.

¹²⁵ Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 270.

¹²⁶ Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т. 2. Свод губернских учреждений. Ст. 408–410.

¹²⁷ Памятная книжка Самарской губернии на 1869 г. Самара, 1868. С. 27; Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. Симбирск, 1869. Отд. II. С. 10.

- ¹²⁸ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 43. Д. 6. Л. 31.
- ¹²⁹ Там же. Оп. 42. Д. 15. Л. 7–16; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 1. 1881 г. Д. 322; ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. 1881 г. Д. 72.
- ¹³⁰ Кошелев А.А. Местное управление в губерниях Среднего Поволжья в 1880-х – 1890-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. С. 81.
- ¹³¹ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 97. Л. 348.
- ¹³² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 332. Л. 4.
- ¹³³ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 88. Оп. 4. Д. 95; ГАУО. Ф. 88. Оп. 1. 1889 г. Д. 376; ГАУО. Ф. 88. Оп. 4. Д. 139; ГАУО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 606.
- ¹³⁴ Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1999. Т. 2. Ч. 2. С. 195.
- ¹³⁵ Там же. С. 185.
- ¹³⁶ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 2.
- ¹³⁷ Савельев П.И. Заря губернская // Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Самара, 1993. Кн. 1. С. 198.
- ¹³⁸ ЦГАСО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 411, 414, 791.
- ¹³⁹ Голубев А.Г. Губернская администрация Среднего Поволжья в пореформенный период. С. 239–240.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 241.
- ¹⁴¹ Гомонова С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг. Самара, 2012. С. 117.
- ¹⁴² Временные правила от 25 декабря 1862 года об устройстве полиции губерний, по общему учреждению управляемых // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. XXXVII. Отд. 2. № 39087.
- ¹⁴³ ЦГАСО. Ф. 159. Оп. 9. Д. 737. Л. 13.
- ¹⁴⁴ Очерки истории Саратовского края. Саратов, 1999. Т. 2. Ч. 2. С. 182.
- ¹⁴⁵ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. Самара, 1994. С. 111.
- ¹⁴⁶ Тюрин В.А. Должность полицейского урядника в России конца XIX – начала XX веков (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2011. № 1/1(82). С. 211–215.
- ¹⁴⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15.
- ¹⁴⁸ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 52. Оп. 1. Д. 1–3.
- ¹⁴⁹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX начало XX века. М., 2000. С. 172.

- ¹⁵⁰ Положение о земских участковых начальниках. Ст. 2–5 // Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т. IX. Положение о сельском состоянии. Кн. 3. С. 106–121.
- ¹⁵¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2 Д. 1652. Л.81; Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 1356. Л. 262.
- ¹⁵² ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 106. Д. 39. Л. 4, 9 об.
- ¹⁵³ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 106. Д. 39.
- ¹⁵⁴ Очерки истории Саратовского Поволжья. С. 185.
- ¹⁵⁵ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 106. Д. 32. Л. 1.
- ¹⁵⁶ Положение о земских участковых начальниках. С. 106–121.
- ¹⁵⁷ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 106. Д. 39.
- ¹⁵⁸ Положение о земских участковых начальниках. Ст. 6, 31, 32 // Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т. IX. Положение о сельском состоянии. Кн. 3. С. 106–121.
- ¹⁵⁹ Самарское земство, 1864–1914. Юбилейный доклад-очерк, заслушанный в 49 Очередном губернском земском собрании. Самара, 1914. С. 17.
- ¹⁶⁰ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Глава VI. Самара, 1877.
- ¹⁶¹ Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.). С. 195–197.
- ¹⁶² Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.). С. 199, 201–202. См. также: Кузьмин В.Ю. Земская медицина в России в мирное и военное время (1864–1917 гг.). Самара, 2000; Земская медицина в Самарской губернии // Энциклопедия Самарской области. Т. 2. Г – И. Самара, 2000. С. 297.
- ¹⁶³ Самарское земство: опыт практической деятельности. С. 262.
- ¹⁶⁴ Земская культурно-просветительская деятельность в Самарской губернии (1864–1918) // Энциклопедия Самарской области. Т. 2. Г – И. Самара, 2000. С. 294–295.
- ¹⁶⁵ Самарское земство: опыт практической деятельности. С. 273–275.
- ¹⁶⁶ Турганова О.В. Культурно-просветительская деятельность земств Самарской губернии (1864–1917). Уфа, 2004; Земская культурно-просветительская деятельность в Самарской губернии (1864–1918) // Энциклопедия Самарской области. Т. 2. С. 295–296.
- ¹⁶⁷ Самарское земство: опыт практической деятельности. С. 167–174.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 175–180.
- ¹⁶⁹ Белякова Н.С. Г.И.Баскин: Общественная и научная деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 16–17.
- ¹⁷⁰ Самарское земство: опыт практической деятельности. С. 232–236.
- ¹⁷¹ Там же. С. 239–255.
- ¹⁷² Земская культурно-просветительская деятельность в Самарской губернии (1864–1918) // Энциклопедия Самарской области. Т. 2. С. 296.

¹⁷³ Морозова Е.Н. Саратовское земство. 1866–1890 гг. Саратов, 1991. С. 43.

¹⁷⁴ Земля Симбирская: учебное пособие / С.А. Андреев [и др.]. Ульяновск, 2008.

¹⁷⁵ Андреев С.А. Структура и функции Симбирского губернского земства в 1865–1890 гг. // Краеведческие записки. Ульяновск, 2006. Вып. 12. С. 3–9.

¹⁷⁶ Андреев С.А. Кредитно-финансовая деятельность земств во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам Самарской, Саратовской и Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2010. С. 63.

¹⁷⁷ Андреев С.А. Структура и функции Симбирского губернского земства в 1865–1890 гг. // Краеведческие записки. Ульяновск, 2006. Вып. 12. С. 3–9.

¹⁷⁸ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-е – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984.

¹⁷⁹ Городское самоуправление // Джаншиев Г. Эпоха великих реформ: исторические справки. 9-е посмертное дополненное издание. СПб., 1905. С. 186.

¹⁸⁰ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Гл. VII. Городское хозяйство. Самара, 1877.

¹⁸¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 43. Д. 34. Л. 5.

¹⁸² Самарские губернские ведомости. 1871. 25 января.

¹⁸³ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 619.

¹⁸⁴ Журналы заседаний Самарской городской думы за 1871 год. Самара, 1872. № 1. С. 2.

¹⁸⁵ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 374. Л. 9.

¹⁸⁶ Журналы заседаний Самарской городской думы за 1871 год. Самара, 1872. № 1. С. 4.

¹⁸⁷ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 374. Л. 9.

¹⁸⁸ Подробнее см.: Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье на рубеже XIX–XX вв. Самара, 2007. С. 142–162.

¹⁸⁹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX начало XX века. С. 23–24.

¹⁹⁰ О таких конфликтах см. подробнее: Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье. С. 163–185.

¹⁹¹ Правительственный вестник. 1870. № 205. С. 3–4.

¹⁹² ГАУО. Ф. 640. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8об.

¹⁹³ Мельникова С. Власть. Какой она была? Из истории становления городского самоуправления в г. Симбирске // Ульяновская правда. 23 января 1993. С. 4.

¹⁹⁴ Ульяновск сегодня. 17 октября 2001. № 79. С. 2.

¹⁹⁵ ГАУО. Ф. 640. Оп. 1. Д. 1. Л. 68–69, 70, 72.

¹⁹⁶ Местное самоуправление Саратова: история и современность / под ред. проф. В.Н. Данилова. Саратов, 2005. С. 48–49.

¹⁹⁷ Там же. С. 57.

¹⁹⁸ Саратовские губернские ведомости. 1871, апрель.

¹⁹⁹ Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. Кн. 2. С. 58–59.

²⁰⁰ Дубман Э.Л. Воеводы и воеводская система управления в Самаре конца XVI – начала XVIII вв. // Самарский земский сборник. 2009. № 1 (18). С. 65–69. В 1706 г. в Самаре и уезде вместо воевод появились коменданты.

²⁰¹ Упомянуется по Самаре под 1589/90 г. вместе с головой Андреем Исленьевым. Скорее всего, сменил И.Г. Вельяминова и И.Г. Милюкова уже в 1590 г. См.: Разрядная книга 1475–1605. М., 1987. Т. III. Ч. II. С. 171.

²⁰² Скорее всего, сменил Г.А. Плещеева в 1606 г. Первое упоминание по Самаре в 1114 г. См.: Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 243.

²⁰³ Видимо ошибочно, но И.А. Дашков указан как воевода Самары еще и в 1621–1622 гг. См.: Разрядная книга 1650–1636 гг. М., 1976. Т. II. Вып. 2. С. 332.

²⁰⁴ Под 1643–1645 гг. в ряде изданий, скорее всего, ошибочно указывается самарским воеводой князь Л.А. Плещеев, у которого «товарищем» был его сын А.Л. Плещеев. См., например: Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. М – См. Самара, 1995. С. 203–204. Л.А. Плещеев и его сын были действительно в 1643 г. посланы «на Самару» и «на Уфу», но не в качестве городских воевод, а для похода к «Яицким вершинам» против калмыков. См.: Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 713, 736.

²⁰⁵ Несколько месяцев в Самаре воеводой был стольник М.В. Приклонский. Затем до весны 1658 г. челобитные вновь подаются на имя А.И. Мясоедова. См.: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 67. Л. 349, 352 и др.

²⁰⁶ Почему-то в более поздних документах конца 1662–1663 гг. Леонтьева называют Микифором. См.: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 67. Л. 416–420 и др.

²⁰⁷ Был смещен вскоре после назначения на воеводство в Самару осенью 1672 г. А.Д. Фонвизиным. См.: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 67. Л. 481 об. – 482.

²⁰⁸ Полковник.

²⁰⁹ После смерти С.М. Нестерова в начале 1682 г. в Самару хотели назначить воеводой стольника К. Козлова. Однако это решение сразу же было отменено, и воеводой стал сын С.М. Нестерова Иван Семенович. См.: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 66. С. 167.

²¹⁰ В одном из источников имеются сведения о том, что после Колубакина на Самару воеводой был назначен Александр Васильевич Щапов. См.: Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. I. Архив князя Баюшева. Казань, 1882. С. 27–28. Других подтверждений этому факту не имеется.

²¹¹ Составлено по: Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996; Почетные граждане города Самары XIX–XX веков: Биографический справочник. Самара, 2008; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 870; Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 1. Оп. 118. Д. 45; ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 34. О назначении именованным Высочайшим указом А.С. Брянчанинова Самарским губернатором.

ГЛАВА IV.

ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ЗАВОЛЖЬЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАЦИИ В РЕГИОНЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

В России, патерналистской монархии традиционного типа, отношения власти – общества выстраивались по типу большой семьи. Существенными моментами этих отношений было восприятие власти как сакрального и попечение власти обо всем населении. Это обстоятельство определяло как устойчивость политической структуры, так и эвентуальность политических потрясений. К 90-м гг. XIX века система государственно-административного и местного самоуправления в регионе Средней Волги и Заволжья представлялась определенно сложившейся. Земское и городское положения 1890 и 1892 гг., положение о губернском правлении 1900 г. не вносили принципиальных изменений в компетенции органов государственной власти и местного самоуправления и взаимоотношений между ними.

Администрацию губерний возглавляли губернаторы, по закону – хозяева (начальники) губерний. На них возлагался контроль над органами местного самоуправления, председательство в губернском по земским, городским, фабричным, воинским, питейным делам присутствиям – всего присутствий было более полутора десятков. Закон 1900 г. вернул губернаторам дореформенные обязанности верховного попечителя в обеспечения населения продовольствием, наблюдения за подчиненными, надзора за свободной и беспрепятственной торговлей съестными припасами, «устранения непомерного возвышения цен», «покровительства общепольным предприятиям», торговле и промышленности, а также разрешения открытий фабрик, заводов и других промышленных предприятий, руководства фабричным и горным надзором, поддержания порядка, имущественного благополучия рабочих.

На рубеже XIX–XX вв. большинство губерний Средней Волги и Заволжья возглавляли пожилые, не хватающие звезд с неба чиновники. Вверенными им губерниями они управляли по-отечески, чем снискали любовь и уважение обывателей. Симбирскую с 30 января 1893 г. губернию возглавил В.Н. Акинфов, человек, по общему мнению, простой, скромный и очень общительный, с которым было легко работать. С ним ладили вице-губернаторы (С.Д. Ржевский и А.П. Наумов), губернские предводители дворянства (князь И.М. Оболенский и В.Н. Поливанов), городские головы (А.Д. Сачков и П.С. Балакиршиков), епископы (Варсонофий и Никандр). Его заботами в Симбирске летом 1894 г. было основано общество велосипедистов и построен велодром, открыт дом трудолюбия; ремесленное училище для сирот, сельскохозяйственная школа, бесплатная больница для неизлечимых больных, городской ломбард, костел. Он попечительствовал ученой архивной комиссии, радел телефонизации, строительству железнодорожной дороги и вокзала. Когда в начале 1901 г. пошли разговоры о назначении В.Н. Акинфова на службу в другой город, симбирцы, дворяне, купцы, земцы и думцы обратились к нему с письмом: «Посягая на драгоценное здоровье Ваше, глубокоуважаемый Владимир Николаевич, мы решили прибегнуть к последней мере, и, обращаясь к доброму и гуманному сердцу Вашему, покорнейше и почтительнейше просить Ваше Превосходительство заставить это сердце еще раз забиться в унисон с нуждами городского населения». Губернатор был растроган. 22 июля 1902 г. его назначили почетным опекуном Опекунского совета императрицы Марии в Москве. Проводы губернатора были пышными, дворяне и купцы с сожалением расстались с ним, а в 1903 г. присвоили звание «Почетный гражданин города Симбирска». С.Д. Ржевский, сменивший на посту губернатора В.Н. Акинфова, по общему мнению, был «добрый малый», неглупый, с ленцой; любил выпить и слегка покуролесить, покушать и сыграть «по маленькой».

Также тепло провожали 20 марта 1906 г. Оренбургского губернатора Я.Ф. Барабаша. «Это был человек с чуткой, реагирующей на все живой душой, — живописала «Оренбургская газета». — Надо было видеть те, полные искренности, проводы, которые ему устраивали при его отъезде оренбуржцы, чтобы сказать: да, это был человек, любимый всеми, кто с ним соприкасался»¹. А.В. Адлерберг, в бытность его губернатором (1898–1903 гг.) в Пензе, снискал признательность местного общества своим отеческим попечением и тем, что при его участии были построены здания Народного театра и Первой женской гимназии, открыт памятник А.В. Суворову, со-

здана Пензенская ученая архивная комиссия, состоялись торжества, посвященные 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

13 лет по-отечески губернаторствовал в Самаре А.С. Брянчанинов (да еще три года состоял вице-губернатором): покровительствовал либералам, не обижал революционеров, ладил с консерваторами. «Самарские губернские ведомости» с большой теплотой отзывались о его патриархальных отношениях с городским светом: «С давних пор, по инициативе Александра Семеновича Брянчанинова и его супруги, Софьи Борисовны, в Самаре установился обычай взаимных поздравлений в день нового года в зале коммерческого собрания взамен праздничных визитов». Обыватели платили губернатору взаимностью. В день прощания с Самарой А.С. Брянчанинов говорил, что он «всегда и во всем встречал сочувствие и благожелательное отношение к его начинаниям со стороны сословных и общественных учреждений и других ведомств, а также добросовестное и разумное содействие со стороны ближайших сотрудников»². Дума на заседании 15-16 декабря 1904 г. единогласно избрала Александра Семеновича почетным гражданином города Самары. Депутация именитых и почетных граждан и купцов первой гильдии во главе с П.С. Аржановым и А.Г. Курлиным утром 1 января 1905 г. просила получившего отставку губернатора разрешить учредить стипендию его имени для учащихся города и посетить торжественный обед. На эти цели было собрано более пяти тысяч рублей. От обеда Брянчанинов отказался, а стипендии были учреждены. 22 января 1905 г. он покинул город. «Вокзал был переполнен народом, — повествовал самарский официоз, — и проводы имели самый сердечный характер»³.

Брянчанинова сменил Д.И. Засядко. Протеже В.П. Мещерского, человек образованный и рассудительный, но нерешительный, он предпочитал, как и его предшественник, патриархально управлять вверенной ему губернией. 1 февраля 1906 г. либеральный «Голос Самары» поместил фельетон «Тайны г. Присядки», лишь слегка изменив фамилию только что смещенного губернатора: «Когда же ему доносили, что в губернии погромы, мужики жгут усадьбы, грабят хлеб, режут скотину, Присядко, добродушно похлопывал себя по круглому животу, отвечая: «Ничего, это далеко отсюда, до нас не дойдет... ничего, пошумят, да когда-нибудь и успокоятся. Пусть себе грабят и режут, кого хотят, но по моему личному приказанию не прольется ни капли крови, ни одного горчишника»⁴. Нужно признать, в бульварном гротеске переданы некоторые реальные черты. Д.И. Засядко регулярно обращался к самарцам с отеческими увещаниями, призывая их к согласию и миру, уговаривал предпринимателей пойти на уступки. В июле 1905 г., когда носились слухи

о возможном еврейском погроме, он воззвал к горожанам, призывая их отказаться от насилия, евреев же просил воздержаться от появления в местах массовых собраний, в частности, в Струковском саду⁵.

В дни октябрьской стачки 1905 г. Д.И. Засядко растерялся. 14 октября он направил к митингующим на луговой стороне Самарки заведующего сыскной частью полковника И.Л. Короткевича с предложением выбрать делегацию для переговоров с губернатором. Митингующие оскорбляли полковника, пытались наклеить на него прокламации, но в конце концов послушали его, избрали трех депутатов, которые потребовали освобождения политических заключенных, гарантий свободы слова, собраний, неприкосновенности личности и жилища, а также беспрепятственных похорон тех демонстрантов, кто, возможно, скончается от ран, полученных при перестрелке с казаками 13 октября. Губернатор обещал сделать все, что в его силах. Депутации от «самарского общества» в те же дни он обещал впредь воздерживаться от применения силы.

Д.И. Засядко сменил И.Л. Блок, волевой, целеустремленный, опытный чиновник, сторонник решительных действий. В первые же дни губернаторства он просил министра внутренних дел П.А. Столыпина вывести из Самары «пораженные мятежническим духом» Бузулукский полк и Борисовский батальон, «расформировать или освежить войска частями незапятнанной репутации», содействовал подавлению волнений, настаивал на арестах активных противников власти, чем вызвал крайнее недовольство революционеров⁶. 21 июля 1906 г. член летучего отряда Поволжской области эсер-террорист рабочий-столяр Г.Н. Фролов на углу улиц Воскресенской и Вознесенской бросил бомбу в карету губернатора. И.Л. Блок был убит⁷. Вновь назначенный губернатор В.В. Якунин наставлял самарцев «бояться бога и чтить царя»⁸.

Б.Б. Мещерский губернаторствовал в Саратове с 1891 по 1901 г., и, как пишет биограф, «превратил его в полигон по испытанию всего нового, модного и передового»: опекал геологоразведочные работы, содействовал открытию рисовального училища, фельдшерской школы, курсов фотографов-любителей, школы дорожного строительства, школы-приюта для слепых детей, соединенного механического и химико-технического, а также коммерческого училищ, женских курсов. Саратовские консерваторы жаловались на Б.Б. Мещерского царю, либеральное общество его обожало и присвоило ему звание почетного гражданина города. Сменивший Б.Б. Мещерского известный исследователь русского Севера А.П. Энгельгардт, несмотря на болезни и преклонный возраст, был деятелен, написал две бро-

шюры об экономическом положении Поволжья (а доход от их реализации пожертвовал саратовскому земству для создания фонда по выпуску сельскохозяйственной литературы), содействовал строительству железной дороги до Астрахани, постройке здания женской гимназии.

15 февраля 1903 г. Саратовским губернатором назначили выдающегося политического деятеля П.А. Столыпина. Петр Аркадьевич сотрудничал с органами местного самоуправления, регулярно присутствовал на заседаниях земства, при нем началась модернизация городского водопровода, заложено новое здание Мариинской женской гимназии. Особенно велика роль П.А. Столыпина в открытии Саратовского университета. Благодарное общество почтило П.А. Столыпина званием почетного гражданина, заказало И.Е. Репину портрет губернатора (портрет поместили в здании городской думы); саратовская ученая архивная комиссия основала мемориальный музей П.А. Столыпина⁹. П.А. Столыпин также принимал жесткие меры по подавлению крестьянских волнений, антиправительственных выступлений в городах. В частности, в мае 1906 г. он приказал закрыть радикально настроенное Санитарное общество. В Саратове окончательно сложились взгляды П.А. Столыпина на пути реформирования России, в особенности ее аграрного строя¹⁰. В конце апреля 1906 г. П.А. Столыпина назначили министром внутренних дел. Губернаторство С.С. Татищева, сменившего П.А. Столыпина, было омрачено конфликтом с неистовым иеромонахом Илиодором. 24 января 1911 г. С.С. Татищева отрешили от должности. Как писала одна из саратовских газет, он «склонил выю перед всеильным владыкой и, по образному выражению Илиодора, отправился в свое самарское имение “доить коров”»¹¹.

События Смуты начала XX века знаменовались эксплицитным противостоянием власти, с одной стороны, части земств, городских дум, дворянства, купечества, остальных страт города – с другой. Однако по-прежнему администраторы Средней Волги и Заволжья, в их числе и П.А. Столыпин, предпочитали действовать патриархально-патерналистски¹². Эта тенденция была доминантной также и в период «стольпинской России», и в годы Первой мировой войны¹³.

Особое место в системе административного управления занимали органы политического сыска – губернские жандармские управления (ГЖУ) и их подразделения Охранные отделения (ОО) или (рангом пониже) розыскные пункты. Губернии региона значились среди спокойных. Сюда ссылали поднадзорных, а местная администрация привечала их. Среди служащих земств региона они составляли едва ли не треть. В их числе были видные либералы, социал-

демократы, эсеры и другие радикалы¹⁴. По ведомству министерства внутренних дел губернские жандармские управления Средней Волги и Заволжья относились к третьей, низшей категории. Количество сотрудников в них колебалось в пределах от двадцати до пятидесяти человек. В Симбирском ГЖУ работали тридцать семь человек: четыре офицера (начальник управления, два его помощника в уездах и адъютант), три вахмистра, двадцать восемь унтер-офицеров и два писаря. Саратовское Охранное отделение в 1906–1907 гг. состояло из начальника, письмоводителя, двадцати двух филеров и трех околоточных надзирателя; пензенский розыскной пункт – из начальника и одиннадцати филеров, одному из которых «на ведение письменных работ» добавлялось к окладу 180 руб. в год. На все расходы Саратовскому Охранному отделению выделялось 23870 руб., Пензенскому розыскному пункту – 15540 руб. в год¹⁵. Самарский розыскной пункт, образованный в феврале 1903 г., поначалу насчитывал от до 11 сотрудников, а также нескольких канцелярских служащих. На все про все ему выделяли в месяц 12004 руб.

На рубеже XIX–XX вв. ГЖУ региона возглавляли солидные предпенсионного возраста полковники и генерал-майоры. Обязанности свои они выполняли неудовлетворительно. По заключению Министерства внутренних дел, боссы политического сыска Симбирской, Самарской, Пензенской губерний «редко знали, что делается в губернии», а представляемые ими сведения «не заключали в себе сколько-нибудь определенных данных»¹⁶. Самарское ГЖУ в 1905 – начале 1906 г. возглавлял полковник Г.С. Добрянский, которого сменил генерал-майор И.И. Каратаев. Оба в первую очередь думали о пенсии, обязанности свои выполняли плохо, авторитетом у подчиненных не пользовались. И.И. Каратаев был уволен при скандальных обстоятельствах. 29 июля 1906 г. эсер-террорист бросил бомбу в помещение ГЖУ. Эта бомба не взорвалась, но в ночь на 31 июля 1906 г. взорвались бомбы на противоположном берегу Волги. Нервы шефа самарских жандармов не выдержали, и 1 августа в «Самарском курьере» появилось объявление, что в связи с оставлением должности генерал-майором И.И. Каратаевым продается корова¹⁷. Злополучное объявление произвело фурор. Директор департамента полиции М.И. Трусевич срочной телеграммой просил И.Ф. Кошко «успокоить» стража порядка Самары. Через две недели И.И. Каратаева уволили¹⁸. Жандармское управление возглавил инициативный, энергичный, знающий энтузиаст сыска подполковник М.П. Бобров. Он укрепил агентурную сеть, внедрил секретных агентов во все антиправительственные организации. Деятельность М.П. Боброва так нервировала революционеров, что они в конце концов убили его.

По мнению администрации, вследствие того, что в Самаре не было адресного стола и подворной регистрации, в нее стекались революционеры. Жандармское начальство печалилось также скудностью средств, отпускаемых на агентуру (всего 25 рублей в год – их хватало на содержание только двух секретных сотрудников)¹⁹. Ассигнования и штаты Самарского ГЖУ были значительно увеличены в связи с организацией Поволжского районного охранного отделения в начале 1907 г.²⁰

Не выказывал служебного рвения и назначенный в 1903 г. на пост начальника Симбирского ГЖУ, полковник Н.Н. Ловягин, которого директор Департамента характеризовал так: «Полковник Ловягин, состоя на службе 49 лет, совершенно не соответствует своему назначению и не в состоянии управлять жандармским делом в губернии». В феврале 1907 г. озабоченного будущей пенсией полковника перевели в еще более спокойную, чем Симбирская, Уфимскую губернию. Но и там дела полковника шли точно так же, как и в Симбирске. Начальник корпуса жандармов Д.К. Гершельман в ноябре 1907 г. усовещал его: «Ввиду нареканий Департамента полиции на Вашу бездеятельность и, основываясь на том, что Вы уже полностью выслужили пенсию, ... не признаете ли Вы своевременным подать заявление об отставке». Н.Н. Ловягин отмалчивался. И только получив в январе 1908 г. желанный чин генерал-майора, подал в отставку. Назначенный на его место полковник М.И. Дубельт рвением и служебными качествами от предшественника настолько не отличался, что его срочно заменили полковником С.П. Подбельским²¹.

В Саратовском ГЖУ начальствовали служаки старой школы; с 1894 по 1901 гг. – полковник И.А. Иванов, а 1902 по 1907 гг. – полковник Д.С. Померанцев. Полковник А.П. Микеладзе, возглавивший Саратовское ГЖУ в мае 1907 г., предпочитал балы, обеды с вином, театр, а к политическому розыску был «холоден». В Саратове, впрочем, он не задержался. В октябре 1907 г. его сменил знающий свое дело полковник В.К. Семигановский²². Зато компетентны и энергичны были молодые руководители созданного в 1902 г. Саратовского Охранного отделения ротмистры М.П. Бобров, Н.К. Федоров и А.П. Мартынов. Деятельность политического сыска губерний Среднего Поволжья и Заволжья стала заметно более продуктивной с организацией в январе 1907 г. Повожского районного охранного отделения (РОО), в оперативную сферу которого вошли Самарская, Пермская, Вятская, Казанская, Симбирская, Уфимская, Саратовская, Оренбургская, Астраханская, Пензенская губернии и Уральская область. Возглавил его начальник Самарского ГЖУ полков-

ник М.П. Бобров. По штату Поволжское РОО состояло из начальника, двух его помощников, двух чиновников для особых поручений, 50 наблюдательных агентов и трех околоточных надзирателей, а так же письмоводителя, двух канцелярских работников, трех писцов и канцелярского служителя. Содержание РОО обходилось казне ежемесячно в 68 тысяч 810 рублей. М.П. Бобров собрал в РОО лучших сотрудников, сформировал наблюдательный отряд из 20 филеров (начальником отряда назначили И.О. Пастрюлина). Чиновники для особых поручений РОО во время перманентных командировок помогали ГЖУ организовать обмен информацией, наладить секретную и наружную агентуру. После гибели М.П. Боброва Поволжское РОО возглавил деятельный профессионал А.П. Критский²³.

В компетенцию общей (уголовной) полиции входил контроль над исполнением постановлений вышестоящих органов власти, надзор за порядком, нравственностью и безопасностью населения, чистотой улиц, ночное дежурство, наблюдение за арестованными и многое другое. Возглавлял общую полицию назначаемый губернатором полицмейстер. В его подчинении находились участковые приставы (каждый город Среднего Поволжья и Заволжья разделялся на три-четыре участка). В общей полиции Пензы в начале XX века согласно штатному расписанию насчитывалось 149 сотрудников, но администрация и Дума печалились их слабой дисциплиной, небрежением должностными обязанностями и вынужденно констатировали: «Наблюдение за охраной города, особенно в ночное время, нельзя признать удовлетворительным». В 1910-е годы общую полицию Пензы оснастили специальными средствами и привели в относительный порядок. В 1915 г. в ее штате числилось 153 околоточных и городских²⁴. Самарскую городскую полицию в 1899 г. увеличили до 317 человек. Под ее наблюдением находилось 105 ночных сторожей, содержавшихся за счет городского бюджета. При Самарском ГЖУ в августе 1909 г. сформировали конно-полицейскую стражу из 25 человек, которую в следующем году увеличили на 20 конных стражников. В 1906 г. городская полиция Самары состояла из полицмейстера, помощника полицмейстера, четырех частных приставов (по числу частей города), десяти помощников частных приставов, двадцати восьми околоточных надзирателей и 265 пеших и конных городских. Почти 30 % нижних чинов полиции не умели ни писать, ни читать, и лишь 25 % имели начальное образование. Жалованье городских было незначительным, и они в 1905 г. даже намеревались бастовать, но чувство долга пересилило²⁵.

Положения 1890 и 1892 гг. создали возможности большего контроля администрации над местным самоуправлением. По положению

1890 г. в земских собраниях увеличивалась доля гласных дворян. Этим власти надеялись обеспечить более благоприятные условия сотрудничества земств и администрации. Земства продуктивно занимались агрономией, ветеринарией, медициной, образованием и другими чрезвычайно важными хозяйственными вопросами. В пределах своей компетенции земства, как правило, действовали согласованно с администрацией, которая, в свою очередь, в их повседневную хозяйственную деятельность не вмешивалась. Редкие разногласия по частным по частным хозяйственным вопросам улаживались в губернских присутствиях.

Городские думы Средней Волги и Заволжья до начала Смуты XX века были политически индифферентны, воздерживались от политических манифестаций и сосредотачивались на хозяйственных проблемах. Они досадовали на мелочную административную опеку, считая, что она «парализует всякую инициативу по хозяйственным вопросам», но в наведении порядка поддерживали власти. Здравый смысл побуждал их оберегать функциональность городского хозяйства. Много времени и сил они тратили на устройство госпиталей, материальную помощь семьям солдат и офицеров во время русско-японской войны²⁶. Они старались содержать в порядке городское хозяйство и в те дни, когда политическая лихорадка охватывала обывателей. Свое противостояние местной администрации накануне революции 1905–1907 гг. думы демонстрировали редко. Да и в 1905–1907 гг. они, главным образом, занимались такими повседневными проблемами, как аренда городской земли, плата за пристани, санитария, торговля и выпасы, наймы помещений, городская стража, ассенизация, водопровод. С обострением Смуты политические страсти раскалывали земства. Либеральные саратовские земцы, ведомые Н.Н. Львовым, К.Б. Веселовским, А.М. Масленниковым, в 1904 г. начали поход против консерваторов и одержали победу на выборах в управу. Впрочем, радовались они недолго. Единства среди них не было. Радикальные земские либералы «освободенческого толка», такие как А.М. Масленников, С.А. Котляревский, выступали за коалицию с революционными партиями, конституцию; умеренные земские либералы были сторонниками реформ при сохранении монархии, земские консерваторы не видели будущего России без самодержавия, в их представлении «краеугольного камня государственного устройства». Саратовские либеральные земцы даже составили проект резолюции, в котором говорилось о созыве «народного представительства» на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов, но П.А. Столыпин обсуждать его на сессии земства запретил.

В 1904 г. земства и городские думы стали ратовать за расширение автономии в хозяйственных вопросах. Власти вняли им. Указ 12 декабря 1904 г. обещал земцам и думцам «возможно широкое участие в заведовании разными сторонами местного самоуправления». В феврале 1905 г. им разрешили направлять проекты реформ местного самоуправления в Совет министров, чем они незамедлительно воспользовались и сформировали особые комиссии. Весной и летом 1905 г. думцы Среднего Поволжья и Заволжья энергично критиковали Положение 1892 г., подчеркивая, что ранее городские думы пользовались относительной свободой в хозяйственной деятельности. Городские думы Среднего Поволжья и Заволжья связывали беспорядки в стране и городах с недостаточной дееспособностью властей. Самарская городская управа 28 февраля 1905 г. одобрила доклад бюджетной комиссии, в котором речь шла о неблагоприятных условиях деятельности городских органов самоуправления, «стесняемых административной опекой». «Дума, — говорилось в докладе, — находится в состоянии несовершеннолетнего в вопросах распоряжения даже своими средствами, благодаря тому, что административная опека парализует всякую инициативу по хозяйственным вопросам». Городская управа просила «совершенно» освободить городское общественное управление от этой опеки, подчинить ему городскую полицию²⁷. Дальше всех пошли симбирцы. Они предъявили претензии местной администрации, упрекая ее во вмешательстве в чисто хозяйственные дела и запрещении хотя бы косвенно затрагивать политические вопросы. В апреле 1905 г. симбирские гласные разработали проект нового «Городового положения». В нем, между прочим, речь шла о необходимости реформировать центральную власть, по их мнению «всецело захваченную чиновной бюрократией», дать свободу слова, союзов, прямое и всеобщее избирательное право, упразднить сословия, передать местные дела всецело и без исключения в ведение городского и местного самоуправления. Политизация дум встревожила власти. Министерство внутренних дел циркуляром от 12 апреля 1905 г. напомнило думцам, что предлагаемые ими проекты не должны содержать «незаконных и антиправительственных высказываний» и что по закону они не имеют право превращать заседания в публичные собрания. Думцы на это отвечали, что «Городовое положение» оставляет за ними право решать, приглашать посторонних или нет, а симбирцы, к тому же демонстративно постановили во время заседаний держать двери открытыми²⁸.

6 августа были опубликованы проект закона об учреждении Государственной Думы (в просторечии «Булыгинской Думы») и «По-

ложение о выборах в Государственную Думу». Согласно проекту, компетенция Думы ограничивалась предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением росписей государственных доходов и расходов; прерогатива издания законов оставалась за царем. По крестьянской, землевладельческой и городской куриям устанавливались многоступенчатые выборы, рабочие и часть городской «нецензовой» интеллигенции право голоса не получали. Умеренные либералы Самары с воодушевлением восприняли указы о «Булыгинской Думе» и в конце августа 1905 г. образовали «Конституционную лигу», в программном заявлении которой говорилось, что «Лига» выступает за всеобщее, равное, тайное избирательное право, за полномостную законодательную Думу.

Большинство земцев-либералов Среднего Поволжья и Заволжья «Булыгинской Думой» не были удовлетворены. 6-7 августа 1905 г. в Самаре проходил первый областной земский съезд. Поскольку власти запрещали подобные собрания, была нанята небольшая крытая прогулочная баржа, которую возил пароходик. На этой барже, крейсировавшей по Волге, собиралось почти 40 либералов: представители Самарского, Саратовского, Симбирского, Уфимского земств. После бурных прений большинство высказалось за бойкот «Булыгинской Думы». Предложение о «земской забастовке» и призыве к неплатежу налогов большинство отклонило; зато единогласно вотировали воззвание не давать рекрутов²⁹. Поскольку земства имели собственную многоканальную систему связей с крестьянством, средними слоями города, решения съезда в краткий срок дошли до самых отдаленных деревень и стали одним из весомых факторов антиправительственной агитации. Городские думы приветствовали «Булыгинскую думу» как «первый почин в деле призыва общественных сил служению Родине» и высказывали пожелания существенно увеличить представительство в ней депутатов по городской курии³⁰.

В октябре 1905 г. страсти накалились. Городской голова Самары 12 октября призвал гласных добиваться созыва Учредительного Собрания и на этом закрыл заседание. Неожиданную прыть проявили Ставропольские думцы. Они, обычно аполитичные и законопослушные, в ноябре 1905 г. высказались за участие в выборах в городскую думу всех жителей Ставрополя, направили соответствующее ходатайство на имя министра внутренних дел и получили ответ, что «данный вопрос будет рассмотрен». Инициатива ставропольских думцев получила всероссийский резонанс³¹. Симбирские земцы в телеграмме на имя императора приветствовали провозглашенные Манифестом 17 октября демократические начинания и

добавляли, что необходимо расширить самостоятельность земских учреждений, допустить к участию в местных органах самоуправления представителей всех социальных слоев общества.

События Смуты начала XX века, особенно потрясения 1905–1907 гг., решительным образом сказались на действиях органов администрации и местного самоуправления региона Средней Волги и Заволжья. Осенью 1905 г. налицо были симптомы паралича власти. Бездействовала и жандармерия. Как грибы росли всевозможные комитеты, советы. В Самаре 14 октября 1905 г. 16 земцев-либералов и членов городской думы основали Комитет общественной безопасности (КОБ) для охраны порядка и установления связей с властями; 19 октября 1905 г. избрали временное правление комитета, в которое вошли купцы и промышленники, приказчики и юристы, журналисты и чиновники, октябристы, кадеты, эсеры, социал-демократы, представители стачечных комитетов и различных союзов; возглавили комитет Н.Д. Батюшков, Н.А. Гладыш, А.И. Матов. Объединив сторонников умеренных реформ и крайних радикалов, представителей различных страт и политических организаций, КОБ стал противовесом легитимного режима и влиятельным властным органом, имел большой вес в городских делах³². Д.И. Засядко регулярно согласовывал свои действия как с КОБом, так и с другими представительными общественными организациями³³.

Вице-губернатор В.Г. Кондоиди, человек решительный, убеждал самарцев, что волнения начались, «может быть», происками японцев, и уж точно служат их интересам. Он угрожал репрессиями вплоть до применения венной силы, призывал «избегать появления на улицах толпами» и расходиться по первому требованию полиции³⁴. Кондоиди был обречен на конфликт с «самарским обществом», и в конце 1905 г. расстался со своим постом. Вслед за ним получил отставку и Д.И. Засядко.

Во время работы Государственной Думы гласные земств региона активно обсуждали законопроекты, касающиеся местного самоуправления: о мелкой земской единице, соотношении функций местных учреждений в уезде, земском избирательном законе.

Болезненно реагировали земцы на крестьянские волнения. Одни считали их следствием бездействия властей, другие призывали навести порядок силой, но все соглашались с необходимостью немедленно приступить к аграрным преобразованиям. Осенью 1905 г. все земства Среднего Поволжья и Заволжья практически единогласно приняли решение не взыскивать с крестьян недоимки по земским сборам, чтобы не усугублять их «озлобление». С зимы 1905 г. земцы постепенно, но неуклонно отходят от радикального либерального

фразерства. На сессии Саратовского земства, проходившей в разгар крестьянских волнений, Д.А. Олсуфьев, В.Н. Ознобишин и другие, поддержанные П.А. Столыпиным, обвинили либеральных гласных и «третий элемент» земства в потворстве «грабительским устремлениям крестьян». Большинство согласилось с ними. На выборах 1906–1907 гг. в земства проходили октябристы и консерваторы.

Думцы Среднего Поволжья и Заволжья и в разгар политическое противостояния не уклонялись от решения насущных хозяйственных проблем. Самарская городская дума на заседании 26 октября 1905 г. обсуждала такие вопросы, как аренда торговых мест, оплата труда землекопов, неправильная эксплуатация городской земли, сданной купцу Федорову под фабрично-заводские заведения; на следующем заседании рассмотрели 22 вопроса, главным образом, об аренде городской земли, о расходах и т. п.³⁵ В повестках дня других городских дум значились подобные, а часто точно такие же вопросы. Пензенские думцы с 1904 г. размышляли о цене и условиях освещения улиц города. Наконец, 14 декабря 1905 г. они разрешили городской управе подписать договор с владельцами частной электростанции Ф.И. Титовым и Я.М. Мильманом об устройстве электрического освещения, вначале на главной, а затем и на соседних улицах города. К 1910 году в Пензе насчитывалось 6 электрических, 51 керосинокалильный, 868 обыкновенных керосиновых фонарей. Об электрическом освещении улиц и домов в Симбирске задумались в 1890-х годах, но дело долго тормозилось отсутствием денег и сдвинулось с мертвой точки лишь в начале XX века. На заседании городской думы 18 января 1905 года выслушали доклад городского головы М. Волкова «о рассмотрении проектов устройства электрического освещения в связи с элеватором к Волге», постановили доклад принять к сведению, отпечатать и разослать гласным. Однако и после этого дело шло ни шатко, ни валко. И только в 1910 г. дума засучила рукава, разместила облигационный займ, утвердила проекты, в 1911 г. поручила главному архитектору города Ф.Е. Вольсову создать проект здания электростанции и закупить оборудование фирм «Эдиссон» и «Сименс и Гельске». Электростанция была введена в эксплуатацию 1 января 1913 года. На освящении играл оркестр, почетные гости пили шампанское, произносили речи. Губернатор А.С. Ключарев «одобрил желание городской думы и управы превратить Симбирск из города грязи и пыли в культурный уголок». На другой день газета «Симбирянин» высоким штилем описала событие, закончив репортаж словами: «Заемные миллионы нашли хороших финансовых исполнителей»³⁶. Два трехцилиндровых агрегата «Дизель» обладали мощностью в 230 лоша-

диных сил каждый. Электроэнергии от них хватало почти на четыре тысячи лампочек 330 абонентов и 75 уличных фонарей. Обывателям киловатт-час обходился в 25 копеек. Столько же платили промышленники в часы максимальной загрузки станции, а в дневное и позднее время — по 12,5 копеек за киловатт-час. Первоначально свет давали с четырех дня до четырех ночи. По настоянию городского головы Л.И. Афанасьева, свет стали давать до семи часов утра. Самарская дума в августе 1905 г. разрешила финансирование установки 32 фонарей системы Галкина для освещения Воскресенской, Саратовской, Николаевской, Соборной, Троицкой и Самарской улиц. За установку каждого фонаря пришлось выложить по 160 рублей³⁷.

Большое внимание уделялось водопроводу. Самарская дума в январе 1905 г. утвердила смету расходов на изготовление новых купонных листов к облигациям городского водопроводного займа в размере 400 тыс. руб.³⁸. Она и все другие городские думы региона постоянно возвращались к сюжету «о злоупотреблении по расходованию бесплатно отпускаемой городским водопроводом воды», и в конце концов пришли к выводу о желательности установления домеров в помещениях и в заведениях с двигателями, и взимания платы (от 30 руб. до 60 руб.) с булочных, аптек и других заведений³⁹.

Особый сюжет — профилактика пьянства. В Среднем Поволжье и Заволжье энергичнее других «трезвенную кампанию» вела всемерно поддерживаемая администрацией Самарская дума. О пьянстве в городе говорили задолго до 1905 г. и долго после 1905 г. Вот выдержка из заявления гласных городской думы Сенаторова, Челышева, Шишкина и Савельева: «Каждому из нас известно, что в праздники мимо тех домов, где помещаются трактирные заведения, портерные лавки, особенно мимо последних, положительно нет прохода, не только женскому полу, но и мужскому. У каждого из этих заведений на тротуарах, на далекое расстояние прогуливаются пьяные толпы рабочих всякого цеха, хулиганов и горчишников, а около винных лавок по обе стороны их помещений и на противоположной стороне, тоже на тротуарах и в подъездах домов, распивается водка из посуды через горлышко прямо на улице: тут пьют старики, юноши и женщины, не стесняясь проходящих граждан. Напиваясь на улице, некоторые тут же сваливаются в бесчувственном состоянии и валяются в самом безобразном виде, а те, которые еще не свалились, по адресу проходящих, в особенности же по адресу женского пола, посылают самые отвратительные площадные выражения». Далее гласные живописали драки, и предлагали про-

свить господина «министра внутренних дел» издать правило о закрытии всех заведений, торгующих крепкими напитками, и винных лавок в церковные и другие праздники, в день освобождения крестьян от крепостной зависимости 19 февраля, в дни рождения и тезоименитств императора, императрицы и наследника⁴⁰.

В последующие годы антиалкогольная эпопея развивалась крещендо. Запрещение торговли вином в праздничные дни вызвало недовольство трактирщиков. Они весьма поэтично оформили свое ходатайство. Приведем из него небольшую выдержку: «Простолюдин, т. е. крестьянин и рабочий, во время выпивки склонен к общению, к приятным разговорам, к беседе со знакомыми и даже незнакомыми. Все это он может получить в трактире, где есть обстановка, столы, стулья, закуска, столь нужная при выпивке, и ничего такого нет в казенных винных лавках, где говорят, что «получай водку, плати деньги и уходи». От поэзии они переходили к суровой прозе: «Мы вносили трактирный сбор в сумме 32000 руб. ежегодно»⁴¹. В Думе интересы виноторговцев лоббировал Е.Т. Кожевников, напиравший на несправедливость, даже ущербность решений Думы, поскольку торговля крепкими напитками в праздничные дни запрещена только в трактирах, но не в буфетах железнодорожной станции, клубов и собраний, отчего трактирщики несут большие убытки. Его поддерживал Е.И. Чернышев: «Такое воспрещение вело к чрезвычайному развитию всюду бесплатной торговли вином». Дума оставалась непреклонной. Более того, по инициативе А.И. Михайлова она приняла решение добиваться запрещения продажи в праздничные дни крепких напитков и ходатайствовать перед губернатором о запрещении «всякого рода музыки и хорового пения» во всех заведениях, «торгующих таким зельем, поскольку все это ведет к разврату и спаиванию обывателя»⁴².

Беспорядки в стране и городе втягивали городские думы в политический водоворот. На собрании Самарской городской думы 12 октября 1905 г. страстную речь произнес А.Н. Хардин, обычно на заседаниях не появлявшийся. «В виду совершающихся событий, таких, как забастовка Самаро-Златоустовской и других железных дорог, — заявил он, — Думе следует рассмотрение вопросов, включенных в программу настоящего заседания, отложить до более благоприятного времени», а сейчас подготовить и послать телеграмму на имя царя о необходимости созыва Учредительного собрания. Большинство гласных онемело, или, словами радикального корреспондента «Самарской газеты», «затряслась от ужаса». Председательствующий немедленно объявил перерыв и пригласил всех на частное совещание. По его окончании заседание думы отложили⁴³.

Хаос в дни октябрьской забастовки внес смятение в души гласных. Истинным облегчением для них оказался Манифест 17 октября, встреченный ими с воодушевлением⁴⁴. Однако, до желанного покоя было далеко, на ноябрьском заседании Самарской думы А.М. Михайлов и П.П. Подбельский внесли ходатайство о созыве Учредительного Собрания «с целью успокоения брожения умов». За предложение голосовало 11 человек, против – 34. Дума постановила послать председателю Совета министров С.Ю. Витте телеграмму с просьбой о скорейшей реализации Манифеста 17 октября, «находя его единственным средством успокоения брожения умов»⁴⁵. И в дальнейшем городская Дума стремилась сохранить порядок и поддерживала губернскую администрацию. Примечательны в этом отношении дебаты на чрезвычайном заседании Думы 6-7 марта 1906 г. при обсуждении дополнительной оплаты казакам, солдатам, полицейским. Гласный Е.Т. Кожевников «вообще» протестовал против увеличения затрат на охрану города. В ответ А.А. Шешлов заявил, что «в настоящее время, когда в Самаре стало спокойно, благодаря казакам и войскам», Кожевников может с легкой душой протестовать против увеличения суммы на охрану. «Но, не дай Бог, – продолжал он, – снова повторятся смутные октябрьские дни, и городу без охраны не обойтись»⁴⁶.

Во второй половине 1906 г. в губерниях Средней Волги и Заволжья был введен военно-полевой суд, и тогда же они были объявлены на положении усиленной охраны. Теперь жизнь городов и сел регулировалась обязательными постановлениями губернаторов. Запрещалось оглашение или публичное распространение любых статей и сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству, распространение произведений печати, подвергнутых аресту, публичное восхваление преступных деяний, оглашение и публичное распространение ложных слухов о деятельности правительственных органов, должностных лиц, воинских частей, возбуждающих враждебное к ним отношение населения. Нарушителям грозил арест сроком до трех месяцев или штраф до 500 руб. Обязательными постановлениями запрещались стачки, а также насильственные действия, в том числе и на почве аграрных отношений, подстрекательства к забастовкам, самовольному захвату чужой земельной собственности, снятие под угрозой или силою рабочих с полевых работ⁴⁷.

Большинство обязательных постановлений были связаны с благоустройством, ограждением обывателя от хулиганов, организацией выборов в Государственную Думу. В Самаре обязательным постановлением определялись меры по наведению порядка в Струковском саду, который во время гуляний, особенно в праздничные

дни, становился «ареною всевозможных беспорядков и диких выходов местных хулиганов». Губернатор был серьезно обеспокоен тем, что горожанам, пришедшим в сад, приходится слышать и созерцать «неистовый крик, свист, циничные шутки, сопровождаемые площадной бранью, ссоры и драки». Обязательными постановлениями определялись правила продажи газет, журналов и прочих произведений печати в Самаре, устройство тротуаров, обеспечение времени работы и нормального отдыха служащих торговых и торгово-промышленных заведений⁴⁸. В 1907 г. в Самаре, Симбирске и других городах были учреждены адресные столы, что затруднило жизнь революционеров и люмпенов, склонных к девиантному поведению.

Городские думы отмежевывались от либеральных влечений, сосредотачивались на повседневных проблемах, поддерживали местную администрацию в наведении порядка. На другой день после убийства И.Л. Блока на экстренном заседании Самарской думы гласные почтили его память, а через год учредили стипендию его имени, отметив, что «И.Л. Блок за время управления нашей губернией успел снискать себе симпатиями граждан, как губернатор и как человек»⁴⁹. Конфликты порождались как стремлением властей к патриархальной опеке, так и желанием Дум явочным порядком расширить пределы своей компетенции, уменьшить расходы городской казны за счет государства. Можно только удивляться тому, с каким упорством гласные пытались добиться своего. Пример – эпический спор о ночных караульщиках г. Самары. Дума в начале 1905 г. приняла решение об изъятии ночных караульщиков из ведения полиции и передаче их в распоряжение городской управы. Губернатор в ответ «дал знать», что «надзор за ночной охраной уже был в ведении городской управы и дал очень плачевные результаты» и «следовательно, переход к неудавшемуся уже на практике порядку представляется совершенно не в интересах дела и городского населения и поэтому не может быть им допущен впредь до пересмотра правил 1899 года»⁵⁰. Несмотря на всю резонантность аргументации губернатора, Дума стояла на своем.

В ноябре 1906 г. к злополучной теме вернулись в очередной раз. К тому времени в городе было 144 ночных сторожа (по числу пересечений улиц), на содержание которых город выделял 25920 руб. Пользы от них, по мнению Управы, было мало, поскольку, как отмечала подготовленная ею реляция, «обязанность караульных занимают преимущественно старики – силам и энергии которых более доступно охранять город от воробьев, но не городские улицы от воров, всяких нарушителей уличной тишины и порядка». Гласные

приняли решение организовать конную охрану из 80 демобилизованных военных, с оплатой по 360 руб. в год каждому и обратиться с ходатайством к министру внутренних дел о снабжении их винтовками за счет казны⁵¹. Думское красноречие было шито белыми нитками; гласные хотели одним выстрелом убить двух зайцев: подчинить стражу городу и сократить расходы на нее за счет казны. Губернатор энергично настаивал на подчинении караульщиков, пеших ли, конных ли, полицмейстеру, как это было в других городах Среднего Поволжья и Заволжья. Городская управа сманеврировала: в 1907 г. согласилась с подчинением караульщиков полицмейстеру, но с условием, если Дума будет недовольна конной стражей, «то она оставляет за собою право во всякое время охрану эту по своему усмотрению заменить пешими ночными караульщиками». Состоялась оживленная дискуссия. Многие гласные горячо говорили, что конная стража ничего хорошего не дала ни тогда, когда подчинялась полиции, ни когда подчинялась городу. К тому же, если раньше были, хотя и старые, и вооруженные дубинками караульщики, то «ныне никого нет». По убеждению гласных стража могла соответствовать своему назначению только под надзором городского самоуправления. Они заявляли: «...необходимо или совсем изъять ее из ведения полиции, или допустить город к совместному с полицией распоряжению ею». Большинство все же склонялось к тому, что надо подождать⁵². Так это дело и тянулось еще несколько лет.

Весьма нервно реагировали Думы на любые, по их мнению, неосновательные, попытки покуситься на городские финансы. В начале 1906 г. самарская полиция просила Городскую думу ассигновать соответствующую сумму на перевооружение. Гласный П.П. Подбельский высказался категорически против, аргументируя это так: «Город и без того достаточно тратит на содержание казаков, солдат и той же полиции, хотя результатов от этого он не видит». А по поводу желания руководства полиции заменить устаревшие револьверы современными «браунингами», — он ядовито заметил, «что назначение полиции не истреблять людей, а предупреждать насилия и преступления и охранять спокойствие обывателей», что, по его мнению, с успехом можно делать и старым оружием. С ним солидаризировался городской глава. Большинство, однако же, после перепалки, голосовало за то, чтобы взять для полиции оружие из артиллерийского склада, но бесплатно, с тем, чтобы впоследствии оплатить пришедшие в негодность револьверы, ружья, шашки и т. д. Губернатор, к которому полицмейстер обратился с жалобой, увещевал Думу, указывая, что все 225 шашек, которые

имели полицейские, железные и зазубренные, револьверы устаревшие, «как шашки, так и револьверы к употреблению совершенно непригодны». Ссылаясь на закон, он предложил думцам выделить соответствующие средства, но те стояли на своем⁵³. Дело приобрело скандальный характер. Наконец, не выдержал министр внутренних дел Российской империи и 24 марта 1906 г. телеграфировал губернатору: «Благоволите настоятельно потребовать от Самарской Думы исполнения обязанности по вооружению городских». И лишь тогда Дума отступила, но при этом, вместо необходимых 5830 рублей, выделила лишь 2054 рублей. Ее постановление губернатор приостановил. Пришлось думцам окончательно пойти на попятную⁵⁴. Примерно в том же ключе развивалась эпопея с доплатой самарским городским. В 1906 г. Дума дважды отклоняла их ходатайства. Но когда в сентябре того же года губернатор уведомил гласных, что околоточные надзиратели подают заявление об увольнении, «ввиду полнейшей невозможности содержаться на скудное содержание, ими получаемое», городская управа считала нужным увеличить жалование – за счет государственной казны. В конце концов думцам, после долгих оттяжек, и на этот раз пришлось раскошелиться⁵⁵.

Крайне тревожили городское самоуправление региона самовольные захваты городской земли под жилые постройки, участвовавшие с 1905 г. На окраинах Самары в Солдатской слободке, Кавказе, Новом Оренбурге, Стрелке буквально за ночь вырастали избы без разрешения, без соблюдения правил строительного устава и норм санитарии. С большим трудом удавалось заставить «захватчиков» выплачивать за аренду городской земли, соблюдать правила застройки и городской санитарии. Также, 1 марта 1906 г. городская Дума поручила управе выделить участки под жилые застройки за Панским переездом и Колесниковым оврагом и сдать их в аренду с торгов на 12 лет по цене 1,5 руб. в первом районе и по 1 руб. во втором. В сентябре 1907 г. Дума приняла решение об организации конной стражи для охраны городской земли от самовольных захватов. Губернатор это решение отклонил. Думцы направили к нему специальную депутацию, которая сумела переубедить его. Захваты земли прекратились лишь после того, как в 1908 г., когда была создана конная стража⁵⁶.

1905–1907 гг. были исключительно насыщенными событиями, сложными для администрации и местного самоуправления губерний Среднего Поволжья и Заволжья. В политических катаклизмах они сумели сохранить органическое чувство безопасности, стремление к порядку. Кругозор местной администрации и органов мест-

ного самоуправления расширился, они отчасти преодолели свойственную им политическую беспечность. Вместе с тем отщепенство от власти, свойственное интеллигентскому обществу, коснулось и местного самоуправления. Это был чреватый последствиями симптом.

2. КОРОННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ, ЗЕМСКОЕ И ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ГОДЫ ДУМСКОЙ МОНАРХИИ (1907–1917 ГГ.)

В первые годы думской монархии органы местного самоуправления стремились к сотрудничеству с администрацией. Симбирское, Самарское, Пензенское и другие земства Среднего Поволжья и Заволжья основные усилия сконцентрировали на реализации выдвинутых П.А. Столыпиным реформ, прежде всего аграрной: активно участвовали в деятельности землеустроительных комиссий, развитии сети агрономической и агротехнической службы. В Новоузенском уезде Самарской губернии в 1906 г. стали работать участковые агрономы. Земство Казанской губернии в 1909 г. организовало первую в стране школу по обучению крестьян-землевладельцев прогрессивным методам ведения хозяйства. Земства провели комплексные исследования по оценке земель, подворные переписи крестьянских и хуторских хозяйств. Земства Пензенской губернии в 1907–1914 гг. создали десятки опытных полей, призванных содействовать распространению прогрессивных методов ведения сельскохозяйственного производства; содействовали сбыту изделий кустарных промыслов и снабжению производителей заказами. Земские склады продавали и сдавали в аренду крестьянам новые машины и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. Почти 80 кредитных товариществ содействовали приобретению техники крестьянами.

Особое внимание обращалось на образование. В Самаре, во многом благодаря усилиям инспектора народных училищ и члена школьной комиссии И.С. Клюжева, уже в 1906 г. никому не отказывали в приеме в приходские начальные училища. Дума с явным удовлетворением констатировала: «Такого достигли еще очень немногие из самых больших городов нашего отечества»⁵⁷. Городская казна в 1907 г. выделила на образование около 200 тыс. руб. В 1916 г. из четырех тысяч детей школьного возраста одной возрастной группы в первых классах начальных училищ обучалось около 2700 чел. «Еще

одно или два небольших напряжения..., – говорилось в докладе городской управы, – и общедоступность повышенного образования в пределах прогимназии сделается таким же реальным фактом, каким стала общедоступность образования начального»⁵⁸. Начальному образованию способствовало открытие 18 октября 1910 г. трехлетнего учительского института. В том же году Самарская городская дума поддержала ходатайство земства об учреждении в городе политехнического института и выделила для него бесплатно большой участок городской земли на Соборной площади. Политехнический институт в составе сельскохозяйственного и коммерческого отделения был открыт 24 января 1914 г. Некоторый вклад в дело образования вносили и самарские предприниматели. Самарский биржевой комитет с 1893 по 1915 гг. отчислил на нужды местного коммерческого образования более 36 тыс. руб., еще 150 тыс. руб. – на строительство здания коммерческого училища. Также он ассигновал деньги на содержание детских садов и яслей, городской библиотеки, общественной читальни.

Земства всех губерний Среднего Поволжья и Заволжья основывали учительские школы, устраивали курсы и съезды учителей, создавали пенсионные и эмеритальные кассы. В Пензенской губернии к 1914 г. было учреждено 610 земских школ, 32 земские больницы на 852 койку, 65 фельдшерских и 5 акушерских пунктов, 40 районных и 30 подсобных библиотек. Симбирское губернское земство потратило на народное образование в 1908 г. 189,3 тыс. руб., в 1912 г. – 324,8 тыс. руб.; в 1915 г. – 1264,5 тыс. руб. К 1909 г. были открыты училища в уездных городах губернии (в них обучалось 1075 человек), а также и в крупных селах. В меру сил в деле просвещения участвовали и уездные земства. В 1910 г. Сызранское уездное земство ассигновало на образование 1850 руб., Алатырское – 2 тыс. руб., Буинское – 1200 руб., Сенгилеевское – 4175 руб. Пензенское, Самарское, Саратовское, Симбирское земства совершенствовали оказание медицинской помощи населению, строили уездные и меж-уездные больницы, санитарные и амбулаторные пункты. Земские ветеринары губерний вели санитарно-ветеринарные исследования, противодействовали распространению эпизоотий.

Усилиями администрации и местного самоуправления благоустраивались города Среднего Поволжья и Заволжья. Улицы Саратова уже много лет мостили кварцевым и булыжным камнем, а с 1903 г. – асфальтом. К 1915 г. замостили почти 72 % площади улиц. Увы, состояние дорог оставляло желать лучшего. В центральной части Саратова, на углу улиц Константиновской и Астраханской, находи-

лось огромное болото глубиной до двух аршин. Осенью 1912 г. в болото забрел слепой старик и стал тонуть. От смерти его спасли дворники соседних дворов. Губернатор А.А. Ширинский-Шахматов в декабре 1905 г. делал визиты. Одного из членов городской управы, который проживал на улице Кирпичной, он навестить не решился, опасаясь, как бы его карета не застряла в грязи⁵⁹. Решением Саратовской думы в 1915 г. приступили к перемощению всех улиц. С чистотой улиц обстояло далеко не так блестяще. Долгие годы губернатор безуспешно пытался привлечь городское самоуправление к поливу улиц. Наконец, думцы отреагировали: выделили средства на полив улиц при «помощи 30 обыкновенных бочек-двухколесок», притом только в центре города⁶⁰.

С помощью облигационного займа на сумму 562 тысячи рублей в 1914 г. в Саратове пустили вторую очередь водопровода, а в 1915 г. на водопроводной станции установили новую более мощную машину. С 1910 г. городское самоуправление при поддержке администрации приступила к созданию канализации. Первая очередь ее, обслуживающая центральные кварталы, была закончена в 1912 г., в последующие годы, в том числе и в военные, канализация захватила и другие районы города. Электрический трамвай впервые прошел по улицам Саратова в 1908 г., а в 1910 г. открыли загородную трамвайную линию. Электрификация улиц Саратова, как и других городов Среднего Поволжья и Заволжья, сопровождалась треволнениями и затяжными спорами с бельгийской «Взаимной компанией трамваев». Электрические фонари осветили центр Саратова 1 января 1911 г. В связи с резким подорожанием керосина Саратовская дума в 1915 г. отказалась от своей электростанции при городском театре, что повлекло за собой перерывы в подаче электроэнергии. После того как в центре города установили электрические фонари, 1400 керосиновых фонарей переместили на окраины; с 1914 г. на смену керосиновым фонарям пришли более мощные керосинокалильные⁶¹.

Лейтмотив взаимодействия губернской администрации и местного самоуправления во всех многочисленных хозяйственных (технических) делах — деловое сотрудничество; спорадические конфликты возникали по второстепенным проблемам. Так, в первых числах июля 1907 г. губернатор В.В. Якунин известил Самарскую городскую управу о первых случаях заболевания холерой в губернии и предложил на экстренном совещании принять решение по таким неотложным делам, как открытие барачков для больных, увеличение численности медицинского персонала, образование участ-

ковых санитарных попечительств. Дума 19 июля 1907 г. постановила открыть больницу на 50 кроватей, установить ночные дежурства врачей при городской управе. На противоэпидемические мероприятия она выделила 26 тыс. руб.⁶² По мнению Губернской санитарно-исполнительной комиссии, Дума действовала нерасторопно, а главное, выделила недостаточную сумму, и, по сути, уклонилась от забот о жизни и здоровье жителей Самары. Дума же уверяла, что городские расходы на противохолерные мероприятия чрезмерны и нецелесообразны. После того как она и в конце 1907 г. отказалась раскошелиться, В.В. Якунин приказал полицмейстеру удерживать поступающие в городскую казну деньги и направлять необходимые средства на борьбу с холерой, чем кровно обидел думцев. Они жаловались правительству: «Городское самоуправление из хозяина превратилось в приказчика». Правительство встало на сторону губернатора, и думе пришлось потратить на противохолерную кампанию 50 тыс. руб. В качестве моральной компенсации она пеняла местным властям: «Городское самоуправление может рассчитывать на совместную работу лишь при полном и беспрекословном подчинении губернской администрации»⁶³.

Смута, русско-японская война 1904–1905 гг., неурожайные годы привели к повышению цен на хлеб, мясо и другие насущные продовольственные товары. Губернатор В.В. Якунин уведомил 19 ноября 1907 г. Самарскую думу, что цены «достигли таких размеров, что сделались непосильными и почти недоступными для огромного большинства трудящегося городского населения». Точно такой же была ситуация в других городах региона. Особую пикантность ситуации придавало занятие многих гласных всех городов региона торговлей. Естественно, они активно участвовали в повышении цен. Об этом постоянно говорили на заседаниях органов местного самоуправления Саратова, Симбирска и других городов. Думы, в частности Саратовская, выбирали торговых депутатов, обязанных следить за соблюдением правил торговли, те составляли протоколы на нарушителей, мировые судьи выносили решения о наказаниях, — ситуация принципиально не менялась. По настоянию администрации Самарская дума в конце 1907 г. принялась за обсуждение вопроса о возможности нормирования цен на продукты первой необходимости. Владельцы продовольственных предприятий и магазинов этому решительно воспротивились. Нанятые ими «сведущие люди» с апломбом говорили о нежелательности таксы на хлеб и мясо. Управа прислушалась к ним и язвительно посоветовала губернатору обратиться в министерство внутренних дел. Вплоть до

1913 г. к проблеме нормировки цен Самарская дума обращалась многократно, но воз с места не сдвигался⁶⁴.

Известие о вступлении России в Первую мировую войну вызвало патриотический подъем населения губерний Среднего Поволжья и Заволжья. Большинство жителей были уверены, что победоносная война продлится самое большое три-четыре месяца. Повсюду проходили молебны, шествия и манифестации. В Саратове вечером 17 июля 1914 г., после того как была получена весть о начале австро-сербской войны, на Московской улице собралась масса народа со знаменами, флагами, портретами русского императора. В сопровождении хора, музыкантов манифестанты отправились на Соборную площадь. У памятника Александру II произнесли речи, а затем шествие, растянувшееся почти на целый квартал, по Немецкой улице направилось к казармам. Участники манифестации 20 июля 1914 г. прошли от Московской улицы до Соборной площади, затем по Немецкой улице до Ильинской площади и, отслужив молебен в Ильинской церкви, попытались пройти к зданию оцепленного полицией германского консульства с явным намерением разгромить его. Далее манифестанты направлись по улице Вольской к резиденции губернатора и к казармам.

В этот и последующие дни состоялись патриотические манифестации и собрания в других городах, а также селах Саратовской губернии. Патриотические манифестации прошли в Пензе, Инсарах, Лунине, других городах и крупных селах Пензенской губернии. 25 июля 1914 г. Саратовское губернское чрезвычайное земское собрание приняло всеподданнейший адрес. Также и Городская дума Саратова обратилась к императору с всеподданнейшим адресом, в котором демонстрировала готовность всеми средствами поддерживать войну и государя и подчеркивала, что «сильная своим единением с царем Русь вынесет все испытания войной». Саратовские предприниматели и торгово-промышленные служащие 26 июля 1914 г. пожертвовали на военные нужды 600 тыс. рублей. Торжественно отправили на фронт Егерский и Александровский полки из Самары, 177-й Изборский и 178-й Венденский пехотные полки из Пензы, 180-й Виндавский из Саранска. Администрация и земства Саратовской губернии с августа 1914 г. приступили к созданию уездных земских комитетов, районных и волостных попечительств помощи раненым воинам, а также семьям призванных на войну; к концу года во всех уездах функционировали более 300 районных попечительств. Новоузенский уездный земский комитет Самарской губернии с августа 1914 по июль 1915 гг. основал 127 попечительств и 13 районных комитетов⁶⁵.

Губернии Среднего Поволжья и Заволжья были объявлены на положении усиленной охраны, а потом на военном положении. Обязательные постановления губернаторов следовало неукоснительно соблюдать; меры наказания были более суровыми, чем в мирное время. Дела о разбое, умышленных поджогах, уничтожении продовольствия и фуража, сопротивлении властям, организации стачек, изготовлении и приобретении без разрешения взрывчатых веществ и снарядов, неисполнении требований властей, оскорблении полицейских, беспатентной торговле крепкими напитками передавались в ведение военного суда либо администрации. Нарушение обязательных постановлений каралось штрафом до 3 тыс. руб. или тюремным заключением до трех месяцев. Приказом командующего Казанским военным округом вводилась военная цензура. Военными цензорами назначались полицейские чины, почтовые работники, учителя. Они были обязаны контролировать периодические и непериодические издания, вскрывать письма и другую корреспонденцию, удалять из них нежелательные сведения или задерживать их.

С 1915 г. власти запретили «демонстративные шествия»; патриотические манифестации допускались только с разрешения властей. На период мобилизации закрывались винные магазины и запрещалась торговля спиртным. В остальное время разрешалась торговля только определенными сортами вина; трактиры I – III классов и рестораны не имели права торговать спиртными напитками с 21 до 24 часов. С началом войны было запрещено распитие крепких напитков на улицах, в скверах, так же как и появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения. Обывателей, нарушавших это постановление, привлекали к административной ответственности, торговые заведения, его не выполнявшие, закрывали. Все германские и австрийские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет считались военнопленными и подлежали аресту и высылке, остальных признавали неблагонадежными и отдавали под гласный надзор полиции. Эти действия властей сопровождались всплеском шпиономании. Значительную часть трудоспособного мужского населения, особенно в сельской местности, мобилизовали в армию. Дворянская молодежь шла на фронт добровольно, детей купцов Головкина, Шихобалова, Колесникова, Сапрыкина, Егорова и других на театре военных событий не было.

В годы войны в губернии Среднего Поволжья и Заволжья передислоцировали некоторые промышленные предприятия вместе с частью служащих и рабочих; сюда направлялись беженцы из западных районов империи, и сюда же отправляли военнопленных. Военные предприятия региона, в том числе такие крупные, как Са-

марский трубочный, Сергиевский заводы, в разы увеличили производство, соответственно росла численность служащих и рабочих. В регионе, главным образом в городах, дислоцировались многотысячные гарнизоны. Все это, несмотря на мобилизацию, вело к росту населения, особенно в городах. Численность населения Самарской губернии к 1917 г. увеличилась на 200 с лишним тысяч человек (городского – на 283, 1 тыс.). Число жителей Самары со 175645 чел. в 1914 г. возросло к 1917 г. до 207,3 тыс. чел. (по другим данным до 203306 чел.), а вместе с мобилизованными и гарнизоном – до 280 тыс. чел.⁶⁶ В Саратове к началу 1917 г. проживало 240–250 тыс. человек, а местный гарнизон насчитывал 60–70 тыс. человек, в г. Кузнецке численность гарнизона превышала численность мирного населения⁶⁷.

С началом войны резко сократилось многоэтажное строительство, зато быстро застраивались одноэтажными деревянными домами поселки. В Самаре – это поселки Рабочий, Железнодорожный, Новый Оренбург, Кавказ, а также район Постникова оврага. Росли цены на жилье. Перед войной в Самаре однокомнатную квартиру с кухней сдавали за 9 руб. в месяц, а в сентябре 1915 г. – уже за 16 руб. Рост цен на жилье вызывал протест жителей, особенно простонародья. Постановлением Самарского губернатора домовладельцам с конца 1915 г. запретили повышать квартирную плату. В Саратове подорожали дрова, их не хватало. За дровами из городских запасов выстраивались очереди. Для отопления более интенсивно, чем ранее, стали употреблять остающийся от изготовления масла жмых (по-местному «колоб»), которого в городе скопилось более 2 миллионов пудов. Но вскоре и «колоб» повысился в цене. Возросла стоимость освещения, отопления, воды, поднялась квартирная плата. Квартирная комиссия Саратовской думы предложила, во-первых, установить таксу на квартплату, а во-вторых, запретить до окончания войны выселение квартирантов. Но городская дума не решилась утвердить такое постановление.

Особой заботой губернской администрации и органов местного самоуправления в годы войны было обеспечение населения продовольствием (это в первую очередь), а также предметами повседневного обихода. Имперские власти с первых дней войны вменили это местной администрации в качестве важнейшей обязанности. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков уже в июльском циркуляре 1914 г. потребовал от губернаторов «издания обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости и использовать всю полноту принадлежащей власти для борьбы со спекуляцией на почве общественных действий». Такого рода

циркуляры посылались неоднократно все годы войны. Центральные власти обязали губернаторов и всю губернскую администрацию принимать при необходимости экстраординарные меры для обеспечения населения продовольствием и другими жизненно важными товарами, регулировать цены, предотвращать дороговизну, пресекать спекуляцию, привлекать к организации снабжения армии населения органы местного самоуправления и общественность, тесно сотрудничать с ними. Все военное время губернаторы Среднего Поволжья и Заволжья организовывали подвоз продовольствия в города и рабочие поселки, боролись с дороговизной, спекулянтами. Пензенский губернатор А.А. Евреинов пытался утратить торговцев высокими штрафами. Администрация, естественно, могла только несколько смягчить негативные последствия естественного хода событий. Об этом Симбирский губернатор А.С. Ключарев писал министру внутренних дел: «Мы вынуждены ограничиваться совершенно бесплодной борьбой с дороговизной, штрафуя мелких, сравнительно, местных торговцев, рискуя этим оставить потребителя совсем без продуктов»⁶⁸.

Земства включились в дело продовольственного обеспечения с августа 1915 г., когда председателей земских управ назначили представителями уполномоченного Особого совещания в уездах. Все годы войны губернаторы Среднего Поволжья и Заволжья и уполномоченные Хлебармии и Особого совещания действовали согласованно. Особых конфликтов не возникало. Администрация губерний строго контролировала деятельность органов местного самоуправления, привлекая аппарат сельской и городской полиции, и следила, чтобы население исполняло все предписания. Временно исполняющий должность самарского губернатора Н.П. Харламов в начале ноября 1915 г. в отчете в МВД отметил, что самарская городская управа в течение года ограничивалась бесконечными дебатами о снабжении горожан в различных исполнительных комиссиях, и лишь настоятельные просьбы вице-губернатора С.В. Горчакова подвигли ее на выработку предельных цен на муку во время их постоянного повышения. 19 ноября 1915 г. Н.П. Харламов распорядился, чтобы полиция не просто наблюдала за торговлей, но и активно воздействовала на торговцев, которые «вызывали наибольшие и, по-видимому, справедливые нарекания со стороны местных обывателей»⁶⁹.

Губернатор А.А. Станкевич в июле 1916 г. отчитал самарского городского голову С.Е. Пермякова за «плохую постановку отпуска сахара населению из лавок, лишь поселяющую в населении раздражение». В марте 1916 г. он просил министерства земледелия, путей сообщения и внутренних дел, а также центральный комитет по рас-

пределению сахара в Киеве доставить сахар в Самару. В октябре 1916 г. губернатор Л.Л. Голицын настоятельно предлагал самарскому голове наладить продажу сахара. А через две недели обвинял самарскую городскую управу в плохой работе⁷⁰. Губернаторы в конце апреля 1916 г. констатировали, что городские власти не проявляли настойчивости в борьбе со спекуляцией, ибо «состав управы, думы и уполномоченных по продовольствию и топливу сплошь сами торговцы, а зачастую — наиболее злостные спекулянты»⁷¹.

С 1915 г. гласные городских дум стали требовать нормирования цен и создания муниципальных лавок. В Самаре была установлена следующая такса: фунт мяса высшего сорта — 23 коп., первого сорта — 22 коп., второго — 20 коп., третьего — 18 коп. Фунт мяса молодого и тощего скота должен был продаваться на две копейки дешевле. В сентябре 1915 г., несмотря на сопротивление торговцев, дума установила такие цены на хлеб: фунт ржаного хлеба — до 4 коп., фунт хлеба из крупчатки 3-го сорта — до 5,5 коп., 2-го сорта — до 7,5 коп., 1-го сорта — до 9 коп., и обязала пекарей не уменьшать выпечку хлеба. Губернская администрация утвердила постановления думы. 21 ноября 1915 г. временно управляющий Самарской губернией Н.П. Харламов предупредил торговцев Самары, что те из них, кто будет продавать мясо выше установленной таксы, будут подвергаться штрафу в размере до 3 тыс. рублей или аресту до трех месяцев, а их заведения будут закрыты. Цены тем не менее росли. По сообщению заместителя начальника третьего участка Николаевского уезда от 7 февраля 1916 г., цены на мясо за последние два года выросли почти в два раза. Так, Николаевский торговец Калинин придерживал около двух тысяч пудов мяса, ожидая повышения цены⁷². Городская дума Саратова установила предельные цены на ржаной, пеклеванный, а также на несколько сортов белого хлеба, на говядину, баранину и солонину. Максимальная цена фунта белого хлеба первого сорта составляла в январе-марте 1915 г. пять с половиной копеек, в апреле-августе 1915 г. — шесть копеек, во второй половине 1915 г. — семь копеек, с конца января 196 г. — восемь копеек; цена ржаного хлеба в эти же временные отрезки равнялась трем, трем, трем с половиной и четырем копейкам. Предельные цены на телятину и молодую баранину, «как на предмет роскоши», не устанавливались.

Постановлением дум и властей с 1915 г. регулировалась продажа сахара. В Самаре в июне 1916 г. было решено ввести карточную систему распределения муки, хотя мука поступала на рынок нормально, а расходы обывателя на хлеб не превышали 20 % всех его трат⁷³. В булочных продавались свободно калачи из муки двух сор-

тов, французские булки и плюшки. В январе-феврале 1917 г. проблема продовольственного снабжения Самарской городской думой не рассматривалась⁷⁴. В 1916 г. были изысканы возможности снабжения населения обувью и одеждой из США и других стран⁷⁵.

В годы Первой мировой войны население Среднего Поволжья и Заволжья, естественно, испытывало значительные трудности. В лавках и магазинах сильно подорожали, а порой и исчезали из продажи сахар, некоторые сорта мяса, рыбы, а также чай. Готовая обувь, одежда, ткани, мыло, нитки, керосин, спички попали в разряд дефицитных товаров. Население не отвернулось от привычных способов коммерции и ведения хозяйства, изыскивало возможности преодолевать дефицит продовольственных и непродовольственных товаров и дороговизну⁷⁶. В деревне ситуация складывалась иначе, чем в городе. Крестьяне не испытывали особого недостатка в сельскохозяйственных продуктах. Деньги, которые раньше тратились на алкоголь, теперь шли на хозяйственные нужды. А деньги эти были не такие уж малые: до войны крестьяне Симбирской губернии пропивали в год около 9 млн руб. За ушедших на фронт семьи крестьян получали казенные пайки, порой превышавшие довоенный доход, и благодаря этому они даже смогли поправить свое хозяйство⁷⁷. Кроме того, крестьяне придерживали хлеб «на черный день» и за годы войны накопили значительные излишки⁷⁸.

В Симбирской и Пензенской губерниях особых проблем с обеспечением населения хлебом и мукой, основой продовольствия простонародья, не было. Созванное Симбирским губернатором Н.Ф. Ключаровым 6 сентября 1915 г. совещание, на которое были вызваны уполномоченный по продовольствию, губернский и уездный предводители дворянства, начальник ГЖУ и другой начальствующий люд, а также представители биржевого комитета, пришло к заключению, что запасы зерна достаточны и что умышленного отклонения от поставок хлеба армии и населению не будет, а имевшиеся задержки поставок были вызваны сильными и продолжительными дождями. Совещание постановило при необходимости применять принудительные меры к тем, кто взвинчивает цены на сельскохозяйственную продукцию. Администрация и органы местного самоуправления прилагали значительные усилия для обеспечения населения, в первую очередь необеспеченных слоев, продовольствием по доступным ценам. Для «недостаточного класса населения» Сызранская дума в конце 1915 г. постановила открыть две городские мучные лавки, в которых мука второго сорта продавалась по низкой цене от 2 рублей 30 копеек до 2 рублей 65 копеек за пуд. Кроме того, Сызранская дума предполагала открыть «потре-

бительские лавки» по продаже продуктов «первой необходимости». Такая «потребительская лавка» функционировала в городе Сенгилее Симбирской губернии. Важное средство поддержки трудящегося люда – повышение заработной платы. Симбирское губернское присутствие по делам страхования рабочих 29 января 1915 г. постановило почти вдвое повысить «расценки труда рабочего». Саратовская городская дума с 19 августа 1915 г. увеличила жалованье городским служащим с зарплатой до 240 руб. в год на 20 %, с зарплатой 240–480 руб. в год – на 10 %, с зарплатой 480–600 руб. в год – на 8 %, с зарплатой 600–900 руб. в год – на 5 %⁷⁹.

Значительных выступлений в связи с нехваткой хлеба в Среднем Поволжье и Заволжье в 1914–1918 гг. не зафиксировано. Случались так называемые «бабьи бунты». Как правило, они протекали по такому сценарию: в очереди, жаждавшей сахара (чаще всего) или мануфактуры, изредка мяса, затевалась ссора. Порой ссорились между собой те, кто стоял в очереди, чаще очередь ругалась с продавцом, от слов переходили к драке, а порой и к разгрому магазина и расхищению продуктов. Гнев всегда был направлен против торговцев, с полицейскими и солдатами дрались только тогда, когда они пытались утихомирить разбушевавшихся. В Самаре на Троицком рынке 5 ноября 1916 г. все началось с оскорбления покупательницы торговцем мясом. Далее события развивались согласно официальному документу так: «В толпе начались шум, крики, улюлюканье, появились малолетние хулиганы-мальчишки, начались погромы лавок». В прибывших стражников и полицейских полетели палки, в ответ те открыли огонь. Были убитые и раненые. С рынка волнения распространились на ближайшие улицы и закончились только к вечеру. Согласно проведенному жандармским управлением расследованию, было разгромлено 56 магазинов и лавок. В погромах активное участие принимали самарские воры («коты») и проститутки. В Симбирске 4 июля того же года рядовые местного гарнизона попытались купить в лавке сахар без очереди. Очередь возмутилась, началась потасовка. На место происшествия прибыли полицейские, военные патрули, чины губернской администрации. В них полетели камни и палки. Затем собравшиеся (около 3 тысяч человек) направилась громить лавки и магазины, выискивая и растаскивая, прежде всего, сахар. Порядок установился только после того, как вызванные наряды произвели несколько залпов⁸⁰. Таких происшествий за 1914–1916 гг. было зафиксировано в Самарской губернии десять (пять в городах и пять в деревнях), в Симбирской – два.

Забастовок рабочих губерний Среднего Поволжья и Заволжья в первый год войны не было, в 1915–1916 они проходили по частным

случаям. В условиях тотальной войны жить было трудно. Росли цены на жилье, вызывала раздражение спекуляция. Но рабочие осознавали причину трудностей. В 1914–1916 гг. они особых претензий по поводу обеспечения продуктами питания предъявляли. Единичные случаи протестного движения были связаны с перебоями в продаже привозных товаров (в первую очередь сахара) и спекуляцией. Рабочие принимали активное участие в профессиональных союзах, потребительских обществах, в выборах в рабочую группу Военно-промышленного комитета.

Администрация и местное самоуправление в годы войны занимались и благоустройством городов, транспортным обслуживанием, образованием населения. В Самаре их усилиями было подготовлено открытие ветеринарного института. Как говорил И.С. Ключев: «Иметь еще одно высшее учебное заведение будет большой плюс для Самары... В Самаре будет новый уголок культуры». Городская Дума буквально билась за открытие университета. Университет, словами училищной комиссии, «имеет большее значение, чем институт». Создали специальный комитет из 26 авторитетных жителей Самары, выделили денежные средства, сформировали общество по открытию университета. Делегаты городской думы побывали у всех министров, от которых зависело решение, убедили их и подготовили все необходимые документы⁸¹.

Мировая война кардинально изменила жизнь города. В города, в первую очередь губернские, перебазировали промышленные предприятия, воинские части, эвакуировали жителей других районов. Первые месяцы войны губернская администрация и городское самоуправление в хозяйственных делах действовали дружно. Их усилия были направлены на перевод экономики на военный лад, на строительство лазаретов, на снабжение фронта и горожан продовольствием. Несмотря на закрытие и перепрофилирование предприятий, производивших алкогольную продукцию, и освобождение в связи с этим значительного числа рабочих, на военных заводах не их хватало. Это был предмет постоянной заботы местных властей и органов самоуправления⁸². В августе 1914 г. городские думы вошли во всероссийский общегородской союз, ассигновали на его нужды средства (Самарская дума внесла 10 тыс. руб.) и учредили областную организацию помощи больным и раненым воинам, много делали для раненых и больных воинов⁸³.

Единение губернской администрации и городских дум даже в хозяйственных делах, однако, не было продолжительным. В годы войны усилился распад патриархального уклада жизни, традиционного мировосприятия дворянства, а вслед за ним и других высших

слоев общества. Сановно-придворный мир «эмансипировался» уже к началу XX века настолько, что воспринимал царя, царицу, царскую фамилию как, в первую очередь, людей. Сакральное восприятие императорской семьи уходило в прошлое. Монархическое сознание дворянства подвергалось коррозии⁸⁴. Самарский представитель дворянства А.Н. Наумов в 1915 г. перед официальным представлением императрице с некоторым вызовом спрашивал у встречавшего его придворного: «Можно ли русскому предводителю на приеме у русской царицы говорить по-русски». Ответ он получил положительный⁸⁵.

Военные неудачи, трудности в тылу обострили застарелые противоречия. Интеллигенты, большинство губернских дворянских собраний, предприниматели, получавшие баснословные барыши, наслаждались слухами о «темных силах вокруг трона», «предателях министрах», «шпионке немке императрице», вселили «Гришки Распутина», с удовольствием рассматривали сфабрикованные эротические картинки, на которых изображались Александра Федоровна и Г. Распутин, читали и переписывали стишки В. Мятлева. Городские думы Самары, Саратова с энтузиазмом поддержали постановление чрезвычайного заседания Московской городской думы (август 1915 г.), в котором утверждалось, что победа возможна лишь при «создании правительства, сильного доверием общества и единогодушного», возглавляемого премьером, «которому верит вся страна»⁸⁶. В 1916 г. у гласных и многих земцев уже не было сомнений в неспособности существующей власти наладить экономику страны, довести войну до победы. Осенью 1916 г. городские думы открыто встали в оппозицию к центральным властям. На заседании Самарской думы 2 ноября 1916 г. П.П. Подбельский при общей поддержке заявил, что страну может спасти только Государственная Дума. Через неделю Самарская дума послала приветственную телеграмму лидеру партии кадетов П.Н. Милюкову, который накануне произнес в Государственной Думе лживую, построенную на слухах провокационную антиправительственную речь, рефреном которой было «Глупость или измена». Речь эту либеральные думцы и земцы Среднего Поволжья и Заволжья распространили в тысячах и тысячах экземпляров. С этих пор они использовали любой повод, чтобы поддержать противников власти. На заседании Государственной Думы 22 ноября 1916 г. депутат-консерватор Н.Е. Марков 2-й едко отвечал на нападки ораторов «прогрессивного блока» на правительство. Его все время перебивали возгласами с места, а председатель Думы М.В. Родзянко постоянно делал ему замечания и в конце концов лишил слова. Возмущенный Н.Е. Марков бросил в лицо Родзянко: «Только враг роди-

ны мог допустить такой поступок». Думское большинство исключило его на 15 заседаний. Событие это всколыхнуло самарскую городскую думу. Гласные в один голос осудили Н.Е. Маркова и по предложению В.В. Петрова послали М.В. Родзянко телеграмму со словами поддержки и сочувствия⁸⁷.

Каждая эпоха жаждет некоего более прекрасного мира. Вообще говоря, всякое время оставляет после себя гораздо больше следов своих страданий, чем своего счастья, хотя счастливая жизнь, веселая радость и сладостный покой, выпавшие на долю одной эпохи, в итоге не слишком отличаются от всего того, что происходит в любое другое время. Европейски ориентированные образованные люди пореформенной России склонны были считать эпоху, в которой они жили, невыносимо трудной, главным виновником неустройства им представлялась существовавшая власть, скопище безобразного, в их глазах. Психоментальность простонародья им была чужда, собственное корпоративное восприятие они эксплицитовали как общенациональное, народ представляли реципиентом носимой ими прозападной культуры. Трудности многолетней войны виделись им невыносимыми. Те трудности, которые ощущали более всего они (проблемы с деликатесами, изысканной барской одеждой), виделись им и ужасными, и общенародными, вину за них они возлагали на власть.

Многие годы войны, конца которой не было видно, мобилизация почти половины православных мужчин, главным образом из села, трудности снабжения преимущественно привозными товарами и продуктами питания, накладывались на военные неудачи, подхлестывали истероидные настроения, сознание искало виновных. Согласованные действия местного самоуправления и администрация Среднего Поволжья и Заволжья в годы Первой мировой войны ограничивались областью насущных хозяйственных дел. Психоментально местное самоуправление в конечном итоге ощущало существующую власть во всех ее ипостасях как свое противоположение, видело в ней, особенно в ее высших эшелонах, источник неустойчивости, неудачи и тяготы войны относило, в первую очередь и главным образом, на ее счет.

В Среднем Поволжье и Заволжье продовольственный вопрос не был в числе первых в формировании нервической обстановки. Сельское население (а это абсолютно большая часть населения) само снабжало себя продовольствием, за исключением сахара (но был традиционный продукт сладости, мед), отчасти соли и чая, ряда товаров обихода промышленного производства, как-то: гребни, сафаны и т. д. Основа продовольствия простонародья региона –

зерновые, что отразилось в пословице: «Хлеб и каша — пища наша». Мясо отстояло в рационе на дальних позициях. В городах непереносимых трудностей в снабжении простонародным продовольствием также не было. Но была коренная неустроенность: крестьянская психоментальность не могла смириться с гигантскими частными латифундиями благородных и чумазных лендлордов, расположенными рядом с их деревнями, труженики города тяготились патерналистской опекой, гражданское неравноправие задевало большинство населения, сказывались и этноконфессиональные проблемы.

Смута спускалась сверху и во второй половине войны охватила органы местного самоуправления региона. Разлад между властью и обществом достиг критической величины. Достаточно было искры, чтобы разразилась катастрофа.

3. ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ПОВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЙ В 1917 Г.

Февральская революция 1917 г. в России положила начало переустройству всей системы органов местной административной власти и самоуправления. В ходе революции функции, формы и уровни политической власти изменились коренным образом.

Вопросы функционирования местных органов власти и самоуправления в революционных условиях недостаточно изучены даже с точки зрения накопления фактов. Деятельность Временного правительства и его местной администрации оценивалась однозначно негативно⁸⁸. Местные советы рабочих и солдатских депутатов часто наделялись теми организационными функциями, которыми они на самом деле не обладали. Роль советов крестьянских депутатов трактовалась как соглашательская. В то же время попытки Временного правительства наделить органы земского и в перспективе городского самоуправления административной властью на местах мало изучались, но оценивались как соглашательство умеренных социалистов с антинародным режимом. Наконец, «массовое правотворчество», а скорее разрушительные действия рабочих, солдатских и крестьянских организаций получили в отечественной историографии восторженные оценки. Однако пришедшие к власти большевики вскоре подавили эту народную инициативу, и мотивация их действий требует пристального изучения, если мы хотим извлечь уроки из своего трагического прошлого. Компетенции и функционально-структурные особенности местной власти в 1917 году, ее

организационно-исполнительские возможности требуют специального рассмотрения⁸⁹. Поволжский регион, многонациональный и многоукладный по социально-экономическому развитию, являлся своеобразным примером российской провинциальной ментальности, ярко проявившейся в революционное время. Все коллизии между властью и обществом нашли здесь свое специфическое выражение. Это позволяет прояснить основные черты системного кризиса, вызванного попытками модернизации России по западному образцу.

Демократизация управления в России, начавшаяся с победы Февральской революции 1917 г. в Петрограде, была сложным и противоречивым процессом. Становление администрации происходило в условиях, когда все политические силы, поднятые на гребень революционной волны, стремились упрочить и расширить свои позиции. Временный Комитет Государственной Думы (ВКГД) в судорожных попытках наспех сформировать Временное правительство в центре надеялся, что в провинции молча проглотят все, что испекут для них столичные политики. «Пусть думают, что власть взята Государственной Думой. Они сразу не разберутся, что Государственная Дума сама по себе не может быть властью – для них это будет звучать... Это звучит в провинции... Они будут верить несколько дней...»⁹⁰. В губерниях действительно поверили, но действовать начали с учетом местного своеобразия в расстановке общественно-политических сил. Прежде чем центральное руководство «добралось» до системы местной власти, во многих губернских и некоторых уездных городах были созданы общественно-политические комитеты, претендующие на организацию и поддержание порядка. К 5 марта 1917 г., когда Временное правительство приняло первое постановление по местному управлению, общественные комитеты кое-где даже успели назначить своих комиссаров. Стали известны факты арестов губернаторов, жандармских и полицейских чинов. ВКГД вынужден был 5 марта 1917 г. принять решение об освобождении всех лиц местной администрации, «заключенных под стражу во время государственного переворота без ордера соответствующей власти, если к означенным лицам не предъявлено обвинение в совершении преступных деяний»⁹¹.

Творцы послефевральских преобразований не планировали коренных изменений в организации власти на местах. Однако революционные события в провинции кое-где даже опережали центр. Февралистам (так называли себя члены ВКГД) стало ясно, что старая власть на местах, прежде всего губернаторы, деморализована и фактически отстранена от управления. Впоследствии некоторые

деятели Временного правительства осуждали министра-председателя князя Львова за его решение сместить губернаторов «по телеграфу»⁹², считая эту меру скоропалительной, непродуманной и слишком радикальной. Общий обзор и анализ первых дней революции на местах, наоборот, показывает, что в данном вопросе «мягкотелый и бесхарактерный»⁹³ князь Львов проявил трезвость и политический расчет. Губернаторы были уже вчерашним днем, нужно было срочно найти им адекватную замену в системе власти. Телеграмма министра-председателя Временного правительства, отправленная циркулярно всем председателям губернских земских управ 5 марта 1917 г., прежде всего была направлена «на устройство порядка внутри страны и обеспечение безостановочной деятельности» всех правительственных и общественных учреждений. Создавая конструкцию местной администрации, Временное правительство требовало: «В губерниях, где было введено земское положение, обязанности губернаторов временно возложить на председателей губернских земских управ, присвоив им наименование «губернские комиссары Временного правительства». В уездах председателей уездных земских управ назначить уездными комиссарами»⁹⁴. Налицо стремление приспособить к нуждам текущего момента старые общественные структуры. Комитеты, формировавшиеся на условиях представительства всех общественных сил революционной направленности, были опасны для новых российских демократов, особенно после вхождения в них советов рабочих и солдатских депутатов. В Петрограде они уже ощутили их разнузданную силу. Общественные комитеты в губерниях на первых порах дальше демократических деклараций не шли и, провозглашая себя «защитниками нового строя», стремились «приспособить старые общественные и продовольственные учреждения задачам нового времени». Такой поток взаимных деклараций и заторможенность в конкретных делах характерны для всего периода формирования новой власти на местах в марте-апреле 1917 г.⁹⁵ Однако и в центре, и на местах понимали, что время деклараций и заявлений не может длиться вечно, за ним должно последовать время конкретных действий⁹⁶.

Обстоятельства утверждения тех или иных лиц на постах губернских комиссаров подтверждают предположение о том, что подбор кадров для управления на местах из числа земских лидеров осуществлялся на основании предварительной тайной договоренности. Влияние масонов в Земгоре было очень распространено. Это создавало возможность через лидеров местного самоуправления реализовать заранее подготовленный в центре революционный сценарий

по всей стране. Наиболее активные общественные деятели на местах, а может быть и более посвященные, назначили губернских комиссаров еще до указаний центрального руководства. 4 марта 1917 г. председатель Самарской губернской земской управы кадет К.Н. Иньков был выдвинут Комитетом народной власти на должность Самарского губернского комиссара Временного правительства⁹⁷. Впоследствии это назначение было утверждено Временным правительством. «Прямое попадание» при выборе временной местной власти доказывает предположение о наличии координирующего конспиративного центра по подготовке и осуществлению государственного переворота на всей территории России. И это были не революционные партии, подвергавшиеся преследованиям, а заговорщики, действовавшие тайно как до Февральского переворота 1917 г., так и после него. Тот же новый глава Самарской губернской администрации особой популярностью не пользовался и общественностью характеризовался так: «Губернский комиссар Иньков – человек безусловно старой бюрократической школы, чуждый всяким демократическим убеждениям, а потому не мог встать на тот революционный путь, на который встал Комитет»⁹⁸. Тем не менее именно он оказался избранным еще до официального указания на должностное лицо, которому надлежало занять этот пост.

В Пензе 5 марта 1917 г., вечером, на заседании Бюро исполнительного комитета был назначен губернский комиссар В.А. Герман. В этой должности он пробыл всего одну ночь, т.к. «6 марта по получении телеграммы князя Г.Е. Львова В.А. Германа освободили от обязанностей, а князя Л.Н. Кугушева, председателя губернской земской управы, назначили губернским комиссаром»⁹⁹. Либеральная общественность и не помышляла встать на защиту своего выдвиженца. 5 марта 1917 г. Саратовский общественный губернский комитет также возложил обязанности губернского комиссара на своего лидера народного социалиста Н.И. Семенова, что не соответствовало полученным на следующий день указаниям из центра. Саратовская общественность встала на защиту своего ставленника. Саратовский ОГИК не преминул заметить центральному руководству, что если оно хочет получить поддержку на местах, то «желательно, чтобы Временное правительство производило из центра назначения представителей новой власти в тех исключительных случаях и до того момента, пока в данной местности не сложились местные выборные общественные комитеты»¹⁰⁰. Председатель губернской земской управы К.Н. Grimm в данной ситуации почел за благо для себя отказаться от поста губернского комиссара. Времен-

ное правительство с самого начала не чувствовало себя достаточно уверенно. Находясь под бдительным присмотром Петросовета, оно не решалось диктовать свои условия местным революционным преобразователям. У него не было механизма для осуществления контроля за исполнением решений центрального руководства, ведь система управления страной только создавалась.

В тех губерниях, где общественно-политические силы были по тем или иным обстоятельствам недостаточно организованы и инициативны, назначение губернских комиссаров Временного правительства произошло в соответствии с указаниями из центра. 6 марта 1917 г. таким образом приступил к исполнению обязанностей Симбирский губернский комиссар Ф.А. Головинский, являвшийся председателем губернской земской управы. Казанским губернским комиссаром первоначально был назначен крупный землевладелец В.В. Молоствов, т.к. недавно избранного председателем губернской земской управы А.Н. Плотникова, царское правительство не успело утвердить в должности. Он приступил к исполнению обязанностей губернского комиссара месяц спустя, после утверждения уже Временным правительством¹⁰¹.

Назначение уездных комиссаров губернские комиссары старались произвести в точном соответствии с указаниями Временного правительства. Однако им пришлось считаться с местными условиями. Конечно, в уездных городах не было такой конкуренции общественных сил, как в губернских. Земства здесь были более представительной, реструктурированной на всей территории уезда организацией, нежели городские думы. В то же время председатели уездных земских управ зачастую не устраивали местную либеральную общественность, т. к. олицетворяли собой старый строй, от которого все спешили избавиться. Губернские комиссары, следуя указаниям из центра, назначали председателей, иногда заместителей либо членов уездных земских управ уездными комиссарами Временного правительства. С конкретными инструкциями о реорганизации уездной администрации Временное правительство запаздывало. Назначенные по аналогии с губернскими, уездные комиссары не имели в своем распоряжении никакого аппарата, а он был нужен для принятия мер в случае общественных беспорядков, возникших то тут, то там при смене власти.

Земские управы, городские головы в телеграммах, адресованных в Петроград в первой половине марта 1917 г., не только приветствовали Временное правительство и сообщали о создании общественных комитетов, но и просили «срочно командировать войска

для поддержания порядка» в той или иной местности. В ответ на это Министерство внутренних дел предлагало им «войти в общее соглашение с командующими войсками либо местной военной властью»¹⁰². Например, в г. Карсуне Симбирской губернии 6 марта 1917 г. участники митинга разгромили полицейское управление, а пытавшегося воспрепятствовать им полковника Столярова оглушили доской, выломанной в заборе, по голове¹⁰³. 13 марта 1917 г. Казанский уездный комиссар «спешно» просил Казанского губернского комиссара «прислать в уезд войска в связи с погромами лавок в Арске и опасностью таковых в уезде». В тот же день губернский комиссар обратился к Командующему войсками Казанского военного округа с просьбой командировать в Арск воинскую часть «ввиду беспорядков». Расследуя эти события, начальник Казанской уездной милиции Нечаев объяснял, что «толпа татар, числом около 300 человек... произвела погром» из-за повышения цен на ржаную муку. Главными виновниками он назвал крестьян Ивана Яркова из Покровской слободы и Сабирзяна Массуддинова из деревни Ст. Хайван¹⁰⁴. В этом эпизоде, как в зеркале, отразились взгляды и суждения представителей различных социальных слоев, вынесенных на гребень революционной волны в российской глубинке. Ответственный милицейский чин новой власти сам себе противоречит, по традиции обвиняя в беспорядках татар, во главе которых оказались два жоака: русский и татарин. Наверняка среди погромщиков было и русских немало.

По-иному оценили данные события жители г. Арска в своем послании «члену Государственной Думы господину Чхеидзе», обвиняя представителей местной администрации в подстрекательских действиях во время погрома городских лавок. Они объявили себя сторонниками нового строя, но указали на недостатки его организации на местах, отметив, что «в городе же Арске и окрестностях его назначена вся старая преступная полиция, переименованная в уездную милицию, которая так ненавистна всему местному и окружающему населению». Они расценили это «равносильно тому, что если бы преступного и арестованного бывшего министра Протопопова оставили во главе нового правительства». Далее были приведены «несколько примеров с вескими доказательствами: ...местный торговец М.П. Колесников во время разгрома и избиения продавцов... просил помочь закрыть двери лавки рядом стоящих милиционеров, бывших стражников Николая Евдокимова и Осипа Короля..., на что они запротестовали». В другом случае, где погромщики получили отпор, тот же «Король заявил: «хорошо бы было, если

кого-нибудь убили»». Авторы письма выразили недоверие также «Арскому исполнительному Комитету, в состав которого вошли большинство бывших союзников русского народа»¹⁰⁵. Свидетельства непосредственных очевидцев событий противоречат утверждениям милицейского начальника, конечно, защищавшего своих подчиненных. Русские жители г. Арска указали на несостоятельность новой администрации, если она сформирована из слуг старого режима. В беспорядках они обвинили не «толпу татар», а бездеятельность милиционеров, не способных защитить своих граждан, как русских, так и татар.

Для организации нового порядка на местах, конечно, недостаточно было указать на должностных лиц, председателей земских управ, которым передавалось управление. Губернские комиссары как могли пытались решать самые насущные проблемы переходного времени. Необходимо было где остановить, где предупредить возможные беспорядки при перемене власти. Так, вступивший в должность 6 марта 1917 г. Пензенский губернский комиссар князь Кугушев в тот же день председателей уездных земских управ назначил уездными комиссарами. В дальнейшем он рассылал им указания телеграммами:

– 7 марта с целью предотвращения погромов заводов, производящих спирт, обязал выделить воинские команды для охраны и «учредить специальную милицию из местного населения»;

– 8 марта определил prerogatives уездных комиссаров, которые «обнимают собой сохранившиеся обязанности исправника, административные обязанности земского уездного предводителя дворянства, кроме чисто сословного представительства...»;

– 9 марта попросил не обращаться к нему с просьбами о разрешении всяких земских и городских собраний¹⁰⁶.

К середине марта 1917 г. Временное правительство, наконец, обратило внимание на разноту в строительстве новой власти. 16 марта 1917 г. из Министерства внутренних дел поступило разъяснение о месте и роли комиссаров Временного правительства. В нем отмечалось, что «в одной и той же местности возникает ряд общественных комитетов различного наименования и состава, деятельность которых не всегда согласована... Временное правительство находит необходимым объединение существующих и вновь возникающих комитетов в губернские, уездные и волостные». Однако именно «губернские и уездные комиссары являются уполномоченными и исполнительными органами Временного правительства на местах»¹⁰⁷.

19 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о полном уничтожении института земских начальников, признавая необходимость срочной разработки проекта о преобразовании органов местного управления и временного местного суда, пока оно возлагало обязанности земских начальников на уездных комиссаров¹⁰⁸. В телеграммах на места разъяснялось, что «назначение новых лиц на должность уездных комиссаров, к которым переходят обязанности земских начальников, производится исключительно по представлению Губернского комиссара»¹⁰⁹. С самого начала формирования новой власти центр стремился отсечь различные общественные организации от выполнения административно-управленческих функций.

Подбирая кадры на должности уездных комиссаров для представления их на утверждение в правительство, губернские комиссары были поставлены в сложное положение. Они ощущали на себе давление общественных комитетов, сами прошли через их утверждение или одобрение. В то же время правительственные инструкции недвусмысленно указывали на председателей уездных земских управ в качестве уездных комиссаров. На этой почве возникали конфликты, образующие быстро расширяющиеся трещины между местной администрацией Временного правительства и общественными организациями. Не случайно, спустя два-три месяца после назначения, большинство комиссаров Временного правительства было смещено со своих постов и заменено более «демократическими» представителями.

Губернские комиссары, бывшие накануне Февральского переворота председателями губернских земских управ, сделали все от них зависящее, чтобы подобрать уездных комиссаров из земских деятелей. Самарский губернский комиссар К.Н. Иньков мотивировал свои действия тем, что «повсеместно инициатива исходила из уездных земских управ при активном участии земских служащих». Представленный в МВД в конце марта 1917 г. список лиц на должности уездных комиссаров по Самарской губернии был там изменен. Так, вместо избранного в Новоузенском уезде комиссара Трипольского утвердили председателя Новоузенской земской управы И.Я. Иванова. Не был утвержден в должности Самарский уездный комиссар А.М. Верховский, т. к. он не захотел совсем уходить из земства и остался членом управы. В Бузулукском уезде вместо рекомендованного общественным комитетом Е.А. Жданова правительство утвердило Н.Н. Бушева, бывшего секретаря земской управы. В апреле, когда утвержденный список уездных комиссаров при-

шел в губернию, эти изменения никого особенно не взволновали. На арену общественной жизни выступили новые организации — советы крестьянских депутатов, избранные на крестьянских съездах делегатами от сельских обществ.

В Казанской, Симбирской, Пензенской губерниях в должностях уездных комиссаров были утверждены почти все председатели уездных земских управ. Губернские комиссары, сами бывшие ранее председателями губернских земских управ, назначили своей волей местных земских деятелей уездными комиссарами. За некоторыми исключениями они были утверждены в должностях Временным правительством¹¹⁰, но пробыли в них недолго. Например, в Пензенской губернии в апреле-мае 1917 г. сменились почти все уездные комиссары¹¹¹. Председатель Буинской земской управы помещик В.Л. Персиянинов, представленный Симбирским губернским комиссаром Ф.А. Головинским на должность уездного комиссара, «не пользовался уважением населения», о чем были направлены соответствующие приговоры сельских сходов и волостных собраний¹¹². Временное правительство не решилось утверждать его в должности, заменив ставленником уездного Комитета общественной безопасности А.С. Блиновым¹¹³.

В Саратовской губернии комиссару Временного правительства удалось отстоять своего ставленника Н.И. Семенова. Поэтому при назначении здесь уездных комиссаров губернский комиссар больше считался с общественным мнением, а затем отстаивал его перед Временным правительством. Тем не менее общественность уездных городов предпочитала обращаться со своими инициативами напрямую в центр. Камышинский общественный исполнительный Комитет в телеграмме на имя М.В. Родзянко от 10 марта 1917 г. выразил недовольство деятельностью председателя Камышинской уездной управы Готовицкого, назначенного уездным комиссаром. Ссылаясь на глубокое недовольство местного населения, общественность требовала «для города Камышина и его уезда иметь выборного комиссара». Временное правительство под таким натиском вынуждено было утвердить Камышинским уездным комиссаром ставленника общественного исполнительного комитета Фадеева. Аналогичная ситуация сложилась в Вольском уезде Саратовской губернии. О председателе земской управы Мошинском, также ставшим уездным комиссаром, крестьяне с возмущением писали, что он «бывший земский начальник и в 1905—1906 годах сулил нам два столба с перекладной»¹¹⁴. Таким образом, используя креатуры земского самоуправления при организации новой власти в стране, Времен-

ное правительство сразу же столкнулось с проблемой отторжения их большинством общественных сил на местах.

Институт губернских и уездных комиссаров, введенный временно для исполнения административных функций власти на местах, был раскритикован и современниками, и позднейшими исследователями потому, что он не в состоянии был противостоять революционному бунту в провинции. Но это проблема не формы, а содержания власти. Сама по себе необходимость организационно-управленческих структур на местах возникла непосредственно в ходе демократических преобразований. С этой функцией государственно-го и муниципального управления не могли справиться ни советы, ни общественные комитеты, созданные в ходе революции. Они были представительными органами и могли выражать общественное мнение, но не осуществлять управление. Главная ошибка Временного правительства заключалась не в том, что для организации власти на местах был введен институт губернских и уездных комиссаров, а в том, что оно указало не на тех лиц, коим надлежало олицетворять новый строй. Земские служащие, заслужившие почет и уважение своим трудом «на общие пользы и нужды», отнюдь не ассоциировались в народном сознании с фигурами председателей губернских и уездных земских управ, назначенных комиссарами Временного правительства на местах. В связи с этим с самого начала революции возникли коллизии между центром и провинцией.

Расстановка политических сил в России, сложившаяся в результате июльского 1917 года кризиса Временного правительства, привела к обострению борьбы за власть. Это не способствовало решению насущных экономических проблем общества, а политическую ситуацию делало крайне нестабильной. В стране активизировались правые и левые оппозиционные правительству силы. Массы испытывали все более острое чувство разочарования. Надежды получить от Временного правительства мир, землю и свободу обнаружили свою несостоятельность. В связи с этим увеличились проявления анархизма и стихийные экстремистские действия отчаявшихся людей: «голодные бунты» рабочих, неорганизованные солдатские выступления, крестьянские погромы имений и хуторов. Правительство пыталось одновременно сделать невозможное: навести порядок в стране и соблюсти демократические принципы управления.

Местные органы власти осенью 1917 года переживали кризис, обусловленный не только отсутствием широкой социальной поддержки, но и организационной неопределенностью. Всероссийский съезд губернских комиссаров, обсуждавший 4-9 августа 1917 г.

вопрос об организации власти на местах, не принял согласованного решения о принципах государственного строительства. При обсуждении проекта «Положения о губернском и уездном управлении» выявились следующие точки зрения: 1) считать должность комиссара временной и излишней после избрания демократическим путем земств, городских и районных дум; 2) признать необходимым сохранение должности комиссара и после создания новых органов самоуправления. Обнаружились разногласия и по вопросу о конституировании должности комиссара: одни считали, что он должен избираться на местах, другие полагали возможным назначение его правительством. На съезде были оглашены также тезисы группы комиссаров-государственников. «Начало единой и сильной власти должно быть положено сверху. Необходимо, чтобы государственная власть в лице Временного правительства была бы национальна, едина и независима от каких-либо партий и классовых организаций»¹¹⁵, — требовали они. Проект положения о комиссарах 18 августа 1917 г. был представлен на обсуждение общего заседания Совещания по реформе местного самоуправления¹¹⁶, а 19 сентября утвержден как закон. Он предусматривал возможность назначения губернских и уездных комиссаров по соглашению с «соответствующими комитетами общественных организаций» и предлагал им «действовать в единстве при разрешении общих вопросов местного управления»¹¹⁷. Это постановление никак не могло стабилизировать обстановку на местах, поскольку влияние не только комиссаров, но и общественных исполнительных комитетов осенью 1917 года резко упало. Выработанная ими согласовательная система решения сложных вопросов местной жизни требовала длительного времени, а кредит доверия революционных сил был исчерпан.

Революция создала условия для развития государственного формотворчества. Лозунг большевиков «Вся власть Советам» получил реальный шанс для претворения в жизнь, так как все конструкции Временного правительства по организации управления переживали кризис. То обстоятельство, что советы, избиравшиеся отдельно от рабочих, солдат и крестьян, не являлись образцом демократии, не смущало борцов за государство-коммуну. В народном сознании советы в большей степени отвечали принципам традиционного демократизма, нежели формы западного парламентаризма.

Примечания

¹ Оренбургская газета. 1910. 20 октября.

² Самарские губернские ведомости. 1905. 8 января.

³ Самарские губернские ведомости. 1905. 29 января.

⁴ Голос Самары. 1906. 1 февраля.

⁵ Самарский курьер. 1906. 1 января.

⁶ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 1905 г. Д. 1877. Ч. 45. Л. 25.

⁷ Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 10. С.114-122.

⁸ Голос Самары. 1907, 12 января.

⁹ Соломонов В.А. Императорский Саратовский университет. История открытия и становления (1909–1917). Саратов, 1919. С. 38.

¹⁰ Воронежцев А.В., Пиреев А.И. Губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906). Саратов, 2007. С. 18–20; Очерки истории Саратовского Поволжья. 2. Ч. 2. (1894–1917). Саратов, 1999. С. 94–99.

¹¹ Воронежцев А.В., Пиреев А.И. П.А. Губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906). Саратов, 2007. С. 18–20.

¹² Пиреев А.И. П.А. Столыпин – саратовский губернатор: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000; Саратовский губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). Саратов, 2007; Поздалов Б.М. Саратовский губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.) // Отечественные архивы. 2008. № 6.

¹³ См. напр. Леонов М.И. Власть и общество Самары в начале XX в. // Известия академии управления: теория, стратегия, инновация. Самара, 2011. №6 (7); Его же. Власть и общество Самары накануне Первой мировой войны (губернский город в первые годы думской монархии) // Гражданское общество и публичная власть: проблемы взаимодействия и управления. Самара, 2012.

¹⁴ ЦГАСО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 28. Л. 11, 13.

¹⁵ Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2008. № 10. С. 63–64.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 12. 1903 г. Д. 1044. Л. 97; 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 542–543.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 г. I отд. Д. 3. Ч. 18.Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 18.

¹⁹ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д.598 Т. Л. 3, ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906 г. I отд. Д. 322. Л. 13.

²⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 г. I отд. Д. 725. Ч. 95. Л. 39; ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1631.

²¹ Кузнецов В.Н. Pro et contra. Жандармы и революционеры Поволжья в 1906–1917 гг. Ульяновск, 2007. С. 10–14.

²² Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 198–224.

²³ Гомонова С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг.: дис.... кан. ист. наук. Самара, 2012. С. 196–210.

²⁴ Известия Пензенского государственного педагогического университета. Пенза, 2007. № 7. С. 107–111.

²⁵ Адрес-календарь Самарской губернии на 1906 г. Самара, 1906. С. 54–56; Гомонова С.А. Указ. соч. Самара, 2012. С. 117–124.

²⁶ Исключительное четырехлетие. Краткий обзор деятельности самарского городского Общественного управления в 1905–1907 гг. Самара, 1909; ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 170–172; Самарская газета. 1905, 10 января.

²⁷ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 170. Л. 156–164.

²⁸ Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. Самара, 2007. С. 86–88.

²⁹ Протопопов Д. Из недавнего прошлого // Русская мысль. 1907. № 12. С. 7.

³⁰ Михайловский А.Г. Как лучше устроить городскую жизнь. М., 1906. С. 123.

³¹ ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 803. Л. 16, 24.

³² Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 1. С. 611.

³³ Самарская газета. 1905, 25 октября.

³⁴ Самарская газета. 1905, 23 января.

³⁵ Самарская городская дума. Журнал городской думы за 1905 год. Самара, 1905. С.819-833; ЦГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 171. Л. 172.

³⁶ Симбирянин. 1913, 2 января.

³⁷ ЦГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 175.

³⁸ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 172. Л. 119–123.

³⁹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 172. Л. 119.

⁴⁰ Там же. Л. 589–590.

⁴¹ Там же. Л. 315–318.

⁴² Там же. Л. 24–25, 32–33, 245–246, 338–339.

⁴³ Там же. Л. 807; Самарская газета. 1905, 28 октября.

⁴⁴ Самарская городская дума. Журналы городской думы за 1905 г. С. 811.

⁴⁵ Там же. С. 864–865.

⁴⁶ ЦГАСО. Ф. 170. Д. 175. Л. 71.

⁴⁷ Там же. 1907, 23, 25 июня.

⁴⁸ Там же. 1907, 21 июля, 24 августа, 5 сентября, 24 ноября.

⁴⁹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 175. Л. 260; Д. 178. Л. 246.

⁵⁰ Там же. Д. 172. Л. 277–278, 456–457.

⁵¹ Там же. Д. 175. Л. 260.

⁵² Там же. Д. 178. Л. 14–15.

⁵³ Там же. Д.175. Л. 73-74, 289.

⁵⁴ Там же. Д. 175. Л. 133, 172–173.

⁵⁵ Там же. Д. 175. Л. 310–314.

⁵⁶ Там же. Д. 172. Л. 7, 468; Исключительное четырехлетие. С. 8–10.

⁵⁷ Там же. Д. 175. Л. 26.

⁵⁸ Там же. Д. 178. Л. 86; там же. Д. 197. Л. 99, 761.

⁵⁹ Саратовский листок. 1913, 12 ноября, 5 декабря.

⁶⁰ Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов, 2005. С. 77–83.

⁶¹ Там же. С. 81–88.

⁶² ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 178. Л. 258–262.

⁶³ Исключительное четырехлетие. Краткий обзор деятельности Самарского городского общественного Управления в 1905–1909 гг. Самара, 1909. С. 7–14.

⁶⁴ ЦГАСО. Ф.170. Оп. 1. Д. 178. Л. 564–566.

⁶⁵ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 1907. С. 12–24.

⁶⁶ Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914. С. 98; Памятная книжка Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914; ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 197. Л. 573.

⁶⁷ Рейли Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 23; Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 17.

⁶⁸ Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. № 1. С. 67–68.

⁶⁹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 4. Л. 51, 58.

⁷⁰ Там же. Оп. 131. Д. 226. Л. 11; Оп. 63. Д. 4, Л. 239; Ф. 153. Оп. 36. Д. 1619. Л. 1; там же. Д. 1549. Л. 14.

⁷¹ Красный архив. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 163.

⁷² ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 198. Л. 8-9, 26.

⁷³ Там же. Д. 197. Л. 647, 710–711.

⁷⁴ Там же. Оп. 1. Д. 198. Л. 438, 600.

⁷⁵ Там же. 170. Оп. 1. Д. 197. 572–578.

⁷⁶ В обстоятельном исследовании Я.А. Голубинова делаются выводы о несостоятельности тезиса советской историографии о ключевой роли «продовольственного кризиса» в складывании накануне 1917 г. так называемой «революционной ситуации» в Среднем Поволжье (Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009). Попытка Е.Ю. Семеновой опровергнуть выводы Я.А.Голубинова свелась к подверстыванию считанного числа фактов (почти все – о недостатке сахара) к марксистско-советской погудке. См.: Семенова Е.Ю. Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны

(1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. С. 156, 157–171.

⁷⁷ Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1917. С. 131–133; На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. СПб. Кишинев, 2001. С. 451–453.

⁷⁸ Волобуев П.В. Хлебные ресурсы России в 1917 г. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 410.

⁷⁹ Семенова Е.Ю. Указ. соч. С. 245–246, 257, 259–260.

⁸⁰ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1627. Л. 7-9; Отечественная история. 1993. № 3. С. 38.

⁸¹ Там же. Л. 649–652, 747–748, 761–764, 797–798.

⁸² Памятная книжка Самарской губернии на 1915 г. Самара, 1915. С. 11.

⁸³ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1436. Л. 1–6, 14.

⁸⁴ Боханов А.Н. Святая царица. М., 2006. С. 84; Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. СПб., 2010. С. 15–20.

⁸⁵ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868-1917. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 40; Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 226.

⁸⁶ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1448. Л. 14.

⁸⁷ Там же. Л. 1, 4; Ф. 170. Оп. 1. Д. 197. Л. 267, 788, 802, 842.

⁸⁸ Старцев В.И. 27 февраля 1917 г. М., 1984; Его же. Крах керенщины. М., 1982.

⁸⁹ Кабытова Н.Н. Компетенция Министерства внутренних дел Временного правительства в местном управлении (1917) // Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы России. СПб., 2004. Ч. 1. С. 178-180.

⁹⁰ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 194–195.

⁹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 10. Д. 9. Л. 62.

⁹² Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1924. С. 42.

⁹³ Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 38.

⁹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 3.

⁹⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА-СО). Ф. 813. Оп.1 Д.4.Л.2; Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1246. Оп. 1. Д.34; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 677. Оп. 1. Д. 6; Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 2; Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870.

⁹⁶ Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 645.

⁹⁷ ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 21.Л. 4.

⁹⁸ Климушкин П.Д. История Комитета Народной власти второго периода // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. С. 49.

⁹⁹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

¹⁰⁰ Васькин В.В., Герасименко Г.А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976. С. 90.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 676. Л. 3 об, 11.

¹⁰² ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 23. Л. 30.

¹⁰³ Точеный Д.С. Симбирск. Октябрь 1917. Саратов, 1987. С. 7–8.

¹⁰⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 4–7.

¹⁰⁵ Там же. Л. 10.

¹⁰⁶ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–8.

¹⁰⁷ Там же. Л. 28.

¹⁰⁸ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пг., 1917.

¹⁰⁹ ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

¹¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 9–10 об.

¹¹¹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 95–95 об.

¹¹² ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 676. Л. 11 об.

¹¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 11.

¹¹⁴ Герасименко Г.А. Состояние власти в России после свержения самодержавия// Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 117.

¹¹⁵ ЦГАСО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5.Л. 3–8.

¹¹⁶ Вестник Временного правительства. 1917, 8 сентября.

¹¹⁷ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пг., 1917. № 264. Ст. 1749.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании предпринят опыт изучения сложного и неоднозначного процесса «обретения Родины»: характера и особенностей развития средневолжского региона в составе Российского государства. Для изучения были выбраны два взаимосвязанных параметра исторического развития региона как «общей родины» его населения. С одной стороны, в центре внимания авторского коллектива находилась государственная политика по включению территории Средней Волги и Заволжья в политическую, экономическую и социокультурную систему отношений Российского государства на протяжении длительного исторического периода – со второй половины XVI до начала XX в. С другой стороны, исследовательский коллектив поставил своей целью проследить формирование в течение того же периода системы местного управления регионом и его административно-территориального деления с учетом их исторической эволюции и меняющегося геополитического контекста.

Исследуемый регион в течение многих веков выступал в качестве специфического пограничья и Европы, и Азии, что позволило ему начиная с XVI в. стать важнейшим плацдармом для продвижения России в Сибирь, Казахстан и Центральную Азию. Разнообразие природно-климатических и почвенных зон предопределило особенности хозяйственной деятельности населения региона: в течение долгого исторического периода Заволжье и Южное Приуралье служило районом кочевого и полукочевого скотоводства, тогда как расположенные севернее лесные и лесостепные, богатые черноземными почвами места привлекали сюда переселенцев-земледельцев, принадлежавших к разным народам. В качестве своеобразного станового хребта, интегратора этого громадного и многоликого региона, выступала река Волга и ее притоки, которые на протяжении столетий служили естественными коммуникациями, путями миграции и маршрутами военных походов для различных этносов, протогосударственных и государственных образований.

Государственная политика в регионе в течение второй половины XVI – XVII вв. определялась его пограничным геополитическим статусом: Среднее Поволжье было фронтиром Российского государства, обращенным на восток, к кочевому степному миру. Соответственно этот период можно считать временем начального становления системы местного управления в Среднем Поволжье и Заволжье. Беспокойный характер региона, частые пограничные кон-

фликты с кочевниками диктовали выбор способов управления, которые неизбежно приобретали военно-административный характер. Именно в этом регионе впервые в России было введено воеводское управление, а затем создана система военно-административного управления и административно-территориального деления, опирающаяся на сеть укрепленных опорных пунктов, новых городов-крепостей, находившихся в ведении приказа Казанского Дворца – центрального административно-территориального органа управления, наделенного обширными полномочиями. Система управления, построенная на военно-административных принципах, неизбежно приобретала более жесткий централизованный характер, чем в центральных районах страны. Строительство засечных черт и «испомещение» под их защитой различных категорий служилого населения положило начало интенсивному заселению края, его хозяйственной колонизации и позволило резко расширить к концу XVII – началу XVIII в. ареал оседлого расселения в Поволжье.

Способы и методы управления регионом существенно изменились в результате осуществления Петровских реформ. На территории Поволжья была введена губернская система управления (Казанская, Астраханская губернии); со второй трети XVIII в. началось интенсивное военное, государственно-административное и экономическое освоение левобережного Заволжья. Тем не менее говорить об унификации управления краем по единому имперскому образцу было еще рано. С начала 1730-х гг. на территории Заволжского региона функции местного управления фактически выполняли временные комиссии (комиссия Наумова, Оренбургская экспедиция, а затем – Оренбургская комиссия), осуществлявшие прежде всего военные и фортификационные задачи.

Интенсивное заселение Заволжья, происходившее совместными усилиями властей и народных масс, привело к тому, что на территории региона стремительно возросло число оседлых жителей, получило преимущественное развитие земледелие. Создание крупного вотчинного землевладения в лесостепной полосе Поволжья при Екатерине II имело своим следствием трансляцию на имперскую окраину социальных отношений, типичных для центра страны. За вторую половину XVIII – начало XIX в. в регионе был сформирован аппарат местного гражданского управления, аналогичный существовавшему в большинстве регионов Европейской России. Губернская реформа 1775 г. сформировала типичный набор органов губернского управления, заложила новые принципы формирования административных границ внутри Российской империи. В се-

редине и второй половине XVIII в. в регионе появляются новые административно-территориальные образования: Оренбургская, Симбирская, Саратовская губернии.

Если в XVIII в. одним из важнейших центров приложения сил империи в деле освоения новых земель являлось Заволжье, то к середине XIX в. имперская политика на левобережье Волги утрачивает военные и внешнеполитические функции. Средневожжский регион из фронта вдоль юго-восточной границы превращался в своеобразную «внутреннюю окраину» России. Изменению статуса региона способствовало переселенческое движение, результатами которого стали развитие земледелия, укоренение на основной территории региона русского крестьянского хозяйства и помещичьего землевладения, сокращение землевладения и кочевого хозяйства коренных народов.

Изменения социально-экономического облика региона Средней Волги и Заволжья подготовили основу для его административного переустройства. Активное реформирование и совершенствование административного аппарата во второй половине XIX в. было направлено на окончательное включение этих земель в политическую и экономическую систему Российской империи (так, в середине XIX в. в регионе были образованы новые губернии – Самарская, а затем Уфимская). Уходили в прошлое военные методы управления краем: ликвидация в 1881 г. Оренбургского генерал-губернаторства показала, что зона имперского фронта переместилась гораздо южнее.

Проведение в регионе реформ Александра II по общероссийскому сценарию явно показывает, что правительственные структуры к тому времени рассматривали Среднее Поволжье и Заволжье как внутренние территории империи, где власть могла рассчитывать найти надежную социальную опору.

В результате реализации земской и городской реформ в регионе сложилась выборная система местного самоуправления, способная эффективно решать вопросы народного образования, здравоохранения, агрономической и ветеринарной помощи сельскому населению, развитию городского пространства. Деятельность органов самоуправления по созданию развитой городской инфраструктуры была особенно важна в период стремительных социально-экономических преобразований: города региона во второй половине XIX века превращались в новые динамично развивающиеся торгово-промышленные центры Юго-Востока Российской империи, важные транзитные пункты российской торговли. Как правило, органы земского и городского самоуправления рассмотренных губерний (за исключением Симбирской) до начала XX века были по-

литически индифферентны, воздерживались от политических манифестаций и сосредотачивались на хозяйственных проблемах. Лишь во время революционных событий 1905–1907 гг. произошла заметная радикализация позиции земцев и членов городского самоуправления, но в целом органы местного самоуправления региона продолжали заниматься решением насущных хозяйственных проблем.

Наличие нерешенных социальных проблем, несоответствие устаревших методов и способов управления бурному социально-экономическому развитию региона явились одной из причин кризиса взаимоотношений власти и общества в начале XX в. Серьезным испытанием для региона, как и для всей страны, стали события Первой мировой войны, когда власти пришлось в экстренном порядке выработать стратегию «антикризисного» управления. Первоочередной заботой губернской администрации и органов местного самоуправления становится перевод экономики на военный лад, обеспечение населения продовольствием. Лишь осенью 1916 г., под влиянием обострения общей политической ситуации в стране, городские думы открыто встали в оппозицию к центральным властям.

После февральских событий 1917 г. политическая ситуация в регионе характеризовалась, с одной стороны, «двоевластием» Временного правительства и советов, с другой – противостоянием новых структур местной администрации, созданных Временным правительством (губернских и уездных комиссаров), и общественных комитетов, возникших в ходе революции как результат «революционной инициативы», а также продолжавших свою работу органов земского и городского самоуправления. Это дестабилизировало обстановку и приближало следующую волну политического кризиса – события октября 1917 г., которые коренным образом изменили расстановку политических и социальных сил в стране. Российское общество и государственность вплотную подошли к важнейшему переломному этапу своей истории.

Таким образом, настоящее исследование позволило проследить основные тенденции государственной политики, административно-территориального строительства и становления системы местного управления и самоуправления в регионе. Очевидно, что освоение и обустройство огромных территорий Юго-Востока Европейской России, его превращение в «общую родину» для различных категорий населения было сложным многофакторным процессом, включавшим в себя демографические, социальные, экономические, этнокультурные, конфессиональные и ментальные составляющие. К изучению других сторон этого комплексного процесса авторы предполагают обратиться в следующей книге.

Научное издание

Кабытов Петр Серафимович,
Дубман Эдуард Лейбович,
Леонтьева Ольга Борисовна,
Артамонова Людмила Михайловна,
Кабытова Надежда Николаевна,
Кобозева Зоя Михайловна,
Леонов Михаил Иванович,
Смирнов Юрий Николаевич,
Тагирова Наиля Фаридовна,
Тюрин Вадим Александрович

**«ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ»:
общество и власть в Среднем Поволжье
(вторая половина XVI – начало XX в.)**

Часть 1

Очерки истории

Монография

Публикуется в авторской редакции
Корректоры Т. И. Кузнецова, Л. А. Кузнецова
Художественный редактор Л. В. Крылова
Компьютерная верстка, макет Л. Н. Замамыкиной

Подписано в печать 25.07.2013.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 22,5. Гарнитура «Newton».

Тираж 300 экз. Заказ №

Управление по информационно-издательской деятельности
Самарского государственного университета www.infopress.samsu.ru
Издательство «Самарский университет»
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru

Отпечатано с готового оригинала-макета в типографии ООО «Книга»
г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

